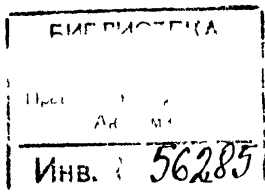

Б-3
Гл. 83
г. III.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1862.

ТОЧНОЕ ИЗЪЯСНЕНИЕ

ПѢСНИ ПѢСНЕЙ СОЛОМОНА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

КЪ ОЛИМПІАДѢ.

И честной твоей жизни, и чистой твоей душѣ призналъ я приличнымъ тщательное изученіе Пѣсни пѣсней. съ намѣреніемъ, какъ и лично и письменно изъясняла ты намъ, при надлежащемъ обзорѣниі книги содѣлать явнымъ сокровенное въ реченіяхъ. любомудріе, здравыми понятіями очищенное отъ буквальнаго, съ перваго взгляда усматриваемаго, словозначенія. Почему охотно соглашаюсь, что заботливость твоя объ этомъ не только полезна тебѣ для твоей нравственности (ибо увѣренъ, что око души твоей чисто отъ всякой страстной и нечистой мысли, и въ сихъ божественныхъ реченіяхъ безпрепятственно усматриваетъ непримѣсную лѣпоту). но послу-

Гр. Нисск. ч. III.

жить даже нѣкимъ руководствомъ для людей болѣе плотскихъ, чтобы и имъ придти въ духовное и невещественное состояніе души, къ какому ведетъ книга сія сокровенною въ ней премудростію.

Но поелику нѣкоторымъ изъ принадлежащихъ къ Церкви кажется общимъ правиломъ держаться буквы святаго Писанія, и они не соглашаются, чтобы въ немъ на пользу нашу говорилось что либо загадочно и намеками: то необходимымъ почитаю прежде всего предъ обвиняющими насъ оправдаться въ этомъ, и именно, что не дѣлаемъ ничего несообразнаго, стараясь въ божественномъ и богодухновенномъ Писаніи всячески уловлять полезное для насъ; такъ что, если полезно сколько нибудь буквальное чтеніе, понимаемое въ томъ смыслѣ, въ какомъ сказано, то имѣемъ уже въ готовности требуемое; если же что сказанное съ скрытностію, загадочно и предположительно не служить къ пользѣ по ближайшему сего разумѣнію, то таковыя изреченія, какъ предписываетъ слово, обучающее насъ притчами, будемъ брать въ иномъ значеніи, разумѣя сказанное, или какъ притчу, или какъ темное слово, или какъ изреченіе мудрыхъ, или какъ одну изъ загадокъ (Притч. 1, 6.). И по наукѣ истолкованія, пожелаетъ ли кто назвать это примѣненіемъ рѣчи, или иносказаніемъ, или чѣмъ другимъ, не будемъ спо-

рить объ имени, только бы держаться полезныхъ разумѣній.

Ибо и великій Апостолъ, говоря, что *законъ духовенъ есть* (Рим. 7, 14.), подъ именемъ закона заключаетъ и историческія повѣствованія, такъ что все богодухновенное Писаніе для читающихъ есть законъ не только явственными заповѣдями, но и историческими повѣствованіями, разумѣющихъ глубоко обучающій вѣдѣнію таинъ и чистому образу житія. Способомъ же толкованія пользуется Апостолъ, какимъ ему угодно, имѣя въ виду полезное; а не заботится объ имени, какое надлежитъ дать способу толкованія. Напротивъ того, намѣреваясь обратить исторію въ доказательство домостроительства о завѣтахъ, въ одномъ мѣстѣ говорить, что *испѣняетъ мѣсѣ* (Гал. 4, 20.); а потомъ, упомянувъ о другихъ чадахъ у Авраама, рожденныхъ ему отъ рабы и отъ свободной, воззрѣніе на нихъ называетъ иносказаніемъ (Гал. 4, 24.); также, изложивъ нѣкоторые историческія событія, говоритъ: *образы прилучахуся онымъ: писана же быша въ наученіе наше* (1 Кор. 10, 11.); и еще сказавъ, что не должно *заграждать устенъ вола пологяща*, присовокупилъ, что не о *волахъ радитъ Богъ*, но *насъ ради всяко написася* (9, 9. 10.); а въ другомъ мѣстѣ менѣе ясное разумѣніе и вѣдѣніе отъ части называетъ *зерцаломъ* и *иданіемъ* (13, 12.); и также переходъ отъ тѣлеснаго къ ум-

ственному именуется обращеніемъ ко Господу и снятіемъ покрывала (2 Кор. 3, 16.). Во всѣхъ же силъ различныхъ способахъ и наименованіяхъ разумнаго воззрѣнія Павелъ преподаетъ намъ одинъ видъ ученія, что должно не на буквѣ (а) непременно останавливаться, такъ чтобы съ перваго взгляда представляющееся значеніе сказаннаго о добродѣтельной жизни во многомъ могло вредить намъ, а напротивъ того переходить къ невещественному и умственному взгляду, такъ чтобы понятія плотскія измѣнялись по смыслу и разумѣнію послѣ того, какъ плотское значеніе сказаннаго потрясено будетъ, подобно праху. И посему-то говоритъ Апостолъ, что *писма убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6.): такъ какъ исторія (то есть въ Писаніи), если будемъ останавливаться на голыхъ событіяхъ, во многихъ мѣстахъ представляетъ намъ примѣры не доброй жизни. Ибо, какую пользу относительно къ добродѣтели доставить слушателю Пророкъ Осія, раждающій чада блужденія (Осія 1, 2.), и Исаія, входящій ко пророчищу (Иса. 8, 3.), если остановится кто на буквѣ сказаннаго?

(*) По рукописи, принадлежащей М. Синод. библиотекѣ подлѣ X 288, съ которою печатный текстъ статьи сей сличаемъ, здесь съ начала до конца, здѣсь вмѣсто *τὸ πρᾶγμα*, читается *τὸ ἡρμηνεῖν*.

Или сколько содѣйствовать будутъ къ доблестной жизни повѣствованія о Давидѣ, какъ прелюбодѣянiе и убійство вмѣстѣ сходятся въ одно преступленіе? Но если найдется какое либо основаніе, показывающее неукоризненность того, чтó устроялось этимъ; то истиннымъ окажется тогда слово Апостола, что *ни-мѣя убиваетъ*; такъ какъ содержитъ въ себѣ примѣры дурныхъ дѣлъ, а *духъ животворитъ*, потому что первоначально представляющееся и достойное оужденія понятіе прелагаетъ въ значенія божественныя.

Знаемъ же, что и Само всею тварію покланяемое Слово, когда въ человѣческомъ подобіи и видѣ, при посредствѣ плоти, сообщало божественныя тайны, такъ открывало намъ смыслъ закона, что два человѣка, которыхъ свидѣтельство истинно, по слову Его, суть Онъ Самъ и Отецъ (Іоан. 8. 17. 18.); и поставленный на высотѣ мѣдный змій, который для народа служилъ врачевствомъ отъ смертоносныхъ угрызений, по Его объясненію есть совершенное на крестѣ о насъ домостроительство. Да и самихъ святыхъ (б) учениковъ Своихъ обучаетъ тонкости разумѣнія прикровенными и тайными словами, въ притчахъ, въ подобіяхъ, въ темныхъ реченіяхъ, въ сказа-

(б) По рукописи вмѣсто: *ἀλλῶς* читается: *ἀγινωτ.*

ніяхъ, предлагаемыхъ загадочно, хотя дѣлалъ имъ истолкованіе сего наединѣ, объясняя сказанное неясно; а иногда, если не былъ понятъ ими смыслъ сказаннаго, порицалъ ихъ медлительность и неспособность (в) къ уразумѣнію. Ибо, когда повелѣвалъ имъ Господь воздерживаться отъ фарисейской закваски, а они по недогадливости смотрѣли на свои сумы, въ которыхъ не принесли хлѣбнаго запаса, тогда укоряетъ, какъ не уразумѣвшихъ, что закваскою означалось ученіе. И еще, когда ученики предлагали Ему трапезу, а Господь отвѣчалъ: *Азъ брашно имамъ ясти, еже вы не вѣсте* (Іоан. 4, 32.), и они предположили, что говорить о тѣлесной пищѣ, принесенной Ему изъ другаго мѣста; тогда толкуетъ слово Свое, что приличнымъ для Него и соотвѣтственнымъ брашномъ служить исполненіе спасительной воли.

И въ евангельскихъ изреченіяхъ можно набрать тысячи таковыхъ мѣстъ, что въ нихъ иное представляется съ перваго взгляда, а къ иному относится смыслъ сказаннаго: такъ на примѣръ разумѣть должно воду, о которой обѣтовалъ жаждущимъ, что вѣрующіе содѣлаются отъ нея источниками рѣкъ (Іоан. 7, 38.); а также *хлѣбъ, сходяй съ небесе* (6, 33.),

(в) По рукописи вмѣсто: *ατοπου* читается *ατοου*

храмъ разоряемый, и *треми* *денни* *воздвиглемый* (2, 19.), *путь* (14, 6.), *дверь* (10, 7.), камень, ни во что вмѣняемый зиждущими и полагаемый во главу угла (Матѳ. 21, 42.), *двоихъ на одръ единомѣ* (Лук. 17, 34.), жерновъ, мѣлющихъ : одну посмѣемую , другую оставляемую (Матѳ. 24, 41.), *трупъ*, *орловъ* (28), смоковницу, дѣлающуюся сочною и прозябающую вѣтви (32). Все сіе и подобное сему да будетъ для насъ побужденіемъ пользоваться божественными изреченіями и испытывать ихъ, быть внимательными при чтеніи, и всѣми способами изслѣдовать, не найдется ли гдѣ слово, которое выше разумѣнія, представляющагося по первому взгляду, руководящее мысль къ божественному и безплотному. Посему-то мы увѣрены , что запрещенное для вкушенія древо—не смоковница, какъ утверждали нѣкоторые, и не другое какое изъ плодовыхъ деревьевъ. Ибо, если тогда смертоносна была смоковница, то, конечно, и теперь не служила бы въ пищу. Притомъ же дознали мы изъ Владычняго изреченія, рѣшительно тому научающаго, что ничто *входящее во уста* не можетъ сквернить *человѣка* (Матѳ. 15, 11.). Напротивъ того въ законѣ ищемъ другаго какого либо смысла, который былъ бы достоинъ величія Законодателя. И, если слышимъ, что рай есть дѣло Божія насажденія, и что среди рая насаждено древо жизни; то у Открывающаго

сокровенныя тайны пытаемся дознать, какихъ растений дѣлательъ и насадителемъ бываетъ Отецъ, и какъ возможно въ самой срединѣ рая быть двумъ древамъ, древу спасенія и древу погибели? Ибо точная середина, какъ въ окружности круга, должна, конечно, находиться въ одномъ средоточіи. Если же по которую либо сторону средоточія поставить другое средоточіе, то, по всей необходимости, вмѣстѣ съ средоточіемъ перемѣстится и весь кругъ, такъ что прежнее средоточіе уже не будетъ серединою. Итакъ, если рай былъ тамъ одинъ; то почему говорить Писаніе, что, хотя каждое изъ деревъ представлялось особо, однакоже по срединѣ было и то и другое, между тѣмъ какъ смертоносному изъ нихъ странно быть Божиимъ насажденіемъ, чему учить тоже Писаніе, утверждающее, что всѣ дѣла Божіи добра злы (Быт. 1, 31.)? Если кто не усмотритъ въ этомъ истины при помощи любомудрія, то для не способныхъ разсуждать покажется, что сказанное не состоятельно и баснословно. И долго было бы собирать, что найдется у каждаго изъ Пророковъ, какъ на примѣръ Михей говоритъ, что *будетъ въ послѣднія дни явлена гора надъ верхи горъ* (Мих. 4, 1.), именуеть же горою тайну благочестія, являемую на погибель сопротивныхъ силъ (г)?

(г) По рукописи слово: *γίνονται* не читается.

Почему возвышенный Исаія говорить, что восходитъ жезлъ и цвѣтъ изъ корня (Ис. 11, 1.). указывая симъ на явленіе Господа во плоти? Или какой имѣютъ смыслъ, по буквальному значенію, у великаго Давида, *гора усыренная* (Пс. 67, 16.), или *колесница тчати телъ* (18). или *сонъ юнецъ*, оставляемый *въ юницахъ людскихъ* (31.), или нога, омоченная *въ крови*, или *языки псовъ* (24), или Ливанъ, на подобіе тельца, истниваемый съ кедрами (д) (Пса. 28, 6.)? И бромъ сего можно, изъ остальнаго пророчества собравъ тысячи мѣстъ, научить необходимости такого взгляда на реченія относительно къ ихъ смыслу, отвергнувъ который, какъ это нѣкоторымъ угодно, по моему мнѣнію, поступить всякій подобно тому, кто въ снѣдь челоуѣку на трапезѣ предложить хлѣбное произрастеніе, не обдѣлавъ его, не обмоливъ колоса, не отдѣливъ на вѣялкѣ зеренъ отъ мякины, не измолотъ жита въ муку, и не приготовивъ хлѣба по надлежащему способу печь хлѣбы. Посему какъ необдѣланное произрастеніе составляетъ пищу скотовъ, а не людей; такъ иныи можетъ сказать, что составляютъ пищу скорѣе неразумныхъ, нежели разумныхъ людей и богодухновенныя реченія, не приуготовленныя болѣе тонкимъ обзорѣніемъ,

(д) По рукописи: *метъ тѣмъ кѣдровъ*.

и не только реченія ветхаго завѣта, но даже многія и въ евангельскомъ ученіи, какъ на примѣръ: *лопата, отребляющая гумно* (Матѳ. 3, 12.), *плеввы, отвѣваемые вѣтромъ, пшеница, остающаяся при ногахъ вѣющаго, огонь негасящій*, добрая житница, дерево, приносящее худые плоды, угроза съкирою, грозно указующая на посѣченіе деревъ (10), камни, претворяемые въ естество человѣческое (9).

Сіе пусть будетъ у меня написано къ твоему благоразумію какъ нѣкое письменное оправданіе передъ тѣми, которые поставляютъ въ законъ въ божественныхъ реченіяхъ не искать ничего больше, кромѣ ближайшаго буквальнаго ихъ значенія. Если же и свой трудъ предать письмени пожелали мы послѣ Оригена, усердно потрудившагося надъ этою книгою; то никто да не обвиняетъ насъ въ этомъ, имѣя въ виду божественное изреченіе Апостола, который говоритъ: *каждо свою мзду приметъ по своему труду* (1 Кор. 3, 8.). Но сочинено это мною не на показъ; напротивъ того, поелику многое изъ сказаннаго въ церкви по любознательности замѣчено было нѣкоторыми изъ окружающихъ насъ, то, иное именно все, что было связано въ ихъ замѣчаніи. взявъ у нихъ, а иное, что необходимо требовало дополненія, присовокупивъ отъ себя, составилъ я сіе толкованіе, въ видѣ бесѣды; въ слѣдъ за прочитаннымъ мѣстомъ предлагая обзоръ сказан-

наго, столько употребилъ на сіе досуга, сколько въ эти дни поста дозволили время и дѣла; потому что въ продолженіи ихъ слово сіе приготовлено было нами для народнаго слышанія. Если же и продолженіе жизни и мирное состояніе даруетъ намъ Податель жизни—Богъ; то, можетъ быть, простремся и до остальнаго; потому что теперь наше слово и обозрѣніе дошли уже до половины. Благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми нами во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСѢДА 1.

(1.). Да лобжсетъ мя отъ лобзаній устъ Своихъ: яко блага сосца Твоя паче вина, (2) и воня мѣра паче всѣхъ ароматъ. Миръ изліяное имя Твое. Сего ради отроковицы возлюбиха Тя. (3) Привлекоша Тя: въ слѣдъ Тебе въ воню мѣра Твоего течемъ. Введе мя царь въ ложницу Свою: возрадуемся и возвеселимся о Тебѣ, возлюбимъ сосца Твоя паче вина: правость возлюби Тя.

Вы, которые, по совѣту Павла, какъ нечистаго какого одѣянія, совлеклись *ветхаго челоука съ дѣлями и похотями его* (Кол. 3, 9.), и чистотою жизни возложили на себя свѣтлыя одежды Господа, какія показалъ Онъ на горѣ преображенія, лучше же сказать, облечены въ Самаго Господа нашего Іисуса Христа, въ Его ризу—любовь, и сообразуетесь Ему въ без-

страсти и во всемъ божественномъ, выслушайте тайну Пѣсни пѣсней, войдите во внутренность чистаго брачнаго чертога. убіенные чистыми и нескверными мыслями, чтобы кому либо, привлекиши за собою страстный и плотскій помыслъ, и не имѣя на себѣ одѣянія совѣсти. приличнаго божественному браку, не быть связаннымъ собственными своими помыслами, и чистые гласы жениха и невѣсты низведя до скотскихъ и неразумныхъ страстей, а чрезъ нихъ, покрывъ себя срамными представленіями, не быть изверженнымъ изъ сонма веселящихся на бракѣ, радость брачнаго чертога обмѣнивъ на скрежетъ зубовъ и на плачь.

О семъ свидѣтельствую, намѣреваясь коснуться таинственнаго торжества, изображеннаго въ Пѣсни пѣсней. Ибо описанными здѣсь дѣйствіями душа нѣкоторымъ образомъ уготовляется въ невѣсты для безплотнаго, духовнаго и невещественнаго сочетанія съ Богомъ. *Иже всѣхъ хочетъ спасти и въ разумъ истины прийти* (1 Тим. 2. 4.), указываетъ здѣсь самый совершенный и блаженный способъ спасенія, именно посредствомъ любви. Ибо инымъ бываетъ спасеніе и посредствомъ страха, когда удаляемся отъ зла, взирая на угрозы наказаніемъ въ гееннѣ; а иные преслѣдуютъ въ добродѣтели по упованію награды, предоставленному жившимъ благочестиво, приобрѣтая доб-

рое, не по любви, но по ожиданію воздаянія. Но кто стремится душею къ совершенству. тотъ гонитъ отъ себя страхъ; потому что такое расположеніе, — не по любви оставаться при господинѣ, но не бѣжать отъ него по страху бичей, свойственно рабу; онъ же презираетъ и самыя награды, чтобы не показалось, будто бы наградѣ отдаетъ предпочтеніе предъ Самимъ Дарующимъ пользу; напротивъ того отъ всего сердца, отъ всей души и силы любить не другое что изъ подаваемого Имъ, а Его Самаго, то есть самый источникъ благъ.

Потому сіе-то расположеніе душамъ слушающихъ поставляетъ въ законъ Призывающій насъ къ общенію съ Собою, а утверждаетъ сіе узаконеніе Соломонъ, мудрость котораго, по божественному свидѣтельству, не имѣетъ мѣры, будучи равно несравнима и не примѣнима ко всѣмъ, и до него бывшимъ, и по немъ будущимъ, отъ котораго не сокрыто ничто сущее. Не думаешь ли ты, что симъ именемъ называю Соломона, рожденнаго Вирсавіею, принесшаго въ жертву на горѣ тысячу воловъ, воспользовавшагося на грѣхъ Сидонскою совѣтницею? Другой означаетъ имъ Соломонъ. Который и самъ отъ сѣмени Давида происходитъ по плоти, которому имя: миръ, истинный царь Израилевъ, создатель Божія храма, объявшій въ себѣ вѣдѣніе всего, премудрость Котораго безпредѣльна, лучше же

сказать, бытіе Котораго есть премудрость, и истина, и всякое боголѣпное и высокое именование, и понятіе. Онъ-то, сего Соломона употребивъ въ орудіе, чрезъ него бесѣдуетъ съ нами, сперва въ Притчахъ, потомъ въ Екклесіастѣ, а послѣ сего въ предлагаемомъ любомудріи Пѣсни пѣсней, постепенно и въ порядкѣ указуя словомъ восхожденіе къ совершенству.

Какъ въ жизни по плоти не всякій возрастъ вмѣщаетъ всѣ естественныя дѣятельности, и при самыхъ разностяхъ возрастовъ не одинаково проходитъ у насъ жизнь; потому что младенецъ не занимается дѣлами совершенныхъ, и совершеннаго не беретъ къ себѣ на руки кормилица, но всякому времени возраста полезно и сообразно что либо свое: такъ и въ душѣ можно видѣть нѣкоторое сходство съ тѣлесными возрастами, по которымъ сыскиваются нѣкоторый порядокъ и послѣдовательность, руководящія чловѣка къ жизни добродѣтельной. Посему то иначе обучаетъ Притча, и иначе бесѣдуетъ Екклесіастъ, любомудріе же Пѣсни пѣсней высокими ученіями превосходитъ и Притчи и Екклесіаста. Ибо ученіе, преподаваемое въ Притчахъ, обращаетъ рѣчь еще къ младенчеству, соразмѣрно съ возрастомъ соображая слова. *Слыши сыне, говоритъ оно, законы отца твоего, и не отрини заветовъ матере твоея* (Прит. 1, 8.). Усматри-

ваешь ли въ сказанномъ еще нѣжность и необразованность (е) душевнаго возраста, почему отецъ видитъ, что сынъ имѣетъ еще нужду въ материнскихъ завѣтахъ и въ отеческомъ вразумленіи? И чтобы ребенокъ охотнѣе слушалъ родителей, отецъ общается ему дѣтскія украшенія за прилежаніе къ ученію; ибо дѣтямъ приличное украшеніе — золотая цѣпь, блестящая на шеѣ, и вѣнокъ, сплетенный изъ какихъ либо красивыхъ цвѣтовъ. Но, конечно, надлежитъ разумѣть сіе, чтобы смыслъ загадки могъ путеводить къ лучшему. Такъ Соломонъ начинаетъ описывать сыну премудрость. въ разныхъ чертахъ и видахъ объясняя благообразіе несказанной красоты, чтобы къ причастію благъ возбудить, не страхомъ какимъ и необходимостью, но вожделѣніемъ и любовью; потому что описаніе красоты привлекаетъ какъ-то пожеланіе юныхъ къ указуемому, возбуждая стремленіе къ общенію съ благообразнымъ.

Посему, чтобы паче и паче возрастало въ немъ вожделѣніе, изъ вещественнаго пристрастія превратившись въ невещественный союзъ, красоту премудрости украшаетъ похвалами. И не красоту только ея благообразія представляетъ въ словахъ, но перечисляетъ и богат-

(е) По рукописи вмѣсто *ἀπλαστον* читается *ἀδύπλαστον*.

ство, господиномъ котораго содѣляется, конечно, сожительствующій съ нею. Богатство же сіе разсматривается пока въ убранствахъ премудрости; потому что украшеніе правой ея руки — цѣлые вѣки: такъ говоритъ Писаніе: *домота житія и лѣта жизни въ десницѣ ея*; а въ лѣвой рукѣ положено многоцѣнное богатство добродѣтелей, блистающее сіяніемъ славы; ибо говоритъ: *въ шуйцѣ ея богатство и слава*. Потомъ описываетъ дыханіе устъ ея, благоухающее прекраснымъ ароматомъ правды, говоря: *отъ устъ ея исходитъ правда*. А на губахъ ея, по слову его, вмѣсто естественнаго алаго цвѣта цвѣтутъ законъ и милость (Прит. 3, 16.). И чтобы красота у таковой невѣсты оказалась ни въ чемъ не имѣющею недостатка, восхваляется и ея хожденіе; ибо сказалъ: *въ путехъ правды ходитъ* (Прит. 8, 20.). Безъ похвалъ красотѣ не остается и величина; потому что ростъ ея увеличивается подобно какому-то величавому растенію. Растеніе же то, которому уподобляется ея высота, какъ сказано, *есть самое древо живота*, которое служить пищею *всѣмъ держащимся*, а *воскляющимся твердымъ* и *незыблемымъ столпомъ*, подъ тѣмъ же и другимъ разумѣю Господа: потому что Онъ есть жизнь и опора, и буквально читается такъ: *древо живота есть всѣмъ держащимся ея, и воскляющимся на ню, яко на Господа, тверда* (Прит. 3, 18.). Но

съ прочими похвалами берется вмѣстѣ и ея могущество, чтобы похвала красотѣ премудрости исполнена была всѣхъ добрыхъ качествъ; ибо сказано: *Богъ премудростію основа землю, утѣова же небеса разумомъ* (19), и каждое изъ видимыхъ въ твореніи явленій приписываетъ слово силѣ премудрости, украшая ее различными именами. Ибо называетъ ее и премудростію, и разумомъ, и чувствомъ, и вѣдѣніемъ, и разумѣніемъ, и тому подобнымъ.

Послѣ сего начинаетъ Соломонъ приуготовлять юношу къ таковому сожителству, повелѣвая ему имѣть уже въ виду Божественное брачное ложе. Ибо говорить: *не остави ю, и ищетъ тебе: возжелый ея, и соблюдетъ тя. Огради ю, и вознесетъ тя: почти ю, да ты обзимеръ: да дастъ главъ твоей вѣнецъ благодатей, вѣнецъ же сладости защититъ тя* (Прит. 4, 6. 8. 9.). Сими брачными уже вѣнцами украсивъ невѣсту, повелѣваетъ быть неразлучнымъ съ нею, говоря: *егда ходиши, води ю, и съ тобою да будетъ: егда же спиши, да хранитъ тя, да востающу ти, вразумлетъ съ тобою* (Прит. 6, 22.). Симъ и подобнымъ сему воспламенивъ вождельніе въ юномъ еще по внутреннему чловѣку, и представивъ въ словѣ самую премудрость повѣствующую о себѣ, чѣмъ наиболѣе привлекаетъ она любовь слушателей, говоря (притомъ между прочимъ и сіе: *азъ любящій мя люблю* (Прит. 8, 17.), по-

тому что надежда быть взаимно любимымъ сильнѣе располагаетъ любителя къ вождельнію, а вмѣстѣ съ симъ предлагая ему и прочіе совѣты въ какихъ-то рѣшительныхъ и вмѣстѣ неопредѣленно выраженныхъ изреченіяхъ, и приведя его въ совершенство, потомъ въ послѣднихъ притчахъ, въ которыхъ восписалъ похвалы оной доблей женѣ, ублаживъ сіе доброе сожительство, наконецъ уже присовокупляетъ въ Екклесіастѣ любомудріе, предлагаемое достаточно приведенному въ вождельніе добродѣтелей приточными наставленіями. И въ этомъ словѣ, похуливъ приверженность людей къ видимому, все непостоянное и преходящее назвавъ суетнымъ, когда говоритъ: *все ирядущее суета* (Еккл. 8. 11.), выше всего воспріемлемаго чувствомъ поставляетъ врожденное движеніе души нашей къ красотѣ невидимой, и такимъ образомъ очистивъ сердце отъ расположенія къ видимому, потомъ уже внутрь Божественнаго святилища тайноводствуетъ умъ Пѣснію пѣсней, въ которой написанное есть нѣкое брачное уготовленіе, а подразумѣваемое—единеніе души человѣческой съ Божественнымъ.

Посему кто въ притчахъ именуется сыномъ, тотъ здѣсь представляется невѣстою, премудрость же поставляется на мѣсто жениха, чтобы уневѣстился Богу человѣкъ, изъ жениха

ставъ непорочною дѣвою (ж), и прилѣпившись ко Господу содѣлаея единымъ съ Нимъ духомъ, чрезъ сраствореніе съ пречистымъ и безстрастнымъ, изъ тяжелой плоти премѣнившись въ чистый духъ. Итакъ, поелику глаголетъ премудрость: возлюби, сколько можешь, отъ всего сердца и отъ всей силы, и пожелай, сколько вмѣщаешь; то осмѣливаюсь присовокупить къ симъ словамъ и слѣдующее: возлюби пламенно (*ἐρᾶσθῃτι*); потому что у безплотныхъ неукоризненна и безстрастна эта страсть, какъ премудрость говоритъ въ притчахъ, предписывая пламенную любовь къ Божественной красотѣ (Притч. 4, 6.). Да и теперь предлагаемое слово повелѣваетъ подобное тому, не прямыми словами выражая совѣтъ свой объ этомъ, но премудрствуетъ въ выраженіяхъ таинственныхъ. для построения сихъ ученій составляя мысленный нѣкій образъ, заимствованный изъ улаждающаго въ жизни. Образъ же этотъ есть нѣкое брачное уготовление, въ которомъ посредствуетъ къ страсти вожделѣніе красоты, но не женихъ, какъ обычно у людей, начинается обнаруживать вожделѣніе. предваряетъ же же-

(ж) По рукописи мѣсто сіе читается такъ: διὰ τοῦτο ἡμεῖς ὅτε ὁ ἐν ταῖς παροῦσιν ἑὸς ἀπομάζεται, καὶ ἡ σοφία εἰς νυμφίον ταῖς ἀντιμεθίσταται, ἔνα μεροῦ τε τῷ Θεῷ ὁ ἀνθρώπος ἀγνὴ παρθένος ἐκ νυμφίου γερόμενος и т. д.

ниха дѣва, безъ стыда объявляя всѣмъ о страсти, и изъявляя желаніе насладиться нѣкогда лобзаніемъ жениха. Ибо, когда добрые невѣстоводители дѣвы — патріархи, пророки, законодатели, поднесли уневѣщенной Божественные дары, которые обычай называетъ брачными (*ἄδνα*), именуя такъ подарки, предшествующіе браку (дары же эти были: отпушеніе прегрѣшеній, забвеніе худыхъ дѣлъ, отъятіе грѣха, премѣненіе естества, претвореніе тлѣннаго въ нетлѣнное, райское наслажденіе, царское достоинство, не имѣющее конца веселіе); тогда, принявъ Божественные дары отъ прекрасныхъ дароносцевъ, предлагающихъ ей оныя въ пророческомъ ученіи, и вожделѣніи она исповѣдуетъ, и посиѣшаетъ воздать благодареніе, стараясь уже насладиться красотою вожделѣваемаго. Слышать сіе нѣкоторыя изъ подругъ и сверстницъ, возбуждающія невѣсту къ большому вожделѣнію. Приходитъ и женихъ, приводя съ собою ликъ друзей и любимцевъ своихъ; таковыми же могутъ быть служебные духи, при помощи которыхъ спасаются люди, или святые пророки, которые, услышавъ гласъ жениха, радуются и восторгаются совершеніемъ сего пречистаго супружества, въ которомъ душа, прилѣпляясь *Господеву*, дѣлается *единъ духъ съ Господемъ*, какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 6, 17.).

Посему снова обращаю рѣчь къ притчамъ,

чтобы какой страстный и плотскій умъ, издающій еще мертвенное зловоніе ветхаго чловѣка, значенія богодухновенныхъ мыслей и реченій не низвелъ до скотскаго неразумія, но чтобы каждый, въ изступленіи ума, ставъ внѣ вещественнаго міра, безстрастіемъ возвратившись нѣкоторымъ образомъ въ рай, и чистотою уподобившись Богу, въ такомъ уже состояніи вступилъ во святилище проявляемыхъ намъ въ сей книгѣ таинъ. Если же у кого душа не уготована къ таковому слышанію, то да внемлетъ онъ Моисею, который узаконяетъ намъ, не отваживаться восходить на духовную гору, не омывъ прежде одеждъ на сердцахъ нашихъ, и не очистивъ душъ plentifulными окропленіями помысловъ; почему теперь, въ то время, какъ занимаемся симъ обзорніемъ, должно, какъ думаю, предать забвенію помышленія о дѣлахъ супружескихъ, по заповѣди Моисея, узаконившаго тайноводствуемымъ пребывать чистыми отъ супружескихъ общеній, и во всемъ приложить къ себѣ предписанія законодателя, какъ скоро намѣрswаемся приступить къ духовной горѣ боговѣдѣнія, гдѣ женственный родъ помысловъ съ вещественнымъ ихъ заготовленіемъ оставляется дольней жизни; всякая же неразумная мысль, если появится близъ таковой горы, какъ бы камнями какими-то, побивается болѣе твердыми мыслями. Ибо и при этомъ едва ли стерпимъ гласъ

сей трубы, звучащей нѣчто великое, необычайное, превышающее силы внемлющихъ, — гласъ, усиливаемый самою непроницаемостію мрака, въ которомъ Богъ, огнемъ поналяющій на таковой горѣ все вещественное.

Итакъ вступимъ уже во святое святыхъ, то есть приступимъ къ Пѣсни пѣсней. Ибо какъ въ именованіи святое святыхъ изъ превосходной степени сего слова познаемъ нѣкіи избытокъ и особую силу святости, такъ и названіемъ: Пѣснь пѣсней высокое слово сіе обѣщается научить насъ тайнамъ тайнъ. Ибо много есть пѣсней въ богодухновенномъ ученіи, изъ которыхъ научаемся высокимъ понятіямъ о Богѣ, и которыя написаны великимъ Давидомъ, Исаіею, Моисеемъ, и многими другими; изъ сего же надписанія дознаемъ, что, сколько пѣсни святыхъ отстоятъ отъ пѣсней внѣшней мудрости, сколько же пѣсни святыхъ превышаютъ тайна, заключающая въ Пѣсни пѣсней, въ сравненіи съ которой чего либо большаго къ уразумѣнію не могутъ ни найдти, ни вмѣстить и слухъ, и естество человѣка. И посемуто, что всего сильнѣе производитъ въ насъ удовольствіе (разумѣю страсть любви), то Соломонъ загадочно предположилъ изложенію догматовъ, давая чрезъ сіе знать, что душѣ, возводящей взоръ къ недоступной красотѣ божественнаго естества, надлежитъ столько возлюбить оное, сколько тѣлю имѣетъ привя-

занности къ сродному и соплеменному, перемѣнивъ впрочемъ страсть въ безстрастіе, такъ чтобы, по угашеніи всякаго тѣлеснаго расположенія, отъ одного духа воскипало въ насъ любовію сердце, согрѣваемое тѣмъ огнемъ, который Господь пришелъ *воверещи на землю* (Лук. 12, 49).

Но полагаю, достаточно сказано о томъ, въ какомъ расположеніи надлежитъ быть душѣ слышащихъ таинственные глаголы, и время уже на обозрѣніе въ словѣ предложить самыя реченія божественной Пѣсни пѣсней: а прежде всего выразумѣмъ силу надписанія (з). Ибо не напрасно, кажется мнѣ, книга сія по надписанію присвоится Соломону, но чтобы въ читающихъ возбуждалась мысль, отъ сказаннаго въ ней ожидать чего-то великаго и божественнаго. Поелику удивленіе каждаго чловѣка къ мудрости Соломона, по свидѣтельству о немъ, было чрезвычайно; то посему въ самомъ началѣ немедленно дѣлается упоминаніе объ имени, чтобы читающіе надѣялись отъ книги сей чего-то великаго и достойнаго славы Соломоновой. Какъ въ живописномъ искусствѣ, конечно, какое нибудь вещество разными цвѣтами выполняетъ подобіе животнаго, но кто смотритъ на изображеніе, искусствен-

(з) Такъ читается въ рукописи.

но написанное красками, тотъ не останавливается на разсматриваніи цвѣтныхъ составовъ. наложенныхъ на картину, обращаетъ же вниманіе только на то, что художникъ представилъ красками: такъ въ настоящемъ Писаніи надлежитъ не на вещество красокъ въ реченіяхъ обращать вниманіе, но видѣть какъ бы образъ царя (и), впечатлѣваемый въ чистыхъ понятіяхъ. Слѣдующія, въ ближайшемъ значеніи взятая, реченія: уста, лобзаніе, муро, вино, названія членовъ, ложа, отроковицы и подобныя симъ суть краски бѣлаго, или желтаго, или чернаго, или алаго, или голубаго, или инаго какаго цвѣта. А слагаемый изъ нихъ образъ есть блаженство, безстрастіе, единеніе съ Божествомъ, отчужденіе отъ злыхъ дѣлъ, уподобленіе въ подлинномъ смыслѣ прекрасному и доброму. Вотъ понятія, свидѣтельствующія объ оной Соломоновой премудрости, превосходящей предѣлы мудрости человѣческой! Ибо что было бы необычайнѣе сего, какъ очищеніемъ отъ собственныхъ своихъ страстей содѣлать, чтобы въ реченіяхъ, повидимому, страстныхъ самое естество узаконяло и преподавало намъ безстрастіе? Ибо Соломонъ не говоритъ: должно стать внѣ страстныхъ движеній плоти, умертвивъ *уды, яже на земли*

(и) Такъ читается по рукописи.

(Кол. 3, 5), и имѣть уста, чистыя отъ страстныхъ реченій; но такъ настраиваетъ душу, что въ показывающемъ, по видимому, противное въ виду имѣетъ чистое, и страстными реченіями изъясняетъ самую чистую мысль.

Слово началомъ своимъ да научить насъ тому одному, что вводимые во святилище тайнъ книги сей уже не люди, но тѣмъ самымъ, что стали учениками Христовыми, превратились по естеству въ божественное, какъ свидѣтельствуемъ объ ученикахъ Своихъ Слово, что лучшими человека были тѣ, которыхъ сказанное имъ Господомъ отлеченіе отдѣлило отъ людей, когда говоритъ: *кого Мя слаголютъ человецы быти?.... Вы же кого Мя слаголете быти* (Мар. 8, 27. 29)? Ибо дѣйствительно, кто (i) и отъ такихъ реченій, которыхъ ближайшее значеніе указываетъ на плотское сладострастіе, не поползается на разумѣніе нечистое, но сими реченіями при понятіяхъ чистыхъ руководится къ любомудрію о божественномъ, тотъ доказываетъ о себѣ, что онъ уже не человекъ, и имѣетъ естество, не изъ плоти и крови сложенное, но, по безстрастію содѣлавшись равно-ангельнымъ, показываетъ уже въ себѣ жизнь, ожидаемую въ воскресеніе святыхъ. Какъ по воскресеніи тѣло, пре-

(i) По рукописи вмѣсто *де* чинается: *з*.

мѣнясь въ нетлѣнное, соединится съ душою
человѣческою, страсти же, тревожащія насъ
нынѣ, не возстанутъ съ оными тѣлами; на-
противъ того для жизни нашей наступитъ
мирное состояніе, мудрованіе плоти не будетъ
больше мятежничать противъ души, въ меж-
дуособной брани противоставъ закону ума
страстными движеніями, и побѣдивъ ее грѣ-
хомъ, водить подобно какой-то плѣнницѣ; но
естество содѣлается тогда чистымъ отъ всего
подобнаго, и у обоихъ, разумью у плоти и
духа, будетъ одно мудрствованіе; потому что
всякое тѣлесное расположеніе въ естествѣ
уничтожится. Такъ слово въ сей книгѣ пове-
лѣваетъ слышащимъ, хотя живемъ во плоти,
не обращаться къ ней мыслями, но имѣть въ
виду единую душу. и всѣ выражающія любовь
реченія чистыми и неоскверненными восписы-
вать превышающему всякій умъ благу, кото-
рое (к) одно въ подлинномъ смыслѣ сладостно,
вождедѣнно и достолюбезно, и наслажденіе ко-
торымъ служить всегдашнимъ поводомъ къ боль-
шему вождедѣнію, причастіемъ благъ усиливая
пожеланіе. Такъ Моисей любилъ Бога: такъ
любилъ Ілія: такъ Іоаннъ любилъ Жениха, го-

(к) Мѣсто сіе переведено по рукописи, въ которой вмѣсто
τοιῦτον читается τὸν ὁμιλῶν, слово: Θεὸς вовсе не читается, и
вмѣсто ὅν читается ὅ.

вора: *имѣяи невесту, женихъ есть: а другъ жениховъ радостию радуется за насъ жениховъ* (Іоан. 3, 29). Такъ Петръ на вопросъ: любиши ли? съ дерзновеніемъ отвѣчаетъ: *Ты вѣси, Господи, яко люблю Тя* (Іоан. 21, 15). Такъ и прочіе Апостолы. Такъ Павелъ, прежде гонитель, возлюбивъ Христа, Котораго не видѣлъ, писалъ, выражаясь: *обручихъ васъ дѣву чисту представить Христови* (2 Кор. 3, 2). Такъ теперь невеста—Церковь возлюбила Жениха, подобно дѣвѣ, которая говоритъ въ пѣсни: *да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ Своихъ* (П. п. 1, 1). Такъ Моисей бывшею у него устами ко устамъ бесѣдою съ Богомъ, какъ свидѣтельствуешь Писаніе приведенъ еще въ большее вожделѣніе таковыхъ лобзаній, и послѣ столькихъ богоявленій, какъ будто не видѣвшій еще Бога, просить увидѣть Желаемаго. Такъ всѣ прочіе, въ комъ глубоко укоренена была божественная любовь, никогда не останавливались въ вожделѣніи, все даруемое имъ свыше къ наслажденію желаемымъ обращая въ пищу и въ поддержаніе сильнѣйшаго вожделѣнія.

Такъ и нынѣ душа, вступившая въ единеніе съ Богомъ, не имѣетъ сытости въ наслажденіи, чѣмъ обильнѣе наполняется улаждающимъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ въ ней пожеланія. Поеліку *многолы Жениха духъ и животъ суть* (Іоан. 6, 63); а всякій, прилѣпляю-

щійся къ духу дѣлается духомъ, и вступающій въ сдиненіе съ жизнію, по Господнему слову, переходитъ *отъ смерти въ животъ* (Іоан. 5, 24): то по сему самому къ источнику духовной жизни приблизить душу (я) желаетъ дѣва-душа. А источникъ сей—Жениховы уста, изъ которыхъ источающіеся глаголы жизни вѣчной наполняютъ привлекающія ихъ уста, какъ было съ Пророкомъ, устами привлекающимъ духъ (Пса. 118, 131). Посему, такъ какъ уста, привлекающія питіе изъ источника, надлежитъ приложить къ водѣ, а источникъ есть Господь, изрекшій: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пьетъ* (Іоан. 7, 37); то посему душѣ (м) желательно уста свои приблизить къ устами, источающимъ жизнь, и невѣста говоритъ: *да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ*. И Тому, Кто всѣмъ источаетъ жизнь, и всѣмъ хочетъ спастися, не угодно кого либо изъ спасаемыхъ лишить сего лобзанія; потому что лобзаніе это есть очистительное средство отъ всякой скверны. Посему-то, кажется мнѣ, Господь съ укоризною произноситъ прокаженному Симону такія слова: *лобзанія ли не далъ еси* (Лук. 7, 44). Чистымъ сталъ бы онъ отъ недуга, привлекиши чистоту устами. Но Симонъ справед-

(я) По рукописи сего слова не читается.

(м) По рукописи: душѣ жаждущей.

ливо не былъ возлюбленъ, оплотнявъ по болѣзни, по собственному вождѣнію оставаясь неистощимымъ въ недугѣ. А душа, достигшая чистоты, такъ какъ не омрачаетъ ея никакая плотская проказа, видитъ сокровище благъ; имя же этому сокровищу—сердце. И Пророкъ молится, чтобы создано было въ немъ *сердце чисто* (Пса. 50, 12), изъ котораго подается сосцамъ божественное млеко, служащее питаніемъ душѣ, привлекающей благодать *по мѣрѣ вѣры* (Рим. 12, 6). Почему говоритъ она: *блага сосца твоя паче вина*, сосцами по мѣстному положенію означая сердце. Конечно же не погрѣшитель, кто подъ сердцемъ будетъ разумѣть сокровенную и неизреченную силу Божества; да и подъ сосцами справедливо можетъ иной подразумѣвать благія за насъ дѣйствования божественной силы, какими Богъ поддерживаетъ жизнь каждаго, снабжая прилично каждому изъ пріемлющихъ пищею.

Но изъ любомудрія сей книги познаемъ мимоходомъ и другое нѣкоторое ученіе, а именно, что есть въ насъ двоякое нѣкое чувство, одно тѣлесное, другое божественное, какъ гдѣ-то въ притчахъ говоритъ Слово: найдешь божественное чувство; потому что есть нѣкая соразмѣрность душевныхъ движеній и дѣйствій съ чувствилищами тѣла; и сіе познаемъ изъ настоящихъ словесъ духа. Вино и молоко различаются вкусомъ; но когда они ду-

ховны, тогда духовна, безъ сомнѣнія, и воспріемлющая ихъ душевная сила. А лобзаніе совершается чувствомъ осязанія; потому что при лобзаніи уста между собою прикасаются. Но есть нѣкое осязаніе души, которымъ осязается слово, и которое совершается какимъ-то, не тѣлеснымъ, но духовнымъ соприкосновеніемъ, какъ сказалъ изрекшій: *руки наша осязаша, о словеси животильнѣ* (1 Іоан. 1, 1). А также и воня божественнаго мѹра есть воня обоняемая не ноздрями, но какою-то духовною и невещественною силою, съ привлеченіемъ духа привлекающею и благоуханіе Христово. Ибо желаніе дѣвы, выраженное въ началѣ Пѣсни, читается въ связи такъ: *блага сосца твоя паче вина, и воня мѣра твоею паче всѣхъ ароматѣ*. А симъ, какъ предположили мы, выражается какая либо мысль не маловажная и достойная пренебреженія. Ибо при этомъ сравнительномъ предпочтеніи млека изъ божественныхъ сосцевъ тому веселію, какое бываетъ у насъ отъ вина, научаемся, можетъ быть, сказаннымъ, что вся человѣческая мудрость, и все знаніе существующаго, и всякая созерцательная сила, и всякое мысленное представленіе не могутъ устоять въ сравненіи съ простѣйшею пищею божественныхъ уроковъ; потому что млеко истекаетъ изъ сосцевъ, и есть пища младенцевъ; а вино по силѣ и горячительному свойству дѣлается наслажденіемъ

совершеннолѣтнихъ, однако же совершенное во внѣшней мудрости ниже младенческаго ученія въ божественномъ словѣ. Посему-то божественные сосцы лучше человѣческаго вина, и воня божественнаго мура превосходитъ всякаго благоуханія ароматовъ. А въ этомъ, по моему мнѣнію, открывается такой смыслъ. Подъ ароматами разумѣемъ добродѣтели, какъ-то: мудрость, цѣломудріе, справедливость (н), мужество, благоразуміе и подобное сему, украшаясь которыми, каждый изъ насъ по мѣрѣ силъ и по своему произволенію, одинъ такъ, другой иначе, приходимъ въ благоуханіе, и кто изъ цѣломудрія, или мудрости, кто изъ справедливости, или мужества, или другого чего, признаваемого за добродѣтель, а иной и изъ всѣхъ таковыхъ ароматовъ имѣетъ въ себѣ срастворенное благоуханіе. Однако же все это не можетъ идти въ сравненіе съ тою всесовершенною добродѣтелію, которая наполняетъ собою небеса, какъ свидѣтельствуешь Пророкъ Аввакумъ, сказавъ: *покры небеса добродѣтель Его* (Авв. 3, 3), то есть съ источною премудростію, источною правдою, источною истиною, и такъ далѣе. Воня небеснаго мура, сказано, имѣетъ благодать несравнимую съ тѣми ароматами, какія извѣстны намъ.

Въ послѣдующемъ за симъ душа невѣсты

(н) Дополнено по рукописи.

касается еще высшаго любомудрія, показывая недоступность и невмѣстимость божественной силы человѣческимъ помысламъ, когда говорить: *μυρο изμύλιное имя Твое*: ибо сими словами, кажется мнѣ. означаетъ подобное слѣдующему: естество неопредѣлимое не можетъ въ точности объято быть словомъ, имѣющимъ значеніе имени; напротивъ того вся сила понятій, вся выразительность реченій и именованій (о), хотя бы, по видимому, заключали они въ себѣ что великое и боголѣпное, не касаются естества въ Сущемъ (п), но разумъ нашъ, какъ бы по слѣдамъ только и озареніямъ какимъ, гадаеть о Словѣ, съ помощію постигнутаго, по какому-то сходству представляя себѣ и непостижимое. Какое ни примыслимъ имя, сообщающее намъ понятіе о мурѣ Твоего божества, говоритъ невѣста, тѣмъ, что выражаетъ сказуемое, означимъ не самое муро, но богословскими сими именованіями покажемъ только малый нѣкій остатокъ испареній божественнаго благоуханія: какъ по сосудамъ, изъ которыхъ вылито муро, не познается самое муро, вылитое изъ сосудовъ, каково оно въ естествѣ своемъ, хотя и по малоощутительному нѣкому качеству испареній, оставшему-

(о) По рукописи вмѣсто *νοημάτων* читается: *δυνάμεων*.

(п) По рукописи вмѣсто: *τῷ ῥήματι ὅπως* читается: *τοῖς ὅπως*.

ся въ сосудѣ, дѣлаемъ нѣкоторую догадку о вылитомъ мурѣ. Сіе-то именно познаемъ мы изъ сказаннаго: самое муро Божества, каково оно въ сущности, выше всякаго имени и понятія; усматриваемыя же во вселенной чудеса доставляютъ содержаніе богословскимъ именованиямъ, по которымъ Божество именуемъ премудрымъ, всемогущимъ, благимъ, святымъ, блаженнымъ, вѣчнымъ, также Судією, Спасителемъ и подобнымъ сему, что все показываетъ нѣкоторое, впрочемъ не главное, качество божественнаго мюра, какое вся тварь, на подобіе какого либо муроварнаго сосуда, отпечатлѣла въ себѣ усматриваемыми въ ней чудесами.

Сего ради, говоритъ невѣста, отроковицы возлюбиша Тя, привлекоша Тя. Такъ выразило причину похвальнаго вождѣленія и исполненнаго любви расположенія. Ибо кто не возлюбить такой красоты, если только имѣетъ око, способное взирать на лѣпоту? Хотя и не много постигается красота; однако же чрезъ уподобленіе видимому гадательно представляется до безконечности разнообразною. Но какъ вещественная любовь не касается еще младенчествующихъ; потому что дѣтство не даетъ въ себѣ мѣста страсти, а также и удрученныхъ крайнею старостію не видимъ въ подобномъ состояніи: такъ и въ разсужденіи божественной красоты, кто еще младенецъ, обуревается и

носятся всякимъ вѣтромъ ученія, и кто одряхлѣлъ, состарѣлся и приблизился къ истлѣнію, всѣ тѣ оказываются неподвижными къ сему вождѣнію. Ибо таковыхъ не касается невидимая красота, но такую только душу. которая вышла изъ младенческаго состоянія, цвѣтетъ духовнымъ возрастомъ, не пріяла на себя *скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ* (Ефес. 5, 27), не лишена чувствительности по младенчеству, и не ослабѣла въ силахъ по дряхлости, Слово именуется *отроковицею*. Она покоряется великой и первой заповѣди закона, отъ всего сердца и всею силою возлюбивъ оную красоту, которой очертанія, образца и истолкованія не находятъ человѣческій разумъ. Посему таковыя отроковицы, обогащенные добродѣтелями, по зрѣлости возраста бывшія уже внутри божественнаго чертога божественныхъ таинъ, любятъ красоту Жениха, и любовію обращаютъ Его къ себѣ; ибо Женихъ таковъ, что любовію вознаграждаетъ любящихъ, такъ говоря отъ лица Премудрости: *Азъ любящія Мя люблю* (Прит. 8, 17), и: *раздѣлю любящимъ Мя имѣніе* (имѣніе же сіе — Самъ Онъ), *и сокровища ихъ исполню благами* (21). Посему души сіи привлекаютъ къ себѣ любовь нетлѣннаго Жениха, ходя, какъ написано, *въ слѣдъ Господа Бога* (Ос. 11, 10).

Причиною же ихъ любви служитъ благоуханіе мѣра, къ которому всегда поспѣшаютъ онѣ,

въ предняя простираяся, задняя же забывая (Фил. 3, 13). Ибо говорятъ: *въ слѣдѣ Тебе въ воюю мира Твоею течемъ*. Но, какъ недостигшія еще совершенства добродѣтели и юныя по возрасту, даютъ только обѣщаніе поспѣшить къ цѣли, какую указываетъ имъ воля мѣра. Ибо говорятъ: *въ воюю мира Твоею течемъ*. Душа же болѣе совершенная, дальше простершаяся *въ предняя*, достигаетъ уже цѣли, для которой совершается теченіе и удостоивается сокровищъ въ ложницахъ. Она говоритъ: *введе мя Царь въ ложницу Свою*. Ибо возжелавшая краями устъ своихъ коснуться блага, и въ такой мѣрѣ коснувшаяся красоты, какую показываетъ сила изъясненнаго желанія (изъявляла же она желаніе какъ бы лобзанія нѣкогого сподобиться чрезъ озареніе Слова), по достиженіи сего, и проникнувъ помысломъ во внутреннее святилище тайнъ, вызываетъ, что не въ преддверіи только благъ теченіе ея, но что, имѣя начатокъ Духа, Котораго, какъ бы въ слѣдствіе какого лобзанія, сподобилась по благодати испытывать *глубины Божія* (1 Кор. 2, 10), и подобно великому Павлу, бывъ (р) во святилищѣ рая, говоритъ, что видитъ незримое, и слышитъ *неизреченны глаголы* (2 Кор. 12, 4).

(р) Сіе дополнено по рукописи.

Послѣдующее же за симъ изреченіе раскрываетъ въ словѣ церковное домостроительство. Ибо первые, наученные благодатию, *самовидцы и слуги бывшіи Словесе* (с) (Лук. 1, 2), не ограничили блага самими собою, но и бывшимъ послѣ нихъ по преданію сообщили ту же благодать. Посему о невѣстѣ, которая изъ устъ Слова была первая исполнена благъ, и сподобилась сокровенныхъ тайнъ, говорятъ отроки: *возрадуемся и возвеселимся о тебѣ*. Ибо твое радованіе—и наша общая радость. Какъ ты паче вина любишь сосцы Слова; такъ и мы любимъ тебя. Твоимъ будемъ уподобляться сосцамъ, изъ которыхъ напоеваешь млекою младенцевъ о Христѣ. Паче челоуѣка возлюбимъ вино, и если кто понятіе сіе приведетъ въ большую ясность, то сказуемое будетъ таково. Возлюбилъ сосцы Слова *на перси* Господа припадшій Іоаннъ (Іоан. 13, 25); онъ, подобно какой то губкѣ, приложившій сердце свое къ Источнику жизни, по неизреченному нѣкому сообщенію исполнившійся тайнъ хранящихся въ сердцѣ (т) Христовомъ, и намъ предлагаетъ исполненный Словомъ сосецъ, и насъ дѣлаетъ полными того, что вложено въ него самага изъ Источника благъ, велегласно

(с) Такъ читается въ рукописи.

(т) Слово сіе дополнено по рукописи.

проповѣдуя присносущее Слово. Посему справедливо скажемъ ему: *возлюбимъ сосца Твоя паче вина*; если только дошли мы до того, что мы уже отроковицы, и не младенчествуемъ умомъ въ сопряженной съ юностію суетности, не сквернимся также грѣхомъ въ дряхлости, оканчивающейся истлѣніемъ.

А посему возлюбимъ потокъ твоихъ ученій; потому что *правость возлюби тя*. Ибо тотъ это ученикъ, котораго любилъ Иисусъ; а Иисусъ есть *правость*. Слово же сіе лучше и богослѣпнѣе, нежели Пророкъ Давидъ, именуеть Господа. Ибо Давидъ говорить: *правъ Господь Богъ* (Пса. 91, 16); а здѣсь именуется правостию Тотъ, Кѣмъ все стропотное приводится въ правое. Но да *будутъ* и въ насъ *вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки* (Иса. 40, 4) по благодати Господа нашего Иисуса Христа! Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСѢДА 2.

(1, 4). *Черна есмь и добра, дщери іерусалимскія, якоже селенія Кидарска, якоже завѣсы Соломони.* (5) *Не зрите мене, яко азъ есмь очернена, яко опали мя солнце: сынове матере моея сваряхуся о мнѣ, положиша мя стража въ виноградъхъ: винограда моего не сохранихъ* (6) *Возвѣсти ми, егюже возлюби душа моя, идѣ*

пасеши, гдѣ почиваеши въ полудне? да не когда буду яко обламяющаяся надѣ стады друзовъ твоихъ. (7) Аще не увѣси сию тебе, добрая въ женахъ, изыди ты въ пятахъ пастевъ, и паси козлища твоя у куцей пастырскихъ.

Въ священной скинїи свидѣнія видимое совнѣ не равноцѣнно было сокровенной внутри красотѣ. Ибо опоны состояли изъ льняныхъ тканей, и внѣшнимъ украшенїемъ скинїи служили завѣсы изъ козьихъ волосовъ, и покровы изъ красныхъ кожъ; смотрящимъ же совнѣ ничто въ этомъ не представлялось великимъ и драгоцѣннымъ. Но внутри вся скинїя свидѣнія сіяла золотомъ, серебромъ и дорогими камнями. Столпы, ихъ стояла и верхи, кадильница, алтарь, кивотъ, свѣтильникъ, очищенное, умывальницы, завѣсы во входахъ, красота которыхъ срастворялась всякаго вида доброцвѣтными красками, золотая нить, искусственною какою-то работою нарядно сотканная вмѣстѣ съ синетою, багряницею, виссономъ и червленицею, изъ всего этого составивъ нѣчто единое, дѣлала, что ткань поражала взоры, блистая какъ бы лучами радуги. А что имѣя въ виду, начинаю симъ рѣчь, безъ сомнѣнія. сдѣлается для насъ явнымъ изъ того, что будетъ сказано.

Снова предлагается намъ Пѣснь пѣсней, какъ полное изложенїе боговѣдѣнія и любомудрія. Она есть истинная скинїя свидѣнія, въ кото-

рой покрывами, завѣсами и опонами служатъ нѣкія слова и реченія, выражающія любовь, показывающія отношеніе къ любимому, также изображеніе красоты, упоминаніе тѣлесныхъ членовъ, и видимаго на лицѣ, и сокрытаго подъ облаченіемъ одежды. А что внутри, то въ подлинномъ смыслѣ есть нѣкій пресвѣтлый свѣтильникъ, и кивотъ, исполненный таинъ, и благоухающая кадильница, и очищеніе грѣха, оное всезлатое кадило благочестія, эта красота завѣсъ—благообразное истканіе изъ добродѣтности добродѣтелей, эти незыблемые столпы помысловъ, неподвижныя стояла догматовъ, и красота верховъ, которыми истолковывается благодать во владычественномъ души, и омывальницы душъ; и все, что относится къ небесному и безплотному житію, что законъ предписываетъ, выражаясь загадочно, можно находить (у) въ сокрытыхъ подъ буквою понятіяхъ, если только, въ купели Слова омывъ всю скверну гнусной мысли, попеченіемъ о жизни содѣлаемъ себя способными къ вступленію во святая святыхъ, а не останемся не узрѣвшими чудесъ внутри скиніи, подвергшись смерти за то, что, вопреки предписанію закона, касались мертваго понятія, или какого либо нечистаго помышленія. Ибо законъ духовный не дозволяетъ таковымъ входа, если

(у) Въ рукописи читается: *ἡτοιμασμένην*.

кто, коснувшійся какой либо мертвой и мерзкой мысли, не омоетъ, по Моисееву закону, ризу совѣсти своей.

Но послѣдовательная связь разсмотрѣннаго доселѣ приводитъ слово къ обозрѣнію того, что сказано невѣстою отроковицамъ, именно же слѣдующаго: *черна есмь и добра, дщери іерусалимскія, якоже селенія Кидарска, якоже завѣсы Соломона*. Прекрасно наставница сія съ того именно, съ чего было должно, начинаетъ обучаемымъ душамъ дѣлать объясненіе благъ. Ибо души сіи въ высказанномъ ими изъявляютъ готовность всякому человѣческому слову, которое въ переносномъ смыслѣ именуютъ виномъ, предпочесть благодать, источающуюся изъ ея разумныхъ сосцевъ, такъ выражая сіе словомъ: *возлюбилъ сосца твоя паче вина*: потому что *правость возлюби тя*. Невѣста, чтобы лучше дознали мы безмѣрное человѣколюбіе Жениха, Который изъ любви придалъ возлюбленной красоту, сообщаетъ обучаемымъ о чудѣ, надъ нею самой совершившемся. Ибо говоритъ: не тому дивитесь, что возлюбила меня *правость*, но тому, что черна я была отъ грѣха и дѣлами освоилась съ мракомъ, но Женихъ изъ любви содѣлалъ меня прекрасною, собственную Свою красоту давъ мнѣ въ замѣнъ моей срамоты. Ибо на Себя воспріавъ скверну моихъ грѣховъ, мнѣ передалъ Свою чистоту, и своей

красоты учинилъ меня причастною Тотъ, Кто сперва изъ ненавистой содѣлалъ меня достолюбезною, и потомъ возлюбилъ. Послѣ сего убѣждаетъ отроковицъ, чтобы и онѣ содѣлались прекрасными, указывая имъ на свою красоту, подобно великому Павлу, который говоритъ: *будите якоже азъ, зане и азъ, якоже вы* (Гал. 4, 12.), и: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1.). Посему не попускаетъ учащимся у ней душамъ, смотря на свою прошедшую жизнь, отчаяваться въ возможности стать прекрасными, напротивъ того совѣтуетъ, взирая на нее, изъ ея примѣра дознать, что настоящее, если оно неукоризненно, дѣлается покровомъ прошедшаго. Ибо говоритъ: хотя теперь блистаетъ моя красота, сообщенная мнѣ потому, что возлюбила меня *правость*; однакоже знаю о себѣ, что первоначально была я не красива, но черна. Такимъ же темнымъ и мрачнымъ видъ мой дѣлала предшествовавшая жизнь. Впрочемъ, бывъ столько гнусною, теперь я прекрасна; потому что подобіе срамоты претворено въ образъ красоты. Посему и вы, дщери іерусалимскія, взирайте на вашу мать—горній Іерусалимъ. Если бы вы были и селеніями Кидарскими, потому что обиталъ бы въ васъ князь власти темной (Ф) (слово Кидаръ толкуетъ

(Ф) Въ рукописи вмѣсто: *τοῦ ἁγίου* читается: *τοῦ σκοτεινοῦ*.

ся: помраченіе); то сдѣлаетесь завѣсами Соломоновыми, то есть, будете храмомъ царя, вселившагося въ васъ, царя Соломона (Соломонъ же значитъ: мирный, соименный миру, и завѣсами Соломоновыми, то есть одною частію невѣста наименовала весь объемъ царской скиніи). Подобно сему тѣми же представленіями съ большею еще внимательностію, кажется мнѣ, услаждается Павелъ, въ посланіи къ Римлянамъ, говоря: въ этомъ *составляетъ* Божію любовь къ намъ, *яко еще грѣшникомъ* и очерненнымъ *сущимъ* намъ (Рим. 5, 8.), содѣлалъ насъ свѣтовидными и достойными любви, потому что осіялъ благодатию. Какъ во время овладѣвшей всѣмъ ночи очерняется мракомъ даже и то, что по природѣ свѣтло, а когда наступитъ свѣтъ, въ вещахъ потемненныхъ мракомъ не остается подобія тмы: такъ, по преведеніи души отъ заблужденія къ истинѣ, и темный образъ жизни предлагается также въ свѣтлую благодать. Что Христова невѣста говоритъ отроковицамъ, тоже и Тимофеею открываетъ Павелъ, изъ очерненного содѣлавшійся въ послѣдствіи свѣтлымъ, а именно, что сподобился стать прекраснымъ и онъ, который прежде былъ *хульникомъ, юнителемъ, досадителемъ* (1 Тим. 1, 13.), и очерненнымъ, *яко Христосъ пріиде въ міръ* (15) очерненныхъ содѣлать свѣтлыми, призывая не праведниковъ къ Себѣ, но грѣшниковъ въ покаяніе, ихъ въ

банѣ пакибытія содѣлалъ свѣтлыми, подобно свѣтиламъ, мрачный ихъ видъ омывъ водою. Сіе-то самое и Давидово око усматриваетъ въ горнемъ градѣ, и въ чудо вмѣняетъ видимое, какъ во градѣ Божіемъ, о которомъ *преславная маламаша*, поселяется *Вавилонъ*, упоминается блудница *Раавъ*, *иноплеменницы*, и *Тиръ*, и *людіе еѳіопстіи* пребываютъ *тамо* (Пса. 86. 3. 4.), чтобы не упрекалъ уже сего города какой либо человѣкъ за то, что нѣтъ въ немъ жителей, говоря: ужели речетъ еще кто Сіону: *человѣкъ родися въ немъ* (5)? Ибо гражданами тамъ дѣлаются иноплеменники, Іерусалимлянами—Вавилоняне, дѣвою—блудница; бѣлыми—Еѳіопляне, и верхній городъ—Тиромъ. Такъ здѣсь невѣста, представляя благодать Жениха, ободряетъ дочерей іерусалимскихъ, что, хотя возметъ Онъ и очерненную какую душу, но общеніемъ съ Собою содѣлаетъ ее прекрасною, и что, хотя когда кто и селеніе Кидарское, но содѣлается свѣтлою обителію истиннаго Соломона, то есть вселившагося въ ней Царя мира. Потому и говоритъ: *черна есмь и добра, дочери іерусалимскія*, чтобы, взирая на меня, и вамъ содѣлаться завѣсами Соломоновыми, хотя бы вы были селеніями Кидарскими.

Потомъ невѣста присовокупляетъ къ сказанному и слѣдующее за тѣмъ; а симъ разумѣніе обучаемыхъ необходимо утверждается въ той мысли, чтобы не Создателю приписывать при-

чину потемненнаго ихъ вида, но начало такого вида полагать въ произволеніи каждой души. *Не зрите мене*, говоритъ невѣста, *яко азъ есмь очернена*. Не такую сотворена я первоначально. Ибо сотворенной свѣтоносными Божіими руками не естественно было бы имѣть на себѣ какой либо темный и черный видъ. Не была, но сдѣлалась, я такую, утверждаетъ она. Ибо не отъ природы я очернена, но привзошла ко мнѣ такая срамота, когда солнце превратило образъ мой изъ свѣтлаго въ черный; *яко опали мя солнце*, говоритъ она. Чему же научаемся изъ этого? Господь въ притчахъ говоритъ народу, что сѣющій слово не на добромъ только сердцѣ сѣетъ, но если у кого оно и каменисто, или заросло терніемъ, или лежитъ при пути и попирается ногами, по челоуѣколюбію и въ нихъ ввергаетъ сѣмена слова, и объясняя въ Своей проповѣди свойства каждаго сердца, продолжаетъ: съ душою каменистою происходитъ то, что посѣянное не пускаетъ корня въ глубину, но, хотя вскорѣ на легкомъ стеблѣ обѣщаетъ дать колосъ, однакоже, когда солнце сильнѣе согрѣетъ то, что подъ нимъ, поелику подъ корнемъ нѣтъ влаги, стебель засыхаетъ. Въ истолкованіи же притчи солнце именуетъ Господь искушеніемъ. Посему у наставницы сей научаемся слѣдующему догмату: хотя сестство челоуѣческое, будучи изображеніемъ истиннаго свѣта,

сотворено сіяющимъ, по подобію первообразной красоты, и ему несвойственны потемненныя черты; однакоже искушеніе, обманомъ подвергнувъ его палящему зною, погубило первый нѣжный еще и неукоренившійся ростокъ, и прежде нежели пріобрѣтенъ нѣкоторый навѣкъ къ добру, и воздѣланіемъ помысловъ данъ корнямъ просторъ (х) въ глубинѣ, тотчасъ засушивъ преслушаніемъ, зеленѣющій и доброцвѣтный видъ зноемъ обратило въ черный.

Если же солнцемъ именуется сопротивное прираженіе искушенія, то никто изъ слушающихъ да не дивится сему, научаемый тому же во многихъ мѣстахъ богодухновеннаго Писанія. Ибо, во второй пѣсни степеней, имѣющему помощь отъ *Сотворившаго небо и землю* дается такое благословеніе, что *не ожжетъ его солнце во дни* (Пса. 120, 2. 5.). И Пророкъ Исаія, предрекая состояніе церкви, описываетъ какъ бы нѣкое торжество ея благоустройства, и словомъ какъ бы играя въ повѣствованіи. Ибо говорить: о дочеряхъ, *возимыхъ на колесницахъ*, и о сынахъ, *возимыхъ на колесницахъ*, и отражающихъ жаръ (ц) *сплми* (Иса. 66, 12. 20.), которыми загадочно изо-

(х) Въ рукописи вмѣсто: *πότον* читается: *τόπον*.

(ц) По рукописи вмѣсто: *τόν φωτισμόν* читается: *τόν φλογμόν*.

бражаетъ добродѣтельную жизнь, указуя младенческимъ ея возрастомъ на незрѣлость и незлобіе, а *спыми* на облегченіе отъ зноя, доставляемое душамъ воздержаніемъ и чистотою. Изъ чего дознаемъ, что душѣ, которая уневѣщивается Богу, надлежитъ быть поднятою на рамена, не попираемою стопами плоти, но возсѣдающею на величавости тѣла. Слыша же о колесницѣ, познаемъ просвѣщающую благодать крещенія, по которой дѣлаемся сынами, уже не на землѣ утверждающими стопы, но возносимыми отъ нея къ небесной жизни. А отѣняемою и орошаемою дѣлается для насъ жизнь по охлажденіи зноя *спыми* добродѣтели. Посему вредоносно солнце сіе, когда палящіе его лучи не остѣняются облакомъ Духа, какое въ покровъ имъ распростираетъ надъ ними Господь. Ибо сіе самое солнце прираженіемъ искушеній опаляетъ блистательную наружность тѣла, и видъ очерняетъ до безобразія.

Потомъ невѣста пересказываетъ, откуда возымѣло начало претвореніе нашего благообразія въ черноту. *Сынове матере моея*, говоритъ она, *сваряхуся о мнѣ, положиша мя стража въ виноградѣхъ: винограда моего не сохранихъ*. Прежде обратимъ вниманіе не на то, чтобы съ крайнею точностію разбирать словосочиненіе, но на то, чтобы видѣть связь мыслей. Если же что въ точности и не связно, пусть припишется сіе недостатку выразитель-

ности у перелагавшихъ съ еврейскаго языка на еллинскую рѣчь. Ибо кто прилагалъ стараніе изучать еврейскій образъ рѣчи, тотъ не найдетъ ничего такого, что могло бы показаться не имѣющимъ связности. Но складъ нашего языка, несходный съ складомъ добротѣя еврейскаго, у слѣдующихъ поверхностно буквальному значенію производитъ нѣкоторую слитность рѣчи. Посему смыслъ сказанныхъ предъ симъ реченій слѣдующій. Сколько понимаемъ, человекъ первоначально не имѣлъ недостатка ни въ одномъ изъ божественныхъ благъ; дѣломъ его было только хранить, а не приобрѣтать сіи блага. Но злоумышленіе враговъ содѣлало его лишившимся того, что имѣлъ, не сохранившимъ того добраго жребія, какой данъ ему Богомъ въ самомъ ествѣ. Вотъ смыслъ предложенныхъ реченій. Мысль же сія загадочными словами передана такимъ образомъ. *Сынове матере моея, говоритъ не-вѣста, сваряхуся о мнѣ, положиши мя стража въ виноградѣхъ: винограда моего не сохранихъ.*

Въ немногихъ словахъ Писаніе догматически научаешь многому. И во первыхъ тому, что подобнымъ сему образомъ утверждалъ и Павелъ, а именно, что все отъ Бога, и *единъ Богъ Отецъ изъ Негоже вся* (1 Кор. 8, 6.), и нѣтъ ни одного существа, которое не чрезъ Него и не отъ Него имѣетъ бытіе; ибо сказано: *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже*

бысть (Іоан. 1, 3.). Но поелику *вся, елика сотвори Богъ, добра злы* (Быт. 1, 31.); потому что *вся премудростію сотворилъ Онъ* (Пса. 103, 24.): то разумному естеству данъ даръ свободы, и присовокуплена сила, изобрѣтающая вождѣнное, чтобы имѣла мѣсто произвольность, добро не было чѣмъ-то вынужденнымъ и невольнымъ, но вмѣнялось въ преспѣяніе произволенію. А какъ свободное сіе движеніе самовластво ведетъ насъ къ тому, что намъ угодно; то въ естествѣ существъ нашелся нѣкто во зло употребившій свободу, и, по выраженію Апостола, содѣлавшійся *обрателемъ злыхъ* (Рим. 1, 30.). Онъ-то, поелику и самъ сотворенъ Богомъ, намъ братъ, а поелику самовольно отказался отъ причастія добра, открывъ входъ злу и ставъ отцемъ лжи, то поставилъ себя въ ряду нашихъ враговъ во всемъ, въ чемъ только цѣль даннаго намъ произвола имѣть въ виду лучшее. Посему отъ него и для прочихъ возникъ поводъ къ уtratѣ благъ, что и послѣдовало съ естествомъ человѣческимъ. И бывшая нѣкогда черною, а теперъ содѣлавшаяся доброю, причину потемненнаго вида основательно приписываетъ таковымъ сынамъ матери, научая насъ сказаннымъ, что хотя для всѣхъ существъ одна причина существованія, и какъ бы одна мать (ч),

(ч) По рукописи вмѣсто: *πατήρ* читается: *μητήρ*.

и потому все, представляемое существующимъ, состоитъ между собою въ братствѣ, но разность произволенія раздѣлила естество на дру- жественное и враждебное. Ибо отступившіе отъ сношенія съ добрымъ, и отступленіемъ отъ лучшаго осуществившіе зло (потому что нѣтъ инаго осуществленія злу, кромѣ отдѣленія отъ лучшаго) прилагаютъ все стараніе, и всячески примышляютъ, какъ и другихъ присоединить къ общенію въ злѣ. И потому невѣста говоритъ: *сынове матере моя* (множественнымъ числомъ показываетъ многовидность порока) воздвигли во мнѣ брань, не набѣгомъ отъ нѣ нападая, но самую душу содѣлавъ полемъ происходящей въ ней брани: потому что въ каждомъ идетъ брань, какъ толкуетъ божественный Апостолъ, говоря: *вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ противувоюющъ закону ума моего, и плняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Рим. 7, 23.). Посему, когда сія междуусобная брань воздвигнута была во мнѣ братьями моими, врагами же моего спасенія, сдѣлалась я очерненною, а будучи побѣждена врагами, не сохранила и винограда моего, подъ которымъ разумѣть надобно виноградъ въ раю. Ибо и тамъ чело- вѣкъ поставленъ былъ *хранити* рай (Быт. 2, 15.); нерадѣніе же о храненіи извергаетъ чело- вѣка изъ рая, отступившаго отъ востока дѣлаетъ обитателемъ западовъ. Посему вос-

токъ является западомъ. Ибо сказано: *пойте Господу возшедшему на запады* (Иса. 67, 5.), чтобы, когда во тмѣ возсіяетъ свѣтъ, и тма претворилась въ лучъ свѣта, и очерненная содѣлалась снова доброю.

Видимую же несовмѣстимость буквального чтенія съ найденнымъ смысломъ можно устранить слѣдующимъ образомъ: невѣста говоритъ: *положиши мя стражи въ виноградѣхъ*. А это одинаково съ сказаннымъ: *положиши Иерусалимъ яко овощное хранилище* (Иса. 78, 2.). Ибо не они поставили ее стражемъ божественнаго винограда, какъ понялъ бы иной по ближайшему смыслу рѣчи. Напротивъ того стражемъ поставилъ ее Богъ, они же *сваряжуся* только о ней, и *положиши* ее, *яко куцу въ виноградъ*, и *яко овощное хранилище въ вертоградъ* (Иса. 1, 8.). Ибо, за преслушаніе лишившись хранимыхъ ею плодовъ, представляла она изъ себя бесполезное зрѣлище, когда не стало въ ней охраняемаго. И поелику Богъ поставилъ человека *дѣлати и хранити рай*, то невѣста говоритъ слѣдующее: Богъ положилъ душу мою въ жизнь (жизнію была та сладость рая, въ которую *дѣлати и хранити* ее поставилъ Богъ человека); а враги вмѣсто *рая сладости* на попеченіе душъ моихъ отдали свой виноградъ, котораго *вродѣ* производитъ *горесть*, и *вродѣ* *желчь*. Таковымъ виноградомъ былъ Содомъ: таковою розгою былъ Гоморъ, осужденный

вмѣстѣ съ Содомомъ, откуда лукавыя точила Содомлянѣ изливали неисцѣльную *прость змѣвъ* (Втор. 32, 32. 33.). Но многихъ изъ людей и донынѣ можно видѣть попечителями и стражами таковыхъ виноградовъ; они старательно соблюдаютъ въ себѣ страсти, какъ бы боясь утратить зло. Посмотри на этихъ лукавыхъ стражей идолослуженія, совершаемаго нечестіемъ и любостыжательностію, какъ неусыпны они въ храненіи золъ, почитая ущербомъ для себя лишиться беззаконія. И въ разсужденіи инаго въ глубоко пріившихъ въ себя сластолюбіе, или гордыню, или кичливость, или иное чтó подобное, можно также видѣть, какъ со всякимъ храненіемъ объемлютъ они это, вмѣняя себѣ въ прибыль, чтобы душа никогда не была чистою отъ страстей. Посему оплакиваетъ это невѣста, говоря: потому стала я черна, когда, охраняя плевелы врага, и дурные ихъ отпрыски, и ухаживая за ними, *винограда моего не сохранихъ*.

О, сколько страданія въ слушающихъ съ чувствительнымъ сердцемъ возбуждаютъ слова сїи: *винограда моего не сохранихъ!* Явный это плачь, къ возбужденію состраданія извлекающій воздыханія у Пророковъ. *Како бысть блудница градъ вѣрный, Сїонъ полнъ суда* (Иса. 1, 21.)? Почему оставлена *дщерь Сїоня, яко куша въ виноградъ* (8.)? *Како сле единъ градъ, уищженный людми? владѣй страны. бысть подѣ*

данію (Пл. Іер. 1, 1.)? *Како потемнѣ злато, измѣнился сребро доброе* (4, 1.)? Какъ стала черною сіявшая въ началѣ истиннымъ свѣтомъ? Все это сбылось со мною, говоритъ невѣста, потому что *винограда моего не сохранихъ*. Виноградъ этотъ—безсмертіе; виноградъ этотъ—безстрастіе, уподобленіе Богу, отчужденіе отъ всякаго зла. Плодъ сего винограда—чистота. Свѣтель и зрѣлъ этотъ гроздь, отличающійся особеннымъ виломъ и непорочною улаждающею чувствилища души. Завитки сего винограда—связь и сродненіе съ вѣчною жизнію; возрастающія вѣтви—возвышенности добродѣтелей, восходящія на высоту Ангеловъ; а зеленѣющія листья, тихимъ вѣяніемъ пріятно колеблемыя на вѣтвяхъ,—разнообразное убранство Божественными добродѣтелями, цвѣтущими духомъ. Приобрѣтя все это, говоритъ невѣста, и величаясь наслажденіемъ свхъ благъ, какъ не сохранившая винограда, очернена я слезами, какъ лишившаяся чистоты, облеклась въ мрачный видъ; потому что такова была видомъ кожаная риза. Да и теперь, поелику возлюбила меня *правость*, снова ставъ прекрасною и свѣтовидною, не довѣряю своему благополучію, боюсь опять утратить красоту, не успѣвъ въ храненіи ея, по незнанію надежнаго къ тому способа.

Посему, оставляя рѣчь обращенную къ отроковцамъ, невѣста снова съ изъясненіемъ же-

лавіи призывасть Жениха, въ имя Возлюбленному обращая свое сердечное къ Нему влеченіе. Ибо что говорить? *Возвѣсти ми, Еюже возлюби душа моя, идѣ пасеши, идѣ почитаеши въ полудне? да не когда буду яко облагающаяся надѣ стады друговъ Твоихъ. Гдѣ пасеши Ты, прекрасный Пастырь, возьмущій на рамена цѣлое стадо? Ибо все естество человѣческое есть единая овца, которую воспріялъ Ты на рамена. Покажи мнѣ мѣсто значное, сдѣлай извѣстною воду покойную* (Иса. 22, 2), приведи меня на питательную пажить, назови меня по имени, да услышу Твой голосъ, извѣщающій, что я—Твоя овца, и гласомъ Твоимъ дай мнѣ жизнь вѣчную. *Возвѣсти ми Ты, Еюже возлюби душа моя* Ибо такъ именую Тебя; потому что имя Твое выше всякаго имени, и для всякаго разумнаго естества неизреченно и невѣстимо. Посему именемъ извѣщающимъ о Твоей благодати служить влеченіе къ Тебѣ души моей. Ибо какъ не возлюбить мнѣ Тебя, такъ возлюбившаго меня, и притомъ очерченную, что полагаешь душу Свою за овецъ, которыхъ пасеши? Невозможно и придумать любви, которая была бы больше Твоей. на душу Твою обмѣнившей мое спасеніе. Посему извѣсти (ш) меня, продолжаетъ невѣста,

(ш) По рукописи вмѣсто *διδῶ* читается *διδάσκω*.

иди посеши, чтобы мнѣ, найдя спасительную пажить, насытиться небесною пищею, не вкушающій которой не можетъ войти въ жизнь: и чтобы, притекши къ Тебѣ — источнику, извлечь мнѣ божественное питіе, которое источаешь Ты жаждущимъ, изливая воду изъ ребра послѣ того, какъ желѣзомъ отверста эта водотечь, вкусившій которой самъ дѣлается источникомъ воды (ш), текущей въ жизнь вѣчную. Ибо если упасешь меня тамъ, то, безъ сомнѣнія, упокоишь *въ полудне*, когда, вмѣстѣ съ Тобою почивъ въ мирѣ, упокоюсь въ неотъненномъ свѣтѣ; не отъненъ же повсюду полдень, потому что солнце сіяетъ надъ самую вершину, гдѣ упокоеваешь пасомыхъ Тобою, когда чадъ Своихъ приѣмлешь съ Собою на ложе. Но полуденнаго упокоенія никто не сподобляется, не содѣлавшись сыномъ свѣта и дня. Кто равно сталъ далекъ и отъ вечерней и отъ утренней тмы, то есть отъ того, съ чего начинается, и чѣмъ оканчивается зло, тотъ *въ полудне* упокоивается Солнцемъ правды. Посему, говоритъ невѣста, научи меня, какъ надлежитъ почить, и какой путь къ полуденному упокоенію, чтобы меня, по ошибкѣ избравшую себѣ недоброе руководство, не-

(ш) Дополнено по рукописи.

знаніе истины не свело вмѣстѣ съ стадами, чуждыми для Твоихъ пажитей.

Сіе говорила невѣста въ мучительной заботѣ о дарованной свыше красотѣ, и въ сильномъ желаніи дознать, какъ можно благообразію ея сохраниться навсегда. Но еще не удостоивается она Женихова гласа, *Богу лучшее что о ней предзрѣвши* (Евр. 11. 40.), чтобы замедленіе наслажденія воспламенило любовь ея большимъ вожделѣніемъ, и отъ сего вмѣстѣ съ любовію возрасло веселіе. Напротивъ того друзья Жениховы бесѣдуютъ съ нею, въ предлагаемомъ совѣтѣ объясняя способъ, какъ обезопасить настоящія блага. Да и ихъ рѣчь прикровенна по своей неясности. Она читается такъ: *еще не увѣси самую тебе, добрая въ жезлахъ, изыди ты въ пятахъ пастыръ твоихъ, и паси козлица у кущей пастырскихъ*. Хотя смыслъ реченій сихъ явственъ по связи съ тѣмъ, что уже изслѣдовано; однакоже въ словосочиненіи, по видимому, есть нѣкоторая неясность. Посему какой же смыслъ рѣчи? Самое надежное для насъ охраненіе—познать себя, и тому, кто видитъ не себя, но что либо иное около себя, не думать, будто бы видитъ себя, чему подвергаются не углубляющіеся въ себя самихъ, которые, усматривая у себя тѣлесную силу, или красоту, или славу, или могущество, или какое обиліе богатства, или кичливость, или вѣсь, или ростъ тѣла, или благообразіе лица,

или иное что подобное, думаютъ, что это (ъ) они сами. Поэтому бываютъ они ненадежными охранителями себя самихъ, по привязанности къ чуждому не храня и пренебрегая свое собственное. Ибо какъ человѣку охранять то, чего онъ не знаетъ? Посему самая надежная стража благъ, какія у насъ,—не незнать себя самихъ, и каждому знать о себѣ, что онъ такое, съ точностію отличать себя отъ того, что около него, чтобы, когда не примѣтитъ того, вмѣсто себя не охранять чужаго. Ибо кто имѣетъ въ виду жизнь въ этомъ мірѣ, и здѣшнія драгоцѣнности признаетъ достойными охраненія, тотъ не умѣетъ своего собственного отличить отъ чужаго; потому что все преходящее—не наше. Да и какъ владѣть человѣку тѣмъ, что проходитъ мимо и утекаетъ? Итакъ, поелику постоянство и неизмѣнность свойственны естеству духовному и невещественному, а вещество преходитъ, непрестанно измѣняясь какимъ-то теченіемъ и движеніемъ; то удаляющійся отъ постоянного по необходимости непремѣнно носится вмѣстѣ съ нимѣющимъ постоянства. И кто гонится (ы) за преходящимъ, оставляетъ же постоянное; тотъ погрѣшаетъ въ томъ и другомъ; потому что

(ъ) По рукописи читается *тѣто*, а не *тойтѣс*.

(ы) Дополнено по рукописи.

одно упускаетъ, а другаго не можетъ удержать. Поэтому совѣтъ друзей Жениховыхъ выражаетъ сказанное: *аще не увидиши ты самую тебе, добралъ въ женахъ, изыди ты въ пятахъ пастевъ, и паси козлица у кущей пастырскихъ.* Что же это значить? — Кто не позналъ себя, тотъ исключается изъ стада овецъ, дѣлается же принадлежащимъ къ стаду козловъ, которымъ отведено мѣсто по лѣвую руку. Ибо такъ добрый Пастырь овецъ поставилъ по правую руку, а козлищъ отлучилъ отъ лучшаго жребія, поставивъ по лѣвую руку.

Итакъ изъ совѣта друзей Жениховыхъ научаемся слѣдующему: должно смотрѣть на самое естество вещей, и не заключать объ истинѣ по обманчивымъ слѣдамъ. Слово же объ этомъ надлежитъ изложить яснѣе. Многіе изъ людей не разсуждаютъ сами, каково естество вещей, но, смотря на обычай жившихъ прежде, погрѣшаютъ въ здоровомъ сужденіи о дѣйствительномъ, не какое либо разумное разсужденіе, но неразумный обычай полагая въ основаніе къ оцѣнкѣ прекраснаго; отчего усиливаются достигнуть начальства и властительства, ставятъ въ великое имѣть въ свѣтѣ знатность и вещественный вѣсъ, между тѣмъ какъ неизвѣстно, чѣмъ каждое изъ сихъ преимуществъ кончится послѣ настоящей жизни: потому что не безопаснымъ поручителемъ за будущее служить обычай, концемъ котораго

оказывается часто присоединеніе къ стаду козловъ, а не овецъ. Конечно же разумѣешь это выраженіе, взятое изъ евангельскаго образа рѣчи. Но кто имѣетъ въ виду, чѣмъ собственно отличается естество человѣческое (а это есть разумъ), тотъ пренебрежетъ неразумный обычай; и что не приноситъ пользы душѣ, того не избересть, признавъ прекраснымъ. Поэтому не надобно обращать вниманіе на слѣды пасомыхъ, какіе въ этой оземленѣлой жизни отпечатлѣваются пятами совершившихъ путь ея; ибо судъ нашъ о томъ, что предпочтительнѣе, если основывается на видимомъ, сомнителенъ, пока не будемъ внѣ этой жизни, и тамъ не узнаемъ, кому мы слѣдовали. Посему, кто не по самой дѣйствительности отличается хорошее отъ худого, но идетъ по слѣдамъ шедшихъ прежде, и предшествовавшій обычай жизни беретъ себѣ въ учителя собственной жизни, тотъ во время праведнаго суда, часто самъ не зная какъ, дѣлается изъ овцы козлищемъ. Посему и онъ можетъ отъ друзей Жениховыхъ услышать слѣдующія слова: если ты, душа, изъ очерненной содѣлавшаяся доброю, прилагаешь попеченіе о томъ, чтобы даръ благообразія оставался при тебѣ вѣчно: то не блуждай по слѣдамъ проходившихъ жизнь прежде тебя; ибо неизвѣстно: не козлищъ ли стезя тобою видима, и ты, послѣдуя за ними. потому что не видны тебѣ про-

топтавшіе слѣдами своими этотъ путь, когда жизнь будетъ тобою пройдена и заключать (б) тебя въ затворъ смерти, не увеличишь ли собою стада козлищъ, по слѣдамъ которыхъ, сама того не зная, проходила ты жизнь. Ибо *аще не уелси самую тебе, добрая въ женахъ, изыди ты въ пятахъ паствѣ, и паси козлища у кущей пастырскихъ.*

Яснѣе можно выразумѣть сіе по другому какому-то списку, въ которомъ словосочиненіе не имѣетъ, повидимому, недостатка въ связи. Ибо сказано: «если себя самой не вѣдаешь ты, добрая въ женахъ; то сошла ты со слѣдовъ стадъ, и пасешь козловъ противъ кущей пастырскихъ,» такъ что смыслъ, открывающійся въ сихъ реченіяхъ, въ точности согласенъ съ тѣмъ взглядомъ, какой предъ симъ представленъ касательно сего изреченія. Итакъ Писаніе говоритъ: чтобы тебѣ, душа, не потерпѣть сего, будь внимательна къ себѣ. Ибо это надежное хранилище благъ. Знай, сколько предъ прочею тварію почтена ты Сотворшимъ; не небо содѣлано образомъ Божиимъ, а также не луна, не солнце, не красота звѣздъ, ниже иное чтò видимое въ твари: ты одна стала отображеніемъ естества, всякій умъ превышающаго, подобіемъ нетлѣнной красоты, отпе-

(б) Въ рукояси въѣсто: *κατολισθη* чпнаеіся: *καταλισθη*

чаткомъ истиннаго Божества, вмѣстилищемъ блаженной жизни, отраженіемъ истиннаго свѣта, на которыйъ взирая, сама будешь тѣмъ же, что и Онъ, уподобляясь сіяющему въ тебѣ лучемъ отражающимся отъ твоей чистоты. Нѣтъ существа такъ великаго, чтобы могло съ тобою помѣряться величиною; цѣлое небо объемлется Божіею дланію, а земля и море заключаются въ горсти руки Божіей. Однакоже Тотъ, Кто столько всеисполненъ и всеобъемлющъ, Кто всю тварь сжимаетъ въ длани, Самъ дѣлается всецѣло вмѣщаемымъ въ тебѣ: и обитаетъ въ тебѣ, и не утѣсняется, ходя въ твоёмъ (Ѣ) естествѣ, Сказавшій: *вселюся въ нихъ, и поживу* (2 Кор. 6, 12. 16.). Если на это обратишь вниманіе, то ни на чемъ земномъ не остановишь ока. Что объ этомъ говорить? Даже и небо, по мнѣнію твоему, не будетъ для тебя чудно. Ибо какъ тебѣ, человѣкъ, дивиться небесамъ, когда видишь, что самъ ты долговѣчнѣе небесъ? И небеса преходятъ, а ты во вѣки пребываешь съ Присносушимъ. Не удивишься широтѣ земли и въ безпредѣльность простирающемуся морю, будучи, подобно возницѣ, правящему парюю коней поставленъ начальствовать надъ сими стихіями, имѣя ихъ благопокорными и подвластными

(Ѣ) По рукописи вмѣсто. *πιστη τῆ φύσεως* читается *τῇ οἱ φύσει*.

своему изволенію, потому что земля прислуживаетъ тебѣ жизненными потребностями, и море, какъ взнузданный какой конь, подставляетъ тебѣ хребетъ, и человѣка охотно пріемлетъ на себя всадникомъ. Посему, если сама себя познаешь ты, *добрая въ женахъ*; то презришь весь міръ, и, всегда имѣя предъ очами невещественное благо, не обратишь вниманія на блуждающіе по этой жизни слѣды. Итакъ будь всегда внимательна къ себѣ самой, и не станешь блуждать около стада козловъ, во время суда вмѣсто овцы не окажешься козломъ, не будешь отлучена отъ стоянія (э) одесную, но услышишь сладостный гласъ, который руконоснымъ и кроткимъ овцамъ изречетъ: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ суженія міра* (Матѳ. 25, 34.). Да сподобимся его и мы о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ! Ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСЕДА 3.

(1, 8) *Конемъ въ колесницѣхъ Фараоновыхъ уподобилъ тя ближняя моя.* (9) *Что украшенны ланиты твоя яко горлицы, выи твоя яко локиты?* (10) *Подобія злата сотворимъ ти съ не-*

(э) По рукописи читается *σταίσις*, а не *καθέδρας*.

стротали сребра. (11) Дондеже царь на воскленіи Своемъ, народъ Мой даде вою свою. (12) Визаніе стакти братъ мой мнѣ, посреди сосцую мою водворится: (13) презнѣ Кипровъ братъ мой мнѣ, въ виноградъхъ Емаддовыхъ.

Разсмотрѣнное нами прежде настоящаго чтенія, въ предисловіи къ Пѣсни пѣсней, имѣеть сходство съ появляющимся послѣ ночи около утра разсвѣтомъ; ибо не полный этотъ свѣтъ, но предначатіе свѣта. А подобно сему и сказанное, хотя предугадываетъ намъ восхожденіе истиннаго свѣта, но не содержитъ въ себѣ самаго ясно показавшагося солнечнаго круга. Ибо тамъ говорятъ невѣста, друзья и отроковицы; а теперь, подобно солнечному кругу, возсіяваетъ голосъ самаго Жениха, сіяніемъ лучей затмѣвая всю свѣтлость видимыхъ прежде звѣздъ и разсвѣтавшаго утра. И все прежнее имѣеть силу нѣкихъ очистительныхъ жертвъ и окропленій, которыми приведенная въ чистоту душа приготавливается къ принятію божественнаго; а настоящее слово есть причащеніе самаго Божества; потому что Богъ Слово собственнымъ Своимъ гласомъ преподаетъ слушающему причастіе неумаляющей силы. И какъ при Синаѣ, двухдневными очищеніями приуготовленный Израиль, на третій день утромъ, сподобляется богоявленія, не занятый уже измовеніемъ одеждъ, но явно приемлющій самаго Бога, ради чего предварительными очи-

щеніями омывалъ душевную скверну: такъ и теперь, въ предыдущихъ словахъ въ предшествовавшіе два дни, сдѣланное обозрѣніе предисловія къ пѣсни въ такой мѣрѣ доставило пользу, въ какой заключающійся въ сказанномъ смыслъ омыло и очистило отъ плотской скверны. Въ сей же день, который есть третій послѣ перваго и втораго очищенія, явится самъ Богъ Слово, не мракомъ и бурей, не трубнымъ звукомъ и огнемъ, страшно поядающимъ окружность горы отъ подошвы до вершины, объявляя и обнаруживая Свое присутствіе, но пріятнымъ и удободоступнымъ изъ страшнаго онаго вида преобразившись къ веселію невѣсты. Поелику невѣстѣ было нужно узнать мѣста упокоенія, гдѣ пребываетъ добрый пастырь, чтобы по незнанію не потерпѣть чего непріятнаго; и потомъ друзья къ дознанію истины преподали надежный способъ — душѣ на себя обращать вниманіе и себя познавать (потому что незнаніе себя признали началомъ и слѣдствіемъ невѣдѣнія и всего инаго, что надлежитъ знать; да и какъ познать что либо, не зная себя?); то, по достаточномъ уже очищеніи владычественнаго въ душѣ, для любящей невѣсты возсіяваетъ при этомъ Слово, одобреніемъ настоящаго побуждающее къ совершенству; ибо похвала преспѣянію влагаетъ въ преуспѣвшихъ сильнѣйшее пожеланіе наилучшаго.

Посему какое слово изречено дѣвъ истиннымъ Словомъ? *Конемъ моимъ*, сказано, *въ колесницѣхъ Фараоновыхъ уподобихъ ты, близняя Моя*. Но поелику нѣтъ возможности съ перваго взгляда усмотрѣть смыслъ сказаннаго, то надлежитъ тщательно, сколько будетъ можно, изслѣдовать предложенное. Изъ исторіи знаемъ, что конямъ Фараоновымъ противопоставлена была иная сила,—облако, жезлъ, сильный вѣтръ, раздѣленное на двое море, песчаная глубина, стѣной отвердѣвшія волны, сухая бездна, посреди водяныхъ стѣнъ (ю) образовавшаяся суша;—и все это послужило во спасеніе Израильтянамъ, тогда какъ Фараонъ со всѣмъ воинствомъ, съ конями и колесницами покрытъ былъ волнами. Посему, такъ какъ никакой конной силы не было противопоставлено египетскому воинству, то трудно дознать, какимъ конямъ, оказавшимъ себя противъ колесницъ египетскихъ, уподобляется теперь Словомъ невѣста. *Конемъ Моимъ*, говоритъ Онъ, одержавшимъ побѣду *въ колесницѣхъ Фараоновыхъ*, *уподобихъ ты близняя Моя*. Не явно ли, что, какъ невозможно одержать побѣду въ морскомъ сраженіи, не сокрушивъ силы морскаго воинства на корабляхъ противниковъ, такъ и въ конномъ сраженіи не будетъ

(ю) Въ рукописи вмѣсто: *πυρὸν* читается: *τεχὸν*.

побѣжденъ тотъ, кому противниками не противопоставлено никакой конной силы? Посему, если въ воинствѣ Египтянъ наибольшую силу составляла конница; то ей противопоставленную невидимую силу, которою совершена побѣда надъ Египтянами, Слово наименовало конями. Ибо и они чувствовали, кто борется съ ними и зывали другъ къ другу: *Господь борается на Египтяны; близьмъ отъ лица Господня* (Исх. 14, 25.). Явноже, что истинный Военачальникъ, сообразно съ военнымъ уготовленіемъ сопотивниковъ, вооружилъ собственную Свою силу. Посему была нѣкая невидимая сила, чудесами на морѣ содѣлавшая погибель Египтянъ; ее-то Слово и наименовало конями. И мы предполагаемъ, что это было Ангельское воинство, о которомъ говорить Пророкъ: *яко всядеши на кони Твоя, и язденіе Твое спасеніе* (Аввак. 3, 8.); и о колесницѣ Божіей сдѣлалъ упоминовеніе Давидъ, говоря: *колесница Божія тмами телъ* (Пса. 67, 18.); въ нее впряжены тысячи *обзующихъ*. Также и сила, подъемлющая Пророка Илію съ земли ввыспрь въ эфирную страну, называется въ Писаніи конями, да и самаго Пророка исторія называетъ *колесницею Израилевою и конями* (4 Цар. 2, 12.); и Пророкъ Захарія обошедшихъ цѣлую вселенную, тѣхъ, которыми земля населена есть и молчитъ (Зах. 1, 11.). наименовалъ конями, обращающими

Гр. Нисск. Ч. III.

рѣчь къ Всаднику, стоящему *между* двумя *горамы* (8). Посему у Обладающаго всѣмъ есть нѣкіе кони, то подъемлющіе пророка; то населяющіе вселенную; то впряженные въ колесницу; иные же въ дѣлѣ спасенія людей прие́млютъ на себя всадникомъ Бога, и иные сокрушаютъ египетскую силу. Итакъ поелику, по словамъ священнаго Писанія, оказывается великая разность въ образѣ дѣйствій, то приблизившаяся къ Богу путемъ добродѣтели уподобляется конямъ, истребителямъ египетской силы; ибо такъ говоритъ ей Слово: *конемъ Моимъ въ колесницѣхъ Фараоновыхъ уподобихъ ты, близняя Моя.*

Много великихъ похвалъ заключаютъ въ себѣ слова сїи, и уподобленіе этимъ конямъ составляетъ нѣкій перечень преслѣданій. Ибо все, что упоминается объ Израилѣ во время пресельничества у Египтянъ, рабство, тростіе, брѣніе, плинѣы, вся земляная работа, жестокіе приставники при такихъ дѣлахъ, каждый день требующіе у нихъ подати брѣніемъ, ради которыхъ и вода дѣлается кровью, и свѣтъ помрачается, и жабы вползаютъ въ дома, и пещный прахъ производитъ на тѣлахъ горящія струны, и все по порядку, пруги, скнипы, гусеницы, градъ, и что потерпѣли первородные,—все это, и то, что лучшаго пересказываетъ исторія, а именно чѣмъ совершается спасеніе Израилѣянъ,—служить поводомъ къ

похваляемъ душѣ, вступившей въ единеніе съ Богомъ. Ибо, невѣста не была бы уподоблена оной, истребившей злыхъ Египтянъ, силѣ, которою Израиль освободился отъ жестокаго мучительства, если бы не преуспѣла въ такой мѣрѣ во всемъ этомъ, и въ истребленіи Египта, и въ приуготовленіи для шествія къ Богу изъ тины египетской преселяемыхъ въ землю обѣтованія. А поелику, какъ говоритъ божественный Апостолъ, все, что содержитъ въ себѣ богодухновенное Писаніе, преднаписано въ наученіе намъ (Римл. 15, 4.); то и сказаннымъ невѣстѣ совѣтуетъ намъ Слово, что и намъ надлежитъ, воспріявъ на себя возсѣдшимъ Слово, преоборовъ египетскихъ коней съ самими колесницами и всадниками, и потопивъ въ водѣ все ихъ лукавое владычество, такимъ образомъ уподобиться оной силѣ, какъ нѣкихъ коней, погрузивъ въ водѣ сопротивное воинство. А чтобы яснѣе дознать сказанное, то вотъ значеніе его. Невозможно уподобиться тѣмъ конямъ, которыми потоплены въ глубинѣ колесницы египетскія, если кто, таинственной водою освободившись отъ рабства сопротивнику, и въ водѣ оставивъ всякую египетскую мысль и всякій иноплеменный порокъ и грѣхъ, не выдетъ изъ нея чистымъ, нисколько не вводя съ собою въ слѣдующую за тѣмъ жизнь египетской совѣсти. Ибо, кто совершенно чистъ отъ всѣхъ египетскихъ язвъ: крови,

жабъ, гнилыхъ струповъ, тмы, пруговъ, скниповъ, града, огненнаго дождя, и прочаго, о чемъ упоминаетъ исторія, тотъ достойнъ уподобиться оной силѣ, всадникомъ которой дѣлается Слово. Безъ сомнѣнія же не безвѣстно намъ, что́ означается язвами, почему язвою для Египтянъ стали: кровь, запахъ жабъ, преложеніе свѣта въ тму, и все прочее по порядку. Ибо кто не знаетъ, въ слѣдствіе какой жизни дѣлается иной кровію изъ пригоднаго прежде въ питіе, измѣнившись въ испорченное, и какими дѣлами въ собственномъ домѣ пораждаетъ зловоніе жабъ, какъ свѣтлую жизнь претворяетъ въ дѣла любезныя ночи и темныя, которыми геенская пещь разжигаетъ гнилые струпы осужденія? Такъ и каждое изъ египетскихъ золъ не трудно обратить въ назиданіе и цѣломудреніе слушателя; но напрасно было бы распространяться въ словѣ о томъ, что́ всѣми признано.

Посему, ставъ лучше ихъ и подобныхъ имъ, и приблизившись къ Богу, и сами, конечно, услышимъ: *конемъ Моимъ въ колесницѣхъ Фараоновыхъ уподобихъ тя, близняя Моя*. Но, можетъ быть, цѣломудренныхъ и ведущихъ чистую жизнь огорчаетъ уподобленіе коню, потому что многіе изъ Пророковъ запрещаютъ намъ уподобляться конямъ. Іеремія именемъ коней означаетъ прелюбодѣйное неистовство, когда говоритъ: *кони женоистовни сотвори-*

шися. *кѣйжедо къ жень искреннѣя своего ржаше* (Іер. 5, 8.). Великій Давидъ почитаетъ страшнымъ дѣломъ, если кто станетъ *яко конь и лещѣ*, и у сдѣлавшихся такими повелѣваетъ стягивать челюсти *бродяжи и уздою* (Пса. 31, 9.). Поэтому Соломонъ въ продолженіи слова отклоняетъ такую мысль, говоря: хотя ты и конь, но не таковы твои челюсти, чтобы для сжатія ихъ была нужда въ бродяхъ и уздѣ; напротивъ того ланита твоя украшается чистотою горлицъ, ибо говорить: *что украшени ланиты твоя яко горлицы?* А наблюдавшими подобныя вещи засвидѣтельствовано, что птица сія, если сожителство будетъ расторгнуто, на послѣдующее время не ищетъ себѣ пары, и такимъ образомъ въ ней естественно преуспѣваетъ цѣломудріе. Посему въ значеніи похвалы взято здѣсь имя сей птицы, то есть челюсти божественныхъ коней вмѣсто узды служатъ подобіе горлицъ, чѣмъ означается, что таковымъ конямъ прилична жизнь чистая. Посему съ удивленіемъ говорить имъ Слово: *что украшени ланиты твоя яко горлицы?*

Присовокупляетъ же Оно къ этому и другую въ уподобленіи похвалу, говоря: *выя твоя яко лонисты*. Ибо однажды вдавшись въ иносказательное значеніе, отъ видимаго у коней примышляетъ похвалу невѣстѣ; хвалитъ же выно, выгнбающуюся въ видѣ круга, какою бываетъ

она, какъ видимъ у величавыхъ коней, потому что упоминаніе о монистахъ (я) указываетъ на кругъ, видъ котораго, представляемый выею, дѣлаетъ коня благолѣпнѣйшимъ себя самаго. Ибо слово: *ὄρμος* въ собственномъ смыслѣ употребляется о приморскихъ мѣстахъ, гдѣ лунообразно вдающійся внутрь берегъ, въ пѣдра свои принимаетъ морскія воды, и составляетъ въ себѣ покой приплывающимъ изъ моря; а въ смыслѣ переносномъ тѣмже словомъ называется по наружному виду шейное украшеніе—цѣпь. И когда вмѣсто *ὄρμος*—цѣпь говоримъ уменьшительно: *ὀρμίσκος* — цѣпочка; тогда таковымъ словомъ показываемъ подобіе внѣшняго вида въ маломъ очертаніи. Посему уподобленіе выи монистамъ показываетъ, что Слово великія похвалы восписываетъ невѣстѣ (е). Во первыхъ, потому что конь, изгибая шю въ видѣ круга, смотритъ, какъ ступаютъ собственныя ноги его, которыми бѣжитъ непреткновенно и безопасно, не снотыкаясь о камень, ни оступаясь въ яму; не мало же служить къ похвалѣ души,—обращать ей вниманіе самой на себя, со всякою безопасностію ускорять божественное теченіе, преодолая и

(я) Греческое слово *ὀρμίσκος* (цѣпочка) происходитъ отъ *ὄρμος* (цѣпь, вогнутость берега, мѣсто для стоянія кораблей).

(е) По рукописи читается: *τῇ πύμνῃ*

минуя всѣ препятствія въ теченіи, бывающія отъ какихъ либо искушеній. Потомъ, самое первообразное значеніе слова: *ὄρμος*, откуда, по подобію наружнаго вида, шейное украшеніе названо монистами (*ὀρμίσκος*), заключаетъ въ себѣ преизбытокъ великихъ и тѣхъ похвалъ, когда выя уподобляется означасмому словомъ: *ὄρμος*. Какія же похвалы чрезъ это открываетъ намъ Слово? Пріятна и спасительна для пловцевъ пристань, пріятно послѣ злостраданія въ морѣ найти какой либо тихій заливъ (*ὄρμον*), гдѣ, забывъ испытанныя на морѣ бѣдствія, вполне предаются успокоенію, за продолжительные труды утѣшая себя тишиною; не имѣютъ уже болѣе ни страха кораблекрушенія, ни мысли о подводныхъ камняхъ, ни опасенія отъ разбойниковъ, ни бушеванія вѣтровъ, ни воздымаемаго вѣтрами изъ глубинъ моря; напротивъ того обуреваемые находятъ себя внѣ всѣхъ этихъ опасностей, потому что море въ заливѣ спокойно. Посему, если кто приведетъ душу свою въ такое состояніе, что въ неволненномъ безмолвіи будетъ она имѣть тишину, нисколько не возмущаемая духами злобы, не надмеваясь гордостію, не пѣнясь волнами раздражительности, не обуреваясь другою какою либо страстію, не носясь всякимъ вѣтромъ, воздвигающимъ различныя волны страстей,—если у кого душа сама приходитъ въ такое состояніе, и обуреваемыхъ въ житей-

скомъ морѣ тревоженіями всякаго рода золь упокоиваетъ въ себѣ, раскрывъ предъ ними гладкую и неволненную добродѣтельную жизнь, такъ что вступившій въ нее не подлежитъ уже бѣдствіямъ крушенія: то прекрасно уподобляется похваляемымъ въ словѣ *монистамъ*, такъ какъ множественнымъ числомъ означаетъ совершенство въ каждомъ родѣ добродѣтели. Ибо, если бы уподоблена была одному только монасту, то, конечно, похвала была бы несовершенною, какъ представляющая того же свидѣтельства и о прочихъ добродѣтеляхъ. Теперь же уподобленіе многимъ монахамъ заключаетъ въ словѣ полное свидѣтельство о добродѣтеляхъ. И это есть нѣкій совѣтъ, предлагаемый въ словѣ всей вообще Церкви,—а именно, что не должно намъ, имѣя въ виду какое либо одно изъ добрыхъ дѣлъ, оставаться нерадивыми о преслѣянніи въ прочихъ, напротивъ того если монастомъ у тебя стало цѣломудріе, чистою жизнію, какъ нѣкими бисерами, украшающее выю, то пусть будетъ у тебя и другое монисто, содержащее въ себѣ драгоценные камни заповѣдей и увеличивающее собою красоту выи; пусть будетъ у тебя и иное украшеніе на выѣ, — благочестивая и здравая вѣра, кругомъ облегающая собою выю души,—эта золотая гривна, блистающая на выѣ чистымъ златомъ боговѣдѣнія, о которой говоритъ книга Притчей: *вынецъ благодатей*

пріи неши на твоємъ версь и гривну злату о твоей выи (Прит. 1, 9.). Итакъ вотъ совѣтъ, подаваемый намъ монастами.

Время же подвергнуть обозрѣнію и послѣдующія слова, съ какими друзья Жениховы обращаются къ дѣвѣ; читаются оныя такъ: *подобія злата сотворишъ ти съ пестротами сребра. Дондеже царь на восклоненіи своемъ.* Для имѣющаго въ виду связь всей рѣчи смыслъ этихъ словъ представляется нѣсколько зависящимъ отъ сообщеннаго намъ прежде взгляда и послѣдовательно изъ него вытекающимъ; смыслъ же буквальный, получая глубину отъ переносныхъ значеній, дѣлаетъ труднымъ къ уразумѣнію выражаемое рѣчью загадочною. Поелику лѣпота души уподоблена конямъ истребителямъ египетскихъ колесницъ, то есть ангельскому воинству, а конямъ симъ, говоритъ прекрасный всадникъ, уздою служить чистота, которую означилъ онъ уподобленіемъ ланить горлицамъ, убранство же выи составляютъ различныя гривны, сіяющія добродѣтелями; то и друзьямъ желательно сдѣлать нѣкое присовокупленіе къ красотѣ коней, *подобіями злата* убравъ сбрану, которую испещряютъ чистотою серебра, чтобы тѣмъ паче сіяла красота убранства, когда свѣтлость золота срастворена съ блескомъ серебра. Но, оставивъ переносныя значенія словъ, необходимо не лишать рѣчь полезнаго для насъ смыс-

ла. Хотя душа, достигшая чистоты посредствомъ добродѣтелей, уподобилась онѣмъ конямъ; однакоже еще не подчинилась Слову, и не носила на себѣ ради спасенія Носимаго на таковыхъ коняхъ: надлежало коню сперва самому всѣмъ украситься, и тогда уже принять на себя всадникомъ Царя. Но сверху ли приспособляетъ Себѣ коня Тотъ, Кто, по слову пророка, всѣдаетъ на насъ, коней Своихъ, и къ нашему спасенію совершаетъ *язденіе* (Авв. 3, 8.), или въ насъ дѣлается обитающимъ, ходящимъ и проницающимъ до глубинъ нашей души,—нимало не разнится сіе по смыслу. Въ комъ есть что либо одно изъ того и другаго, въ томъ преуспѣетъ и остальное. Ибо имѣющій на себѣ Бога, конечно, имѣетъ и въ себѣ; и пріившій въ себя, подъялъ Того, Кто въ немъ. Посему царь упокоится на конѣ семъ: а для Божія могущества одно и тоже, какъ сказано, и сѣдалище и *восклоненіе*; то ли, другое ли будетъ въ насъ, благодать равна. Посему, такъ какъ приспѣшники царскіе, убранствомъ коня дѣлаютъ его годнымъ къ воспріятію Царя, а въ разсужденіи Бога одно и тоже быть Ему въ комъ и на комъ, то приспѣшники и служители, оставивъ продолженіе рѣчи въ переносномъ значеніи, коня содѣлали ложемъ. Ибо надлежало намъ, говорятъ они, *подобія злата* сотворить *съ пестротами сребра*, которыя украсили бы видъ коня, чтобы Царь

бытъ на немъ, поясняютъ они, не какъ на сѣдалищѣ, но какъ на *восклоненіи своемъ*. Такой видъ имѣеть связь рѣчи, какъ показало слово.

Но и слѣдующее стоить того, чтобы не проходить сего мимо, не обративъ вниманія на то, почему въ украшенія берутся не самое золото. а *подобія злата*, и не самое серебро, но изъ этого вещества на подобіи злата выбитыя *пестроты*? Наше о семъ предположеніе таково: всякое ученіе о неизреченномъ Естествѣ, хотя оно, повидимому, представляетъ всего болѣе боголѣпную и высокую мысль, есть подобіе злата, а не самое золото; ибо невозможно въ точности изобразить превысшее понятія благо. Хотя будетъ кто и Павломъ, посвященнымъ въ тайны рай, хотя услышитъ несказанные глаголы, но понятія о Богѣ пребудутъ неизразимыми; потому что, по сказанному Апостоломъ, *глаголы* о сихъ понятіяхъ *неизреченны* (2 Кор. 12, 4.). Посему сообщающіе намъ добрыя нѣкія умозаключенія о разумѣніи таинъ не въ состояніи сказать, въ чемъ состоитъ самое естество; называютъ же *сіяніемъ славы*, *образомъ гности* (Евр. 1, 3.), *образомъ* Божиимъ (Кол. 1, 15.), *Словомъ въ началѣ*, *Богомъ* *Словомъ* (Іоан. 1, 1.); все же это намъ, которые не видимъ этого сокровища, кажется златомъ, а для тѣхъ, которые въ состояніи взирать на дѣйствительное, есть не

золото, но подобіе золота, представляющееся въ тонкихъ пестротахъ серебра. Серебро же есть означеніе словами, какъ говоритъ Писаніе, — *сребро разжженное языкъ праведнаго* (Прит. 10, 20.). Посему такова выраженная симъ мысль: естество Божіе превышаетъ всякое постигающее разумѣніе, понятіе же, какое о Немъ составляется въ насъ, есть подобіе искомаго; потому что показываетъ не тотъ самый образъ, *егоже никтоже видѣлъ есть, ниже вѣдѣти можетъ* (1 Тим. 6, 16.), но какъ въ зеркалѣ и въ загадочныхъ чертахъ отѣняется нѣкоторое представленіе искомаго, составляемое въ душахъ по какимъ-то догадкамъ. Всякое же слово, означающее таковыя понятія, имѣетъ силу какой-то недѣлимой точки, которая не можетъ объяснить, чего требуетъ мысль, такъ что всякое разумѣніе ниже мысли божественной, а всякое истолковательное слово кажется непримѣтною точкою, которая не можетъ расшириться до всей широты смысла. Посему Писаніе говоритъ, что душа, руководимая такими понятіями къ помышленію о непостижимомъ, должна одною вѣрою уготовлять себя въ обитель Естеству, превосходящему всякій умъ. Сіе-то и значить, что говорить друзья: тебѣ, душа, прекрасно уподобившаяся коню, сотворимъ нѣкія изображенія по подобію истины. Ибо такова сила сихъ серебряныхъ словесъ, что реченія кажутся какимъ-

то искрометными воспламененіями, которыя не могутъ сдѣлать въ точности видимымъ заключаемаго въ нихъ смысла. Но ты, пріявъ въ себя ихъ, чрезъ вѣру содѣлайся подъяремникомъ и обителію Того, Кто по вселеніи въ тебя намѣренъ восклониться у тебя. Ибо ты— престолъ Его, а содѣлаешься и домомъ. Иный же, можетъ быть, скажетъ, что Павлова душа, или иная какая ей подобная, сподобилась таковыхъ глаголовъ. Ибо Павелъ, однажды содѣлавшись избраннымъ сосудомъ Владыкѣ, и на себѣ и въ себѣ имѣлъ Господа, бывъ и конемъ, какъ пронесшій *иля Ею предѣ языки и цари* (Дѣян. 9, 15.), и домомъ, вмѣщающимъ Невмѣстимое естество; потому что не самъ уже жилъ, но показывалъ въ немъ живущаго (Гал. 2, 2.), и представлялъ опыты, какъ въ немъ глаголетъ Христосъ (2 Кор. 13, 3.).

Когда сіе въ даръ чистой и дѣвственной душѣ принесли друзья Жениховы, то есть *служебнии души, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1, 14.); тогда невѣста, по приращеніи дарованій, дѣлается въ нѣкоторой мѣрѣ болѣе совершенною. И болѣе приблизившись къ Возлюбленному, прежде нежели красота Его открылась очамъ, къ искомому соприкасается чувствомъ обонянія, и силою сего обонянія уразумѣвъ, какъ бы качества какаго тѣла, говорить, что благовоніе Его узнала по благоуханію мвра,

которому имя — нардъ, съ такими словами обращаясь къ друзьямъ: *нардъ мой даде волю свою*. Какъ вы, говоритъ она, приносите мнѣ въ дарахъ не самое безпримѣсное золото Божества, но подобія золота, въ понятіяхъ для насъ вмѣстимыхъ, а не въ ясныхъ словахъ, открывая, что надлежитъ знать о Богѣ, мелкими пестротами словеснаго серебра представляя нѣкоторые образы искомаго; такъ и я по благоуханію моего мвра ощутила чувствомъ собственное Его благовоніе. Нѣкій подобный сему смыслъ, кажется мнѣ, имѣеть сказанное. Поелику искусственная и соразмѣрная нѣкая смѣсь изъ многихъ и различныхъ, но неразнаго качества имѣющихъ запахъ, ароматовъ составляетъ таковое мвро, одноже нѣкое вложенное въ него благовонное произрастеніе, которому имя—нардъ, именованіе сіе даетъ цѣлому составу; и сіе, изъ всѣхъ ароматическихъ качествъ слагаемое въ одно благоуханіе, достигшее чистоты чувство принимаетъ за самое благовоніе Жениха: то, какъ думаемъ, Слово научаетъ насъ сказаннымъ, что, хотя составляющее самую сущность—то, что выше произведенія существъ и управленія ими, неприступно, неприкосновенно, и непостижимо; однакоже замѣняется это для насъ тѣмъ благовоніемъ, которое, подобно мвру, приготавливается въ насъ чистотою добродѣтелей, и уподобляется чистотою своею — чистѣйшему по

естеству, благостию—благому, нерастлѣніемъ—
 нетлѣнному, неизмѣнностію—неизмѣняемому, и
 всѣми добродѣтельными въ насъ преуспѣяннѣ-
 ми—истинной добродѣтели, о которой гово-
 ритъ Пророкъ Аввакумъ, что занимаетъ всѣ
 небеса (Авв. 3, 3.). Посему неvěста, друзьямъ
 Жениховымъ произнося слова сіи: *нарѣдъ мой*
даде воню свою мнѣ, по моему мнѣнію, такъ, и
 подобно сему, любомудрствуетъ: если кто (v),
 всякій благоуханный цвѣтокъ, или аромать,
 собравъ съ различныхъ луговъ добродѣтели,
 и всю свою жизнь благоуханіемъ каждаго изъ
 своихъ назначиваній содѣлавъ единымъ (a)
 муромъ, содѣлается во всемъ совершеннымъ;
 то, хотя по природѣ не можетъ возводить не-
 уклоннаго взора къ самому Богу Слову, какъ
 и смотрѣть на солнечный кругъ; однакоже въ
 себѣ самомъ, какъ въ зеркалѣ, видитъ солнце;
 потому что лучи оной истинной и божествен-
 ной добродѣтели, истекающимъ отъ нихъ без-
 страстіемъ просіявающіе въ жизни достигшей
 чистоты, дѣлаютъ для насъ видимымъ невиди-
 мое, и постижимымъ недоступное, въ нашемъ
 зеркалѣ живописуя солнце. А что касается до
 заключающагося въ семъ понятія, одно и
 тоже, назвать ли сіе лучами солнца, или исте-

(v) По рукописи вмѣсто: *и*с читается: *и* т.е.

(a) По рукописи читается *въ мурѣ*.

ченіями добродѣтели, или ароматными благоуханіями; ибо, что ни приложимъ изъ этого къ цѣли слова, изъ всего составляется одна мысль, что добродѣтелями приобрѣтаемъ мы вѣдѣніе о благѣ, превосходящемъ всякій умъ, какъ бы по нѣкоторому образу дѣлаемъ заключеніе о первообразной Красотѣ.

Такъ и невѣста—Павелъ, уподобляющійся добродѣтелями Жениху, и жизнію живописуя въ себѣ непрístupную красоту, изъ плодовъ духа: любви, радости, мира и подобныхъ сему видовъ, муроваря сей нардъ, сказалъ о себѣ, что онъ—*Христово благоуханіе* (2 Кор. 2, 15.), и въ себѣ обоняя непрístupную оную и превосходную благодать, и другимъ предоставляя себя, свободно пользоваться имъ, какъ нѣкимъ благовоннымъ куреніемъ, между тѣмъ какъ благоуханіе, по собственному каждому расположенію дѣлается въ нихъ (б) или животворнымъ, или смертоноснымъ. Какъ одно и тоже муро, если прикоснутся къ нему кантаръ (в) и голубъ, не одинаково дѣйствуетъ на обоихъ, но голубъ отъ благоуханія мюра дѣлается болѣе сильнымъ, а насѣкомое гибнетъ: такъ дѣйствовалъ и великій Павелъ—этотъ божественный енііамъ. Если кто былъ голубъ, подобно Титу,

(б) По рукописи вмѣсто: *ες* читается *αἰς*.

(в) Насѣкомое: карапузикъ.

или Силуану, или Тимофею, то раздѣлялъ съ нимъ благовоніе мѹра, по его примѣрамъ преуспѣвая во всякомъ добрѣ. А если кто былъ Димасъ, или Александръ, или Ермогенъ; то, не терпя оуміама воздержанія, подобно насѣкомымъ, они бѣжали отъ благоуханія. Почему и сказалъ благоухающій таковымъ мѹромъ: *Христово благоуханіе есмь въ списаемыхъ и въ погибающихъ: овѣмъ убо воля смертная въ смерть, овѣмъ же воля животная въ животъ* (2 Кор. 2, 15. 16.).

Если же и евангельскій нарѣдъ имѣеть нѣчто сродное съ мѹромъ невѣсты; то, кому угодно, можетъ изъ написаннаго заключить и объ иномъ нарѣдѣ пистикѣ многоцѣнномъ, который, будучи изліянъ на главу Господа (Матѹ. 26, 7.), всю храмину исполнилъ благовонія (Іоан. 12, 3.). Можетъ быть, и этого мѹра не чуждо мѹро, которое невѣстѣ *даде волю* Жениха, въ Евангеліи же, изліянное на Самаго Господа, наполняетъ благоуханіемъ храмину, въ которой была вечеря; потому что, кажется мнѣ, и тамъ жена въ пророческомъ нѣкоемъ духѣ предсказала мѹромъ таинство смерти, какъ свидѣтельствуеть Господь о сдѣланномъ ею, говоря: *на погребеніе Мѹ сотвори* (Матѹ. 26, 12.). И Господь даетъ поводъ храмину, наполненную благовоніемъ, представлять себѣ какъ весь міръ и цѣлую вселенную, сказавъ: *идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе*
Гр. Нисск. Ч. III.

во всемъ мирѣ, благоуханіе дѣла сего будетъ передаваемо съ проповѣдію Евангелія, и самое Евангеліе, говоритъ Господь, будетъ памятникомъ сей женѣ. Итакъ, поелику въ Пѣсни пѣсней народъ дастъ невѣстѣ воню Жениха; а въ Евангеліи цѣлаго тѣла Церкви во всей вселенной и во всемъ мірѣ помазаніемъ (г) дѣлается благоуханіе, наполнившее тогда всю храмину; то, можетъ быть, по этому находится нѣкое общеніе между тѣмъ и другимъ, такъ что и то и другое кажется однимъ. И объ этомъ довольно.

Слѣдующее же изреченіе, сообразно съ содержаніемъ описываемаго въ брачной пѣсни, повидимому, произносится уготовавшеюся уже для брачнаго чертога, показываетъ же въ себѣ высшее и совершеннѣйшее любомудріе, преуспѣвать въ которомъ свойственно только совершеннымъ. Посему что значитъ сказанное: *вязаніе стакти братъ мой мнѣ; посреди сосицу моею водворится?* Говорять, что любящія наряжаться женщины не наружными только убранствами имѣютъ попеченіе привлекать къ себѣ сожителей, но стараются посредствомъ какого либо благовонія пріятными для мужей своихъ содѣлать и тѣла, подъ покровомъ одежды скры-

(г) Въ рукописи послѣ *змовъ* читается: *злѣдѣ* и *хрѣсто* вмѣсто *Христѣ*.

вая сообразно съ потребностію дѣйствующій аромать, который, издавая собственное свое благоуханіе, ароматнымъ благовоніемъ напоеваетъ и тѣло. При таковомъ же у нихъ обычаѣ, на что отваживается высокомудрая оная дѣва? *Вязаніе*, говоритъ, у меня, которое къ выѣ привѣшиваю на груди, и имъ придаю благоуханіе тѣлу,—не какой либо другой благовонный аромать, но Самъ Господь; Онъ, содѣлавшись *стакти*, возлежитъ въ *вязаніи* совѣсти, водворяясь въ самомъ сердцѣ моемъ; потому что мѣстное положеніе сердца, какъ говорятъ наблюдатели подобныхъ вещей, среди сосцевъ. Тамъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ хранится доброе сокровище, говоритъ невѣста, есть у ней *вязаніе*. Но говорятъ, что сердце есть и нѣкій источникъ въ насъ теплоты; изъ него по біющимъ жиламъ во все тѣло раздѣляется теплота, отъ которой тѣлесные члены, согрѣваемые огнемъ сердца, дѣлаются и теплыми и исполненными жизни. Посему пріятная во владычественный умъ благоуханіе Христово, и сердце свое содѣлавшая *вязаніе* не для таковаго оуміа, всѣ поодиначкѣ житейскія предначинанія, какъ члены какаго тѣла, приуготовляетъ исходящимъ изъ сердца духомъ, чтобы кипѣли они, и никакое беззаконіе ни въ одномъ тѣлесномъ членѣ не охлаждало любви къ Богу.

Но поступимъ къ слѣдующимъ словамъ. По-

слушаемъ, что говорить о плодахъ своихъ виноградная лоза, плодовая, распростирающая вѣтви, какъ выражается Пророкъ, во всѣхъ странахъ дому Божіа (Пса. 127, 3.) и кольцами любви обвивающаяся около божественной и пречистой жизни. Грезитъ Кипровъ, говоритъ она, братъ мой лишь, въ виноградныхъ Енаддовыхъ. Кто такъ блаженъ, или лучше сказать, кто столько выше всякаго таженства, что, смотря на собственный свой плодъ, въ самомъ гроздѣ души своей видитъ Владыку виноградаря? Ибо вотъ сколько возрасла въ собственномъ народѣ познающая благоуханіе Жениха, содѣлавшая Ему изъ себя благовонное стаки, въ вязаніе сердца воспріявшая аромать, чтобы благо сіе на всегда осталось у ней не выдыхающимъ; она содѣлывается матерью божественнаго грозда, до страданія пребывающаго Кипровымъ, то есть цвѣтущаго, а въ страданіи изливающаго вино; ибо вино веселящее сердце, но домостроительство страданія, дѣлается и именуется кровію гроздовою (Втор. 32, 14.). Посему такъ какъ наслажденіе гроздомъ двояко: одно цвѣтомъ, когда увеселяетъ чувства благоуханіемъ; другое—созрѣвшимъ уже плодомъ, когда можно по произволу, или наслаждаться вкушеніемъ, или увеселять себя виномъ на пиршествахъ; то здѣсь невѣста проситъ плода у цвѣтущаго грезна, цвѣтъ винограда называя Кипрою. Ибо рожденный намъ

отрокъ Иисусъ, въ пріѣвшихъ Его различно преспѣвая *премудростію и возрастомъ и благодатію* (Лук. 2, 52.), не во всѣхъ одинаковъ, но по мѣрѣ того, въ комъ пребываетъ, сколько человекъ въ состояніи вмѣстить Его, такимъ и оказывается, или младенчествуящимъ, или преспѣваюющимъ, или совершеннымъ, но природѣ грозда, который не всегда усматривается на лозѣ въ одномъ и томъ же видѣ, но мѣняется видъ со временемъ, — зеленѣя, цвѣтя, спѣя, созрѣвая, дѣлаясь виномъ (д). Посему виноградная лоза величается собственнымъ своимъ плодомъ, который, хотя не созрѣлъ еще для вина, но ожидаетъ исполненія временъ, однакоже неостается безъ употребленія для наслажденія, потому что вмѣсто вкуса увеселяетъ обоняніе, чувствулища души улаждая ожиданіемъ благъ—парами надежды: ибо вѣрность и несомнѣнность уповаемой благодати дѣлается наслѣдіемъ для терпѣливо ожидающихъ чаемаго ими. Посему-то *резніа Кипрова* есть гроздь, обѣщающій вино, но еще не содѣлавшійся виномъ, а напротивъ того цвѣтомъ (цвѣтъ же есть надежда) удостовѣряющій въ будущей благодати. Присовокупленіе же слова: *Гадди* означаетъ тучную страну, гдѣ насажденная виноградная лоза производитъ сочный и сладкій

(д) Последнія два слова дополнены по рукописи.

плодъ. Описатели мѣстностей говорятъ, что участокъ Гадди способенъ произращать сочные грозды. Посему, такъ какъ чья воля согласна съ закономъ Господнимъ, кто въ немъ поучается всю ночь и весь день, тотъ дѣлается вѣчно зеленѣющимъ древомъ, утучняемымъ притоками водъ, приносящимъ плодъ въ надлежащее время; то и лоза Женихова поэтому, насажденная въ Гадди—мѣстѣ тучномъ, то есть въ глубинѣ разумѣнія, орошаемая и возвращаемая божественными ученіями, плодопринесла сей цвѣтущій и *Кипровъ грезнь*, въ которомъ видитъ своего Дѣлателя и Насадителя. Какъ блаженно таковое дѣланіе, котораго плодъ уподобляется образу Жениха! Поелику Женихъ, какъ говоритъ Премудрость, есть истинный свѣтъ, истинная жизнь, истинная правда, и все сему подобно; то, когда кто либо въ дѣлахъ оказывается тѣмъ же, чѣмъ и Женихъ, тогда онъ (е), смотря на гроздь собственной своей совѣсти, видитъ въ немъ Самаго Жениха, въ свѣтлой и чистой жизни, какъ въ зеркалѣ, отражая свѣтъ истины. Посему и говоритъ плодовитая лоза: мой есть *грезнь*, по цвѣту *Кипровъ*, тотъ самый истинный грезнь, показавшій себя на *жерди* древяной (Чис. 13, 24.), котораго кровь для спа-

(е) По рукописи читается: οἷτος, а не οἶτω.

саемыхъ и веселящихся удобопіема и спасительна, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

В Е С Т Ъ Д А Ч.

(1, 14) *Се еси добра искренняя моя, се еси добра: очи твои юлюбивы.* (15) *Се еси добръ братъ мой, и еще красенъ: одръ наши со оспіеніемъ,* (16) *преклады наши кедровыя, дски наши кипарисныя.* (2, 1) *Азъ цвѣтъ полный, и кринъ удоольный.* (2) *Якоже кринъ въ терніи, тако искренняя моя посреди дщерей.* (3) *Яко яблонь посреди деревьевъ лсныхъ, тако братъ мой посреди сыновъ: подъ снь Ею восхотѣхъ и спдохъ, и плодъ Ею сладокъ въ юртани моемъ.* (4) *Введите мя въ домъ вина, вчините ко мнѣ любовь:* (5) *утвердите мя въ муръхъ, положите мя въ яблочьхъ: яко уязвлена любовію азъ.* (6) *Шуйца Ею подъ главою моею, и десница Ею оббишетъ мя.* (7) *Заключъ васъ дщери Іерусалима въ силахъ и крѣпостехъ сема: аще поставите, и возбудите любовь, дондеже восхоцетъ.*

Сказываютъ, что очищающіе золото по правиламъ искусства (ж), если красота блеска его померкла отъ какого либо съ намѣреніемъ при-

(ж) Здѣсь въ рукописи дополнено слово: *изумковъ*.

мѣшеннаго нечистаго вещества, помогаютъ доброцѣтности плавленіемъ на огнѣ, повторяютъ это неоднократно, и при каждомъ расплаиваніи смотрятъ, на сколько послѣ перваго при послѣдующемъ плавленіи золото стало свѣтлѣе, и до тѣхъ поръ не перестаютъ очищать вещество огнемъ, какъ самый видъ золота засвидѣтельствуетъ собою, что оно чисто, и не имѣетъ никакой подмѣси. А почему, приступая къ настоящему обозрѣнію прочитаннаго, сдѣлали мы упоминаніе объ этомъ, будетъ сіе для насъ явствовать изъ самаго смысла того, что написано. Естество человѣческое въ нѣчалѣ было какое-то златое и сіяющее подобіемъ пречистому благу; но послѣ сего отъ примѣси порока содѣлалось худоцѣтнымъ и чернымъ; какъ въ первыхъ стихахъ пѣсни слышали мы отъ невесты, что нерадѣніе о виноградѣ содѣлало ее очерненною. Его-то врачуя отъ безобразія, въ премудрости зиждущій все Богъ не новую какую либо красоту, которой не было прежде, устрояетъ для него, но очерненное преппавля въ чистое, чрезъ это разложеніе приводитъ его въ прежнюю лѣпоту. Посему, какъ строгіе испытатели золота послѣ перваго плавленія смотрятъ, на сколько прибыво красоты въ веществѣ утратившемъ нечистоту въ огнѣ, и потомъ, послѣ втораго плавленія, если недостаточно очищено первымъ, вычисляютъ увеличивающуюся кра-

соту золота, и многократно дѣлая тоже, извѣстными наукѣ средствами пробовать, узнають всегда приращеніе красоты; такъ и теперь Исправляющій это очерненное золото, какъ бы плавленіемъ какимъ, просвѣтляя душу подаваемымъ ей врачествами, въ предшествовавшихъ сему словахъ засвидѣтельствовалъ о благообразіи въ видимомъ какихъ-то коней, а теперь уже открывшуюся въ дѣвѣ красоту одобряетъ какъ дѣйствительно красоту дѣвы; ибо говоритъ: *се еси добра искренняя моя, се еси добра: очи твои юзубишь.*

Слово научаетъ сказаннымъ, что возстановленіе красоты состоитъ въ томъ, чтобы чело-вѣку содѣлаться искреннимъ Источника' красоты, снова приобщиться къ истинной красотѣ, отъ которой онъ удался. Ибо сказано: *се добра еси искренняя моя.* Потому прежде сего не была ты *добра*, что, ставъ чуждою первообразной красоты, отъ дурнаго сближенія съ порокомъ, измѣнилась до гнусности. Смыслъ же сказуемаго таковъ: естество чело-вѣческое содѣлалось готовымъ принимать все, чтó ему по мысли; и къ чему поведетъ его наклонность произвола, въ то и измѣняется; принявъ въ себя страсть раздражительности, дѣлается раздраженнымъ; когда одолѣетъ похоть, предается сластолюбію; когда явится наклонность къ боязни, къ страху и къ одной изъ страстей, принимаетъ на себя образъ

каждой страсти; какъ и на оборотъ великодушіе, чистоту, миролюбіе, негнѣвливость, несокрушимость печалями, отважность, непреукновенность,—всѣ сіи качества пріявъ въ себя, отличительный признакъ cadaго изъ нихъ выказываетъ состояніемъ души, наслаждаясь въ безмятежии миромъ. Посему, такъ какъ добродѣтель не имѣетъ никакихъ связей съ порокомъ, слѣдуетъ, что невозможно быть обoимъ вмѣстѣ въ одномъ челоѣкѣ; отступившійся отъ цѣломудрія непремѣнно предается невождержной жизни, и возгнушавшійся нечистою жизнью самымъ отвращеніемъ отъ зла преуспѣваетъ въ жизни неоскверненной; такъ и все другое: смиренномудренный далекъ отъ гордыни, и надмившійся кичливостію отринулъ смиренномудріе. И какая надобность останавливаться на семъ, говоря о всемъ подробно? Какъ въ разсужденіи того, что противоположно по естеству, отсутствіе одного дѣлается положеніемъ и присутствіемъ другаго; такъ, поелику имѣемъ мы произволеніе, и въ нашей власти—сообразоваться, съ чѣмъ намъ желательно, то содѣлавшейся красивою прилично говорить Слово: отступивъ отъ общенія съ зломъ, приблизилась ты ко Мнѣ, а ставъ близкою къ неприступной (з) красотѣ, сама

(з) По рукописи: къ первообразной.

содѣлалась прекрасною, подобно нѣкому зер-
калу, изобразивъ въ себѣ Мои черты. Ибо
дѣйствительно зеркалу подобенъ человѣкъ,
претворяющійся согласно съ образами произ-
вольно избранными. Увидить ли онъ золото,
является золотомъ, и показываетъ въ образѣ
самые лучи сего вещества; появится ли что
отвратительное, — чрезъ уподобленіе отпечат-
лѣваетъ въ себѣ гнусность этого, представляя
въ собственномъ своемъ видѣ какую нибудь
лягушку, или жабу, или тысяченожку, или иное
что либо непріятное на взглядъ, что только
изъ этого нашлось бы передъ глазами. Итакъ,
поелику душа, которую очистило Слово, по-
рокъ оставивъ позади, приняла въ себя сол-
нечный кругъ, и сама возсіяла съ явившимся
въ ней свѣтомъ; то посему говорить ей Слово:
прекрасна уже ты стала, приблизившись къ
Моему свѣту, приближеніемъ привлеки обще-
ніе красоты.

Се еси добра, продолжаетъ Женихъ, *искрен-*
няя моя; потомъ, останавливая на ней внима-
ніе, и какъ бы усмотрѣвъ, что совершается
въ ней какое-то приращеніе и усиленіе кра-
соты, снова повторяетъ тоже слово, сказавъ:
се еси добра. Но произнося это въ первый
разъ, наименовалъ ее искреннею; а здѣсь на-
зываетъ, какъ узнается она по виду очей; ибо
говорить: *очи твои юлюбивы*. Прежде, когда
уподобляема была конямъ, похвала ограничи-

валась ланитою и выей; теперь же, когда явною стала собственная ся красота, похвывается пріятность очей. А похвала очей состоитъ въ томъ, что *очи голубинь*; сіе же, кажется мнѣ, даетъ видѣть такую мысль: поелику въ чистыхъ зѣницахъ очей бываютъ видимы лица, на которыя око пристально смотритъ (ибо свѣдущіе въ естествословіи говорятъ, что глазъ, принимая въ себя вторженія подобій, которыя текутъ отъ видимыхъ вещей, чрезъ это самое производитъ зрѣніе); то поэтому похвалою благообразія очей дѣлается видъ голубицы, открывающійся въ ихъ зѣницахъ; ибо на чтò человѣкъ пристально смотритъ, подобіе того и въ себя пріемлетъ. Посему, такъ какъ не смотря уже на плоть и кровь, обращаетъ онъ взоръ къ жизни духовной, какъ говоритъ Апостолъ, духомъ живя, духомъ ходя (Гал. 5, 25.), духомъ умерщвляя дѣянія плотскія (Рим. 8, 13.), и ставъ всецѣло духовнымъ, а не душевнымъ и не плотскимъ; то поэтому о душѣ, освободившейся отъ плотскаго пристрастія, дается свидѣтельство, что въ очахъ у него видъ голубицы, то есть, что въ зрительной силѣ души свѣтятся черты жизни духовной. Итакъ, поелику чистымъ содѣлалось око невѣсты, и способнымъ принять въ себя черты голубицы; то начинаетъ она посему взирать на красоту Жениха. Теперь дѣва въ первый разъ пристально смотритъ на образъ Жениховъ, когда

въ очахъ у ней голубица. Ибо никто же можетъ реши Господа Иисуса, точію Духомъ Святымъ (1 Кор. 12, 3.).

И дѣва говоритъ: *се еси добръ братъ мой, и еще красенъ*. Съ этого времени ни что другое не кажется мнѣ прекраснымъ; напротивъ того отвратилась я отъ всего, что прежде почиталось такимъ: не ошибаюсь уже въ сужденіи о красотѣ, такъ чтобы прекраснымъ признать что, кромѣ Тебя, или какую человѣческую похвалу, или славу, или знатность, или могущество въ этомъ мірѣ. Хотя для обращающихъ вниманіе на чувство и прикрашено это призракомъ красоты, но оно не то, чѣмъ признается. Да и какъ быть прекраснымъ тому, что даже вовсе не имѣетъ самостоятельности? Ибо высоко цѣнимое въ этомъ мірѣ имѣетъ бытіе въ одномъ только мнѣніи думающихъ, что оно существуетъ. Но Ты дѣйствительно прекрасенъ, и не только прекрасенъ, но всегда таковъ въ самой сущности прекраснаго, непрестанно пребывая тѣмъ, что Ты Самъ въ Себѣ, не временемъ цвѣтешь, а въ другое время перестаешь опять цвѣсти, но вѣчности жизни спротяженна Твоя красота; ей имя—человѣколюбіе. Ибо отъ колѣна Іудова возсіялъ намъ Христосъ (Евр. 7, 14.), іудейскій же народъ состоитъ въ братствѣ съ народомъ, приходящимъ къ Тебѣ изъ язычниковъ: посему, по причинѣ явленія Божества Твоего

во плоти, прекрасно Ты наименованъ братомъ возлюбившей.

Потомъ дѣва присовокупляетъ: *одръ нашъ со ослѣніемъ*, то есть, естество человѣческое познало Тебя, или познаетъ, по домостроительству содѣлавшагося пріосѣненнымъ. Ибо говоритъ дѣва: ты, добрый братъ, прекрасно и пришелъ къ одру нашему. содѣлавшись пріосѣненнымъ: а если бы не пріосѣнилъ Ты Самъ Себя, пречистый лучъ Божества прикрывъ зракомъ раба, кто стерпѣлъ бы Твое явленіе? *Не бо узритъ кто лице Божіе, и живъ будетъ* (Исх. 33, 20.). Посему Ты, прекрасный, пришелъ, но содѣлавшись такимъ, что мы могли принять Тебя;—пришелъ, лучи Божества пріосѣнивъ покровомъ тѣла. Ибо естество смертное и скорогибнущее какъ могло бы уготовиться къ сочетанію съ естествомъ пречистымъ и непрístupнымъ, если бы между нами, живущими во тмѣ, и между свѣтомъ, не послужила средою сѣнь тѣла? *Одромъ* же именуетъ невѣста единеніе естества человѣческаго съ Божествомъ, объясняя оное въ примѣнительномъ смыслѣ, какъ и великій Апостолъ обручаетъ насъ Христу дѣву, уневѣщиваетъ душу, и говоритъ, что прилѣженіе другъ къ другу двоихъ до общенія въ одно тѣло есть великая тайна единенія Христова съ Церковію; ибо, сказавъ: *будетъ два въ плоть одну*, присовокупилъ: *тайна сія велика есть: азъ же*

малою во Христа, и во Церковь (Еф. 5, 32.). По сей-то тайнѣ душа—дѣва общеніе съ Богомъ наименовала *одромъ*. А симъ *одромъ* не иначе возможно было сдѣлаться, какъ въ слѣдствіе пришествія къ намъ Господа пріосѣненнаго тѣломъ.

Онъ не только Женихъ, но и домоздатель; Самъ и зиждетъ въ насъ домъ, и служитъ веществомъ (и) для зданія. Ибо налагаетъ на домъ кровлю, украшая дѣло веществомъ негниющимъ,—а таковы кедръ и кипарисъ, въ которыхъ свойственная деревьямъ твердость выше всякой причины гніенія; ни времени не уступаетъ. ни червю не даетъ въ себѣ зародиться, ни плѣсенью не изъѣдается. Изъ деревъ сихъ кедры, такъ какъ длинны, связываютъ широту дома подъ кровлю: а кипарисы такъ называемою обшивкою украшаютъ внутреннее устройство дома. Читается же сіе такъ: *преклади долу нашего кедровыя доски наши кипарисныя*. Но загадочное значеніе деревъ, безъ сомнѣнія, явно для тѣхъ, которые слѣдятъ за связію мыслей. Господь въ Евангеліи различныя прираженія искушеній именуеть дождемъ, говоря о хорошо построившемъ домъ на камнѣ, что *сиде дождь, и возвѣяша вѣтры, и придоша рѣки* (Матѳ. 7, 25.), и зданіе осталось ничего

(и) По рукописи вмѣсто *ολης* читается *ολη*

не претерпѣвшимъ при этомъ. Итакъ, по причинѣ сего зловреднаго дождя, потребны намъ таковыя *преклады*, а ими будутъ добродѣтели, которыя, будучи тверды и неуступчивы, не допускаютъ внутрь себя притока искушеній, да и во время искушеній противятся вліянію порока. Дознаемъ же сказанное, съ предлагаемымъ здѣсь сличивъ изреченіе у Екклесіаста; ибо тамъ говорится: *въ лѣнностяхъ слирится стропѣ, и въ празднествѣ рукѣ прокалаетъ трамлина* (Еккл. 10, 18.). Если дерева, употребленныя на кровлю, по тонкости гибки и не тверды, а хозяинъ дома лѣнивъ для того, чтобы приложить попеченіе о зданіи, то не будетъ пользы отъ кровли, и дождь протечетъ каплями. Ибо кровля по необходимости вдавливается, уступая тяжести воды, и хилость деревъ не противится, подламываясь отъ прираженія тяжести; посему вода, скопившаяся во впадинѣ, переходитъ внутрь, и самыя *капли*, по слову притчи, *изноняютъ человека изъ дому* въ дождливый день (Прит. 27, 15.). Такъ загадочнымъ значеніемъ притчи повелѣвается, чтобы по твердости добродѣтелей были мы неуступчивы притокомъ искушеній, безъ чего размягчаемые прибоемъ страстей сдѣлаемся со впадинами, и примемъ въ свои таибницы со внѣ проникающій въ сердце притокъ такихъ водъ, отъ которыхъ портится берегаемое въ насъ. *Кедры* же сіи суть *Ливанстіи*, *ихже на-*

садилъ Господь, на которыхъ *птицы вознпз-
дятся*, которыми *еродіево жилище предводи-
тельствуетъ* (Пса. 103. 16. 17.). Итакъ кедры,
то есть добродѣтели, доставляютъ безопас-
ность дому брачнаго ложа: на нихъ гнѣздятся
души, содѣлавшіяся птицами, и улетѣвшія отъ
сѣтей, ими *предводительствуетъ еродіево жи-
лище*, которымъ Писаніе называетъ домъ; ска-
зываютъ же, что птица сія имѣетъ отвращеніе
отъ совокупленія, и если по какой-то естествен-
ной необходимости составляютъ они между
собою пары, то дѣлаютъ сіе, сжимаясь при
этомъ съ негодованіемъ, и выказывая неудо-
вольствіе; почему, кажется мнѣ, именемъ сей
птицы слово Божіе загадочно означаетъ чи-
стоту.

Сіи же *преклады* на кровлѣ чистой ложницы
видитъ невѣста; усматриваетъ же и кипарис-
ное украшеніе, которое какою-то выглажен-
ностію и складностію въ сложеніи частей при-
даетъ блескъ видимой красотѣ; ибо невѣста
говоритъ, что кипарисная обшивка кровли; а
обшивкою называется какое-то сплоченіе при-
лаженныхъ и чисто выструганныхъ досокъ,
разнообразящее красоту кровли. Чему же симъ
научаемся? Кипарисъ естественно благовоненъ;
онъ не допускаетъ также гнилости и приго-
денъ для всякой художественной плотничной
работы, по своей гладкости и стройности
слоевъ годенъ также для рѣзныхъ украшеній.

Посему, думаю, научаемся мы сказаннымъ, не только по навыку преснѣвать въ добродѣтеляхъ тайно, но не быть нерадивыми и о видимомъ благообразіи. Ибо надлежитъ промышлять *добрая* предъ Господомъ и предъ *человѣки* (Рим. 12, 13.), быть явленными *Богowi*, и увѣщавать *человѣки* (2 Кор. 5, 11.), *свидѣтельство добро имѣти отъ вѣнниихъ* (1 Тим. 3, 7.), сіять предъ людьми *дѣлами свѣтлыми*, и *благообразно ходитъ ко вѣнниимъ* (1 Сол. 4, 12.). Таковы *дски* по благоуханію Христову, намекомъ на которое служить кипарисъ, искусно обдѣływасмый въ благообразіи жизни, какъ прекрасно и стройно умѣлъ слагать подобное сему премудрый здатель Павелъ, который говоритъ: *вся у васъ по чину и благообразно да бываютъ* (1 Кор. 14, 40.).

Такъ по преуснѣяннi въ этомъ бываетъ приращеніе въ насъ красоты, потому что равнина нашего естества произращаетъ благоуханный и чистый цвѣтъ; имя же цвѣту: кринъ, въ которомъ естественно усматриваемая бѣлизна даетъ подразумѣвать блистаніе цѣломудрія. Ибо сіе сказуетъ о себѣ невѣста, говоря: послѣ того, какъ при одрѣ нашемъ пріоснѣненъ сталъ тѣломъ Женихъ, который построилъ Себѣ меня въ домъ, кровлю подперевъ кедромъ добродѣтелей, и потолокъ украсивъ благоуханіемъ кипарисовъ, и я на полѣ естества содѣлалась цвѣтомъ, отличающимся отъ прочихъ цвѣтовъ

и доброцвѣтностію и благоуханіемъ; ибо возрасла изъ удолий криномъ. Читается же сіе такъ: *азѣ цвѣтъ польный, и кринѣ удольный.* Ибо дѣйствительно, по предварительному нашему обозрѣнію, душа воздѣлана на равнинѣ естества. И слыша о полѣ, разумѣмъ широту человѣческаго естества, способность его принимать въ себя многія и безчисленныя понятія, реченія и уроки. Итакъ обработанная Воздѣлывающимъ естество наше, показаннымъ выше способомъ, душа благоуханнымъ, бѣлымъ и чистымъ цвѣтомъ возрастаетъ на полѣ нашего естества. Поле же сіе, хотя, по сравненію съ небеснымъ жительствою, именуется *удоліемъ*, но тѣмъ не менѣе есть поле, и воздѣланной на немъ душѣ нѣтъ препятствія правильно сдѣлаться цвѣтомъ; потому что ростокъ изъ углубленія восходитъ въ высоту, что, какъ можно видѣть, бываетъ съ криномъ. Ибо стебель крина, по большей части въ видѣ тростника выбѣгая отъ корня прямо въ верхъ, даетъ потомъ на верхушкѣ цвѣтокъ, находящійся въ немаломъ промежуточномъ разстояніи отъ земли, чтобы, какъ думаю, красота его въ превыспренности оставалась чистою, не оскверняемою смѣшеніемъ съ землею.

Посему и правдивое око, взирая на содѣлавшуюся, или вождѣлѣвшую содѣлаться, цвѣтомъ дѣву (ибо въ сказанномъ подразумѣваемъ то и другое,—или что величается она,

какъ содѣлавшаяся тѣмъ, чѣмъ возжелала, или что должна стать цвѣтомъ Дѣлателя, по Его премудрости изъ улолий человѣческой жизни появившись въ красотѣ крина),—правдивое, говорю, око Жениха, видя благое вождельнѣе взирающей на Него дѣвы, намѣревается ли только она содѣлаться, или уже содѣлалась. чѣмъ пожелала, прекрасно изъявило изволеніе, чтобы содѣлалась она криномъ, не заглушаемымъ терніями жизни, которыя Женихъ наименовалъ *дщерами*, молча, какъ думаю, указывая на враждебныя человѣческой жизни силы, которыхъ отецъ называется обрѣтателемъ злобы. Посему Женихъ говоритъ: *якоже кринъ въ терніи, тако сестра Моя посреди дщерей*. Какое усматриваемъ совершающееся въ душѣ преспѣваніе въ восхожденіи на высоту! Первое восхожденіе то, что душа уподобилась конямъ, истребителямъ египетской силы; второе восхожденіе—то, что стала искреннею и содѣлала очи свои голубиными; посему третіе восхожденіе—то, что наименована не искреннею только, но сестрою Владыки. Ибо говоритъ Онъ: *изже аще сотворитъ волю Отца Моего, Изже есть на небесѣхъ, той братъ Мой и сестра Ми и мати есть* (Матѣ. 12, 49.).

Итакъ невѣста, поелику содѣлалась цвѣтомъ, и тернистыя искушенія нимаю не повредили ей въ томъ, чтобы стать криномъ, забывъ же люди своя и долгъ отца своего (Пса. 44, 11.).

обратила она взоръ къ истинному Отцу; то посему и именуется сестрою Господа, какъ введенная въ сіе родство Духомъ всыновленія, и освободившаяся отъ общенія съ дщерями лжеименнаго отца, снова содѣлывается превзошедшею себя самую, и очами голубиными, то есть духомъ пророчества, видитъ тайну. Говорить же она слѣдующее: *яко яблонь посреди деревьевъ лѣсныхъ, тако братъ мой посреди сыновъ*. Посему что же видитъ она? Святое Писаніе именуетъ обыкновенно лѣсомъ нечистую человѣческую жизнь, заросшую различными видами страстей, гдѣ гнѣзятся и укрываются губительные звѣри, природныя свойства которыхъ, при свѣтѣ и солнцѣ оставаясь бездѣйственными, пріобрѣтаютъ силу во тмѣ; ибо по захожденіи солнца, говоритъ Пророкъ, съ наступленіемъ ночи, во время ея звѣри выходятъ изъ норъ (Пса. 103, 19. 20.). Итакъ, поелику пустынный звѣрь, питающійся въ лѣсу, разорилъ прекрасный виноградъ естества человѣческаго, какъ говоритъ Пророкъ: *озоба ѿ вервь отъ дубравы, и уединенный дивій пояде ѿ* (Пса. 79, 14.), то въ лѣсу насаждается посему яблонь, которая какъ тѣмъ, что она дерево единой сущности съ человѣческимъ веществомъ (ибо искушено *по всяческому по подобію развѣтрѣха* (Евр. 4, 15.)), такъ и тѣмъ, что приноситъ такой плодъ, которымъ улаждаются чувствилища души, боль-

шее имѣть отличіе отъ лѣса, нежели какое у крина отъ тернія. Ибо кринъ имѣетъ пріятность только по виду и благоуханію, а пріятность яблони удовлетворяетъ тремъ чувствамъ, увеселяя глазъ красотою вида, услаждая чувство обонянія благовоніемъ, и дѣлаясь пищею, доставляетъ услажденіе чувству вкуса. Посему невѣста хорошо видитъ различіе свое со Владыкою: потому что Онъ бываетъ намъ усладою для очей, ставъ свѣтомъ, и муромъ для обонянія, и жизнію для ядущихъ; *ядый Его живъ будетъ*, какъ нѣгдѣ говоритъ Евангеліе (Іоан. 6, 57.), а человѣческое естество, усовершенное добродѣтелію, дѣлается цвѣтомъ, только не дѣлателя питающимъ, но украшающимъ себя само. Ибо не Онъ имѣетъ нужду въ нашихъ, но мы нуждаемся въ Его благахъ, какъ говоритъ Пророкъ: *ближѣ моихъ не потребуши* (Пса. 15, 2.).

Посему достигшая чистоты душа видитъ Жениха, содѣлавшагося яблонію *посредь деревьевъ лѣсныхъ*, чтобы, прививъ къ Себѣ всѣ дикія вѣтви въ лѣсу, пріуготовить къ обильному произращенію подобнаго плода. Посему, какъ, по причинѣ уподобленія тернію, признали мы чадами лжеименнаго отца тѣхъ дщерей, которыя, будучи насаждены подлѣ цвѣта, со временемъ и сами переходятъ къ благодати крина: такъ и здѣсь, услышавъ объ уподобившихся таковымъ лѣснымъ деревьямъ, предпо-

лагаемъ, что означаютъ не друзей, но противниковъ Жениховыхъ и тѣ, которыхъ изъ бывшихъ сынами тмы и чадами гнѣва Женихъ общеніемъ плода преобразуетъ въ сыновъ свѣта и въ сыновъ дня.

Почему обучившая чувствія душа говорить: *плодъ Его сладокъ въ уртамъ моимъ*. Плодъ же, безъ сомнѣнія, есть ученіе; ибо Пророкъ говоритъ: *коль сладка уртамъ моимъ словеса Твоя, нче меда устои мои* (Пса. 118, 103.). *Яко яблонь посреди деревьевъ лѣсныхъ, тако братъ мой посреди сыновъ: подъ сѣнь Его восхотѣхъ и спдохъ, и плодъ Его сладокъ въ уртамъ моимъ*. Ибо тогда подлинно наслаждаются Словомъ чувствилища души, когда при зноѣ искушеній осѣняетъ насъ сѣнь яблони, и не даетъ намъ сгарать отъ такого солнца, опаляющаго обнаженную голову. Но найти прохладу подъ сѣнью древа жизни можно не иначе, какъ развѣ когда вождельніе приводитъ къ тому душу. Видишь, для чего вложена въ тебя вождельвающая сила?—для того, чтобы возбудить въ тебѣ любовь къ яблонѣ, наслажденіе которою въ приближающихся бываетъ многообразно; потому что и глазъ упокоевается видѣніемъ красоты, и носъ вдыхаетъ благоуханіе, и тѣло питается, и уста наслаждаются, и отвращается зной, и сѣнь дѣлается престоломъ, на которомъ возсѣдаетъ душа, отрeksiсь отъ *спдальища убителей* (Пса. 1, 1.).

Потомъ невѣста говоритъ: *введите мя въ домъ вина, вчините ко мнѣ любовь: утвердите мя въ мѣрьхъ, положите мя въ яблоцехъ: яко уязвлена любовію азъ.* Душа, прекрасно уподобившаяся конямъ, чтобы совершить ей божественное теченіе, какъ бы частыми и усиленными скачками, простирается впередъ, не возвращается же назадъ къ тому, что улучила въ достигнутомъ уже прежде. Она жаждетъ еще, и такова сила жажды, что не довольствуется чашею премудрости, для утоленія жажды не почитаетъ достаточнымъ влить въ уста цѣлую чашу. но домогается, чтобы ввести ее въ самый домъ вина, чтобы примкнуть уста къ самымъ точиламъ, изливающимъ сладкое вино, увидѣть гроздь, сгнетаемый въ точилахъ, и ту виноградную лозу, которая питаетъ таковой гроздь, и Дѣлателя истинной виноградной лозы, содѣлывающаго гроздь сей столько питательнымъ и пріятнымъ. Излишнимъ было бы дѣломъ разбирать каждое изъ сихъ понятій порознь, потому что явно усматриваемое въ каждомъ изъ нихъ переносное значеніе. Безъ сомнѣнія же желательно уразумѣть оную тайну, почему отъ истоптанія точила багряными дѣлаются Жениховы одежды, о которыхъ говоритъ Пророкъ: *почто червленны ризы твоя, и одежды твоя яко отъ истоптанія точила* (Иса. 63, 2.)? Ради сего и подобнаго сему невѣста желаетъ быть внутри

дома, въ которомъ совершается сіе таинство вина. Потомъ, вошедши внутрь, устремляется еще къ большему. Ибо проситъ подчинить ее любви,—*любы* же, по слову Іоанна, *есть Богъ* (1 Іоан. 4. 8.), подчинить Которому душу, какъ объявилъ Давидъ, *есть спасеніе* (Пса. 61, 2. . Итакъ, говоритъ невѣста, поелику я въ домѣ вина, то подчините меня любви, или *вчините ко мнѣ любовь*. Какую ни употребишь перестановку словъ, въ томъ и другомъ случаѣ, то есть, когда душа, или подчиняется любви, или подчиняетъ себѣ любовь, означаемое тоже.

Или, можетъ быть, сими словами научаемся мы одному изъ высшихъ догматовъ, а именно тому, какую любовь надлежитъ воздавать Богу, и какое имѣть расположеніе къ другимъ. Ибо, если надобно всему быть по чину и благообразно, то въ подобномъ сему тѣмъ паче прилична чинность. И Каинъ не былъ бы осужденъ за то, что худо *раздѣлилъ*, если бы, *право* принеся, сохранилъ приличіе по чину касательно того, что было имъ оставлено на потребу себѣ, и что посвящено Богу. Ему должно было въ жертву Богу принести начатки изъ первородныхъ, а онъ, что было болѣе цѣннаго, тѣмъ насытившись самъ, предложилъ Богу остатки. Посему надлежитъ знать чинъ любви, предписываемый закономъ,—какъ надобно любить Бога, какъ ближняго, и жену,

и врага, чтобы исполненіе любви не содѣлалось какимъ-то безпорядочнымъ и превратнымъ. Ибо Бога любить должно всѣмъ сердцемъ, всею душою и силою и всѣмъ чувствомъ, а ближняго, какъ себя самаго, и жену тому, у кого чистая душа, какъ Христосъ любить Церковь, а тому, кто болѣе страстенъ, какъ свое тѣло; такъ повелѣваетъ установитель порядка во всемъ подобномъ, Павелъ (Ефес. 5, 25, 28.): и врага любить должно такъ, чтобы не воздавать зломъ за зло, но благодѣніемъ вознаграждать за обиду. Нынѣ же можно видѣть, что любовь у многихъ смѣшана, безпорядочна, по причинѣ ничѣмъ несогласимой нестройности дѣйствуетъ погрѣшительно. Одни и деньги, и почести, и женъ, если расположены къ нимъ горячѣе, любятъ отъ всей души и всѣми силами, такъ что желали бы положить за нихъ и жизнь; а Бога только для вида; ближнему же едва оказываютъ и такую любовь, какую предписано имѣть ко врагамъ; а къ ненавидящимъ имѣютъ такое расположеніе, чтобы огорчившимъ отмстить большимъ зломъ. Итакъ неvěста говорить: *очините ко мнѣ любовь*, чтобы воздавала я ее Богу, сколько должно, а каждому изъ другихъ безъ недостатка въ надлежащей мѣрѣ.

Или въ словѣ семъ можно подразумѣвать и слѣдующее: послѣку я, говоритъ неvěста, возлюбленная въ началѣ, за преслушаніе была

причислена ко врагамъ, а нынѣ снова возвратилась въ ту же милость, любовію примирившись съ Женихомъ; то законность и неизмѣнность сей милости подтвердите мнѣ вы, друзья Жениховы, со тщаніемъ и внимательностію соблюдая непремѣнною во мнѣ склонность къ лучшему.

Сказавъ это, невѣста опять переходитъ къ болѣе возвышенной рѣчи; потому что просить для прочности благъ подкрѣпить ее мурами, и говорить: *утвердите мя въ мѣрѣхъ*. Какія необычайныя и новыя подпоры! Какъ мура содѣлаются столпами дома? Какъ твердость построенія кровли опирается на благоуханіи? Не явно ли, конечно, что достоиніе добродѣтелей, многими способами съ успѣхомъ пріобрѣтаемое, по различію дѣйствій и именуется? Ибо не только увидѣть доброе и придти въ общеніе съ наилучшимъ, но и сохранить непреклонность въ прекрасномъ есть добродѣтель. Посему желающій быть утвержденнымъ *въ мѣрѣхъ* домогается себѣ твердаго пребыванія въ добродѣтеляхъ. Ибо добродѣтель есть мура, потому что она удалена отъ всякаго зловонія грѣховъ.

Иный подивится сказанному въ слѣдъ за симъ: почему возжелѣваетъ невѣста устлать домъ не кустами какими, и тернами, и сѣномъ, и тростникомъ, лучше же, какъ говоритъ Апостолъ, не древами, тростіемъ и сѣ-

номъ (1 Кор. 3, 12.), изъ чего уготовляются вещественные дома; но постилкою на потолокъ дома у ней служатъ яблоки: ибо говорить: *положите ля въ яблоцѣхъ*, чтобы этотъ плодъ сталъ для нея всѣмъ и во всемъ,—красотою, муромъ, услаждениемъ, пищею, прохладою, доставляемою имъ тѣнью, покойнымъ сѣдалищемъ, подпирающимъ столпомъ, покрывающимъ потолокомъ. Ибо, какъ красота, съ вожделѣніемъ разсматривается; какъ муро, доставляетъ пріятность обонянію, какъ пища, утучняетъ тѣло и услаждаетъ вкусъ; какъ сѣнь, даетъ прохладу отъ жара; какъ сѣдалище, успокоиваетъ послѣ труда; какъ кровля дома, служитъ покровомъ живущимъ въ домѣ; какъ столпъ, дѣлаетъ непреткновеннымъ; какъ видимое яблоко, украшаетъ потолокъ. И придумаетъ ли кто какое зрѣлище красивѣе разложенныхъ яблокъ, когда плоды сіи, въ порядкѣ расположенные на какой либо плоскости безъ всякихъ между собою промежутковъ, разнообразятъ видъ тѣмъ, что красота одного яблока перемѣшана съ бѣловатостію другаго? Посему, если возможно, чтобы положеніе яблокъ было видимо поднимающимся на плоскости вверхъ, то можетъ ли что быть изящнѣе этого вида? А сіе не невозможно для вожделѣнія духовныхъ благъ; потому что не тяжелъ плодъ этого вида, не тянетъ и не клонится къ землѣ, но по природѣ имѣетъ стремленіе въ

высоту. Ибо добродѣтель восходитъ вверхъ, и обращаетъ взоръ горѣ. Посему красотою такихъ яблокъ вождѣваетъ невѣста убрать потолокъ собственнаго дома. Ибо, кажется мнѣ, главная забота слова не о томъ, чтобы отъ сложенія яблоковъ на подстилкѣ видимо было какое-то замѣтное зрѣлище. Какое было бы въ этомъ путеводство къ добродѣтели, еслибы въ сказанномъ не усматривалось какой либо полезной для насъ мысли?

Посему, какая это мысль, по нашему гада-
нію? Въ лѣсу естества нашего по челоуѣколю-
бію Произросшій, чрезъ причастіе плоти и
крови содѣлался яблокомъ; ибо въ семъ плодѣ
можно видѣть подобіе по цвѣту и плоти и
крови; бѣлесоватостію онъ уподобляется свой-
ству плоти, а разлитая по ней краснота сви-
дѣтельствуешь видомъ, что плодъ имѣетъ срод-
ство съ естествомъ крови. Посему, когда
душа, улаждающаяся божественнымъ, вожде-
лѣетъ обратить взоръ на этотъ кровь, сею
загадкою научаемся слѣдующему: то, что,
взирая горѣ, обращаемъ вниманіе на яблоки,
значить, что къ небесному жительству путе-
водимся евангельскими ученіями, которыя от-
крылъ намъ Пришедшій свѣше и превыше
всѣхъ Сущій, въ явленіе Свое во плоти пока-
завъ въ Себѣ самомъ образцы всѣхъ добрыхъ
дѣлъ, какъ говоритъ Господь: *научитесь отъ
Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*

(Матѣ. 11, 29.). Тоже самое говоритъ и Апостолъ, предписывая намъ смиренномудріе (однимъ примѣромъ можно доказать всю истину сего слова (i)). Ибо взирающимъ горѣ говорить: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ нешева быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба приимъ, съ плотию и кровію Пребывавшій въ жизни и смѣсто предлежащія Ему радости, добровольно пріобщившійся нашего уничиженія и Снисшедшій до (к) испытанія смерти (Фил. 2, 5—8.).* Посему невѣста говоритъ: *положите мя въ яблоцѣхъ, чтобы, взирая всегда въ высоту, видѣть мнѣ образцы добрыхъ дѣлъ, показуемые въ Женихѣ; тамъ кротость. тамъ негнѣвливость, тамъ незлопамятность на враговъ, и человеколюбіе къ оскорбляющимъ, за злобу воздаяніе благодареніемъ; тамъ воздержаніе, чистота и великодушіе. отсутствіе всякаго тщеславія и житейской прелести.*

Сказавъ сіе, невѣста хвалитъ стрѣльца за мѣткость, за то, что искусно направилъ въ нее стрѣлу; ибо говоритъ: *уязвлена любовію азъ.* Симъ словомъ указываетъ на стрѣлу, глубоко лежащую въ ея сердцѣ; Устрѣлившій сею стрѣлою есть любовь. Дознали же мы

(i) По рукописи читается: *τὸ λόγον.*

(к) По рукописи вмѣсто: *μετα* читается: *μεχρι*

изъ святаго Писанія, что любовь есть Богъ. Онъ пускаетъ въ спасаемыхъ избранную стрѣлу Свою, едиnorodнаго Сына, Духомъ жизни помазавъ тройное жало острія. Остріе же есть вѣра, чтобы, въ комъ будетъ она, вмѣстѣ со стрѣлою введенъ былъ и Устрѣлившій, какъ говоритъ Господь: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.); и: *приидеши и обитель у него сотвориши* (Іоан. 14, 23.). Посему душа, возвысившаяся божественными восхожденіями, видитъ въ себѣ сладкую стрѣлу любви, которою уязвлена, и уязвленіе обращаетъ себѣ въ похвалу, говоря: *уязвлена любовію азъ*. Какая прекрасная язва! какое сладостное пораженіе, съ которымъ во внутренность проникаетъ жизнь тамъ, гдѣ пронзила стрѣла, отверзшая себѣ какъ бы нѣкую дверь и входъ! Ибо вмѣстѣ и пріяла въ себя стрѣлу любви, и стрѣльба измѣнилась немедленно въ брачное веселіе. Ибо извѣстно, какъ руки распоряжаются лукомъ, сообразно съ потребностію исправляя то или другое дѣло; лѣвая рука держитъ лукъ, а правая тянетъ къ себѣ тетиву, привлекая за разрѣзной конецъ стрѣлу, придерживаніемъ лѣвой руки направляемую къ цѣли. Посему служившая незадолго прежде цѣлю для стрѣлы теперь вмѣсто стрѣлы себя видитъ въ рукахъ стрѣльца, между тѣмъ какъ иначе правая и иначе лѣвая рука объемлетъ стрѣлу. Но поелику въ послѣдствіи образы представленій

приводятся въ переносномъ значеніи изъ брачной пѣсни, то невѣста не то представила, что лѣвою рукою поддерживается остріе стрѣлы, а правая объемлетъ другую ея часть, такъ чтобы душа стала стрѣлою въ рукѣ сильнаго, направляемою къ горней цѣли: напротивъ того представила, что лѣвая рука подложена, вмѣсто острія, *подъ лавою*, а правою объемлется прочее, чтобы, какъ думаю, въ словѣ сими вдвойнѣ загадочными выраженіями вмѣстѣ изложено было любомудріе божественнаго восхожденія, показывая, что и Женихъ и стрѣлецъ нашъ есть одинъ и тотъ же, что чистая душа служитъ для Него и невѣстою и стрѣлою, и какъ стрѣлу, направляетъ Онъ ее къ доброй цѣли какъ невѣсту, воспріемлетъ въ общеніе неистлѣнной вѣчности, *долготу житія и лѣта жизни* даруя десницею, а шуйцею *богатство* вѣчныхъ благъ и *славу* Божію (Прит. 3, 16.), которой непричастными дѣлаются ищущіе славы міра сего. Посему говоритъ: *шуйца Его* *подъ лавою моею*, — шуйца, которою стрѣла направлена въ цѣль. А десница Его, меня объемля и привлекая къ Себѣ, дѣлаетъ легкою къ возношенію горѣ, и пускаетъ вверхъ, и не отлучаетъ отъ стрѣльца, такъ что вмѣстѣ и несусь въ слѣдствіе верженія, и упокоеваюсь въ рукахъ Владыки. Объ отличительныхъ же свойствахъ сихъ рукъ говоритъ книга Притчей, что *долгота житія и лѣта жизни въ де-*

снѣць Премудрости, въ шуйцѣ же ея богатство и слава (Прит. 3, 16.).

Потомъ невѣста обращаетъ рѣчь къ дщерамъ горняго Іерусалима; рѣчь же сія есть убѣжденіе, предлагаемое съ заклітіемъ, — всегда умножать и возвращать любовь, пока не приведетъ въ исполненіе воли Своей Тотъ, Кто *всплнъ хочетъ спастися и въ разунъ истинны пріити* (1 Тим. 2, 4.). Вотъ сія рѣчь, которую произноситъ невѣста: *закляхъ васъ дщери іерусалимли въ силахъ и крпостехъ села: аще оставите, и возбудите любовь, дондеже восхощетъ*. Клятва есть слово, собою удостовѣряющее въ истинѣ; дѣйствіе же клятвы двояко: она, или сама удостовѣряетъ слушающаго въ истинѣ, или заклітіемъ другихъ приводитъ въ необходимость ни чѣмъ не лгать. Напримѣръ: *клятся Господь Давиду истинною, и не отвержется ея* (Пса. 131, 11.). Здѣсь клятвою подтверждается вѣрность обѣтованія. Когда же Авраамъ, прилагая попеченіе о благородномъ супружествѣ единороднаго, повелѣваетъ рабу своему въ брачное сожительство Исааку не приводить никого изъ рода ханаанскаго, осужденнаго на рабство, чтобы примѣсь рабскаго рода не причинила вреда благородству преемства, а напротивъ того избрать сыну супругу въ отечественной ему землѣ и въ родствѣ его; тогда заклітіемъ приводитъ раба въ необходимость не вознерадѣть о приказаніи, и если

Гр. Нисск. Ч. III.

пошлетъ его, ради себя самаго сдѣлать то, что призналъ онъ за благо для сына; такъ слуга заклиняется Авраамомъ устроить Исааку приличное супружество. Посему, такъ какъ дѣйствіе клятвы двояко, то здѣсь душа, вошедшая на такую высоту, какой видѣли мы се достигшею въ изслѣдованномъ нами прежде, обучаемымъ ею душамъ указуя дальнѣйшій путь къ совершенству, своею клятвою не удостовѣряетъ слушающихъ въ несомнѣнности того, что улучила сама; но заклинаніемъ руководить ихъ къ жизни добродѣтельной, къ неусыпной и бодрственной любви, до тѣхъ поръ (1), пока не исполнится благая Его воля, которая въ томъ состоитъ, чтобы всѣ спаслись и въ разумъ истины пришли. А клятва, какъ тамъ была *о стѣнѣ* патриарховомъ (Быт. 24, 9.), такъ здѣсь *въ силахъ и крепостяхъ села*; ибо такъ говоритъ Писаніе: *закляхъ васъ дщери іерусалима въ силахъ и крепостяхъ села: аще воставите, и возбудите любовь, дондеже восхождѣтъ*. Въ словахъ сихъ разсмотрѣть должно, во первыхъ, какое это село; потомъ, какая крепость села и сила его, и есть ли между ними разность, или тѣмъ и другимъ означаетъ одно; сверхъ того, что значить *возставить*, и что—возбудить любовь;

(1) По рукописи читается *мѣхуи тѣхъ*, а не *мѣти тѣхъ*.

а выраженіе *дондеже восхоцетъ* объясняется сказаннымъ прежде.

Что *село*мъ Владычнее слово означаетъ міръ, явно сіе каждому изъ евангелія; а что *преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31.), и ничего не оказывается прочнаго въ непостоянномъ ествѣ, это явно по громогласному свидѣтельству Екклесіаста, который все видимое и преходящее причислилъ къ вещамъ суетнымъ. Посему, какая же сила у такого села, которое есть міръ? Или какая крѣпость въ томъ, памятованіе о чемъ съ заклітіемъ, данное дщерамъ іерусалимскимъ, повелѣніе дѣлаетъ ненарушимымъ? Если смотрѣть на видимое, будто бы въ немъ есть какая-то сила, то подобное предположеніе отвергаетъ Екклесіастъ, именуя суетою все, на что указываютъ, и чего домогаются люди въ видимомъ. Ибо суетное неосостоятельно; а неосостоятельное по сущности не имѣетъ силы. Или, можетъ быть, въ означеніи слова: *сила* множественнымъ числомъ найдется какая догадка о выражаемомъ имъ понятіи? Ибо изъ святаго Писанія извѣстно намъ такое различіе въ разсужденіи подобныхъ именъ: когда говорится въ единственномъ числѣ: *сила*, тогда такимъ реченіемъ разумѣніе отсылается къ Божеству; а когда тоже имя произносится во множественномъ числѣ, то представляется словомъ естество ангельское. Такъ *Христосъ*—*Божия Сила и Прелюдность*

(1 Кор. 1, 24.); здѣсь единственнымъ числомъ Писаніе даетъ разумѣть Божество. *Благословите Господа вся силы Ею* (Пса. 102. 21.),— здѣсь множественное число: *силы* показываетъ значеніе разумнаго ангельскаго естества. А слово: *крѣпость*, сопоставленное съ словомъ: *сила*, усиливаетъ значительность понятія; такъ Писаніе повтореніемъ равносильныхъ реченій тверже выражаетъ, что ему желательно. Такъ въ словахъ: *Господи крѣпосте моя и утверждение мое* (Пса. 17, 23.), каждое изъ реченій означаетъ одно и тоже, но сопоставленіе равносильныхъ словъ показываетъ усиленіе означаемого. Посему множественное означеніе *силъ* и подобообразное упоминаніе о *крѣпостехъ* возводитъ, какъ видно, мысль слышащихъ къ естеству ангельскому, такъ что заклинаніе, представляемое наставницею (м) обучаемымъ душамъ въ подтвержденіе сокровеннаго, дѣлается силою не преходящаго міра, но всегда пребывающаго естества ангеловъ, на которыхъ повелѣвается взирать, чтобы ихъ примѣромъ утверждались непоколебимость и постоянство добродѣтельнаго житія. Поелику имѣемъ обѣтованіе, что по воскресеніи жизнь человѣческая содѣлается подобною состоянію Ангеловъ (н) (Обѣтовавшій же не лживъ); то слѣ-

(м) По рукописи читается: *пара τῆς διδασκαλίας*.

(н) Переведено по рукописи.

дуетъ и жизнь въ мірѣ семъ приуготовлять къ жизни, чаемой послѣ сего, такъ чтобы, живя во плоти, и проводя время на селѣ міра сего, жить не по плоти и не сообразоваться вѣку сему, но и во время жизни въ мірѣ имѣть попеченіе о жизни чаемой. Посему невѣста клятвеннымъ подтвержденіемъ внушаетъ душамъ обучаемыхъ, чтобы жизнь ихъ, съ преспѣніемъ проводимая на этомъ селѣ, имѣла въ виду небесныя силы, подражая безстрастіемъ чистотѣ ангельской. Ибо, когда такъ составляется и возбуждается любовь, то есть возвышается отъ присовокупленія, и возрастаетъ до большей мѣры; тогда, какъ сказала невѣста, исполняется воля Божія, какъ на небѣ, такъ и на землѣ, по причинѣ ангельскаго безстрастія, преуспѣвающего и въ насъ. Вотъ что уразумѣли мы въ словахъ: *закляхъ васъ дщери іерусалимъ въ силахъ и крѣпостехъ села: аще воставите, и возбудите любовь, дондеже восхоцетъ*. Если же найдется иное какое слово, болѣе приближающееся къ истинѣ искомаго; то примемъ благодать, и возблагодаримъ Открывающаго сокровенныя тайны Духомъ Святымъ о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

В Е С Т Ъ Д А Б

(2, 8.) Гласъ Брата моего: се Той идетъ скача на юры, и прескача на холмы: (9) подобенъ есть Братъ мой серниъ, или младу еленю на юрахъ Веѡилскихъ. Се Сей за стѣною нашею, проглядая оконцани, принимая сквозъ прѣзсы. (10) Отвѣщаетъ Братъ мой и малолетъ мнѣ: востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, юмубице Моя, (11) яко се зима прейде, дождь отъиде, отъиде себѣ: (12) цвѣти явишася на земли, время обръзанія прииде, гласъ юрлицы слышанъ въ земли нашей: (13) смоквь изнесе цвѣтъ свой, винограды зрѣюще даша воню. Востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, (14) юмубица Моя въ покровъ каменнъ, близъ предстѣпнѣя: яви ми зракъ Твой, и услышанъ сотвори ми гласъ Твой: яко гласъ Твой сладокъ, и образъ Твой красенъ. (15) Имѣте намъ мисы мамы, губящія винограды: и винограды наши созрѣваютъ. (16) Братъ мой мнѣ, и азъ Ему, насыи въ кринахъ, (17) дондеже дхнетъ день, и двинутся сны. Обратися, уподобися ты Брате мой серниъ, или младу еленю на юрахъ юдолей.

Въ нынѣшнемъ чтеніи предложенное намъ изълюбомудрія Пѣсни пѣсней, и приводитъ въ пожеланіе обозрѣть превышшія блага, и въ души наши влагаетъ печаль, внушая нѣкоторымъ образомъ отчаяніе невозможностію ураз-

умѣть непостижимое. Ибо какъ не ощутить человѣку печали, усматривая, что приведенная въ чистоту душа, послѣ того, какъ въ столькихъ восхожденіяхъ возвышена любовію до пріобщенія блага, по видимому, какъ говоритъ Апостолъ, непостигла еще искомага? Хотя, смотря на оныя восхожденія, которыя совершены по сказанному въ предшествовавшихъ бесѣдахъ, ублажилъ я ее за то восхожденіе, въ которое познала она сладкую яблонь, отличивъ ее отъ безплодія лѣсныхъ деревъ, и сѣнь яблони содѣлала вождедѣнною, и усладившись плодомъ, вошла въ ложницу веселія (веселіе же именуетъ она виномъ, отъ котораго веселится сердце въушающихъ), и вчиненная въ любовь, утверждается *въ мръхъ*, обложенная яблоками, и принявъ въ сердце стрѣлу любви, снова въ рукахъ стрѣльца сама дѣлается стрѣлою, руками сильнаго направляемою въ цѣль истины. Видя сіе и подобное сему, разсуждалъ я, что возвысившаяся на столько степеней душа достигла самого верха блаженства. Но, сколько видно, совершенное доселѣ есть еще только предназначіе восхожденія, потому что душа всѣ оныя восходы именуетъ, не/ какимъ-либо обозрѣніемъ, или яснымъ постиженіемъ (о) истины, но гласомъ желаннаго, котораго свойства

(о) По рукописи вмѣсто: *κατάλογον* читается: *κατάληψιν*

отличаются по слуху, а не по разумѣнію и познаются и увеселяютъ. Посему, е^сли душа, столько возвысившаяся, сколько, какъ знаемъ, возвысился Павелъ, восхищенный до третіихъ небесъ, не оказывается еще въ точности достигшею лежащаго ей; что, по всей вѣроятности, будетъ съ нами, или что заключить намъ о себѣ, которые не приблизились даже и къ преддверіямъ тайницъ, предстоящихъ нашему обозрѣнію? А неудобозримостъ искомаго можно видѣть изъ сказаннаго душою.

Гласъ брата моего, говорить она; не видъ, не лице, не очертаніе, указывающее на естество искомаго, но *гласъ*, доставляющій только догадку, а не твердое свидѣтельство о томъ, кто таковъ издающій гласъ. Ибо что изрекаемое походить больше на уподобленіе, а не на какую-либо несомнѣнную удостовѣренность въ постиженіи, явствуетъ сіе изъ того, что слово не (п) ограничивается однимъ какимъ либо смысломъ, и не одинъ образъ имѣетъ въ виду; напротивъ того изъ сказуемаго явно, что душа въ сихъ видѣніяхъ увлекается многимъ, думая видѣть и нѣчто иное, и не останавливаясь постоянно на однихъ и тѣхъ же чертахъ постигнутаго. Сказано: *се Той идетъ*, не стоя на мѣстѣ, недожидаясь, чтобы во время

(п) Въ рукописи читается: *μη μή τις διαβολα*.

остановки позналъ Его устремляющій на Него взоръ, но похищая себя изъ вида прежде, нежели душа пришла въ совершенное познаніе. Ибо продолжаетъ она: *идетъ скача на горы, и прескача на холмы. И* хотя признается теперь серною, но опять уподобляется и молодому оленю. Душа говоритъ: *подобенъ естъ Братъ мой сернь, или младу сленю на горахъ Вефильскихъ*. Такъ всегда постигаемое имѣетъ то однѣ, то другія черты.

Сіе-то по первоначальному понятію приводить меня въ печаль, ввергая въ отчаяніе достигнуть точнаго уразумѣнія Превысшаго. Впрочемъ, возложивъ надежду на Бога, дающаго *многомъ благовѣствующимъ силою мною* (Псал. 67, 12.), должно попытаться и сіе обозрѣніе послѣдовательно и въ нѣкоторой связи приноровить къ тому, что выразумѣли мы прежде. *Гласъ Брата моего*, говоритъ душа, и тотчасъ присовокупляетъ: *се Той идетъ*. Что же подразумѣваемъ въ этомъ? То, что, можетъ быть, сказанное предуказуетъ открытое намъ евангеліемъ домостроительство Бога Слова, какъ предвозвѣщенное пророками, такъ исполнѣнное открытое богоявленіемъ Сына во плоти. Ибо Божественный гласъ свидѣлствуетъ дѣлами, и съ словомъ обѣтованія согласуется исполненіе, какъ говоритъ Пророкъ: *якоже слышахомъ, тако и видѣхомъ* (Пса. 47, 9.). Душа говоритъ: *гласъ Брата моего* (то есть,

что мы слышали): *се Той идетъ* (это пріяли мы очами), *многочастнъ и многообразнъ древле Богъ млаомавый отцелъ во пророцъхъ* (вотъ и слышаніе гласа), *въ послѣдокъ днѣй млаома намъ въ Сынъ* (Евр. 1, 1. 2.). Это и есть сказанное невѣстою: *се Той идетъ, скача на горы, и прескача на холмы*, какъ сродно и сообразно сернѣ въ особенномъ нѣкомъ отношеніи, и опять, по другому понятію, уподобляясь *младу еленю*. Серна означаетъ остроту зрѣнія у Назирающаго всяческая. Ибо сказываютъ, что животное сіе чрезвычайно зоркое по этой силѣ имѣетъ свое имя; но быть зоркимъ тоже, что и быть видящимъ. Итакъ кто надъ всѣмъ назираетъ, у кого все въ виду, тотъ потому, что все видитъ, именуется Богомъ всяческихъ. Посему, такъ какъ во плоти явился Богъ, явившійся міру для низложенія сопротивныхъ силъ, то уподобляется Онъ сернѣ, какъ призрѣвшій съ небесъ на землю, и молодому оленю, какъ перескакивающій чрезъ горы и холмы, то есть, попирающій и сокрушающій лукавыя высоты демонской злобы. Ибо Писаніе горами называетъ то, что приведено въ смятеніе крѣпостію Его, какъ говоритъ Давидъ, *преложено въ сердца морская* (Пса. 45, 3.), и погружено въ сродномъ сему мѣстѣ бездны. Объ этихъ горахъ Господь сказалъ ученикамъ: *аще илаете въру, яко зерно горушину, рцѣте горь сей* (указывая при семъ словъ на онаго лу-

каваго на новые мѣсяцы мучащаго бѣса): *движися и верзися въ море* (Матѣ. 17, 15, 20.). И такъ, поелику естеству молодыхъ оленей свойственно истреблять ядовитыхъ пресмыкающихся, дыханіемъ и качествомъ плоти своей обращать въ бѣгство этотъ родъ змѣй; то посему Назирающій всяческая уподобляется *серню* и *еленю младу*, какъ попирающій и истребляющій сопротивную силу, которая въ переносномъ значеніи названа горами и холмами.

Посему Жениховъ былъ тотъ гласъ, которымъ *многомѣ Богъ во пророцѣхъ*, и по гласѣ пришло Слово, *скача на сопротивныя горы, и прескача на холмы*, равно покоряя подъ ноги Свои всякую отступническую силу, и низшую, и высшую. Ибо различіе холмовъ отъ горъ то и даетъ разумѣть, что и властвующій надъ сопротивными низлагается подобно своему подчиненному, попираемый съ силою и властію. Ибо одинаково покоряются левъ и драконъ, — эти высшіе, и также змій и скорпіонъ, почитаемые низшими. Скажу для примѣра: въ толпахъ, слѣдовавшихъ за Господомъ, были горы — бѣси, или въ синагогахъ, или въ странѣ Герасиновъ, или въ другихъ многихъ мѣстахъ, высившіе и возносившіе главу надъ естествомъ человѣческимъ. Изъ нихъ были и холмы и горы, и высшіе и низшіе. Но младый елень, истребитель змievъ, и учениковъ, претворяющій въ естество еленей, когда гово-

рить: *се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію* (Лук. 10, 19.), на всѣхъ равно налагаетъ стопу, тѣхъ обращая въ бѣгство, а съ сихъ прескача на другихъ, и тѣмъ доказывая, что величіе высокихъ по добродѣтели не затемняется высотами порока. Ибо горы Веѣильскія, какъ видно изъ толкованія имени, указываютъ на жизнь высокую и небесную; потому что реченіе: Веѣиль, какъ утверждаютъ знатоки еврейскаго языка, значить: *домъ Божій*, почему сказано: *на юрахъ Веѣильскихъ*.

Ихъ-то увидѣло содѣлавшееся чистымъ и зоркое око души, скачущее вмѣстѣ съ Божественными оными скаканіями по высотамъ противоположныхъ; и о томъ, что будетъ въ послѣдствіи времени, ведетъ рѣчь, какъ уже о настоящемъ, по достовѣрности и несомнѣнности чаемой благодати взирая на надежду, какъ на дѣло. Ибо говоритъ, что *Той, Кто съ благодвижною скоростію скачетъ на горы, и перескакиваетъ съ холмовъ на холмы, показываетъ Себя неподвижнымъ, остановясь позади стѣны и бесѣдуя сквозь мрежи оконцевъ*. Буквально же читается такъ: *се Сей стоитъ за стѣною нашею, проглядая оконцами, принимая сквозь мрежи*. Посему описываемое въ словѣ, если понимать чувственно, таково: Возлюбившій съ невѣстою, пребывающею внутри дома, бесѣдуетъ въ окна, между тѣмъ какъ раздѣляетъ обоихъ находящаяся среди нихъ

стѣна, но словесное общеніе происходитъ безпрепятственно, глава проглядываетъ въ окно, и глазъ проникаетъ внутрь сквозь оконныя сѣтки. Высшій же взглядъ держится того смысла, какой найденъ по предыдущему изслѣдованію. Ибо слово постепенно и послѣдовательно приближаетъ естество человѣческое къ Богу, сперва озаряя его чрезъ пророковъ и предписанія закона. Такъ понимаемъ, что пророки суть *оконца*, вводящія свѣтъ, ткань же законныхъ предписаній—*мрежи*, а сквозь то и другое проникаетъ внутрь лучъ истиннаго свѣта. Но послѣ сего происходитъ совершенное озареніе свѣтомъ, когда *спящимъ во тмѣ и снѣи* является *Свѣтъ* (Матѣ. 4, 16.) истинный, по раствореніи съ естествомъ нашимъ. Посему сперва лучи пророческихъ и законныхъ понятій, возсіявающіе душѣ сквозь разумѣмыя нами *оконца* и *мрежи*, возбуждаютъ пожеланіе увидѣть солнце на открытомъ небѣ. И такимъ образомъ пожеланное исполняется потомъ на самомъ дѣлѣ.

Послушаемъ же, что глаголетъ Церкви Тотъ, Кто не вошелъ еще внутрь, но стоитъ и вѣщаетъ ей въ проводники свѣта. Ибо говорить она: *отвѣщаетъ Братъ мой и глаголетъ мнѣ: востани, приди ближняя Моя, добрая Моя, юмубице Моя, яко се зима преиде, дождь отиде, отиде себѣ: цвѣти явишася на земли, время обрзанія прише, гласъ юрлицы слышанъ въ зем-*

ли нашей: *смокви изнесе цвѣтъ* (р) свой, *винограды зрюще даша вою*. Какъ прекрасно описываетъ пріятность весны Творецъ ея, Которому говорить Давидъ: *жатею и весну Ты создалъ еси* (Пса. 73, 17.)! Полагаетъ конецъ зимней унылости, сказывая, что прошла и зимняя угрюмость и непріятность дождей. Указываетъ на луга наполенные и украшающіеся цвѣтами. О цвѣтахъ же говоритъ, что они въ полной красѣ, и пригодны къ обрѣзанію, такъ что, безъ сомнѣнія, собиратели цвѣтовъ сорвутъ ихъ на плетеніе вѣнковъ, или на приготовленіе муръ. Къ пріятности времени присоединяетъ слово и то, что роши оглашаются пѣніемъ птицъ, раздается въ слухъ пріятный голосъ горлицъ. Упоминаетъ также о смоквѣ и о виноградѣ, о будущемъ отъ нихъ наслажденіи, которому полагается начало видимымъ, а именно въ смоквѣ произращеніемъ зародышей, а на виноградной лозѣ появленіемъ цвѣта; почему обоняніе услаждаетъ она благоволеніемъ. Такъ слово роскошно описываетъ весеннее время года, отмечая все угрюмое и останавливаясь на пріятныхъ изображеніяхъ. Но нѣтъ, думаю, надобности удерживать

(р) Въ греческомъ читается: *τοῦς δένδρους* зародыши ягодъ, какъ ниже сего объясняетъ самъ св. Григорій; собственно же цвѣта на смоквѣ, какъ извѣстно, не бываетъ.

мысль на описаніи сихъ пріятностей; а напротивъ того ими надлежитъ путеводиться къ означаемымъ сими описаніями таинствамъ, чтобы открылось намъ богатство мыслей, сокровенное въ реченіяхъ. Посему что же значить то, о чемъ говоримъ мы?

Человѣческій родъ оцѣненъ нѣкогда отъ мраза идолослуженія, когда удободвижное человѣческое естество преложилось въ неподвижное естество чтилищъ. Ибо сказано: *подобни да будутъ творящїи я, и вси надлющїиися на ня* (Пса. 134, 18.). Сему и слѣдовало произойти. Ибо какъ возводящїе взоръ къ истинному Божеству прїемлютъ въ себя черты свойственныя естеству Божественному; такъ внимающій суетѣ идоловъ претворяется въ тоже, что у него предъ глазами, изъ человѣка дѣлаясь камнемъ. Итакъ, поелику, окаменѣвъ отъ служенія идоламъ, неподвижно было къ лучшему естество, оцѣненѣвшее отъ мраза идолопоклонства; то по сему самому въ лютую зиму сію возсіяваетъ солнце правды, и производитъ весну; когда полуденный вѣтръ разрѣшаетъ таковое оцѣненїе, и вмѣстѣ съ возсіанїемъ солнечныхъ лучей согрѣваетъ все освѣщаемое ими, чтобы и окаменѣвшій отъ мраза человѣкъ, какъ скоро разгорячится духомъ, и согрѣтъ будетъ лучемъ Слова, снова содѣлался водою, текущею въ жизнь вѣчную. Ибо сказано: *дхнеть духъ Ею, и потекутъ воды* (Пса.

147, 7.), по обращеніи камня во езера водная и несѣкомаго во источники водныя (Пса. 113, 8.); о чемъ открытѣе взывалъ іудеямъ Креститель, говоря, что камни сіи будутъ воздвигнуты, и содѣлаются чадами патріарху, уподобляясь ему добродѣтелию (Матѣ. 3, 9.).

Итакъ, вотъ что слышится отъ Слова Церковь, въ пророческія *оконца* и сквозь законныя *прежи* приѣмля лучъ истины, когда стояла еще прообразовательная стѣна ученія, разумѣю законъ, дающій *спль урядущихъ благъ*, но не указующій *самаго образа вещей* (Евр. 10, 1.). Позади сей-то стѣны стояла истина, тѣсно связанная съ прообразомъ. сперва чрезъ пророковъ озарявшая Церковь Словомъ, а потомъ явленіемъ евангелія разсѣявшая всякое подобное стѣни представленіе прообраза, при чемъ средостѣніе разорено, внутренній же воздухъ въ домѣ соединился съ эфирнымъ свѣтомъ, такъ что нѣтъ болѣе потребности въ освѣщеніи чрезъ оконца, когда самъ истинный свѣтъ евангельскими лучами просвѣщаетъ все внутреннее. Посему-то Слово, воставляющее *низверженныя* (Пса. 144, 15.), въ проводники свѣта вызываетъ Церкви, говоря: встань отъ паденія, поползнувшаяся въ срамоту грѣха, потерпѣвшая запинаніе отъ змія, падшая на землю, и пребывающая въ паденіи преслушанія, встань. Даже недостаточно тебѣ быть восстановленною только отъ паденія, продол-

жасть слово; но и *прииди*. преспѣваніемъ въ добръ совершая теченіе добродѣтели. Сіе дознали мы и на разслабленномъ. Слово не составляетъ только сіе бремя одра, но и повелѣваетъ ему ходить; при чемъ, кажется мнѣ, переходеніемъ съ мѣста на мѣсто Писаніе означаетъ поступленіе къ лучшему и возрастаніе въ ономъ.

Посему Женихъ говоритъ: *востани, и прииди*. Какая сила въ повелѣніи! Гласъ Божій подлинно есть гласъ силы, какъ говоритъ псалмопѣніе: *се дастъ гласъ свой, гласъ силы* (Пса. 67, 34.); и: *Той рече, и быша: Той повелъ, и создашася* (Пса. 32, 9.). Вотъ и теперь сказалъ лежащей: *востани*, и еще: *прииди*, и повелѣніе немедленно исполняется на дѣлѣ. Ибо невѣста вмѣстѣ и пріемлетъ въ себя силу слова, и встаетъ на ноги, и предстоитъ, и дѣлается ближнею свѣту, какъ засвидѣтельствовано самимъ Словомъ, давшимъ сіе приказаніе; ибо такъ говоритъ: *востани, прииди близняя Моя, добрая Моя, голубице Моя*. Чтò за порядокъ въ словѣ! Какъ одно соединено тѣсно съ другимъ! Какъ связно, какъ бы въ цѣли какой, сохраняется послѣдовательность понятій! Слышитъ невѣста повелѣніе, укрѣпляется въ силахъ отъ этого слова, и встаетъ, приходитъ, приближается, дѣлается доброю, именуется голубицей. Ибо возможно ли прекрасный образъ увидѣть въ зеркалѣ, въ которомъ не

7
у

Гр. Нисск. Ч. III. 9

бывало изображенія какого-либо прекраснаго лица? Посему и зеркало естества человѣческаго не прежде стало прекрасно, но уже послѣ того, какъ приблизилось къ прекрасному, отразило въ себѣ образъ Божественной красоты. Какъ имѣло оно въ себѣ видъ змія, пока лежало на землѣ, и на него взидало; такъ, подобно сему, поелику востало, лицомъ къ лицу стоитъ съ добромъ, а порокъ оставило позади себя; то, на что взираетъ, образъ того и пріемлетъ на себя. Взираетъ же на первообразную красоту, а красота—голубица. Приблизившись чрезъ это къ свѣту, дѣлается свѣтомъ, во свѣтѣ же отражается прекрасный образъ голубицы, разумѣю ту голубицу, образъ которой извѣстилъ о присутствіи Святаго Духа.

Такъ Слово, подавъ гласъ невѣстѣ, и какъ ближнюю, наименовавъ ее доброю, а за доброту назвавъ голубицею, продолжаетъ и послѣдующую рѣчь, сказавъ, что не владычествуетъ болѣе унылость душевной зимы, потому что мразъ не противостоитъ лучу. *Се, говоритъ Слово, зима преиде, дождь отгиде, отгиде себѣ.* Многоименнымъ дѣлаетъ зло, придавая ему наименованія по различіямъ дѣйствій. Одно и то же и зима, и дождь, и капли, но въ отдѣльности каждымъ изъ сихъ именованій означается одно какое-либо въ особенности искушеніе. Зимой, что зеленѣло, вянетъ, краса деревъ, естественно украшаю-

щихся листьями, опадаетъ съ вѣтвей и смѣшивается съ землею, умолкаетъ сладкопѣніе голосистыхъ птицъ, предается бѣгству соловей, нѣмѣетъ ласточка, чуждается гнѣзда горлица, все уподобляется унылости смерти, мертвѣетъ отпрыскъ, умираетъ зелень, и какъ кости, съ которыхъ снята плоть, такъ вѣтви, обнаженныя отъ листьевъ, дѣлаются непріятнымъ зрѣлищемъ вмѣсто того благообразія, какое вѣтвямъ доставляли зеленые отпрыски. Что же скажетъ иный о бѣдствіяхъ на морѣ, бывающихъ зимою? Какъ оно, вращаясь и воздымаясь изъ глубинъ, уподобляется буграмъ и горамъ, прямо вверхъ подымая водяную вершину? Какъ подобно непріятелю устремляется на сушу, несется изъ береговъ (с), непрерывными ударами волнъ, какъ прираженіями военныхъ орудій, потрясая землею? Но всѣ сіи и подобныя симъ зимнія невзгоды представляй себѣ въ иносказательномъ значеніи. Что значить отцвѣтающее и увядающее зимою? Что — падающее съ вершинъ и разрѣшающееся въ землю? Что — умолкающій голосъ пѣвчихъ птицъ? Что — режущее водами море? Что идущій при этомъ дождь? Что — дождевыя капли? Какъ дождь отходитъ *себя*? Ибо всѣмъ этимъ загадочное изображеніе та-

(с) По рукописи вмѣсто: *морѣ* читается: *дъ бугъ*.

ковой зимы означать нѣчто одушевленное и произвольное.

Хотя слово наше и не станеть объяснять сего по порядку, но слушающему, можетъ быть, явенъ смыслъ, заключающійся въ каждомъ изреченіи. Такъ напимѣръ естество человѣческое цвѣло первоначально, пока было въ раю, напаяемое водою онаго источника, и зеленѣло, когда вмѣсто листьевъ украшалъ его стебель безсмертія. Но поелику зима преслушанія изсушила корень; то цвѣтъ опалъ, и разложился въ землю, человѣкъ утратилъ лѣпоту безсмертія, по охлажденіи любви къ Богу отъ умножившихся беззаконій изсохла зелень добродѣтелей; а отсего сопротивными духами воздвигнуто въ насъ множество различныхъ страстей, отъ которыхъ постигаютъ душу гибельныя крушенія. Но вотъ пришелъ Сотворившій весну душъ нашихъ, Который запретилъ лукавому духу, воздвигшему нѣкогда море, а вѣтрамъ и морю сказалъ: *молчи престани* (Марк. 4, 3. 9.): и все пришло въ тишину и благоведріе. все снова начинается разцвѣтать, и наше естество украшается собственными ему цвѣтами. Цвѣты же жизни нашей суть добродѣтели, которыя нынѣ цвѣтутъ, плодъ же свой приносятъ во время свое. Потому говорить Слово: *зима преиде, дождь отиде, отиде себѣ: цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія приспе*. Видишь, говорить,

лугъ цвѣтушій добродѣтелями? Видишь цѣломудріе—этотъ бѣлый и благовонный кринъ? Видишь стыдливость—эту розу? Видишь эту фіалку—Христово благоуханіе? Почему же не соплетаешь изъ нихъ вѣнца? Теперь время, въ которое собравшему надлежитъ украситься плетеніемъ таковыхъ вѣнцевъ, *время обрѣзанія пріспе*. О семъ свидѣлствуетъ тебѣ гласъ горлицы, то есть, *гласъ вопіющаго въ пустыни* (Марк. 1, 3.); ибо горлица эта—Іоаннъ (т), этотъ предтеча свѣтлой весны, указующій людямъ прекрасные цвѣты добродѣтели. и предлагающій имъ намѣревающимся стать собирателями цвѣтовъ; потому что указывалъ на Цвѣтъ отъ корени Іессеева, на Агнца Божія, взявшаго грѣхъ міра, и внушалъ покаяніе въ худыхъ дѣлахъ и добродѣтельное житіе.

Ибо продолжаетъ Слово: *гласъ горлицы слышанъ въ земли нашей*; землею, можетъ быть, именуется осуждаемыхъ за порочную жизнь, какими евангеліе представляетъ мытарей и блудницъ. Ими услышано было Іоанново слово, когда прочіе не принимали проповѣди. А сказанное о смоквѣ, что *изнесе цѣпль свой*, будемъ разумѣть такъ: смоква отъ дѣйствія на нее теплоты весьма сильно втягиваетъ въ себя влагу изъ глубины; и какъ скоро въ сердце

(г) Переводъ допущенъ по рукописи.

винѣ ея скопляется много сырости, при перевариваніи соковъ, происходящемъ въ растеніи, естество по необходимости извергаетъ изъ вѣтвей, что въ сокахъ было негоднаго и землистаго; и дѣлаетъ это многократно, чтобы подлинный и питательный плодъ дать отъ себя въ надлежащее время чистымъ отъ неполезнаго качества. Сіе же вмѣсто сладкаго и совершеннаго плода, въ видѣ плода также производимое смоквою, называется цвѣтомъ (*ἄλυσος*), который хотя и самъ можетъ со временемъ стать снѣднымъ для желающихъ, однакоже—не плодъ, а служить только назначеніемъ плода. Посему, кто увидитъ это, тотъ, конечно, собираетъ уже почти плоды; потому что *цвѣтъ*, о которомъ сказано, что *изнесе* его смоковница, служить знакомъ годныхъ въ снѣдъ смоквъ.

Поелику Слово описываетъ невѣстѣ духовную весну; а время сіе сопредѣльно съ двумя временами года, временемъ зимней унылости и временемъ вкушенія плодовъ лѣтомъ; то, хотя ясно возвѣщаетъ Оно, что худыя времена миновались, однакоже не совершенно еще показываетъ плоды добродѣтели, но сберегаетъ ихъ къ надлежащему времени, когда настанетъ жатва. А что означается жатвою, конечно, знаешь изъ Господняго слова, въ которомъ сказано, что *жатва, кончина вѣка есть* (Матѣ. 13, 39.). Теперь же указываетъ Слово на цвѣту-

щія при добродѣтеляхъ надежды, которыхъ плодъ, какъ говоритъ Пророкъ, появится *во время свое* (Пса. 1, 3.). Итакъ, поелику естество человѣческое, подобно упоминаемой здѣсь смоковницѣ, въ продолженіе умопредставляемой нами зимы, собрало въ себя много дурной влаги; то Содѣлывающій для насъ душевную весну, и надлежащимъ воздѣлываніемъ Возвращающій человѣчество, сперва вмѣсто побѣговъ прекрасно извергаетъ изъ естества все, что въ немъ есть земленистаго и неполезнаго, очищая исповѣдію отъ излишествъ, и потомъ уже, правилами болѣе образованной жизни налагая на него нѣкія черты чаемаго блаженства, какъ бы цвѣтомъ какимъ, провозвѣщаетъ будущую сладость смоквъ. Сіе-то и означаетъ сказаннымъ, что *слоква изнесе цвѣтъ свой*.

Такъ разумѣй и зрѣющій виноградъ, изъ котораго вино, веселящее сердце, наполнить нѣкогда чашу премудрости, и *съ высокими проповѣданіемъ* (Прит. 9, 3.) предложено будетъ сопиршественикамъ, съ правомъ почерпнуть въ немъ доброе и трезвенное упоеніе, разумѣю то упоеніе, въ которомъ человѣкъ отъ вещественнаго восторгается къ божественному. Теперь виноградъ украшается цвѣтомъ, и издается имъ нѣкое благоухающее, пріятное и сладостное испареніе, срастворенное съ объемлющимъ духомъ; безъ сомнѣнія же, наученный Павломъ, знаешь этого духа, который

содѣлываетъ *благодѣаніе* сіе въ *спасаемыхъ* (2 Кор. 2, 15.).

Сии признаки прекрасной весны душъ напередъ указуетъ Слово невѣстѣ, и понуждаетъ поспѣшнѣе насладиться предлагаемымъ, возбуждая ее своими рѣчами и говоря: *востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя.* Сколько догматовъ въ реченіяхъ сихъ кратко указываетъ намъ Слово! Ибо богодухновенному ученію несвойственно изъ какого либо пустаго суесловія останавливаться на однихъ и тѣхъ же реченіяхъ. Напротивъ того повтореніемъ симъ показывается нѣкая великая и боголѣпная мысль, именно же скажется нѣчто подобное слѣдующему. Блаженное, вѣчное и всякій умъ превышающее Естество, всѣ естества Собою объемля, никакимъ не объемлется предѣломъ. Ибо въ разсужденіи Его не представляется ничего, ни времени, ни мѣста, ни цвѣта, ни очертанія, ни вида, ни объема, ни количества, ни протяженія, ни иного чего описующаго, именовація, или вещи, или понятія; напротивъ того всякое добро, о Немъ умопредставляемое, простирается въ безпредѣльность и некончаемость. Гдѣ не имѣетъ мѣста зло, тамъ нѣтъ никакого предѣла добру. Въ насъ, при измѣнчивости естества, поелику въ произволеніи нашемъ есть равная возможность склоняться къ тому и другому изъ противоположнаго, и доброе и злое попеременно усту-

пають мѣсто другъ другу, и предѣломъ добраго дѣлается появляющійся порокъ; и всѣ предначинанія душъ нашихъ, одно другому противоположныя и противящіяся, другъ другу уступаютъ мѣсто, и другъ другомъ опредѣляются. Но Естество простое, чистое, однообразное, непреложное, неизмѣняемое, всегда одно и то же, никогда изъ Себя невыходящее, потому что не допускаетъ до Себя возможности быть въ общеніи съ зломъ, пребываетъ безпредѣльнымъ въ добрѣ, не видя даже предъ Собою и предѣла, потому что не имѣетъ въ виду ничего противоположнаго. Посему, когда человѣческую душу привлекаетъ къ общенію съ Собою, тогда по преимуществу въ лучшемъ въ равной тому всегда мѣрѣ ставитъ ее выше, нежели сколько она причастна; потому что душа по причастіи превосходнѣйшаго становится непрестанно выше себя самой, и возрастая не останавливается въ возрастаніи; добро, котораго она причастна, однако пребываетъ на равнѣ съ нею, и душа, всегда болѣе и болѣе причащающаяся, на равнѣ съ тѣмъ находитъ оное непрестанно въ преизбыткѣ.

Итакъ обратимъ взоръ на невѣсту, по восхожденіямъ добродѣтели, какъ бы по ступенямъ лѣстницы, руководимую Словомъ на высоту. Сперва (у) слово *окончили* пророковъ и

(у) По рукописи слово: *и* не читается.

сквозь мрежи заповѣдей закона вводитъ свѣтлый лучъ, приглашаетъ ее приблизиться къ свѣту, и стать прекрасною при свѣтѣ, принявъ на себя видъ голубицы; потомъ, когда, сколько могла вмѣстить, приметъ на себя красоту, опять Слово, какъ еще вовсе непричастную красоту, привлекаетъ къ приобщенію красоты превысшей, чтобы по мѣрѣ преспѣянія, при представляющейся непрестанно новой красотѣ, возрастало въ ней вмѣстѣ пожеланіе, и представлялось ей, что она, по преизбытку открываемыхъ всегда въ высотѣ благъ, едва только приступаетъ къ восхожденію. Посему-то Слово вставшей уже невѣстѣ повторяетъ: *востани*, и идущей: *прииди*. Ибо и (для того, кто дѣйствительно всталъ, никогда не прекратится нужда вставать непрестанно, и для поспѣшающаго ко Господу не истощится путь къ продолженію божественнаго теченія. Всегда надлежитъ вставать, и приближающимся даже къ цѣли въ теченіи своемъ никогда не успокоиваться. Сколько разъ повторяетъ Женихъ: *востани* и *прииди*; столько же разъ даетъ силу на восхожденіе къ большему совершенству. Такъ разумѣй и что далѣе предложено въ словѣ. Повелѣвающій изъ прекрасной дѣлаться прекрасною предлагаетъ прямо апостольское слово, предписывая *въ той же образъ* преобразаться *отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18.), такъ что — слава для насъ, если и непрестанно

пріемлемое и всегда обрѣтаемое, хотя бы оно было чѣмъ-то наиболѣе всего великимъ и возвышеннымъ, признается нами меньшимъ чаемаго въ послѣдствіи. Посему и той, которая по прежнимъ преспѣваніямъ была голубицею, тѣмъ неменѣе снова повелѣвается по преобразованіи въ лучшее стать тою же голубицею. И если исполнится это послѣдующее слово и то, что выше сего, покажетъ опять симъ же наименованіемъ.

Ибо говорить: *прииди въ себя голубице Моя въ покровъ каменнь; близъ предстльнѣя*. Посему какое восхожденіе къ совершенству означаетъ сказаннымъ теперь? То, чтобы не имѣть болѣе въ виду старанія о привлекающемъ, но путеводителемъ къ лучшему избрать собственное вождельніе. Ибо сказано: *прииди въ себя*; не отъ скорби, не по нуждѣ, но собственными своими разсужденіями, безъ понудительной необходимости, усиливъ въ себѣ ревность о прекрасномъ; потому что добродѣтель не знаетъ надъ собою властелина, произвольна, свободна отъ всякой необходимости. Таковъ былъ Давидъ, который молится, чтобы о вольныхъ только дѣлахъ его благоволилъ Богъ (Пса. 118, 108.), и даетъ обѣщаніе принести жертву *волею* (Пса. 53, 8.). Таковъ каждый изъ святыхъ, посвящающій себя Богу и приводимый къ тому не нуждою. Посему и ты покажи совершенную готовность воспріять въ себя вож-

дѣлѣніе восхожденія къ лучшему. А содѣлавшись таковою, говоритъ Слово невѣстѣ, при-
дешь въ покровъ каменный, *близъ предстѣнія*.
Сказанное Словомъ (ибо загадочную сію рѣчь
надлежитъ переложить въ болѣе ясную) имѣетъ
такой смыслъ: одинъ покровъ душѣ человѣ-
ческой — высокое евангеліе; кто подъ симъ
покровомъ, тотъ послѣ того, какъ истина рас-
крыла сокровенныя гаданія заповѣдей, не
имѣетъ уже нужды въ ученіи прикровенномъ
понятіями иносказательными и загадочными. А
что *камень* называется евангельская благо-
дать, не будетъ сего оспаривать никто,
сколько нибудь пріобщившійся вѣрѣ. Ибо изъ
многихъ мѣстъ Писанія можно дознать, что
камень есть Евангеліе. Посему смыслъ сказан-
наго таковъ: если ты, душа, упражнялась въ
законѣ, если сквозь пророческія *оконца* уви-
дѣла разумѣніемъ лучи свѣта, то не оставайся
дольше подъ тѣнію стѣны закона; потому что
стѣна производитъ *спль ірядущихъ благъ*, а не
самый образъ вещей: напротивъ того перейди
по близости отъ стѣны на камень; потому что
камень въ связи съ *предстѣніемъ*; такъ какъ
евангельской вѣрѣ *предстѣніемъ* служитъ за-
конъ, и во взаимной между собою связи уче-
нія, одно другому по силѣ своей близкія. Къ
заповѣди: не прелюбодѣйствуй, что ближе
другой заповѣди: не пожелай, и къ этой: будь
чистъ отъ убійства. также другой: не скверни

сердца своего гнѣвомъ? И такъ, поелику *покровъ каменный* въ связи съ *предстѣніемъ*, то не далекъ для тебя переходъ со стѣны на камень. Обрѣзаніе на стѣнѣ, обрѣзаніе и на камнѣ; овца и здѣсь и тамъ; тамъ кровь, и здѣсь кровь; тамъ пасха, и здѣсь пасха; и все почти тоже, однимъ и тѣмъ же между собою связано, кромѣ одного, что камень духовенъ, а стѣна перстна, и съ стѣною вмѣстѣ образуется тѣлесное и земное, а евангельскій камень не имѣетъ въ себѣ плотскаго брѣня повятій. Но и обрѣзаніе приѣмлетъ человѣкъ, и пребываетъ всецѣло здравымъ, не терпя никакой утраты отъ урѣзанія въ составѣ естества. Хранить онъ и субботу тѣмъ, что не дѣлаетъ зла, и не допускаетъ праздности въ добрѣ, научившись, что дѣлать добро позволительно и въ субботу. Вкушеніе пищи признаетъ безразличнымъ, и не касается нечистаго; ибо наученъ *Каменьъ*, что несквернитъ ничто входящее устами (Матѣ. 15, 11.). Напротивъ того, отвергая во всемъ тѣлесныя наблюденія закона, смыслъ реченій прелагаетъ на духовное и разумное значеніе, согласно съ Павломъ, который сказалъ: *законъ духовенъ есть* (Римл. 7, 14.). Ибо кто такъ приѣмлетъ (Ф) законъ, тотъ становится подъ покровомъ евангельскаго *Каменя*, тѣсно соединеннымъ съ тѣлеснымъ *предстѣніемъ*.

(Ф) По рукописи читается: ο γὰρ νόμος ἐσθλαρόν

Вотъ что взывало Слово невѣстѣ въ *оконца*, и прекрасно отвѣтствуетъ на это голубица сія, озаренная лучемъ мыслей, и уразумѣвшая *Камень*, который есть *Христосъ* (1 Кор. 10, 4.). Ибо говорить: *яви ми знакъ Твой, и услышанъ сотвори ми гласъ Твой: яко гласъ Твой сладокъ, и образъ Твой красенъ*. Сказанное же ею имѣетъ такой смыслъ: не бесѣдуй больше со мною пророческими и законными гаданіями, но въ такой мѣрѣ, сколько могу видѣть, покажи мнѣ Себя явно, чтобы стать мнѣ внутри евангельскаго *Камня*, оставивъ *предстпніе* закона. И сколько вмѣститъ мой слухъ, столько въ уши мои дозволю войдти гласу Твоему; ибо если гласъ этотъ и въ *оконца* такъ сладокъ, то колымпъ паче будетъ любезенъ при явленіи Твоемъ лицомъ къ лицу. Такъ говоритъ невѣста, уразумѣвъ тайну евангельскаго *Камня*, на сколько руководило ее къ тому многократно и многообразно въ *оконцахъ* бывшее Слово, и приходитъ въ вождельніе божоявленія во плоти, чтобы Слово стало плотію, Богъ явился во плоти, и слуху нашемъ сталъ слышенъ Божественный гласъ, общающій достойнымъ вѣчное блаженство. Но какъ сходны съ симъ прошеніемъ невѣсты слова Симеона, который говоритъ: *нынь отпуцаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ: яко видѣсть очи мои спасеніе Твое* (Лук. 2, 29. 30.)! Ибо онъ увидѣлъ, какъ же-

лала видѣть невѣста. Сладкій же гласъ Жениховъ познають пріившіе благодать евангелія, изрекшіе : *малолы живота вѣчнаго имали* (Іоан. 6, 68.).

Посему чистый Женихъ пріемлетъ прошеніе невѣсты, какъ справедливое, и намѣреваясь показать Себя ей явно, сперва понуждаетъ ловцевъ изловить лисицъ, чтобы винограду не было отъ нихъ больше препятствія къ созрѣванію, говоря: *имите намъ лисы*, которыя, хотя малы, но губятъ виноградъ: виноградъ же зацвѣтутъ, если ничто не будетъ имъ больше причинять вреда. *Имите намъ лисы малыя, губящія виноградъ: и виноградъ наши созрѣваютъ.* Можно ли слѣдовать за высотой сихъ мыслей по ихъ достоинству? Какое чудо Божественнаго величія заключаетъ въ себѣ это слово! Какой преизбытокъ Божія могущества выражается значеніемъ сказаннаго! Тотъ, о комъ говорится такъ многое, этотъ *человѣкоубійца* (Іоан. 8, 44.), *во злобѣ сильный* (Пса. 51, 1.), у кого языкъ изощренъ, *яко бритва* (2) *со углы пустынными* (Пса. 119, 4.), кто *ловитъ, яко левъ во оградѣ своей* (Пса. 9, 30.), этотъ *зній великій* (Іезек. 29, 3.), *отступникъ* (Іов. 26, 13.), *адъ*, разширяющій уста свои (Авв. 2, 5.), *міродержитель* темной власти (Ефес. 6, 12.), *имушій державу смерти* (Евр. 2, 14.), и какъ отъ лица его скажетъ пророчество тотъ, кто отъемлетъ *предѣлы языковъ*, которые

поставилъ, какъ очевидно, Вышній по числу Ангелъ Своихъ (Втор. 32, 8.), кто объемлетъ вселенную, яко инъздо, и береть яко оставленна яща (Пса. 10, 13.). кто говоритъ, что выше облакъ поставитъ престолъ свой, и будетъ подобенъ Вышнему (Иса. 14, 14.), и о комъ столько страшнаго и ужаснаго сообщаетъ Слово въ книгѣ Іова, что ребра его лдяны, хребетъ его желъзо сляно (Іов. 40, 13.), и внутренности якоже сгритъ камень (41. 6.), и все подобное, чѣмъ только Писаніе изображаетъ страшное это естество,—сей-то столько могущественный вождь столь многихъ демонскихъ полчищъ, какое имя получаетъ отъ истиннаго и единственнаго Моущества? И его малую лисою, а съ нимъ и всѣхъ окружающихъ его, все подвластное ему воинство, съ равнымъ уничиженіемъ именуеть лисами же Посылающій на уловленіе ихъ ловцевъ, которыми могутъ быть ангельскія силы. торжественно предшествующія Владыкѣ при явленіи Его на землѣ, вводящія въ міръ Царя славы, и указующія незнающимъ, кто есть сей Царь славы, крѣпкій и сильный въ брани (Пса 23, 8.); а также можетъ инъій сказать, что это служебніи души, въ служеніе посылаеміи за хотящихъ наслѣдовати спасеніе (Евр. 1, 14.); и еще инъій въ правѣ утверждать, что ловцы сін суть посланные для пзловленія снхъ звѣрей Апостолы, которымъ сказалъ Господь: *сотворю вы*

ловцы человеколюб (Матѣ. 7, 4.). Ибо не успѣли бы въ ловитвѣ челоѣковъ mreжeю слова уловляющіе души спасаемыхъ, если бы сихъ звѣрей, этихъ малыхъ лисицъ, не изгнали прежде изъ норъ, то есть изъ сердець, въ которыхъ они гнѣздились, и тѣмъ не очистили мѣста Сыну Божію, гдѣ приклонить Ему главу, когда лисій родъ не будетъ больше гнѣздиться въ сердцахъ.

По крайней мѣрѣ, кого ни предполагаетъ Слово ловцами, изъ даннаго имъ повелѣнія познаемъ великое и неизреченное Божіе могущество. Не сказало Слово: *изловите вепря отъ дубравы*, озобавшаго виноградъ Божій, или *зединеннаго дивіа* (Пса. 79, 14.), или рыкающаго льва, или кита великаго, или подводнаго змія. Ибо такими приказаніями Слово показало бы ловцѣмъ нѣкоторую силу противоборствующихъ. Напротивъ того, какъ говоритъ оно, всѣ земныя владычества, съ которыми борьба у челоѣковъ, начала, и власти, и міродержители тмы, и духи злобы суть *малыя лисы*, коварныя и бѣдныя въ сравненіи съ нашею силою. Если ихъ одолѣете, то воспріимете благодать свою. Виноградъ нашъ—естество челоѣческое, и плодоношеніе гроздовъ начинается цвѣтами добродѣтельнаго житія. Итакъ *имите намъ лисы малыя, губящія винограды: и винограды наши созрѣваютъ*. Услышала Божіе повелѣніе виноградная лоза—жена, о которой

Гр. Иисск. Ч. III. 10

говорить Давидъ: *жена твоя, яко лоза плодovitа* (Пса. 127, 3.). И увидѣла она, что силою Повелѣвшаго освобождена отъ губительства сихъ звѣрей, и немедленно предала себя Дѣлателью, разорившему средостѣніе ограды; потому что къ единенію съ желаннымъ не имѣеть уже препятствія въ стѣнѣ закона.

Но говорить: *азѣ Брату моему, и Братъ мой мнѣ, насыи въ кринахъ, дондеже дхнетъ день, и двинутся сны*, то есть, говорить не вѣста: лицемъ къ лицу увидѣла я всегда Сущаго тѣмъ, что Онъ есть, но ради меня отъ сестры моей синагоги возсіявшаго въ чловѣческомъ образѣ, и въ Немъ успокоиваюсь, дѣлаюсь Его обителію. Ибо Онъ есть пастырь добрый, который не сѣно даетъ въ пищу пасомымъ, но чистыми кринами питаетъ овецъ, не сѣномъ уже питая сѣно; потому что сѣно есть пища свойственная естеству безсловесному, а чловѣкъ, какъ существо словесное, питается истиннымъ словомъ; а если насытится сѣномъ, то самъ сдѣлается сѣномъ. Сказано: *всяка плоть сѣно* (Иса. 40, 6.), пока она плоть. Но если кто содѣлается духомъ, родившись отъ духа; то уже не травяною будетъ кормиться пищею, но пищею его будетъ духъ, о чемъ и даютъ разумѣть чистота и благоуханіе крина. Посему и самъ питающійся будетъ чистымъ и благоуханнымъ криномъ, измѣняясь по свойству пищи. Вотъ тотъ день, который

разливается, или дышетъ, лучами, какъ наименовало Божественное слово, разліяніе лучей, производимое духомъ, назвавъ дыханіемъ, отъ чего приходятъ въ движеніе тѣни этой жизни, въ которыя со тщаніемъ всматриваются незарившіе еще душевнаго ока свѣтомъ истины, но на тѣнь и суетное взирающіе, какъ на нѣчто состоятельное, дѣйствительно же сущее опускающіе изъ вида, какъ не существующее. Напротивъ того питающіеся кринами, то есть, утучняющіе душу чистою и благоуханною пищею, удаливъ отъ себя всякое обманчивое и призрачное представленіе вождѣваемаго въ этой жизни, увидятъ истинную основу сущности вещей, ставъ сынами свѣта и сынами дня.

Видитъ сіе невѣста, и побуждаетъ Слово привести скорѣе въ исполненіе надежду пріобщиться благъ, говоря: *обратися, Брате, угодобися сернь, или млади еленю на юрахъ юдолей.* Какъ серна, смотри и Ты, Который видишь помышленія человѣческія, читаешь помыслы сердець. Уничтожь порождение злобы, какъ младый елень, истребляя породу змѣй. Усматриваешь ли юдоли горъ человѣческой жизни, востанія которыхъ подобны не вершинамъ, но дебрямъ? Посему-то Слово со всею скоростію поспѣшаетъ на юдоли горъ, потому что все высыхающее противъ истины есть бездна, а не гора; юдоль, а не возвышенность. Почему, если ступишь на нихъ, го-

ворить невѣста, то всякая таковая *дебрь* наполнится, и всякая таковая *гора* *спирится* (Иса. 40, 4.). Такъ говоритъ душа, которую пасеть Слово, не среди какихъ-либо терній, или былій, но въ благоуханіи криновъ чистаго житія, которыми да насытимся и мы, пасомые словомъ о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ! Ему подобаеъ слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Б Е С Ъ Д А Б.

(3, 1) *На ложи моеѣ въ нощехъ, искахъ, Еюже возлюби душа моя, искахъ Ею, и не обрѣтохъ Ею: въззвахъ Ею, и не послуша мене:* (2) *встану убо (х), и обыду во градъ, и на торжищахъ, и на стогахъ, и поищу, Еюже возлюби душа моя: поискахъ Ею, и необрѣтохъ Ею: звахъ Ею, и не послуша мене.* (3) *Обрѣтоша мя стрелѣи, обходящїи во градъ: видѣсте ли, Еюже возлюби душа моя?* (4) *Яко мало егда преидохъ отъ нихъ, дондеже обрѣтохъ, Еюже возлюби душа моя: удержахъ Ею, и не оставихъ Ею, дондеже сведохъ Ею въ долу матери моея и въ чертогъ зачєнія мя.* (5) *Закляхъ васъ дщєри ієрусалимскія въ силахъ, и въ крѣпостехъ сельныхъ: аще подвижете и воздвѣ-*

(х) По рукописи читается: *дх*, а не *дѣ*.

жете любовь, дондеже аще восхоцетъ. (6) Кто ея, восходящая отъ пустыни, яко стебло кадящее смирну и ливанъ, отъ вслхъ благовоній мрговарца? (7) Се одръ Соломонъ, шестьдесятъ синыхъ окрестъ ею отъ синыхъ Израилевыхъ: 8) вси илице оружія, научени на брань: мужъ, оружіе ею на бедръ ею, отъ ужаса въ ноцехъ.

Въ настоящемъ чтеніи изъ Пѣсни пѣсней снова научаемся великимъ и возвышеннымъ догматамъ; потому что повѣствованіе невѣсты есть любомудріе, тѣмъ, что повѣствуетъ она о себѣ, обучающее, какими предъ Божествомъ надлежитъ быть любителямъ премірной Лѣпоты. А что дознаемъ изъ предложенныхъ словъ, то подобно слѣдующему: — ибо, думаю, напередъ надлежитъ изложить смыслъ, заключающійся въ реченіяхъ, а потомъ уже привести богодухновенныя сіи изреченія въ связь съ обозрѣннымъ прежде; — итакъ (если сказать, выразившись кратко), въ сказанномъ открывается нѣкое слѣдующему подобное ученіе: естество существъ, по самому высшему раздѣлу, состоитъ изъ двухъ частей: одна часть — существа чувственныя и вещественныя, а другая — существа духовныя и невещественныя. Чувственнымъ называемъ все, что постигаемъ чувствами, а духовнымъ, — что не подлежитъ чувственному наблюденію. И естество духовное не имѣетъ предѣловъ и неопредѣлимо; а чувственное, безъ сомнѣнія, объемлется

нѣкими предѣлами: ибо кромѣ того, что всякое вещество различается по количеству и качеству, усматриваемые въ немъ объемъ, наружный видъ, поверхность и очертаніе дѣлаются предѣломъ составляемаго о немъ понятія, такъ что изслѣдывающій вещество ничего сверхъ этого не можетъ заимствовать изъ своего представленія. А духовное и невещественное, будучи свободно отъ подобнаго огражденія, ничѣмъ не ограничиваемое, не знаетъ предѣла. Но и естество духовное дѣлится также двояко (ц): какъ есть несозданное Естество, творящее существа, всегда сущее тѣмъ, что оно есть, всегда само себѣ тождественное, не принимающее никакого приращенія и не допускающее умаленія благъ; такъ и естество, приведенное въ бытіе сотвореніемъ, всегда обращаетъ взоръ къ первой причинѣ существъ, и причастіемъ сей вѣчно преизбыточествующей (ч) причины соблюдается въ добрѣ, и нѣкоторымъ образомъ непрестанно созидается, въ слѣдствіе приращенія благъ измѣняемое въ нѣчто большее, такъ что и въ немъ не усматривается какого либо предѣла, и возрастанію его въ наилучшемъ не полагается никакой границы, а напротивъ того настоящее благо,

(ц) Дополнено по рукописи.

(ч) Такъ читается въ рукописи.

хотя бы казалось оно особенно великимъ и совершеннымъ, всегда и непрестанно служить началомъ высшаго и большаго; посему и въ этомъ оправдывается апостольское слово, когда естество, простираясь *въ предия*, въ забвеніе приходитъ о достигнутомъ прежде (Филипп. 3, 13.). Ибо всегда нѣчто большее, въ избыткѣ находимое добрымъ, къ себѣ привлекая расположеніе причащающихся, не позволяетъ обращать взоръ къ прошедшему, чрезъ наслажденіе тѣмъ, что предпочтительнѣе, устраниая памятованіе о томъ, что ниже по достоинству. Посему, какъ думаемъ, такова мысль, которой научаетъ насъ невѣста любомудріемъ своего повѣствованія. Но время уже сперва припомнить самую букву богодухновенныхъ словесъ, а потомъ заключающійся въ реченіяхъ смыслъ привести въ связь съ обозрѣннымъ прежде.

На ложи мои въ нощехъ, искахъ Ею, Ею же возлюби душа моя, искахъ Ею, и не обрѣдохъ Ею: воззвахъ Ею, и не послуша мене. Встану убо, и обыду во градъ, на торжищахъ, и на стогахъ, и поищу, Ею же возлюби душа моя: поискахъ Ею, и не обрѣдохъ Ею. Обрѣтоша мя стрещи, обходящи во градъ: видѣте ли, Ею же возлюби душа моя? Яко мало егда преидохъ отъ нихъ, дондеже обрѣдохъ, Ею же возлюби душа моя: удержихъ Ею, и не оставихъ Ею, дондеже введохъ Ею въ домъ матере моея и съ чертогъ зачехъ мя. Почему же въ сказанномъ

находимъ мысли, обозрѣнныя нами прежде догматически? Въ предшествующихъ восхожденіяхъ къ Слову невѣста при каждомъ совершившемся приращеніи измѣняема была всегда къ лучшему (ш), и никогда не останавливалась на приобрѣтенномъ ею благѣ. То уподоблена конямъ, писпровергшимъ египетскаго мучителя; то еще по убранству на шеѣ приравнена монистамъ и горлицамъ. Потомъ, какъ бы не удовольствовавшись симъ, восходитъ еще къ высшему; ибо по сладости нарда познаетъ божественное благоуханіе; но и на семъ не останавливается, а напротивъ того и Самого еще Возлюбленнаго, какъ нѣкій благовонный ароматъ, примыкаетъ къ себѣ посреди словесныхъ сосцевъ, изъ которыхъ источаетъ вошедшій во вмѣстилище сердца божественныя ученія. Послѣ сего дѣлаетъ плодомъ своимъ Самого Дѣлателя, именуя его гроздомъ, который въ цвѣтѣ своемъ благоухаетъ чѣмъ-то сладостнымъ и пріятнымъ. И, достигнувъ такого возраста въ слѣдствіе таковыхъ восхожденій, называется доброю, дѣлается искреннею, и красота очей ея уподобляется голубямъ. Потомъ поступаетъ еще къ большему; потому что, содѣлавшись болѣе острозрительною, до-

(ш) Переводъ сдѣланъ по рукописи, гдѣ послѣ: *αἱ* не читается: *γὰρ*.

знаетъ красоту Слова, и дивится, какъ, подобно доброй сѣни, нисходитъ Оно на одръ дольней жизни, осѣненное вещественнымъ естествомъ человѣческаго тѣла. При этомъ описываетъ въ словѣ домъ добродѣтели, для крыши котораго пригоднымъ веществомъ служатъ кедръ и кипарисъ, не принимающіе гнилости и тлѣнія, чѣмъ и объясняется въ словѣ постоянство и непреложность расположенія къ добру. При этомъ сравнительно показывается и видоизмѣненіе ея въ отношеніи къ лучшему; представляется она криномъ въ терніи; а также и ею усматривается различіе Женыхъ съ другими; потому что именуется Онъ яблонію посреди безплоднаго лѣса, которая красуется доброцвѣтностію плодовъ, и подъ тѣнь которой пришедши невѣста бываетъ въ домѣ вина (ш), утверждается *въ мирѣхъ*, полагается въ плодахъ яблони, пріавъ въ сердце избранную стрѣлу, и отъ сладостнаго уязвленія сама дѣлается опять стрѣлою въ рукахъ Стрѣльца, потому что лѣвая рука направляетъ вершину къ горней цѣли, а правая удерживаетъ стрѣлу при себѣ. Послѣ сего, какъ достигшая уже совершенства, и прочимъ изображаетъ въ словѣ свое усердіе къ Любимому, и ихъ какимъ-то заклинаніемъ возбуждая къ любви.

(ш) Дополнено по рукописи.

Посему, кто не скажетъ, что душа, столько возвысившаяся, находится на самомъ крайнемъ предѣлѣ совершенства? Однакоже конецъ достигнутаго прежде дѣлается началомъ руководства къ высшему. Ибо все оное признано звукомъ гласа, посредствомъ слуха, обращающаго душу къ созерцанію таинствъ; и она начинаетъ видѣть Любимаго, являющагося очамъ въ иномъ видѣ; потому что походить Онъ на серну и уподобляется молодому оленю; и сіе явленіе не стоить неподвижнымъ для нашего взора на мѣстѣ своемъ, а напротивъ того скачетъ по горамъ, съ окраинъ перескакивая на вершины холмовъ. И снова невѣста приводится въ высшее состояніе; когда пришелъ къ ней другій гласъ, которымъ побуждается оставить тѣнь стѣны, стать подъ открытымъ небомъ, и упокоиться *въ покровъ каменный, близъ предстѣнія*, и насладиться весенею красотою, собирая и цвѣты этого времени года зрѣлые, красивые и годные къ *обръзанію*, и все, что только наслаждающимся дарить весна для наслажденія, при мусикійскомъ пѣніи птицъ. И невѣста, ставъ отъ сего еще совершеннѣе, признаетъ себя достойною явно увидѣть лице Вѣщающаго, и отъ Него принять слово, не чрезъ другихъ уже произносимое. При семъ справедливо снова ублажить душу, симъ высокимъ восхожденіемъ пришедшую на самую вершину вождѣваемаго. Ибо

кто примыслить для блаженства что либо большее сего—видѣть Бога? Но и это, какъ составляетъ конецъ достигнутаго прежде, такъ дѣлается началомъ надежды высшихъ благъ. Ибо невѣста снова слышитъ гласъ, повелѣвающій ловцамъ, для спасенія словесныхъ виноградовъ, изловить портящихъ плоды звѣрей—оныхъ малыхъ лисицъ. И когда сіе сдѣлано, начинается взаимное переходеніе одного въ другаго, и Богъ бываетъ въ душѣ, и душа также переселяется въ Бога. Ибо говоритъ невѣста: *Братъ мой мнѣ, и азъ въ Немъ*, пасущемъ въ кринахъ, и человѣческую жизнь изъ подобныхъ тѣни представленій предложившемъ въ дѣйствительность существъ. Видишь ли, на какую высоту вступила невѣста, по пророческому слову, приходя *отъ силы въ силу* (Пса. 83. 8.)? Она достигла, кажется, самаго верха въ надеждѣ благъ; ибо что выше сего—пребывать въ самомъ Любимомъ, и въ себя воспріять Любимаго? Однако же, и сего достигши, снова сѣтуетъ, какъ имѣющая нужду во благѣ, и какъ не получившая еще предмета своего вождельнія, затрудняется, огорчается, и такое затрудненіе души объявляетъ, пересказывая о томъ всѣмъ, описывая въ словѣ, какъ находила искомое.

Все же сіе познаемъ изъ обозрѣнія предложенныхъ нами реченій, изъ которыхъ ясно научаемся, что и величіе естества Божія не

ограничивается никакимъ предѣломъ, и никакая мѣра вѣдѣнія не служитъ такимъ предѣломъ въ уразумѣніи искомаго, за которымъ надлежало бы любителю высокаго остановиться въ стремленіи *въ преднія*; а напротивъ того умъ, высшимъ разумѣніемъ восходящій къ горнему, находится въ такомъ состояніи, что всякое совершенство вѣдѣнія, достижимое естеству человѣческому, дѣлается началомъ желанію высшихъ вѣдѣній.

Съ точностію вникни въ предлагаемое обозрѣнію слово, выразишь напередъ то, что чувственное изображеніе въ словѣ есть брачный чертогъ, и что брачное нѣкое учрежденіе представляетъ обозрѣнію такіе предметы, любовныя о которыхъ, значенія сихъ понятій перелагая въ нѣчто чистое и невещественное, посредствомъ представляемаго ими, излагаетъ догматы, загадочнымъ смысломъ того, что дѣлается при семъ, воспользовавшись также къ уясненію раскрываемаго ученія. Посему, такъ какъ слово душу представило невѣстою, отъ всего же сердца, отъ всей души и всею силою любимый ею Богъ именуется Женихомъ; то въ слѣдствіе сего душа, пришедши, какъ думала, на самую вершину уповаемаго, и помысливъ о себѣ, что уже въ самомъ тѣсномъ единеніи съ Возлюбленнымъ, совершенное приобщеніе блага именуется *ложею*, и *нощію* называетъ время тмы, именемъ же ночи ука-

зываетъ на созерцаніе невидимаго, подобно тому, какъ созерцалъ Моисей, бывъ во мракѣ, *идѣ же быше Богъ* (Исх. 20, 21.), какъ говоритъ Пророкъ, *положивый т.м.у закровъ Свой, окрестъ Ею* (Псал. 17, 12.). Въ сію-то тму поставленная душа научается тогда, что отъ достиженія совершенства она столько же далека, какъ и не приступавшіе еще къ началу; ибо говоритъ: какъ сподобившаяся совершенства, уже какъ бы на ложѣ какомъ упокоеваясь въ постиженіи познаннаго. когда, оставивъ чувствилища, пребывала я внутри невидимаго, когда объята была божественною ноцію, ища Сокровеннаго во мракѣ, тогда, хотя имѣла я любовь къ Возлюбленному, но это Любимое мною улетало изъ объятія помысловъ. Искала я Его *на ложѣ моеи въ нощехъ*, чтобы познать, какая Его сущность, откуда ведетъ начало, чѣмъ оканчивается, въ чемъ Его бытіе, но *не обрѣтохъ Ею*; звала Его по имени, какое только можно мнѣ было изобрѣсти имя для Неименуемаго, но не было имени, значеніе котораго касалось бы Искомаго. Ибо какъ званіемъ по имени могъ быть обрѣтенъ, Кто *наче всякаю имене* (Филип. 2, 9.)? Посему-то говоритъ невѣста: *воззвахъ Ею, и не послуша мене*. Тогда познала я, что великолѣпію, славѣ и святынѣ Его нѣтъ конца. Посему-то снова востаетъ и озираетъ мыслію духовное и премірное естество, которое именуется *градо.мъ*. Вотъ, говоритъ, начала,

господства и поставленные для властей престолы (это *торжество* небесныхъ (Евр. 12, 23.), которое именуетъ она *торжественнѣе*, это необъятное числомъ множество, которое означаетъ именемъ *стоишь*), не найдется ли между ними Любимое? Посему невѣста разыскивая обошла весь ангельскій чинъ, и когда въ обрѣтенныхъ благахъ не увидѣла искомага, такъ стала разсуждать сама съ собою: не постижимо ли хотя для Ангеловъ Любимое мною? и говорить имъ: не *видите ли* хотя вы, *Еюже возлюби душа моя*? Поелику же молчали на такой вопросъ, и молчаніемъ показали, что и для нихъ непостижимо искомое ею: то, когда пытливымъ умомъ обошла весь оный премірный градъ, и отъ духовныхъ и безплотныхъ существъ не узнала Желаннаго, тогда, оставивъ все обрѣтаемое, такимъ образомъ признала искомое по одной непостижимости того, что оно такое; потому что въ семъ познаваемомъ всякій постижимый признакъ служить для ищущихъ препятствіемъ къ обрѣтенію. Посему говорить: *мало егда преидохъ отъ нихъ*, оставивъ всю тварь, и прошедши все умопредставляемое въ твари, миновавъ всякій доступный путь, вѣрою *обрѣтохъ* Любимое, и уже не выпущу изъ объятія вѣры Обрѣтеннаго, держась Его, пока не будетъ внутри *чертога* моего. А чертогъ, безъ сомнѣнія есть сердце, которое тогда дѣлается вмѣстительнымъ для

Божественнаго вселенія, когда возвращается въ состояніе, въ какомъ было первоначально при образованіи своемъ заченшею. И конечно кто подъ именемъ *матери* будетъ разумѣть первую причину нашего устроенія, тотъ не погрѣшитъ.

Но время божественныя вѣщанія снова предложить въ буквальному ихъ чтенію, чтобы реченія сіи примѣнить къ обозрѣнному. *На ложи моихъ въ нощехъ, искахъ, Ею же возлюби душа моя, искахъ Ею, и не обрѣтохъ Ею: воззвахъ Ею, и не послуша мене. Встану убо, и обыду во градъ, и на торжищахъ, и на стогахъ, и пищу, Ею же возлюби душа моя: поискахъ Ею, и не обрѣтохъ Ею. Обрѣтоша мя стрелѣи, обходящїи во градъ: видѣсте ли, Ею же возлюби душа моя? Яко мало егда приидохъ отъ нихъ, дондеже обрѣтохъ, Ею же возлюби душа моя: удержахъ Ею, и не оставихъ Ею, дондеже введохъ Ею въ домъ матери моея, и въ чертогъ зачехенїя моего. Послѣ этого невѣста снова по челоуѣколюбїю бесѣдуетъ со дщерями іерусалимскими (которыхъ прежде сравнительно по красотѣ съ невѣстою, уподобленною крину, Слово (ѣ) наименовало тернїемъ) и, заклиная силами міра, возбуждаетъ къ равномѣрной любви, чтобы изволеніе Жениха и на нихъ*

(ѣ) По рукописи вмѣсто: *ἐλως*, читается: *δ' ἑλως*.

оказалось дѣйственнымъ. Но въ предшествовавшихъ бесѣдахъ говорено было, какой это міръ, въ которомъ сін крѣпости и силы, и какое это изволеніе Любимаго отъ всего сердца и отъ всей души, и потому нѣтъ потребности снова длить слово о томъ же, когда обозрѣнъ уже нами смыслъ сихъ реченій, достаточно объясняющій разумѣемое въ семъ мѣстѣ. Напротивъ того поступимъ къ продолженію слова, если только возможно будетъ и намъ взойти съ этого совершенною голубицею, воспаряющею въ высоту, и услышать голосъ друзей жениховыхъ, въ чудо вмѣняющихъ восхожденіе ея отъ пустыни, которое тѣмъ паче увеличиваетъ изумленіе въ зрителяхъ, что пустыня производитъ подобную, такъ что уподобляется она красотѣ деревь, возвращенныхъ въ пустынь испареніями благоуханій; а благоуханіями были смирна и ливанъ. Вмѣстѣ съ испареніемъ ихъ воставала и восходила вверхъ какая-то пыль утонченныхъ ароматовъ, такъ что вмѣсто сей пыли, растворенной въ воздухѣ, было разліяніе тонкихъ ароматныхъ частицъ, отъ чего пыль подымалась прямо ввыспрь. Читается же сіе такъ: *кто сія восходящая отъ пустыни, яко стебло дына кадыщее смирну и ливанъ, отъ всѣхъ благовоній гишварца?*

Если кто съ точностію вникнетъ умомъ въ сказанное, то найдетъ истину ученія, какое мы

предуразумѣли. Какъ въ зрѣлищныхъ представленіяхъ, хотя одни и тѣже показываютъ въ дѣйствіи данную имъ исторію, однако же зрители объ измѣняющихъ разными личинами на себѣ видъ думаютъ, что являются совершенно другіе, и въ являющемся теперь рабомъ и частнымъ человѣкомъ вскорѣ потомъ видятъ вѣнчающаго и воина, и онъ опять, оставивъ наружность подчиненнаго, принимаетъ на себя видъ военачальника, или даже облекается въ образъ царя: такъ и преслѣдуемая въ добродѣтели, не всегда съ тѣми же отличительными чертами остаются, по причинѣ вожделѣнія высшихъ благъ, преобразующіеся *отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18.); а напротивъ того непрестанно, по мѣрѣ преслѣдуемаго въ каждомъ совершенства сихъ благъ, просіяваетъ особая нѣкая свойственная жизни черта, изъ одной измѣняемая въ другую, по причинѣ приращенія благъ. Посему, кажется мнѣ, удивляются видимому друзья Жениховы, которые еще прежде знали невѣсту доброю, да и *доброю съ женами*; а послѣ того убрали красоту ея *подобіе изъ золота съ изстрочили сребра*; теперь же, не усматривая въ ней ни одного изъ прежнихъ признаковъ, но отличая по высшимъ примѣтамъ, дивятся не только восхожденію, но и тому, откуда могла придти. Ибо сіе служитъ къ усиленію изумленія, что видятъ восходящую одну, и видимое уподобляется рощѣ деревъ. Имъ

представляется, что видятъ выбѣгающія и вырастающія въ высоту стебла. Питаетъ же стебла сіи не тучная какая либо и орошенная, но сухая, жаждущая, пустынная земля. Посему въ чемъ же укореняются стебла сіи, и изъ чего растутъ? Корнемъ для нихъ служитъ ароматная пыль, а поливкою—испареніе благоуханій, орошающее рошу сію благовоніемъ. Сколько слово сіе заключаетъ въ себѣ похвалъ той, о которой засвидѣтельствовано подобное сему? Ибо то, что друзья Женпховы спрашиваютъ другъ друга о представшей ихъ صورتѣ, какъ объ являющейся въ иномъ видѣ, а не въ прежнемъ образѣ, служитъ совершеннѣйшею похвалою преслѣзанія въ добродѣтели, свидѣтельствуя о великомъ измѣненіи и превращеніи въ невѣстѣ въ лучшее. Пбо вотъ слова удивляющихся, вмѣняющихъ въ чудо этотъ, вопреки обычному виду цвѣтушій образъ: сія *восходящая отъ пустыни*, какъ прежде мы видѣли, была черна, какъ же сложила съ себя очерненный образъ? Отъ чего бѣлоспѣжнымъ блистаетъ у нея лице? Пустыня, какъ видно, причиною сего; она сдѣлала то, что невѣста, подобно нѣкому отпрыску, дала побѣги въ высоту; пустыня претворила ее въ такую красоту. Ибо не по случайному какому стеченію обстоятельствъ, и не по безразсудному какому жребію произошло восхожденіе ея на высоту; напротивъ того собственными тру-

лами, воздержаніемъ и попечительностію приобрѣла красоту. Такъ нѣкогда и душа пророка содѣлалась жаждущею божественнаго источника, потому что *плоть* его, ставъ *пустою, непроходною и безводною*, ощутила въ себѣ божественную жажду (Пса. 62, 2.). Посему и невѣста тѣмъ самымъ, что восходитъ отъ пустыни, представляетъ о себѣ свидѣтельство, что внимательностію и воздержаніемъ вошла на великую и значительную высоту, и чрезъ это содѣлалась чудомъ для друзей Жениховыхъ, которые красоту ея объясняютъ многими подобіями, потому что однимъ и объять всего не возможно. И сперва уподобляютъ изящество ея *стеблю*, и стеблю не одному (ы), но дѣлается уподобленіе примѣчаемыхъ въ ней чудесъ множеству деревьевъ, чтобы изображеніемъ рощи указывалось на многовидность и разнообразіе добродѣтелей. Потомъ въ образъ красоты берется кадильный дымъ, и притомъ не простой, но срастворенный изъ *смирны и ливана*, чтобы въ одно сливалась пріятность ихъ испареній, которыми изображается красота невѣсты. Новою для нея похвалою служить соединеніе сихъ ароматовъ. Смирна употребляется при погребеніи тѣлъ: а ливанъ по нѣкоей причинѣ освящается въ

(ы) Переводъ сдѣланъ по рукописи.

честь Богу. Посему намѣревающійся посвятить себя на служеніе Богу не иначе будетъ ливаномъ, воскрсяемымъ Богу, какъ развѣ содѣлается прежде сминою, то есть, умертвить *уды свои, яже на земли* (Кол. 3, 5.), спогребшисъ Пріившему за насъ смерть, и умерщвленіемъ удовъ на собственную свою плоть воспріавъ ту смиру, которая употреблена при погребеніи Господа (Іоан. 19, 39.) А по совершеніи сего всякій видъ благоуханій добродѣтели, раздробленныхъ, какъ бы въ ступѣ какой, въ колесѣ жизни, производитъ изъ себя ту сладостную пыль, которую пріавъ съ дыханіемъ, благоуханнымъ дѣлается, кто исполненъ умащеннаго мвромъ духа.

Послѣ свидѣтельства о красотѣ невѣсты, друзья Жениховы, уготовители чистаго брачнаго чертога, невѣстоводители непорочнои невѣсты, показываютъ ей красоту царскаго одра, чтобы тѣмъ паче привести невѣсту въ вожделѣніе божественнаго и пречистаго сожительства съ Царемъ. Вотъ описаніе царскаго одра, на который указывая невѣстѣ, представляютъ ея взору изображаемое въ словѣ; ибо говорятъ: *се одрѣ Соломонъ, шестьдесятъ сильныхъ окрестъ его отъ сильныхъ Израилевыхъ: вси илице оружія, научени на брань: мужъ, оружіе его на бедръ его, отъ ужаса въ ноцехъ.* Что сего сказанія объ одрѣ нѣтъ въ исторіи, ясно будетъ всякому изъ повѣствуемаго о Соломонѣ

въ смыслѣ плотскомъ. Слово со всею точно-
стію описало его дворецъ, трапезу и прочій
образъ жизни въ продолженіе царствованія, но
объ одрѣ не сказало ничего новаго и особен-
наго; почему по всей необходимости должно
неостанавливаться въ толкованіи на буквѣ, но
при тщательнѣйшемъ нѣкоемъ наблюденіи, от-
ступивъ мыслию отъ вещественнаго значенія
выраженій, обратить рѣчь къ духовному обо-
ру. Ибо какое украшеніе для брачнаго одра
составятъ шестьдесятъ оруженосцевъ, у кото-
рыхъ всѣ свѣдѣнія — военные страхи, а на-
рядъ — примкнутое при тѣлѣ оружіе, и окру-
жающій ихъ ночный ужасъ? Писаніе словомъ:
ужасъ, какой, какъ говоритъ оно, бываетъ
при сихъ оруженосцахъ, указываетъ на изсту-
пленную боязнь, происходящую отъ какихъ-то
ночныхъ страхованій. Посему всячески должно
отыскать въ сихъ реченіяхъ какій либо смыслъ,
сообразный съ обозрѣннымъ прежде. Какій же
это смыслъ? Кажется, что божественная кра-
сота имѣетъ въ страшномъ достолюбезное,
дѣлающееся видимымъ по противоположности
красотѣ тѣлесной: ибо въ тѣлесной красотѣ
влечетъ (б) къ вожделѣнію, что пріятно и
усладительно на взглядъ и далеко отъ всякаго
страшнаго и раздраженнаго расположенія, а

(б) По рукописи читается: *ἐλκτικόν εἰς ἐπιθυμίαν ἐστί.*

оная пречистая красота есть страшное и изумляющее мужество. Поселику страстное и нечистое вожделеніе тѣлесное, имѣющее себѣ мѣсто въ плотскихъ членахъ, какъ разбойничье какое скопище, строить козни уму, и уловивъ его въ свою волю, нерѣдко отводить въ плѣнъ, а это враждебно Богу, потому что, какъ говоритъ Апостолъ, *лудрование плотское вражда на Бога* (Рим. 8, 7.); то слѣдуетъ любви Божественной происходить отъ противоположнаго тѣлесному вожделѣнію, такъ что, если послѣднимъ править во всемъ вольность, изнѣженность и прихотливая роскошь, то устрашающее и изумляющее тамъ мужество дѣлается пищею божественной любви. Ибо когда мужественное раздраженіе приведетъ въ ужасъ, и обратитъ въ бѣгство засаду (ѳ) сластолюбія, тогда откроется чистая красота души, неоскверняемая никакою страстію тѣлеснаго вожделѣнія. Посему-то брачный одръ царя по необходимости окружается оруженосцами, которыхъ опытность въ военномъ дѣлѣ и готовый при бедрѣ мечъ производятъ ужасъ и изумленіе въ омраченныхъ помыслахъ, по дстерегающихъ ночью и во *дранцъ сострѣляющихъ сердца* (Пса. 10, 2.).

А что вооруженіе остѣняющихъ собою одръ

(ѳ) Въ рукописи читается: *ἐν λόγῳ*

истребительно для нечистыхъ удовольствій, это сдѣлается явнымъ изъ описанія, въ которомъ слово говоритъ: *еси научени на брань: мужъ, оружіе его на бедръ его*: ибо дѣйствительно, имѣя при бедрѣ привѣшенный мечъ, знающимъ можно, какъ надлежитъ, вести брань съ плотію и кровію; да и не несвѣдущій въ понятіяхъ и загадочныхъ реченіяхъ Писанія по упоминанію о бедрѣ понимаетъ, конечно, означаемое, а именно, что мечъ есть Слово. Посему, кто препоясанъ симъ страшнымъ оружіемъ (разумѣю мечъ цѣломудрія), тотъ достолюбезенъ для нетлѣннаго одра, есть одинъ отъ *сильныхъ Израилевыхъ*, и достоинъ быть включеннымъ въ списокъ шестидесяти.

Не сомнѣваемся же, что и число сіе имѣетъ нѣкое таинственное значеніе; но это явно тѣмъ однимъ, кому благодать Духа открываетъ сокровенныя тайны. А мы утверждаемъ, что хорошо довольствоваться съ перваго взгляда усматриваемыми понятіями въ словѣ, какъ узаконяетъ Моисей о пасхѣ, чтобы употребившіе въ снѣдь снаружи видимыя мяса не касались съ пытливостію скрытаго въ костяхъ неясности (Исх. 12, 10.). Если же кто вождѣлѣваетъ сокровенныхъ мозговъ слова; то пусть проситъ у Открывающаго сокровенное достойнымъ. Впрочемъ, чтобы не показалось, будто бы обходимъ слово безъ упражненія въ немъ, и не радимъ о Божіей заповѣди, повелѣвающей

испытывать божественныя *Писанія* (Іоан. 5, 39.); сказанное о шестидесяти рассмотримъ такъ: двѣнадцать жезловъ, по числу колѣнъ Израилевыхъ, берутся Моисеемъ по повелѣнію Божию; но всѣмъ предпочтенъ одинъ — какъ одинъ изъ всѣхъ прозябшій. Еще Іисусомъ Навиномъ берутся изъ Іордана камни въ равномъ числѣ съ колѣнами Израильскими, и ни одинъ изъ нихъ не отринуть; потому что всѣ равночестно приняты во свидѣтельство таинства на Іорданѣ. Въ сихъ повѣствованіяхъ большая есть послѣдовательность; ибо слово показываетъ нѣкоторое преспѣяніе народа въ усовершенствованіи себя; такъ что въ началѣ законодательства нашелся одинъ живой и прозябшій жезлъ, прочіе же отринуты, какъ сухіе и безплодные; но по прошествіи долгаго времени, когда Израильтяне достигли точнѣйшаго уразумѣнія законныхъ имъ предписаній, такъ что поняли и приняли вторично совершенное надъ ними Іисусомъ обрѣзаніе, и когда каменный ножъ отъялъ у нихъ все нечистое (конечно же, разумный (э) слушатель понимаетъ означаемое камнемъ и ножемъ): тогда, по утвержденіи въ нихъ законной и добродѣтельной жизни, какъ и естественно было, ни одинъ изъ камней, взятыхъ во имя колѣнъ Израиль-

(э) По рукописи *ζ ουρετός*.

скихъ, не оказался отринутымъ. Поелику же всегда надлежитъ домогаться приращенія благъ, то, когда прошло время, и силъ у Израиля стало больше, ибо въ предлагаемыхъ намъ изреченіяхъ Слово говорить о *сильныхъ Израилевыхъ*: тогда берется уже не по одному камню, или по одному жезлу, отъ колѣна, но, вмѣсто жезловъ или камней, отъ cadaго колѣна по пяти мужей вонтелей, *наученныхъ на брань отъ сильныхъ Израилевыхъ*, вооруженныхъ мечемъ, остѣняющихъ собою божественный одръ, изъ которыхъ посему ни одинъ не бываетъ отринутъ, потому что пять дѣлаются начаткомъ cadaго колѣна, а это число, двѣнадцать разъ само съ собою сложенное, даетъ полное число шестидесяти. Посему надобно, чтобы отъ cadaго колѣна пять страшныхъ оружеборцевъ стали хранителями царскаго одра, такъ что если бы не доставало до пяти, то не полное число небыло бы и принято. Но нельзя ли наконецъ отважиться на разсужденіе о томъ, почему отъ cadaго колѣна вооружаются пять воиновъ, чтобъ стать стражами царскаго одра, и почему каждый изъ сихъ пяти по вооруженіи, привѣсивъ къ бедру мечъ, дѣлается страшнымъ для противоборствующихъ? Или очевидно, что единый камень замѣняютъ сіи пять оруженосцевъ, служа каждому чувству, имѣющему при себѣ, на пораженіе сопротивниковъ. приличный ему мечъ? Мечъ ока — всегда взи-

рать ко Господу, смотрѣть прямо и не оскверняться никакимъ нечистымъ зрѣлищемъ. Оружіе также слуха — слышаніе божественныхъ ученій и то, чтобъ не принимать никогда слухомъ суетнаго слова. Такъ можно и вкусъ и осязаніе, и обоняніе вооружить мечемъ воздержанія, обороняя, чѣмъ слѣдуетъ, каждое изъ чувствъ. Отъ сего оцѣпенѣніе и ужасъ поражаютъ потемненные помыслы, для которыхъ удобнымъ временемъ строить козни душамъ служатъ ночь и тма, когда, сказалъ Пророкъ, дикіе звѣри съ лукавствомъ отыскиваютъ себѣ пищу въ стадахъ Божіихъ, ибо сказано: *положилъ еси тму, и бысть ночь, въ нейже пройдутъ вси звѣріе дубравніи: скилнн рыкающіи восхитити* (Пса. 103, 20. 21.). Поелику же всякій спасаемый дѣлается Израильяниномъ; *не вси бо сущіи отъ Израіля, сін Израіилъ* (Рим. 9, 6.); напротивъ того всякій, кто устремляетъ взоръ къ Богу, за такой образъ дѣйствія въ собственномъ смыслѣ называется симъ именемъ; взирающему же на Бога свойственно ни однимъ изъ чувствилищъ не обращаться ко грѣху (ибо никто не можетъ взирать на двоихъ господъ, по одному надлежитъ стать ненавистнымъ, если содѣлается любимымъ другой): то посему самому все спасаемое дѣлается единымъ одромъ царя. Ибо, если всѣ, содѣлавшіеся *чистыми сердцемъ узрятъ Бога* (Матѳ. 5, 8.), видящіе же Бога въ соб-

ственномъ смыслѣ бываютъ и именуются Израилемъ; а сіе имя по какой то сокровенной причинѣ дѣлится на двѣнадцать колѣнъ: то полнота спасаемыхъ прекрасно слагается изъ числа шестидесяти, когда отъ каждой части берется одинъ, и этотъ одинъ по числу чувствъ дѣлится на пять оруженосцевъ. Посему-то одинъ Царевъ одръ окружаютъ всѣ облекшіеся *во вся оружія Божія* (Ефес. 6, 11.), всѣ содѣлавшіеся Израилемъ, и поелику, при представляемой повсюду въ двѣнадцати колѣнахъ доблести, вся полнота доблестныхъ слагается изъ числа шестидесяти; то всѣ единымъ чиномъ начальникомъ, Екклесіастомъ и Женихомъ счисляемые въ общеніе одинаго тѣла, будутъ единый полкъ, единое воинство, единый одръ, то есть , одна Церковь , одинъ народъ , одна невѣста.

А что одръ есть упокоеніе спасаемыхъ, сему научаемся словомъ Господа, Который безъ стыда ударяющему въ двери ночью говоритъ: *уже двери затворены суть, и дѣти со мною на ложи суть* (Лук. 11, 7.). Прекрасно же слово тѣхъ, которые съ оружіемъ правды преуспѣли въ безстрастіи, именуетъ дѣтьми, давая намъ знать чрезъ это, что благо, приобретаемое нашею попечительностію, есть не какое либо иное съ сообщеннымъ естеству въ началѣ. Ибо и препоясавшійся мечемъ внимательностію къ добродѣтельной жизни устра-

нилъ отъ себя страсть; и младенецъ по возрасту нечувствителенъ къ таковой страсти; потому что незрѣлость возраста не даетъ страсти мѣста. Посему вмѣстѣ можно дознавать, и что есть при одрѣ оруженосцы, и что покоющіеся на одрѣ—младенцы; потому что одно безстрастіе въ тѣхъ и другихъ; одни не принимали въ себя страсти, а другіе удалили ее отъ себя; одни еще не познали, а другіе, обратившись и ставъ дѣтьми по безстрастію, поставили себя въ первобытное состояніе. Посему блаженное дѣло оказаться въ числѣ ихъ, содѣлавшись или младенцемъ, или оруженосцемъ, или истиннымъ Израильтяниномъ : Израильтяниномъ, какъ въ чистотѣ сердца взирающимъ на Бога; оруженосцемъ, какъ въ безстрастіи и чистотѣ охраняющимъ царевъ одръ, то есть, сердце свое, и младенцемъ, какъ покоющимся на блаженномъ ложѣ о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! аминь.

ВЕСѢДА 7.

(3, 9.). *Одръ сотвори себѣ царь Соломонъ отъ древесъ ливанскихъ. (10) Столбы его сотвори серебряны, и восклоненіе его злато: восходъ его багрянъ, внутрь его каменіе постлано, любовь отъ дочерей іерусалимскихъ. (11) Дщери Сіони изыдите и видите въ царя Соломона, въ свѣтъ,*

и яже вѣнча его мати его, въ день обрученія его, и въ день веселія сердца его. (4, 1.) Се еси добра ближняя Моя, се еси добра: очи твои юмубинь, кроль замолчанія твоего: власи твои яко стада козицѣ, яже открышася отъ Галаада. (2) Зубы твои яко стада остриженныхъ, яже изыдоша изъ купльи, вся двоеплодны, и неродящія нѣсть въ нихъ. (3) Яко вервь червлена устнѣ твои, и бесѣда твоя красна: яко оброшенія шипка ланиты твои, кроль замолчанія твоего. (4) Яко столпъ Давидовъ вышъ твоя, созданъ въ Ѳаліювъ: тысяща щитовъ виситъ на немъ, вся стрѣлы сильныхъ. (5) Два сосца твоя яко два млада близнца серны, пасомая въ кринахъ, (6) дондеже дѣнетъ день, и подвижутся сны. Пойду себѣ къ юрь Смирный, и къ холму Ливанску. (7) Вся добра еси ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ.

Царь Соломонъ по многому пріемлется въ образъ истиннаго Царя, — разумѣю же многое, во святомъ Писаніи повѣствуемое о немъ въ лучшую сторону. Ибо называется мирнымъ, имѣетъ безмѣрную мудрость, созидаетъ храмъ, царствуетъ во Израилѣ, и судитъ народъ въ правдѣ, и происходитъ отъ сѣмени Давидова. да и царица египтянъ приходитъ къ нему. Все сіе и подобное сему скажется о немъ прообразовательно, преднаписуетъ же силу Евангелія. Ибо кто столько миренъ, какъ убишій вражду (Ефес. 2, 16.), привоздическій на

крестъ враговъ Своихъ (Кол. 2, 14.), насъ, лучше же сказать, *миръ* *примирившій Себя* (2 Кор. 5, 19.), и *средостѣнныя ограды* *разорившій*, да оба *созиждетъ* Собою во единого новаго *человѣка*, *творя миръ* (Ефес. 2, 14. 15.), *проповѣдавшій миръ* *далиилъ и ближилъ* (17) *чрезъ благовѣствующихъ* *благая* (Рим. 10, 15.)? Кто таковойъ *здатель храма*, какъ *положившій основанія его на юрахъ святыхъ* (Псал. 86, 2.), то есть, на Пророкахъ и Апостолахъ, *назидающій же*, какъ говоритъ Павелъ, *на основаніи Апостолъ и Пророкъ* (Ефе. 2, 20.) *каменіе живо* (1 Петр. 2, 5.), *камни* *одушевленные*, которые, по слову пророческому (Зах. 9, 16.) (ю), сами собою катятся, чтобы сложиться въ стѣны, и чтобы, когда они единствомъ вѣры и союзомъ любви прилажены будутъ одинъ къ другому, *возрасла чрезъ нихъ Церковь святая*, и совершилось *жилище Божіе Духомъ* (Ефес. 2, 21. 22.)? А что мудростію своею Соломонъ означаетъ истинную Премудрость, тому, принимая во вниманіе исторію и дѣйствительность, не станетъ противорѣчить никто; ибо исторія свидѣтельствуеть о Соломонѣ, что онъ преступилъ за предѣлы *человѣческой мудрости*, вмѣстивъ на *широтѣ сердца* (3 Цар. 4, 23.)

(ю) По славянскому переводу: *каменіе свято валяется на землѣ*.

вѣдѣніе всего, такъ что и предшественниковъ превзошелъ и для потомковъ сталъ недостижимъ. И Господь по естеству Своему, по тому самому, что такое Онъ, есть сущность истины, премудрости и силы. Посему, такъ какъ сказано Давидомъ: *вся премудростію сотворишъ еси* (Псал 103, 24.), божественный Апостолъ, толкуя Пророка, говоритъ, что *Тѣлѣ создака быша всяческая* (Кол. 1, 16.), и симъ даетъ знать, что словомъ: *премудрость* Пророкъ означаетъ Господа. А что Господь есть Царь Израилевъ, это засвидѣтельствовано и врагами Его, написавшими на крестѣ признаніе Его царскаго сана: *Сей есть Царь іудейскѣ* (Лук. 23, 38.). Ибо принимаемъ сіе свидѣтельство, хотя думаютъ иные, что оно умаляетъ величіе державы, ограничивая владычество Господа царствомъ Израильскимъ. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ; напротивъ того сіе надписаніе на крестѣ, упоминая о части, восписуетъ начальство надъ всѣмъ уже тѣмъ, что не прибавляетъ: *Сей есть Царь однихъ іудеевъ*. Ибо надпись безъ ограниченій, засвидѣтельствовавъ начальство Его надъ іудеями, и въ признаніи семъ, не сказавъ того ясно, подразумевала и державу надъ всѣми; потому что Царь всей земл. конечно, имѣетъ владычество и надъ частию ея. И заботливость Соломона о правдивомъ судѣ означаетъ истиннаго Судію всего міра, Который говоритъ: *Отецъ не су-*

дитя николиже, но судъ весь даде Сынови (Іоан. 5, 22.), и: не могу о Себѣ творити ничеюже, но, якоже слышу, сужду: и судъ Мой праведенъ есть (30.). Ибо вотъ самый крайній предѣлъ правдиваго суда, — не отъ себя, по какому либо пристрастію, давать рѣшеніе подсудимымъ, но сперва выслушивать подлежащихъ суду, а потомъ уже дѣлать о нихъ приговоръ. Посему-то сила Божія признаетъ, ничто и для нея невозможнымъ; ибо истина не можетъ уклонить судъ отъ правды. А что Господь по плоти отъ сѣмени Давидова, и что предугазуется сіе рожденнымъ отъ Давида, о томъ, какъ о признаваемомъ всѣми, умолчимъ въ словѣ.

Тайна же, заключающаяся въ сказаніи о царицѣ еѳіопской, почему, оставивъ еѳіопское царство, и прошедши столь великія разстоянія, поспѣшаетъ она къ Соломону по славѣ о мудрости его, принося царю въ даръ *каменіе драгое, золото и сладости ароматовъ* (3 Цар. 10, 10.), содѣлается ясною для познавшаго, къ какому изъ евангельскихъ чудесъ она относится. Ибо кто не знаетъ, что первоначально церковь изъ язычниковъ прежде, нежели содѣлалась церковію, черна была идолослуженіемъ, и великимъ растояніемъ *невѣдѣнія* (Дѣян. 17, 30.) отдѣлялась отъ вѣдѣнія истиннаго Бога? Но когда *явилась благодать Божія* (Тит. 2, 11.), возсіяла Премудрость, и истин-

ный Свѣтъ изліялъ лучи свои къ сѣдящимъ во тмѣ и сѣни смертной; тогда, поелику Израиль смежилъ очи для Свѣта, и самъ себя содѣлалъ далекимъ отъ причастія благъ, приходятъ еѳіопяне—съ вѣрою притекающіе язычники, и бывшіи иногда далече стали близъ (Ефе. 2, 13.), омывъ черноту таинственною водою, такъ что Еѳіопія предваряетъ руку свою къ Богу (Пса. 67, 32.), и дары приводитъ Царю (Пса. 71, 10.): ароматы благочестія, злато боговѣдѣнія и каменіе драгое дѣланія заповѣдей и добродѣтелей.

Но что имѣя въ виду, съ сего начинаю предстоящее намъ обозрѣніе реченій, объясню это въ словѣ, предложивъ уже напередъ буквальное чтеніе Божественныхъ словесъ, которое таково: *одръ сотвори себѣ царь Соломонъ отъ древесъ ливанскихъ. Столпы его сотвори серебряны, и восклоненіе его злато: восходъ его багрянъ, внутри его каменіе постлано, любовь отъ дочерей іерусалимскихъ.* Посему какъ въ изслѣдованномъ прежде о Соломонѣ Слово нашло, какими чертами въ этомъ лицѣ описывается таинство храма: такъ и уготовленіемъ одра означается домостроительство о насъ, потому что Богъ многообразно бываетъ въ достойныхъ Его, столько бывая въ каждомъ, сколько возымѣетъ каждый силы и достоинства. Ибо одинъ дѣлается нѣкимъ мѣстомъ Божиимъ, а другій—домомъ, иной—престоломъ, а иной—

Гр. Нисск. Ч. III. 12

подножіемъ: а еще иный дѣлается колесницею, или послушнымъ конемъ, приѣмлющимъ на себя добраго Всадника, и въ угодность Правящему совершающимъ свой бѣгъ. А, какъ научаемся теперь, иный бываетъ и одромъ (я) Его, именно же, кто премудростію Его устрояется не только изъ деревъ ливанскихъ, но² и изъ золота, серебра, багряницы и камней, что прилично каждой части, и чѣмъ приводится въ дѣйствіе любовь Божія, потому что не всякій вмѣщаетъ дѣйственность любви, но развѣ о комъ извѣстно по жизни, что это *дщерь вышняяго свободнаго Іерусалима* (Гал. 4, 26.). Посему, что носящій въ себѣ Бога служить одромъ Обитающему и Возсѣдающему въ немъ, это можетъ быть яснымъ и прежде нашихъ объясненій; потому что кто, подобно святому Павлу, живетъ *не къ тому* самъ, но имѣетъ живущаго въ немъ Христа (Гал. 2, 20.), и представляетъ доказательство *многолющаго* въ немъ Христа (2 Кор. 13, 3.), тотъ въ собственномъ смыслѣ называется и бываетъ одромъ для Носимаго на немъ и имъ Держимаго. Но не въ этомъ состоитъ искомое нами; надлежитъ же паче со тщаніемъ выразумѣть, что означается разнообразіемъ и разнородностію вещества.

(я) Точнѣе: носилками.

Итакъ, почему на устроение одра вмѣстѣ съ золотомъ, серебромъ, багрянницею и каменьями берется и дерево? Между тѣмъ *премудръ архитекторъ* Павелъ вмѣстѣ съ *спномъ и тростіемъ* и дерево признаетъ негоднымъ къ построению дома, какъ истребляемое искушающею *длоу* губительною силою огня (1 Кор. 3, 10—13.). Но мы знаемъ нѣкоторый родъ дерева, не остающагося тѣмъ, что оно есть, но превращающагося въ золото, или серебро, или что либо иное драгоценное. Ибо *въ седмицѣхъ долу* Божіемъ, говоритъ Апостолъ, есть *сосуди злати и серебряни* по естеству, давая симъ, какъ думаю, разумѣть тварь безплотную и духовную, а также *древяни и глинни*, означая ими, можетъ быть, насъ, которыхъ преслушаніе оземленило и сдѣлало глиняными, а грѣхъ вкушеніемъ отъ древа изъ золотыхъ сосудовъ обратилъ въ деревянные. По достоинству же вещества распредѣляется и употребленіе сосудовъ: тѣ, которые изъ вещества болѣе дорогаго, назначаются *въ честь*, а другіе оставляются на служеніе нечестное. Но что говорить о такихъ сосудахъ Павелъ? Что во власти сосуда, по собственному его произволенію, или изъ деревяннаго сдѣлаться золотымъ, или изъ глинянаго серебрянымъ; ибо Апостолъ говоритъ: *аще кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь Владыцъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 2, 20. 21.). Посему сказан-

нымъ приводимся, можетъ быть, нѣсколько къ предлагаемому въ словѣ умозрѣнію. Гора Ливанъ во многихъ мѣстахъ святаго Писанія упоминается въ показаніе сопротивной силы ; такъ, когда говорится у Пророка: *стрыетъ Господь кедры ливанскія, и истинитъ я и Ливанъ, яко тельца* (Пса. 28, 5. 6.), очевидно, того тельца, который въ пустынь стертъ въ прахъ Моисеемъ, и по мелкости частицъ сталъ удобопіемымъ для Израильтянъ. Ибо пророчествомъ объясняется здѣсь, что, не только рожденныя сопротивною силою бѣдствія, но и самая гора—первоначальный корень зла, этотъ Ливанъ, питающій вещество таковыхъ деревьевъ, приведены будутъ въ ничто. И такъ мы нѣкогда были деревьями на Ливанѣ, пока укоренялись въ немъ порочною жизнію и прелестію идольскою; но поелику словесною сѣкирою ссѣчены мы съ Ливана, и стали въ рукахъ Художника, то содѣлалъ Онъ изъ насъ одръ Себѣ, естество дерева пакибытіемъ претворивъ въ серебро и золото, въ доброцвѣтную багряницу, и въ блестящіе камни.

И какъ, говоритъ Апостолъ, Богъ каждому въ мѣру его раздѣляетъ дары Святаго Духа. одному даетъ *пророчество, по мѣрѣ вѣры* (Римл. 12, 6.), а другому другое какое либо изъ дѣйствъ, къ какому каждый сроденъ, и какую можетъ пріять благодать, или ставъ *окомѣ тѣла Церкви*, или будучи поставленъ на мѣсто

руки, или подпирая тѣло, какъ *нога*: такъ и въ устройствѣ одра одинъ дѣлается *столпомъ*, другой *восходомъ*, инъй же, какъ часть служащая для головы, наименованъ *восклоненіемъ*; а есть и такіе, которые назначены *внутри*. Для всего этого, по какому-то закону, примышляетъ Художникъ неоднородное вещество на убранство, но, хотя все украшается красотою, однако же для каждой изъ сихъ частей примышляется различная и соотвѣтственная я краса. Почему *столпы* одра — серебро; а восходы ихъ — багряница; *восклоненіе* же подъ головою, на которое Женихъ приклоняетъ главу Свою, — изъ золота; и вся внутренность испещрена драгоценными камнями. А потому подъ *столпами* разумѣть должно столповъ Церкви, у которыхъ слово въ точности *сребро* чисто и *разжжено* (Иса. 11, 7.). Багряница же — это въ высокому житіи восшедшіе на царство; потому что багряница почитается отличительнымъ признакомъ царскаго достоинства. И владычественное его, на что Устроившій одръ восклоняетъ главу Свою, — это золото чистыхъ догматовъ. Все же невидимое и сокровенное украшается чистою совѣстію драгоценныхъ камней, и изъ нихъ всѣхъ составляется *любовь отъ дочерей іерусалимскихъ*.

А если угодно кому одромъ назвать всю Церковь, и части одра раздѣлить Онъ, по

различіямъ дѣйствій, какимъ либо лицамъ, какъ говорено было о семъ прежде; то и въ семъ случаѣ весьма удобно будетъ слову части одра примѣнить къ каждому чину, установленному въ Церкви, какъ говоритъ Апостоль: *положи Богъ въ Церкви первѣ Апостоловъ, второе Пророковъ, третіе учителей, потомъ и всѣ одинъ за другимъ чины* (1 Кор. 12, 28.), *къ совершенію святыхъ* (Ефе. 4, 12.). Посему подъ именами веществъ, служащихъ къ устройству одра, разумѣются священники и учителя, и честное дѣвство, внутри одра чистотою добродѣтелей блистающее, какъ бы какими лучами камней. Но о семъ довольно.

Послѣдующая же часть слова заключаетъ въ себѣ увѣщаніе невѣсты дочерямъ іерусалимскимъ. Какъ великій Павелъ почиталъ для себя ущербомъ, если несодѣлаетъ *всѣхъ* (1 Кор. 7, 7.) причастниками собственныхъ своихъ благъ; а потому слушающимъ говорилъ слѣдующее: *будьте якоже азъ: поне и азъ былъ нѣкогда подобенъ вамъ* (Гал. 4, 12.), *и: подражатели мои бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. 11, 1.): такъ и человеколюбивая невѣста, сподобившись сама божественныхъ Владычныхъ таинъ, когда увидѣла ложе Царя, и содѣлалась Его одромъ, взываетъ отроковицамъ (а ими могутъ быть души спасаемыхъ), говоря: долго ли останетесь заключенными въ вертепъ этой жизни? Изыдите изъ прикровеній естества, ви-

дите дивное зрѣлище. ставъ дщерями Сіона, зрите вѣнецъ весьма приличный (ѳ) главѣ Царя, который возложила на него мать по слову Пророка, говорящаго: *положилъ еси на главѣ Еюъ сѣнецъ отъ камене честна* (Псал. 20, 4.). Конечно же, никто изъ осмотрительныхъ въ сужденіи, когда рѣчь о Богѣ, не будетъ строго разбирать значенія имени, почему вмѣсто Отца упоминается мать, въ томъ и другомъ реченіи находя одинъ смыслъ; потому что Божество и не женскаго и не мужскаго пола. Да и какъ о Божествѣ помыслить что либо подобноѣ, когда и въ насъ — людяхъ не на всегда остается это, а напротивъ того, когда *вси* дѣлаемся *едино* о Христѣ, тогда и признаковъ сего различія совлекаемся съ цѣлымъ ветхимъ человѣкомъ (Гал. 3, 28.)? Посему-то всякое, какое ни найдется, имя равносильно для указанія на естество нетлѣнное; потому что ни женскій, ни мужескій полъ не скверняютъ своимъ именованіемъ значенія, какое имѣетъ естество пречистое. Посему-то въ евангеліи говорится, что Отецъ творитъ браки (Матѣ. 22, 2.), и Пророкъ Богу говоритъ: *положилъ еси на главѣ ею сѣнецъ отъ камене честна*; а здѣсь сказано, что вѣнецъ на Жениха возлагается матерью. Посему бракъ

(ѳ) Такъ въ рукописи.

одинъ, и невѣста одна, и Однимъ возлагается на Жениха вѣнецъ; то вовсе нѣтъ разности, назвать ли едиnorodнаго Бога Сыномъ Божіимъ, или, по выраженію Павла, *Сыномъ любви* Божіей (Кол. 1, 13.); потому что по тому и другому именованію одна сила уневѣщиваетъ Его для сожителства съ нами. Посему невѣста говорятъ отроковицамъ: *изыдите* и будьте дщерями Сіона, чтобы съ высокой стражбы (такъ толкуется Сіонъ) возмogli вы увидѣть чуждое зрѣлище—вѣнценоснаго Жениха. Вѣнцемъ же для Него дѣлается Церковь, вокругъ объемлющая главу Его одушевленными камнями. Соплетатель таковаго вѣнца есть любовь, и не погрѣшитъ, кто матерью назоветъ ее, или любовію; потому что, по слову Іоанна, *Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 8.). Этимъ вѣнцемъ, сказуетъ невѣста, увеселяется Женихъ, восхищаясь брачнымъ симъ украшеніемъ: ибо радуется какъ дѣйствительно содѣлавшій Церковь Своею сожительницею, увѣнчаваемый добродѣтелями отличнѣйшихъ въ ней. Но лучше присовокупить самыя Божественныя изреченія, буквально читаемыя такъ: *дщери Сіони, изыдите и видите* царя Соломона *въ вѣнецъ, иже вѣнча его мати его, въ день обрученія его, и въ день веселія сердца его.*

Пріявъ такое челоуѣколюбіе невѣсты, по которому она, въ подражаніе Владыкѣ, сама *хочетъ вселѣ спастися, и въ разумѣ истины*

пріити (1 Тим. 2, 4.), Слово содѣлываетъ ее еще болѣе досточестною, ставъ проповѣдникомъ и живописателемъ ея красоты. Ибо не просто изрекается похвала красѣ, заключающая въ себѣ какія либо общія хвалы красотѣ; но напротивъ того Женихъ даетъ мѣсто въ словѣ всѣмъ порознь частямъ, каждому члену сравненіемъ и уподобленіемъ восписуя свою особую похвалу. Говоритъ же такъ: *се еси добра ближняя Моя, се еси добра*; ибо, подражавшая челоуѣколюбивому изволенію Владыки, и повелѣвшая отроковицамъ выдти каждой, подобно Аврааму, *отъ земли своей и отъ рода чувствилищъ своихъ* (Быт. 12, 1.), чтобы увидѣть чистаго Жениха, носящаго вѣнецъ—Церковь, дѣйствительно дѣлается она близкою къ Владычней благодати, любовію къ ближнему приблизившись къ Богу. Посему говоритъ ей Слово: *добра еси*, добрымъ произволеніемъ приблизившись къ Благому. Повтореніе же похвалы показываетъ неживость свидѣтельства: ибо сугубымъ свидѣтельствомъ подтверждать истину опредѣляетъ божественный законъ. Посему сказано: *се еси добра ближняя Моя, се еси добра*.

Но поелику вся Церковь есть *едино тѣло Христово*, а *во единолѣ тѣлеси*, какъ говоритъ Апостолъ, *мнози уди, уди же вси не тожде илутъ дѣланіе* (Римл. 12, 4. 5.), а напротивъ того одного создалъ Богъ въ тѣлѣ окомъ, а

кто либо другіи насажденъ быть ухомъ, нѣкіе же по дѣйствию силъ дѣлаются руками, а нѣкіе, носящіе бремена, называются ногами, а иное будетъ дѣломъ вкуса и обонянія и по порядку всего, изъ чего составляется человѣческое тѣло, и въ общемъ составѣ тѣла Церкви можно находить уста, зубы, языкъ, сосцы, чрево, выю, а какъ говоритъ Павелъ, и даже *мнѣющіися неблагообразіи* быти въ тѣлѣ (1 Кор. 12, 22—24.); то посему точный цѣнитель красоты каждому изъ членовъ, нравящихся Ему въ цѣломъ тѣлѣ, слагаетъ особую и приличную похвалу.

Похвалы сіи начинаются съ главнѣйшихъ членовъ. Ибо въ членахъ нашихъ что дороже глазъ? Они пріемлютъ въ себя свѣтъ; ими пріобрѣтается познаніе друзей и непріятелей: ими различаемъ свое и чужое; они бываютъ наставниками и учителями во всякомъ дѣланіи, природными и неотлучными путеводителями въ непогрѣшительномъ шествіи; ихъ положеніе выше другихъ чувственныхъ орудій показываетъ предпочтительность ими доставляемой намъ пользы. Безъ сомнѣнія же, извѣстно слушателямъ, къ какимъ членамъ Церкви относится похвала очамъ. Окомъ былъ Самуилъ *прозорливецъ* (1 Цар. 9, 9.); ибо такъ его называли; окомъ былъ Іезекіиль, поставленный отъ Бога быть *стражемъ* (Іезек. 3, 17.) ко спасенію имъ охраняемыхъ; око—Михей видя-

щій, и Моисей богоглаголивый, наименован-
ный по сему и *богомъ* (Исх. 7, 1.); очи — всѣ
поставленные въ путеводство народу, кото-
рыхъ современники именovali *прозорливymi*
(4 Цар. 17, 13.). И нынѣ занимающіе мѣсто
сіе въ тѣлѣ Церкви и поставленные епископ-
ствовать въ собственномъ смыслѣ именуются
очами, если неуклонно будутъ взирать на
солнце правды, никогда не притулияя зрѣнія
дѣлами темными, и если стануть различать
свое отъ чужаго, зная, что чуждо естеству
нашему все видимое и временное; свое же
ему то, что предлежитъ намъ по упованію, и
обладаніе чѣмъ на всегда пребываетъ неотъ-
емлемымъ. Дѣло очей — распознавать друже-
ственное и непріязненное, чтобы истиннаго
друга любить отъ всего сердца и всею ду-
шею и сплюю, *совершенную же ненависть* (Пса.
138, 22.) оказывать врагу жизни нашей. Да
и наставникъ въ томъ, что должно дѣлать, учи-
тель полезному, руководитель въ шествіи къ
Богу въ точности исполняетъ дѣло чистаго и
здраваго ока, подобно тѣлеснымъ очамъ,
предуказуя высокое житіе прочимъ. Потому-
то Слово съ сего начинаегь восхвалять кра-
соту невѣсты, и говоритъ *очи твои голубиы* (v).
Ибо видя, что поставленные на мѣсто очей

(v) Точнѣе: голуби.

не прикосновенны къ злу, и одобривъ простоту и невинность ихъ права, наименовало ихъ голубями; такъ какъ отличительное свойство голубей — невинность (Матѣ. 10, 16.). Ии, можетъ быть, Слово изрекаетъ очамъ нѣкую, подобную слѣдующей, похвалу: поелику изображенія всего видимаго, падая на чистую зѣнницу, приводятъ въ дѣятельность зрительную силу; то по всей необходимости, на что кто смотритъ, образъ того воспріиметъ глазомъ, подобно зеркалу, изображая въ себѣ очертаніе видимаго. Посему, когда пріявшій въ Церкви власть замѣнять зрѣніе не обращаетъ взоровъ ни на что вещественное и тѣлесное; тогда преуспѣваетъ въ немъ духовная и вещественная жизнь. А таковая жизнь образуется благодатію Святаго Духа. Посему самая совершенная похвала снмъ очамъ, если образъ ихъ жизни сообразенъ благодати Святаго Духа; потому что Духъ Святый голубь.

Восхваляются же два ока, чтобы въ похвалѣ участвовалъ цѣлый чловѣкъ: и видимый, и умопредставляемый. Посему-то Слово присовокупило къ похвалѣ и другое преимущество, сказавъ: *кроль зѣломанія твоего*: ибо въ доброй жизни иное явно, такъ что извѣстно и людямъ; а другое сокровенно и тайно, видимо единому Богу. Посему, Кто видитъ не содѣланное (Иса. 138, 16.), и усматриваетъ

сокровенное, Тотъ свидѣтельствуеть о восхваляемомъ лицѣ, что въ немъ умалчиваемое значительнѣе видимаго, когда говоритъ: *очи твои голуби, кроль замолчанія твоего*. Ибо къ тому, что уже восхвалено, не принадлежить то, чему безмолвно удивляются.

Но Слово, постуая далѣе, постепенно вѣдетъ похвалу красотѣ, обращая рѣчь къ волосамъ, и говоритъ: *власи твои яко стада козихъ, яже открышиася отъ Галаада*. Впрочемъ прежде надлежитъ выразумѣть естественное свойство волосъ, чтобы потомъ познать, какую похвалу невѣстѣ приносить въ даръ Слово. похвалая *власы*. Итакъ волосы на головѣ женской именуются у Павла *славою*, и какъ говоритъ онъ, даны женѣ *вмѣсто одѣянія* (1 Кор. 11, 15.). А приличнымъ для женъ одѣяніемъ признаеть онъ стыдливость и цѣломудріе, написавъ буквально такъ: *подобаетъ женамъ, облачающимся благочестію, со стыдливостію и цѣломудріемъ* украшать себя (1 Тим. 2, 9, 10.). Посему подъ волосами на головѣ, которые *раститъ* жена, мудростію Павловою разумѣются стыдливость и цѣломудріе. Неприлично же и подумать, что у души, дающей обѣтъ жить богочестиво, кромѣ стыдливости и цѣломудрія другая какая либо слава наименована волосами, которыхъ если не имѣеть жена, *срамяетъ славу свою*, какъ говоритъ Апостоль (1 Кор. 11, 5.). Если же такъ любомудрствовалъ о

волосахъ Павелъ; то Апостолу мысль (а) можно будетъ внести и въ похвалу, какая въ словѣ о волосахъ восписуется Церкви, по изреченію нами разсматриваемому, которое говоритъ: *власи твои яко стада козицѣ, яже открыйшася отъ Галаада*. Ибо Слово вмѣняетъ симъ въ похвалу добродѣтельное житіе. Но къ слову о волосахъ слѣдуетъ присовокупить и то, что волосы лишены всякаго жизненнаго чувства. Ибо къ приращенію похвалъ немало служить и это, что въ волосахъ нѣтъ ощущенія ни утомленія, ни удовольствія. Тѣло, изъ котораго они вырастаютъ, чувствуетъ боль, когда ихъ выщипываютъ; самый же волосъ, рѣжутъ ли его, или жгутъ, или тщательно сводятъ какимъ либо притираньемъ, не чувствуетъ того, что съ нимъ дѣлается. А не имѣть чувства свойственно мертвымъ. Посему въ комъ не возбуждаетъ никакого ощущенія вожделѣваемое въ этомъ мірѣ, кого не надмѣваютъ слава и честь, не оскорбляютъ обида и безчестіе, кто напротивъ того сохраняетъ себя одинаковымъ при томъ и другомъ изъ противоположныхъ на него дѣйствій, тотъ есть восхваляемый у невѣсты волосъ, содѣлавшійся совершенно мертвымъ и неподвижнымъ для всего, что въ мірѣ семъ, такъ или иначе, будетъ на него дѣйствовать.

(а) По рукописи читается здѣсь: *та тѣ Апостолъ воимати*, а не *рѣмати*.

Если же особенное преимущество волосовъ приравнивается стадамъ *козницъ*, *яже откры-
тая отъ Галаада*; то, хотя не могли еще
мы выразумѣть, что надлежитъ знать о семъ
въ точности, однакоже догадываемся, что,
какъ царь, ливанскія древа претворивъ въ зо-
лото, серебро и багряницу, уготовалъ себѣ
одръ; такъ добрый Пастырь умѣлъ овладѣть
стадами козъ, и въ стада овецъ превратить
эти козьи стада съ горы Галаадъ. А это—имя
горы иноплеменниковъ, открывающей въ себѣ
такую благодать, что и тѣхъ, которые изъ
язычниковъ послѣдовали за добрымъ Пасты-
ремъ, содѣлали власами, украшающими не-
вѣсту, которыми, на основаніи предваритель-
наго взгляда, означаются цѣломудріе, стыдли-
вость, воздержаніе и умерщвленіе плоти.

Или, можетъ быть, подъ такой взглядъ на
козъ подходить и долгое время любомудрство-
вавшій на горѣ Галаадъ Ілія, который всего
болѣе обучалъ воздержною жизнію, былъ нищъ
по виду, обросъ волосами, вмѣсто мягкой ка-
кой либо одежды прикрывался козьею кожею.
Посему всѣ, подобно оному Пророку, пре-
спѣвающіе въ своей жизни, дѣлаются украше-
ніемъ Церкви, по преобладающему нынѣ спо-
собу любомудрія, какъ бы стадами, другъ съ
другомъ трудясь въ дѣлѣ добродѣтели. А что
Галаадъ открываетъ такія стада, въ этомъ за-
ключается еще болѣе избытокъ досточуд-

наго; потому что отъ языческой жизни обратились мы къ любомудрію по Богу. Не Сіонъ, святая Его гора, обучилъ таковому житію; но народъ, посвятившій себя идоламъ, столько измѣнился въ жизни, что преспѣніями въ добродѣтели украсилъ главу невѣсты.

Потомъ въ ряду похвалъ Слово упоминаетъ и зубы, умалчивая пока о похвалахъ устамъ и губамъ, чего не должно оставлять неизслѣдованнымъ. Такъ почему же въ похвалахъ зубы упоминаются прежде устъ? Иной, можетъ быть скажетъ, съ намѣреніемъ въ большемъ изяществѣ показать красоту, что въ описаніи зубовъ скрытнымъ образомъ указывается на улыбку устъ; но я разсуждаю, что въ похвалахъ красота зубовъ по другимъ видамъ предшествуетъ хваламъ устъ. Ибо Слово послѣ этого не оставило не восхваленными и уста, сказавъ: *яко вервь червлена устни твои, и бѣда твоя красна.* Посему что же заключаю объ этомъ? Въ наукахъ наилучшій порядокъ—сперва выучиться, а потомъ говорить. А кто назоветъ науки снѣдями души, тотъ не погрѣшитъ противъ истины. Какъ, тѣлесную пищу размягчая зубами, дѣлаемъ ее пригодною для желудка: такимъ же образомъ и въ душѣ есть нѣкая на мелкія части разлагающая уроки сила, посредствомъ которой наука дѣлается полезною для обучаемого. Посему утверждаю, что слово наставниковъ, обсуживающихъ и разбирающихъ уроки,

а тѣмъ дѣлающихъ для насъ ученіе удобопонятнымъ и полезнымъ, въ переносномъ смыслѣ называется зубами. Посему-то похвала зубамъ занимаетъ первое мѣсто, а потомъ уже воздается хвала устамъ. Ибо уста не украсились бы красотою слова, если бы эти зубы любопытнымъ уразумѣніемъ наукъ не вложили въ уста дара слова.

Итакъ въ разсужденіи зубовъ постигли мы эту причину порядка похвалъ: теперь время изслѣдовать и самую похвалу, а именно, что красота зубовъ уподоблена остриженнымъ стадамъ, которыя всѣ, едва только вышли изъ купѣли, равно восхищаются двойничными родами. Похвала же буквально читается такъ: *зубы твои яко стада остриженныхъ, яже изыдоша изъ купѣли, вся двоеплодны, и неродящія нѣсть въ нихъ*. Посему, если примемъ во вниманіе одно то, что въ примѣрѣ понимается тѣлесно, то незнаю, почему кто либо назоветъ служащимъ къ похвалѣ зубовъ это сравненіе ихъ съ многородящими стадами. Въ похвалу зубамъ ставится ихъ крѣпость и стройное положеніе, и то, что они твердо гладкимъ и стройнымъ рядомъ укоренены въ деснахъ. Какую же красоту зубовъ изображаютъ своимъ подобіемъ стада, выходящія изъ купѣли съ порожденіемъ двойней, и разсыпавшіяся по лѣсистымъ холмамъ, сего невозможно понять съ перваго взгляда. Зубы поставлены въ рядъ,

стройно касаясь другъ друга, а козы разсѣяны, отдѣляемыя одна отъ другой потребностію въ пастбищѣ. Притомъ, такъ какъ зубъ по природѣ обнаженъ, то не идетъ съ нимъ и въ сравненіе, что носить на себѣ руно.

Посему должно изслѣдовать, почему украшающій похвалами стройность зубовъ сравниваетъ красоту ихъ съ двоеплодными стадами, на которыхъ острижено руно и нечистота тѣла омыта въ купѣли. Поэтому чтоже примыслимъ въ объясненіе сего? Тѣ, которые божественныя тайны болѣе яснымъ истолкованіемъ дробятъ до того, что духовная сія пища дѣлается удобопріемлемою для тѣла Церкви, исправляютъ симъ должность зубовъ, пріемля въ уста свои жесткій и плотно сложенный хлѣбъ слова, и подробнымъ обозрѣніемъ (б) дѣлая удобоснѣднымъ для душъ вкушающихъ. Такъ (ибо лучше мысль сію представить въ примѣрахъ) блаженный Павелъ, сперва просто, безъ приготовленія, какъ неприправленный какой кусокъ, предлагаетъ намъ заповѣдь изъ закона, говоря: *да не заградиши устенъ вола молотяща* (1 Кор. 9, 9.), потомъ, умягчивъ толкованіемъ, понятнымъ дѣлаетъ намѣреніе закона, говоря: *еда о волюхъ радитъ Богъ? Или насъ ради всяко написася* (10.)? Много и иныхъ подобныхъ сему мѣстъ;

(б) Дополнено изъ рукописи.

напримѣръ: *Авраамъ два сына имѣ, единого отъ рабы, а другаго отъ свободныя* (Гал. 4, 22.). Вотъ хлѣбъ неприправленный! Но Апостолъ, раздробляя его, нѣсколько удобоснѣднымъ дѣлаетъ для питаемыхъ, переносить сказаніе на два завѣта, одинъ рождающій въ рабство, другій освобождающій отъ рабства (24, 26.). Такъ и весь законъ (не будемъ длить времени, говоря о всемъ порознь), Апостолъ, взявъ какъ дебелое какое тѣло, размягчаетъ своимъ на него взглядомъ, изъ плотскаго дѣлая его духовнымъ, и говоря: *вѣлы, яко законъ духовенъ есть* (Рим. 7, 14.). Посему, что примѣтили мы въ разсужденіи Павла, замѣняющаго собою для Церкви потребность (в) зубовъ тѣмъ, что до тонкости уясняетъ догматы: то скажемъ и о всякомъ, въ подражаніе Павлу, уясняющемъ намъ тайну. Посему зубами служатъ для Церкви тѣ, которые размягчаютъ и пережевываютъ для насъ неприправленные злаки божественныхъ словесъ. Какъ Божественный Апостолъ изображаетъ жизнь желающихъ *добра дѣла епископства* (1 Тим. 3, 1.), перечисляя подробно, какимъ надлежитъ быть пріившему на себя священство, а при всемъ томъ имѣть и даръ учительства: такъ и здѣсь Слово отъ поставленныхъ въ церкви на сіе служеніе—быть зубами.

(в) Въ рукописи читается: *χρίσιν τῇ ἐκκλησίᾳ πληροῦντος*.

требуетъ, чтобы прежде всего были острижены, то есть обнажены отъ всякой вещественной тяготы, потомъ въ купѣли совѣсти омыты отъ всякой скверны плоти и духа, сверхъ же сего всегда восходили въ преспѣяніи, и никогда не увлекались обратно въ бездну, а напослѣдокъ, чтобы они во всякомъ видѣ добродѣтели восхищались двоеплодіемъ благихъ порожденій, и ни въ какомъ родѣ добрыхъ предначинаній не были неродящими.

Двойной же приплодъ загадочно указываетъ на то, что заслуживаетъ одобреніе умопредставляемое въ насъ съ той и другой стороны, такъ что таковыя зубы двоеплодны, рождая въ душѣ безстрастіе, а въ тѣлесной жизни благоприличіе. Къ сему Слово послѣдовательно присовокупляетъ похвалу, приличную устамъ, красоту ихъ уподобляя *верви червеной*, на что толкованіе приводитъ само Слово, назвавъ вервь красною бесѣдою. А сіе, какъ служеніемъ зубовъ красится красота въ устахъ, обозрѣно уже предварительно въ сказанномъ прежде; потому что въ служеніи зубовъ, то есть въ наставленіи учителей (г) глаголютъ уста Церкви. Потому сперва зубы остригаются и омываются, перестаютъ быть неродящими, но дѣлаются двоеплодными, и тогда уже уста

(г) Въ рукописи читается: τῶν διδασκάλων ἐφήγησι.

разцвѣтають червленостію, когда вся Церковь, по согласію въ добрѣ, бываетъ едиными устами и единымъ гласомъ. Представленіе же красоты двояко. Ибо Слово не просто только *вервію* называетъ уста, но присовокупляетъ и видъ доброцвѣтности, такъ что тѣмъ и другимъ украшаются уста Церкви, и подобіемъ верви и червленостію, съ каждой стороны особо. Ибо Церковь подобіемъ верви обучается единомыслію; такъ что вся дѣлается единою вервію и одною цѣпью, свитою изъ разныхъ понятій; а червленостію научается взирать на ту кровь, которую мы избавлены, и всегда имѣть въ устахъ исповѣданіе Искупившаго насъ кровію. Ибо тѣмъ и другимъ приводится въ полноту благолѣпіе во устахъ Церкви: и когда вѣра предозаряетъ исповѣданіе, и когда любовь сообъемеряется вѣрою. И если представленіе сіе надлежитъ очертать какимъ либо опредѣленіемъ; то опредѣлимъ сказанное такъ: *череленая вервь* есть *вѣра любовію послѣдствуетъ* (Гал. 5, 6.), такъ что вѣрою обнаруживается червленость, а любовію истолковывается вервие. Что ими украшаются уста невѣсты, свидѣтельствуешь истина. Сіе же: *бесѣда твоя красна*, не имѣетъ нужды въ какомъ либо болѣе подробномъ обзорѣнн или иномъ истолкованіи. Ибо Апостолъ предварительно объяснилъ, что бесѣда сія есть *многѣ вѣры, еяже проповѣдаемъ: аще исповѣси*

усты твоими Господа Иисуса, и впръеши въ сердце твоемъ, яко Богъ Того воздвигше изъ мертвыхъ, спасешия. Сердцемъ бо впръется въ правду, усты же исповѣдуются во спасеніе (Рим. 10, 8—10.). Вотъ та красная бесѣда, которою уста церкви, подобно червленой верви, цвѣтутъ благолѣпно!

Но Женихъ благоугождается при красотѣ устъ и румянцѣ ланиты. А эту часть лица обычай по неправильному употребленію слова называетъ яблокомъ. Поэтому яблоко ланиты уподобляетъ Слово *оброшенію шипка* (д), похвалу ему написавъ буквально такъ: *яко оброшенія шипка ланиты твои, кроны замолчанія твоего*. Но что восхваляется стыдливость, не трудно всякому заключить изъ связи обозрѣваемаго. Ибо Слово, представивъ церковь тѣлесно въ видѣ невѣсты, и добродѣтели раздѣливъ на части соотвѣтственно изображенію красоты въ лицѣ, теперь, подъ видомъ румянца, цвѣтущаго на ланитахъ, приличнымъ образомъ хвалить цѣломудріе, украсивъ стыдливостію подъ загадочнымъ именемъ *шипка*; потому что плодъ сей кисель вкусомъ, и воспитывается подъ негодною въ пищу поверхностію. Потому хорошо и удачно въ этомъ обозрѣніи употребляется къ изображенію преспѣянія въ цѣло-

(д) Наружной кожѣ гранатоваго яблока.

мудріи. Ибо какъ вяжущій вкусъ *оброшенія* *тинка* питаєтъ и берегаетъ сладость заключающагося въ немъ плода; такъ жизнь воздержанная, суровая и изнуренная бываетъ стражемъ добротъ цѣломудрія. Но и здѣсь похвала сей добродѣтели дѣлается сугубою и за проявляемое ею жизнію благообразіе, и за преспѣваніе въ душевномъ безстрастіи, чему, какъ говоритъ Апостолъ, *похвала не отъ человѣкъ, но отъ Бога* (Рим. 2, 29.). Ибо стыдливость, просіявающая въ дѣлахъ, за то, что явно, имѣетъ свою похвалу; но похвала сія не касается умалчиваемыхъ и сокровенныхъ чудесъ, которыя усматриваются онымъ единымъ Окомъ, видящимъ тайное.

Изъ сказаннаго же послѣ сего дознаемъ, что все совершенное богоносными святыми служило нѣкимъ образцемъ и наставленіемъ для преспѣванія въ добродѣтели. Супружества, переселенія, войны, построенія зданій, все въ нѣкоторомъ смыслѣ предъизображено было въ назиданіе послѣдующей жизни. Ибо сія, говоритъ Апостолъ, *писана быша въ наученіе наше, въ нѣже концы вѣкъ достигаюша* (1 Кор. 10, 11.). Война съ иноплемениками внушаетъ намъ быть мужественными противъ порока. Раченіе о супружеской жизни загадочно предлагаетъ намъ сожителство съ добродѣтелями. А также и переселеніе предполагаетъ водвореніе въ добродѣтельную жизнь. И все тщаніе, какое

прилагалось ими о построении зданій, повелѣвается прилагать попеченіе о нашихъ домахъ, создаваемыхъ добродѣтелию. Почему, кажется мнѣ, и тотъ знаменитый столпъ, въ которомъ Давидъ, имѣя въ виду преспѣяніе Церкви, положилъ самое лучшее изъ добычъ, прообразовалъ симъ дѣломъ имѣющихъ раченіе о добродѣтели. Хотя столпъ сей оказывается воздвигнутымъ на высотѣ какой-то горы; однакоже въ то время признанъ былъ пригоднымъ для храненія добычъ, какія царь, поработивъ иноплеменниковъ, съ прочими богатствами содѣлалъ собственнымъ своимъ достояніемъ. Посему царь своею мудростію показалъ, какое благо для человѣческой жизни имѣя въ виду, Давидъ построеніемъ столпа какъ бы нѣкоторый совѣтъ предложилъ послѣдующей жизни. Ибо примѣненіемъ къ чему либо и уподобленіемъ намѣреваясь восхвалить красоту каждаго изъ членовъ всего тѣла Церкви и по порядку описывая въ словѣ, какими должны быть тѣ, которые въ народѣ занимаютъ мѣсто выи, упоминаетъ о семъ столпѣ, которому придается имя Давидово, а извѣстенъ онъ также подъ именемъ укрѣпленій; потому что укрѣпленія называются *Θαλπίοες*.

А буквально читается сіе такъ: *яко столпъ Давидовъ въ твою, созданъ въ Θαλπίοες: тысяща щитовъ виситъ на немъ, вся стрѣлы сильныхъ*. Поэтому вещественное построение столпа

имѣть знаменитость; потому что оно—дѣло царя Давида, занимаетъ видное мѣсто, и въ немъ сложены оружія, щиты и стрѣлы, которыхъ множество показываетъ слово наименованіемъ: *тысяща*. А наша цѣль уразумѣть силу божественнаго слова; почему столпу сему уподобляется та часть Церкви, которой имя—*выя*. Посему надлежитъ прежде изслѣдовать, какая часть въ нашемъ тѣлѣ называется симъ именемъ: *выя*, а потомъ приложить именованіе къ члену Церкви.

Итакъ что укоренено среди раменъ, поддерживаешь собою голову и служить основаніемъ лежащему выше, то называется *выею*; задъ ея подпертъ костями, а передъ свободенъ отъ костяной ограды. Да и кость по свойству своему не походитъ на такую, какая въ рукѣ или ногѣ, не какая либо сама съ собою сомкнутая и нераздѣльная, но самое соединеніе одной съ другою костей, во многихъ мѣстахъ раздѣленныхъ въ видѣ позвонковъ, производится посредствомъ приросшихъ къ нимъ мочекъ, мышцъ (е) и связокъ, и посредствомъ того мозжечка, который, наподобіе трубки, проходитъ по срединѣ, и котораго оболочка соединяется съ чувствительною плевою, а содержимое ея—съ головнымъ мозгомъ. Спереди

(е) По рукописи: *мѣбѣ*.

же выя содержитъ въ себѣ дыхательное горло, служащее пріемникомъ отвиѣ въ насъ втекающаго и вселяющагося воздуха, которымъ огонь въ предсердіи приводится въ естественную для него дѣятельность; она содержитъ въ себѣ также проходы для пищи, между тѣмъ какъ все вошедшее устами гортань и горло препровождаютъ въ пріемлющую это пустоту. Но выя имѣетъ и иное нѣкое преимущество предъ прочими членами. По положенію дыхательнаго горла вверху есть въ немъ мѣсто для выработыванія голоса, гдѣ уготованы всѣ голосовыя орудія, отъ которыхъ поражается звукъ, когда дыхательное горло сообщаемымъ ему воздухомъ приводится въ круговое сотрясеніе.

Такъ, по описаніи тѣлеснаго нашего члена, не трудно будетъ изъ обозрѣннаго уже здѣсь уразумѣть выю и тѣла церкви, именно же, кто въ собственномъ смыслѣ по соотвѣтственнымъ тому дѣйствованіямъ, пріемлетъ на себя это имя, называется выею и уподобляется столпу Давидову? Посему во первыхъ (а это и есть самое первое), если кто носитъ на себѣ истинную главу всего, разумѣю ту главу, которая есть Христось, *изъ Него же все тѣло составляемо и счиняваемо* (Еф. 4, 16.); то онъ въ собственномъ смыслѣ носитъ на себѣ имя сіе. А сверхъ того онъ—выя, если способенъ принять въ себя Духа, возгрѣвающего и дѣлающаго огне-

подобнымъ сердце наше, и если благозвучнымъ гласомъ служить Слову: потому что Богъ не для инаго чего въ естествѣ человѣческомъ устроилъ голосъ, какъ для того чтобы стать ему орудіемъ слова, изглашающимъ движеніе сердца. Но выя сія пусть имѣетъ и питательную дѣятельность, разумѣю ученіе, которымъ соблюдается сила всего тѣла церкви; потому что, пока притекаетъ пища, тѣло остается въ бытіи; а при недостаткѣ въ пищѣ оно гибнетъ и разрушается. Да подражаетъ же и стройному положенію позвонковъ, чтобы изъ тѣхъ, которые въ народѣ составляютъ изъ себя каждый нѣчто особое, союзомъ мира содѣлать одинъ членъ, и преклоняемый, и возставляемый, и удобно обращаемый въ ту и другую сторону. Такою высю былъ Павелъ, и если кто другой, подражая ему, преуспѣлъ въ жизни. Содѣлавшись сосудомъ избраннымъ для Владыки, носилъ онъ имя Господа; въ такой точности соединена была съ нимъ Глава всяческихъ, что, если изглаголаъ что, то не онъ уже былъ глаголющимъ, но все это вѣщала его Глава, какъ Коринѣянамъ указывалъ онъ на *глаголющаго* и вѣщающаго въ немъ Христа (2 Кор. 13, 3.). Такъ доброгласно и благозвучно было у него орудіе дыханія, Духомъ Святымъ изглашающее слово истины! Такъ гортань его услаждалась всегда божественными словесами, изъ себя питая все тѣло животворными оными

ученіями! А если спросишь и о позвонкахъ, кто соединялъ такъ всѣхъ въ единое тѣло союзомъ мира и любви? Кто научилъ такъ выю преклоняться, занимаясь неважнымъ, и опять выпрямляться (ж), мудрствуя горняя, проворно и свободно смотрѣть по сторонамъ, уклоняясь и обезопасивая себя отъ различныхъ діавольскихъ козней?

Посему такая выя дѣйствительно зиждется Давидомъ. Подъ Давидомъ же разумѣй Царя, Отца царева, который первоначально уготовалъ челоуѣка къ тому, чтобы ему быть столпомъ, а не развалиною, и снова возсоздалъ его благодатию, обезопасивъ многими щитами, такъ что недоступенъ онъ больше нашествіямъ вражескимъ; потому что повѣшенные щиты видимы не на землѣ лежащими, но окружающими его на воздухѣ, а со щитами и стрѣлы сильныхъ приводятъ въ страхъ непріятелей, такъ что не рѣшаются начать приступъ къ столпу. Думаю же, что множествомъ щитовъ означаетъ намъ ангельская стража, вокругъ остѣняющая таковой столпъ. Да и упоминаніе о стрѣлахъ указываетъ на подобную мысль. Ибо Слово не просто сказало: стрѣлы, но при-совокупленіемъ слова: *сильныхъ* дало намъ ви-

(ж) По рукописи читается: *ἐν τῷ τοῖς ταπεινοῖς σπινθηροφύρεσθαι, καὶ ἀπορροῖσθαι πάλιν* и пр.

дѣть преоборающихъ; такъ что сказанное согласно съ изреченіемъ псалмопѣнія (3): *ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его, и избавитъ ихъ* (Пса. 33, 8.). Число же: *тысяща*, кажется мнѣ, въ точности не означаетъ десяти сотенъ: но взято въ словѣ въ показаніе множества. Ибо, по принятому словоупотребленію, Писанію обычно числомъ симъ показывать множество, какъ Давидъ вмѣсто множества говорить: *тысяща обзующихъ* (Псал. 67, 18.), и: *паче тысящъ злата и сребра* (Пса. 118, 72.).

Такъ поняли мы выю, утвержденную на раменахъ. А подъ раменами, на которыхъ выи, разумѣемъ усиленные старанія о дѣятельной жизни, при которыхъ мышцы наши содѣвають себѣ спасеніе. Возрастаніе же въ бѣольшую мѣру души, высыщайся по Богу, безъ сомнѣнія, усмотрѣлъ тотъ, кто внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтó было сказано: потому что прежде пріятно было для невѣсты уподобляться конямъ, преоборовшимъ египетскаго мучителя, и благолѣпнѣемъ выи походить на монисты; теперь же о какомъ совершенствѣ ея въ добрѣ свидѣтельствуешь Женихъ; потому что красоту выи не съ какими либо монистами на шеѣ сравниваетъ, но по величію называетъ стол-

(3) Дополнено по рукописи.

помъ, который, если смотреть на него вдали стоящіе, дѣлаеть виднымъ пышность не только зданія, съ какою возведено оно до весьма большой высоты, но и положеніе мѣста естественно возвышающагося надъ сосѣдними мѣстами? Посему, когда столпъ былъ дѣломъ царя, и достигъ высокаго житія. тогда на немъ оказывается истиннымъ сказанное Господомъ: *не можетъ градъ укрытися, верху юры стоя* (Матѣ. 5, 14.). Ты же вмѣсто града разумѣй столпъ.

Время приступить къ уразумѣнію, чтó значать эти два юнца серны, которые помѣщаются близъ сердца невѣсты, и названы въ словѣ сосцами, какъ сказано: *два сосца твоя яко два млада близница серны, пасомая въ криняхъ*; потому что положеніе сердца находится между сими двумя юнцами, для которыхъ кормомъ служить не сѣно и терніе, но крины, во все время пастбища предлагающіе свой цвѣтъ и не на время только цвѣтушіе, а въ другое время увядающіе. но долго симъ юнцамъ доставляющіе собою пищу, пока (и) не перестанутъ превозмогать тѣни вождельннаго обольщенія жизни; пока повсюду не возсіяетъ уже свѣтъ, а все озарится днемъ, разливающимъ свѣтъ, куда хочетъ. Ибо такъ продол-

жаеть слово: *дондеже дхнетъ день, и подвижутся сны*. Конечно же, научившись изъ евангелія, знаешь, что Святый Духъ тѣмъ самымъ, что *дышетъ, идяже хочетъ*, производить свѣтъ въ извѣдывающихъ, *откуда приходитъ, и како идетъ* (Іоан. 3, 8.); о чемъ теперь слово выражается такъ: *два сосца твоя яко два млада близница серны, пасомая въ криняхъ, дондеже дхнетъ день, и подвижутся сны*. А что днемъ называется Духъ Святый, дышущій свѣтомъ для тѣхъ, въ комъ пребываетъ, въ этомъ, не думаю, чтобы, вопреки слову, усумнился кто либо изъ имѣющихъ умъ. Ибо, если рожденные отъ Духа дѣлаются сынами свѣта и сынами дня, то чѣмъ инымъ надлежитъ представить себѣ Духъ Святый, какъ не свѣтомъ и днемъ, дыханіе котораго заставляеть бѣжать тѣни суетности? Вполнѣ же необходимо при появленіи солнца не оставаться тѣнямъ, но удаляться и перемѣнять мѣсто.

Но благовременно будетъ къ изслѣдованію слова присовокупить и тайну о двухъ юнцахъ серны, - которые рождены близнецами, и которымъ пищею служить кринъ, а мѣстомъ пажити—земля добрая и тучная, по слову же Господней притчи, самое сердце (Матѣ. 13, 19. 23.). Пасущіеся на ней, и собирающіе съ ней цвѣты чистыхъ помысловъ тучнѣють; цвѣтъ же кринъ по природѣ имѣеть двоякій даръ

благоуханія соединеннаго съ доброцѣтностію; почему тѣмъ и другимъ бываетъ пріятель для собирающихъ, будутъ ли подводить его подъ чувство обонянія, или наслаждать очи изяществомъ красоты. Ибо обоняніе исполняется Христова благоуханія, а наружнымъ видомъ показываются чистота и неоскверненность.

Посему сказаннымъ, можетъ быть, объясняется уже намъ подразумѣваемое словомъ, а именно, что, при подробномъ обзорѣнн двоякаго человѣка, одного тѣлеснаго и видимаго, а другаго духовнаго и невидимаго, по рожденію обоихъ находимъ близнецами, потому что вмѣстѣ другъ съ другомъ вступаютъ въ жизнь; ни душа не существуетъ прежде тѣла, ни тѣло не готовится прежде души; напротивъ же того одновременно появляются въ жизни; а также и пищею имъ по естеству служатъ чистота, благоуханіе и все сему подобное, чѣмъ плодоносны добродѣтели; но инымъ вмѣсто питательнаго бываетъ иногда вождѣлѣнно вредоносное, и они не питаются цвѣтами добродѣтели, но услаждаются терніями и волчцами, чѣмъ, какъ слышимъ, евангельская притча именуетъ грѣхи, злое прозябаніе которыхъ произвело злоумышленіе (i) змія. Итакъ, поелику потребны очи, умѣющія различать, способныя въ точности распознать

(i) По рукописи: ἡ ἐπιβουλὴ.

кринѣ и терніе, и выбрать спасительное, и отринуть вредоносное; то посему содѣлавшагося подобнымъ великому Павлу сосцемъ для младенцевъ, млекопитателемъ новорожденныхъ въ церкви, слово наименовало двумя сосцами, уподобляемыми вмѣстѣ другъ съ другомъ рожденнымъ юнцамъ серны, всѣмъ свидѣтельствуя о благоискусствѣ такового члена Церкви, потому что тѣмъ и другимъ способомъ успѣшно изводится на пажить чистыхъ криневъ, зорко отличая терніе отъ питательнаго, и потому что держится владычественнаго въ душѣ, на знаменованіемъ котораго служить сердце, питающее (к) собою сосцы, сверхъ сего и потому еще, что не въ себѣ замыкаетъ благодать, но имѣющимъ нужду въ словѣ даетъ сосцы, *якоже дошлица трепетъ своя чада*, какъ дѣлалъ и говорилъ Апостолъ (1 Сол. 2, 7.).

Но доселѣ (л) Слово, продолжая похвалу членамъ церкви, въ послѣдующемъ восписываетъ хвалу цѣлому ея тѣлу, когда *смертію упразднитъ илущаю державу смерти* (Евр. 2, 14.) и снова возведетъ Себя въ собственную свою славу Божества, которую имѣло изъ начала, *прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5.). Ибо сказавъ: *пойду Себѣ къ горѣ смъртнѣй, и къ холму Ливанску*, и тѣмъ указавъ на славу Божества,

(к) По рукописи: *ѡпетрѣфовоа*.

(л) По рукописи: *мѣхъ тойшн*.

присовокупило: *вся добра еси ближняя Моя, и порока нѣсть въ тебѣ*, научая сказаннымъ, во первыхъ, что никтоже *возметъ душу* Его отъ Него, но *область имѣть положить ю*, и *область имѣть паче пріяти ю* (Іоан. 10, 18.). пошедши Себѣ на гору смиренскую, не нашихъ ради заслугъ (никто да не хвалится!), но по собственной Своей благодати, пріявъ смерть за грѣшниковъ; а потомъ, что естеству чело-вѣческому невозможно было иначе очиститься отъ порока, какъ только когда *Агнецъ взямляи грѣхи міра* (Іоан. 1, 29.) Собою уничтожилъ всякую порочность. Посему сказавъ: *вся добра еси ближняя Моя, и порока нѣсть въ тебѣ*, и продолжая рѣчь о таинствѣ страданія загадочнымъ намекомъ о смиреніи, потомъ упомянувъ о ливанѣ, которымъ указываетъ Божество, тѣмъ самымъ научаетъ насъ, что причащающійся съ Нимъ смиренъ, безъ сомнѣнія, пріобщится и ливана. Ибо кто съ Нимъ страдаетъ, тотъ безъ сомнѣнія съ Нимъ и прославляется. А кто однажды былъ въ божественной славѣ, тотъ всецѣло прекрасенъ, ставъ внѣ сопротивнаго порока, отъ котораго да будемъ далеки и мы ради за насъ умершаго и воскресшаго Христа Іисуса, Господа нашего. Ему подобаеъ слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Б Е С Ъ Д А В.

(4, 8.) *Гряди отъ Ливана невесто, гряди отъ Ливана: прииди и прейди изъ начала вѣры, отъ главы Санира и Аермона, отъ оградъ львовыхъ, отъ горъ пардалеовъ. (9) Сердце наше привлекла еси сестро Моя невесто, сердце наше привлекла еси единымъ отъ очію твоею, единою (а), мни-стою вы твоея*

Великій Апостолъ, описавшій Коринѣянамъ великія видѣнія, когда, какъ говорилъ, пришелъ въ недоумѣніе объ естествѣ своемъ, тѣломъ ли оно было, или мыслію, вовремя тайноводства въ раю, свидѣтельствуя о семъ, говорятъ: *себе не у помышляю достигши, но еще въ предняя простираюся*, предавая забвенію предшествовавшее (Фил. 3, 13.), то есть, и послѣ онаго третіяго неба, которое позналъ онъ одинъ (потому что Моисей ничего не повѣдалъ о немъ въ книгѣ міробытія), и по неизреченномъ слышаніи тайнъ рая, простирается еще къ высшему, и не прекращаетъ восхожденія, приобрѣтсннаго блага не полагая предѣломъ вожделѣнію, а симъ, какъ думаю, научая насъ, что, хотя и много всегда обрѣ-

(а) Погречески читается: *ἐν μιᾷ ἐνθιμίᾳ τραχίλῳ σοῦ.*

тается онаго блаженнаго естества благъ, однакоже непрестанно приобретаемаго въ безконечное число кратъ больше то, что еще выше, и это завсегда бываетъ съ причащающимся благъ, по причинѣ во всю вѣчность вѣковъ продолжающагося въ причастникахъ приращенія все большихъ и большихъ благъ. Ибо чистый сердцемъ, по неживому слову Владыки, видитъ Бога (Матѹ. 5, 8.), всегда, по мѣрѣ силы, столько пріемлетъ разумѣнія, сколько можетъ вмѣстить. Неопредѣлимое и не уловимое въ Божествѣ остается за предѣлами всякаго постиженія; потому что великолѣпную славу *нѣсть конца* (Пса. 144, 3.), какъ свидѣтельствуешь Пророкъ. Божество всегда тождественно и всецѣло умопредставляется на одной и той же высотѣ, какъ и великій Давидъ, полагавшій благія *восхожденія* (Пса. 83, 6.) *въ сердце* и восходившій всегда *отъ силы въ силу* (8.), воззвалъ къ Богу: *Ты же вышній во свѣтъ. Господи* (Пса. 91, 9.), симъ изреченіемъ, какъ думаю, давая разумѣть, что во всю вѣчность нескончаемаго вѣка стремящійся къ Тебѣ, хотя непрестанно дѣлается большимъ и высшимъ себя самого, соразмѣрно этому всегда возраста въ восхожденіи благъ; но Ты тотъ же вышній, во вѣкъ пребываешь, и никогда не можетъ показаться восходящимъ вверхъ, будто бы сталъ Ты ниже для нихъ, потому что Ты всегда въ равной мѣрѣ выше и превосход-

нѣ силы возвышаемыхъ. И такъ, сему-то, по нашему понятію, учить Апостолъ объ естествѣ неизреченныхъ благъ, говоря, что онаго блага око не познаетъ, хотя бы и непрестанно видѣло; потому что видить не сколько есть, но сколько можно оку вмѣстить, и ухо не слышитъ въ полной мѣрѣ означаемаго, хотябы слухомъ и непрестанно воспринимало слово; и на сердце человѣку не входитъ, хотя бы чистый сердцемъ и видѣлъ всегда сколько можно; потому что, хотя вновь постигаемое больше всего постигнутого прежде, однакоже оно не опредѣляетъ собою искомаго, но конецъ обрѣтеннаго служить началомъ для восходящихъ къ обрѣтенію высшаго. И восходящій никогда не останавливается, отъ одного начала заимствуя другое начало, и начало всегда большаго не заканчивается самимъ собою; потому что пожеланіе восходящаго не останавливается на познанномъ, но душа, въ слѣдствіе другаго еще большаго пожеланія, восходя по порядку къ новому высшему, шествуетъ всегда отъ высшаго къ высшему до безпредѣльности.

Но послѣ такого разъясненія сихъ понятій время присовокупить обозрѣніе божественныхъ словъ: *гряди отъ Ливана невѣсто, гряди отъ Ливана: прійди и прейди изъ начала вѣры, отъ главы Санира и Аермона, отъ оградъ львовыхъ, отъ горъ пардалеовъ.* По сему, что же примѣ-

чаемъ въ этомъ? Источникъ благъ всегда привлекаетъ къ себѣ жаждущихъ, какъ въ Евангеліи говоритъ сей Источникъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ, и піетъ* (Іоан. 7, 37.). Въ словахъ сихъ не положилъ Господь предѣла ни жадѣ, ни стремленію къ Нему, ни наслажденію питіемъ; напротивъ того, не назначивъ опредѣленнаго времени въ повелѣніи, симъ самымъ подаетъ совѣтъ непрестанно и жаждать, и пить, и имѣть къ Нему стремленіе. А вкусившимъ уже, и на опытѣ дознавшимъ, яко *благъ Господь* (Пса. 33, 9.), вкушеніе сіе дѣлается какъ бы нѣкимъ убѣжденіемъ пріобщиться большаго. По сему никогда не оскудѣваетъ для восходящаго предлагаемый ему совѣтъ, привлекающій всегда къ большему. Ибо припомнимъ о побужденіи Слова, какое въ сказанномъ прежде уже неоднократно дѣлается невѣстѣ: *пріиди, близняя Моя*, говоритъ Оно; и еще: *пріиди юзубице Моя*; и: *пріиди въ покровъ каменнъ*. И другія подобныя воззванія, побуждающія и привлекающія къ вожделѣнію большихъ благъ, сдѣлавъ душѣ; засвидѣтельствовавъ, что душа, восходящая къ Нему, уже во всемъ непорочна, сказавъ: *вся добра еси и порока нѣсть въ тебѣ*, чтобы, возгордившись симъ свидѣтельствомъ, не встрѣтила въ семъ препятствія въ восхожденіи къ большему, снова убѣдительнымъ симъ гласомъ повелѣваетъ восходить,

вождемъ выспреннихъ благъ, и говоритъ: *приди отъ Ливана невѣсто*. А смыслъ сказаннаго таковъ: прекрасно въ предшествовавшее сему время послѣдовала ты Мнѣ, говорить Слово, и пришла за Мною къ горѣ спирный; потому что *спотреблась Мнѣ крещеніемъ въ смерть* (Рим. 6, 7.); сопровождала Меня и къ холму Ливанску; ибо совостала со Мною и возвысилась въ общеніи Божества, на которое указываетъ имя Ливана. Взойди же съ нихъ и на другія горы, преслѣвая и возвышаясь яснымъ вѣдѣніемъ. По сему *приди отъ Ливана*, говоритъ Слово, не уневѣчиваемая только, но уже невѣсто; ибо невозможно сожителствовать Мнѣ съ тѣмъ, кто смирною смерти не измѣненъ въ божественность Ливана. Поелику стала ты уже на этой высотѣ; то не останавливайся въ восхожденіи, какъ будто чрезъ это достигшая уже совершенства. Началомъ вѣры служить тебѣ этотъ Ливанъ, котораго приобщилась ты воскресеніемъ, — но и началомъ въ шествіи къ высшимъ благамъ. Посему *изъ сего начала*, которое есть вѣра, *прииди и преиди*, то есть, и теперь продолжай идти, и непрестанно продолжая шествіе, не прекращай таковыхъ восхожденій.

Буквально же читается такъ: *прииди и преиди изъ начала вѣры, отъ главы Санира и Аермона*. Симъ указываетъ Слово на тайну рожденія свыше. Ибо отсюда, какъ сказываютъ,

вытекають источники Іордана; за ними лежитъ эта гора, раздѣляемая на два гребня, которыми приданы ей имена: Саниръ и Аермонъ. Итакъ, поелику изъ сихъ источниковъ составившійся потокъ сдѣлался для насъ началомъ обоженія, то посему-то Невѣста слышитъ отъ призывающаго ее къ Себѣ ея слова: *гряди отъ Ливана, изъ начала вѣры, отъ главы сихъ высотъ, откуда пронстекли для тебя источники таинства*. Весьма же кстати присовокупляетъ Слово упоминаніе о львахъ и леопардахъ (б), чтобы прибавленіемъ скорбнаго сдѣлать болѣе пріятнымъ наслажденіемъ тѣмъ, что увеселяетъ. Человѣкъ, сложивъ съ себя нѣкогда Божественный образъ, по подобію безсловесной природы измѣнился въ звѣря, по причинѣ лукавыхъ своихъ предначинаній ставъ леопардомъ и львомъ. Ибо кто увлеченъ львомъ, подстерегающимъ въ оградѣ, какъ говоритъ Пророкъ (Пса. 10, 30.), и въ сѣти его смиренъ, тотъ, какъ скоро превозможетъ естество звѣря, преобразуется въ его природу, по сказанному: *подобни иже да будутъ творящии я, и вси надлющующіи на ня* (Пса. 113, 16.). А подобно сему дѣлается леопардомъ, кто житейскими сквернами запятналъ душу. Итакъ, поелику было время, когда въ этомъ состояніи нахо-

(б) Или пардалахъ.

дилось человеѣчество, содержимое въ заблужденіи идолослуженіемъ, іудейскимъ обольщеніемъ, и разнообразною злобою грѣшниковъ, а послѣ Іорданомъ, Смирною и Ливаномъ возвышено до того, что уже превыспренно шествуетъ съ Богомъ; то по сей причинѣ Слово увеличиваетъ веселіе, доставляемое настоящими благами, присовокупленіемъ описанія бывшихъ нѣкогда печалей, какія ощущала душа прежде Ливана и начала вѣры, прежде нежели познаны нами Іорданскія таинства. Какъ мирная жизнь бываетъ пріятнѣе послѣ войны, услаждаемая грустными разсказами, и какъ благо здравія болѣе услаждаетъ чувствилища нашего тѣла, если природа изъ какаго либо болѣзненнаго состоянія снова приходитъ сама въ себя: такъ добрый Женихъ, устрояя, чтобы блага веселія для приходящей къ Нему души получили большую силу и стали многочисленнѣе. не только показываетъ невѣстѣ ея красоту, но и напоминаетъ въ словѣ о страшномъ звѣрномъ видѣ, чтобы тѣмъ паче услаждалась настоящими добротами, дознавъ по сравненію, изъ чего и во что она измѣнена. А можетъ быть, что этимъ и другое нѣкое благо промыслительно уготовляется невѣстѣ. Поелику Слову угодно, чтобы мы, по природѣ переменчивые, своею переменчивостію не увлекались въ зло, а напротивъ того, при непрестанномъ возрастаніи въ лучшемъ, измѣняемость сію обращали въ содѣй-

ствіе себѣ при восхожденіи къ высшему, такъ чтобы по измѣняемости природы нашей преспѣвать намъ въ неизмѣняемости во зло; то по сему самому Слово какъ бы наставникомъ и стражемъ какимъ для устраненія насъ отъ худыхъ дѣлъ придало намъ памятованіе объ обладавшихъ нѣкогда нами звѣряхъ, чтобы съ отвращеніемъ отъ худшаго преспѣвали мы неуклонностію и неизмѣнностію въ добрѣ, не останавливаясь при обращеніи къ лучшему, и не обращаясь къ злу. Посему-то Женихъ повелѣваетъ невѣстѣ придти отъ Ливана, напоминаетъ ей объ оградѣ львовъ, въ которой водворялась, и описываетъ въ словѣ горы леопардовъ, на которыхъ пребывала, когда питалась вмѣстѣ съ звѣрями.

Но поелику гласъ Слова всегда есть гласъ силы: то, какъ при твореніи свѣтъ возсіялъ вмѣстѣ съ повелѣніемъ, также съ изреченіемъ повелѣнія составилаь вмѣстѣ твердь, и подобно и прочая вся тварь появилась вмѣстѣ съ творческимъ Словомъ, такъ и нынѣ, когда Слово душѣ, содѣлавшейся лучшею, повелѣло придти къ Нему; душа, приведенная въ силу повелѣніемъ, немедленно дѣлается благоугодною Жениху,—претворившись въ божественную, и отъ славы, въ какой была, добрымъ измѣненіемъ преобразившись въ высшую славу, такъ что дѣлается чудомъ для лица окружающихъ Жениха Ангеловъ; и всѣ благого-

вѣйно обращаютъ къ ней гласъ удивленія: *сердце наше привлекла еси сестро наша невесто.* Ибо черта безстрастія, одинаково сіяющая и въ ней и въ Ангелахъ, въ родство и братство съ безплотными вводитъ и ее, еще во плоти преуспѣвшую въ безстрастіи. Посему-то говорятъ ей: *сердце наше привлекла еси сестро наша невесто.* Тѣмъ и другимъ именемъ величаемая въ собственномъ смыслѣ, ты сестра наша по безстрастному сродству, и не-вѣста по союзу съ Словомъ. Означаемое же словами: *привлекла еси сердце*, какъ думаемъ, таково же, какъ и выражаемое словомъ: ты одушевила. Друзья Жениховы какъ бы такъ говорятъ невестѣ: ты вложила въ насъ сердце. Но для ясности, чтобы сказанное сдѣлалось для насъ еще болѣе понятнымъ, въ помощники къ истолкованію сихъ тайнъ возьмемъ божественнаго Апостола. Ибо въ одномъ мѣстѣ словесъ своихъ, пиша къ Ефесеямъ, когда изображалъ великое домостроительство совершеннаго для насъ богоявленія во плоти, говоритъ онъ, что не человѣческій только родъ наученъ былъ Божественнымъ сея благодати тайнамъ, но и началамъ и властямъ небеснымъ содѣлана извѣстною многоразличная премудрость Божія, явленная домостроительствомъ Христовымъ у человѣковъ. Буквально же мѣсто сіе читается такъ: *да скажется началамъ и властямъ на небесныхъ Церковію много-*

различная премудрости Божія: по предложенію вѣкъ, еже сотвори о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, о Немже имамы дерзновеніе и приведеніе въ надѣяніи впрою Его (Ефес. 3, 10—12.).

Ибо дѣйствительно Церковію сказуется премірнымъ силамъ многоразличная премудрость Божія, совершающая великія чудеса чрезъ противоположное. Какъ произошла жизнь отъ смерти, правда отъ грѣха, благословеніе отъ клятвы, слава отъ безчестія, и сила отъ немощи? Въ предшествовавшія сему времена премірныя силы знали единую простую, единovidную Божию премудрость, сообразно съ естествомъ творящую чудеса. И никакого разнообразія небыло въ видимомъ ими въ томъ, что естество Божіе есть (в) сила, со властію совершаетъ всякую тварь, единымъ движеніемъ воли приводя въ бытіе естество существъ, и, что только истекаетъ изъ источника добротъ, творить *добра злю* (Быт. 1, 31.). Многоразличному же сему виду премудрости, состоящей изъ соплетенія противоположностей, нынѣ ясно научены (г) они Церковію, научены, почему Слово дѣлается плотію, почему жизнь входитъ въ общеніе съ смертію, почему собственною Своею язвою исцѣляетъ нашу язву,

(в) Въ рукописи вмѣсто *ἐχουσαν* читается *ἐστιν*.

(г) По рукописи: *ἐδιδάχθησαν*.

почему немощію креста препобѣждаетъ силу сопротивника, почему невидимое является во плоти, какъ искупаетъ плѣнныхъ, Самъ будучи купцемъ, и Самъ служа платою за покупку; потому что Себя Самого отдалъ за насъ въ искупительную цѣну смерти; какъ и смерти предается, и жизни неоставляетъ, какъ и рабству приобщается и пребываетъ Царемъ. Ибо всѣ сн и подобныя симъ, подлинно разнообразныя и не простыя дѣла премудрости, отъ Церкви дознавъ друзья Жениховы, привлечены были сердцемъ, уразумѣвъ въ таинствѣ другую отличительную черту Божіей премудрости. И если не смѣло будетъ сказать, и они, съ помощію невѣсты увидѣвъ красоту Жениха, удивились, можетъ быть, тому, что для всѣхъ существъ невидимо и непостижимо. Ибо Тотъ, Кого *никто же нигдѣ не видѣ* (1 Іоан. 4, 12.), какъ говоритъ Іоаннъ, *ниже видѣти кто можетъ* (1 Тим. 6, 16.), какъ свидѣтельствуешь Павелъ, содѣлавъ Церковь тѣломъ Своимъ, и приумноженіемъ спасаемыхъ созидаетъ ее въ любви, *дондеже достигнетъ вси въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13.). Посему, если Церковь есть тѣло Христа, а Христосъ глава тѣлу, и по Своимъ отличительнымъ чертамъ образуетъ лице Церкви; то, можетъ быть, друзья Жениховы, съ помощію одного усматривая другое, привлечлись сердцемъ, потому

что въ церкви яснѣ видятъ Невидимаго. Какъ тѣ, которые не въ состояніи видѣть самый кругъ солнца, смотрятъ на него при помощи луча отъ воды: такъ и они, какъ въ чистое зеркало, смотря въ лице церкви, видятъ солнце правды, уразумѣваемое по видимому ими.

По сей то причинѣ — неоднократно друзьями сказано невѣстѣ: *сердце наше привлекла еси*, то есть, вложила ты въ насъ собою нѣкую душу и смыслъ къ уразумѣнію свѣта; но и снова произносятъ они тоже слово, повтореніемъ придавая достовѣрность сказанному. Ибо, тоже повторяя, говорятъ: *сердце наше привлекла еси единымъ отъ очей твоихъ*; то есть, сіе всего болѣе произвело въ друзьяхъ чудное расположеніе къ невѣстѣ. Послику зрительная дѣятельность души двояка: одна усматриваетъ истину, а другая блуждаетъ вокругъ суетнаго; то, такъ какъ чистое око невѣсты отверсто на одно естество добра, другое же ея око, безъ сомнѣнія, остается бездѣйственнымъ; по сему самому друзья восписуютъ хвалу *единому* оку, которымъ однимъ созерцаетъ Единаго, разумѣю онаго Единаго, въ непремѣнномъ и вѣчномъ ествѣ сообщаемаго, истиннаго Отца, Единороднаго Сына и Святаго Духа. Ибо въ подлинномъ смыслѣ едино созерцаемое въ единомъ ествѣ, такъ что различіе по вѣпостасямъ не производитъ никакого от-

дѣленія, или отчужденія. Между тѣмъ какъ иные разными очами, во вредъ себѣ изощренными до того, что видятъ несуществующее, въ представленіяхъ извращенныхъ очей единое дѣлать на многія естества. Таковы, такъ называемые, многовидящіе, которые по тому, что имѣютъ въ виду многое, ничего не видятъ. И всѣ тѣ, которые, хотя теперь и взираютъ на Бога, но снова вводятся въ заблужденіе вещественными представленіями, недостойны хвалы ангельской, какъ безумно представляющіе себѣ не существующее. А кто острозрителемъ для одного Божества, тотъ слѣпъ для всего инаго, на чтó только обращены взоры многихъ. Посему невѣста единымъ окомъ творить чудо для друзей. Какъ слѣпъ многоочитый, который многими очами смотритъ на суетное; такъ острозрителемъ и прозорливъ, кто однимъ душевнымъ окомъ смотритъ на одно,—на доброе.

Кто же сія единая, или чтó значить монистъ вышъ невѣстной, не трудно заключить по изслѣдованному, хотя чтеніе и кажется нѣсколько неяснымъ по связи рѣчи. Ибо писаніе говоритъ такъ: *сердце наше привлекла еси единымъ отъ очію твоєю, единою, монистомъ вышъ твоея*, такъ что слово: *единою* соотвѣтствуетъ выраженію: *единымъ отъ очію твоєю*, потому что разумѣемъ оное съ дополненіемъ: *единою душою*. Ибо много бываетъ душъ въ каждомъ

изъ людей невѣжественныхъ, въ которыхъ страсти, по причинѣ обладанія ими, занимаютъ мѣсто души, отличительное ея свойство превращая въ печаль, удовольствіе, раздражительность, боязнь, робость, дерзость. О той же, которая обращена къ Слову въ единообразіи добродѣтельной жизни, свидѣтельствуется, что живетъ *одною* душою. Посему рѣчь должна быть раздѣлена такъ, что слово: *единою* по понятію соединено съ предыдущимъ (д), и по нашему разумѣнію значить или единою душою, или единою настроенностію духа; а слѣдующее за симъ выраженіе: *μονιστὸς εἶμι* имѣетъ другій смыслъ. Почему иный, цѣлую рѣчь прелагая въ болѣе ясную, могъ бы сказать: и око у тебя одно, потому что на одно взираешь, и душа одна, потому что не дѣлится на разныя расположенія, имѣетъ совершенство и положеніе *εἶμι* Твоей, подъявшею на Себя Божественное иго. Посему *ὁ μονιστὸς εἶμι* видимъ иго Христова, а въ расположеніи къ дѣйствительно доброму—одно око и одну душу. И по этому сознаемся, что привлекла ты сердце наше чудесами своими, показывая одно око и одну душу *μονιστὸς εἶμι* *твоея*. *Μονιστὸς* же *εἶμι* невѣстиной, какъ сказано, есть иго.

(д) По рукописи читается *τὸ προλαβόντι*.

Итакъ вотъ похвала Ангеловъ, какую воздали они красотѣ невѣсты; ибо понимаемъ такъ, что друзья Жениховы суть ангелы. А чтобы не подумалъ, кто, будто бы похвала ихъ безразсудна и погрѣшительна, сужденіе друзей о красотѣ невѣсты подтверждаетъ Слово Своимъ приговоромъ, и въ засвидѣтельствованіе красоты Само присовокупляетъ еще большія чудеса, описывая въ рѣчи своей красоту видимую въ самыхъ членахъ, каковую, дастъ Богъ, и представимъ въ послѣдующемъ, если при содѣйствіи свыше достанетъ у насъ силы къ уразумѣнію таинъ, къ познанію красоты церкви и къ похвалѣ славы благодати Божіей о Христѣ Иисусѣ. Ему подобаешь всякая слава во вѣки! аминь.

БЕСѢДА 9.

(4, 10) *Что удобръста сосца твоя сестро Моя невѣсто? Что удобръста сосца твоя паче вина, и воня ризъ твоихъ паче вѣхъ ароматъ?* (11) *Сотъ искапаютъ устни твои невѣсто, медъ и млеко подъ языкомъ твоимъ, и благовоніе ризъ твоихъ, яко благоуханіе Ливана.* (12) *Вертоградъ заключенъ сестро Моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатльнъ.* (13) *Льто-раси твоя садъ шипковъ съ плодомъ яблочнымъ, кипри съ нардами:* (14) *нардъ и шафранъ, тростъ и киннамонъ, со вѣми древами ливан-*

скили, *Смирна*, алой со всьми первыми мѣрами. (15) *Источникъ вертограда и кладязь воды живы и истекающія отъ Ливана.*

Аще воскреснете со Христомъ: горняя мудрствуйте, не земная. Вотъ чтоъ говоритъ намъ Глаголющій въ Павлѣ! Умросте бо, продолжаетъ, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитесь во славу (Кол. 3, 1—4.). Посему, если дольнимъ естествомъ стали мы мертвы, упованіе жизни преселивъ съ земли на небо, и жизнь плотская сокрыта въ насъ, по приточному слову, въ которомъ сказано: *премудрїи скрыютъ чувство* (Притч. 10. 14.); ожидаемъ же, что явится въ насъ жизнь истинная, которая есть Христосъ, такъ что и мы явимся во славу, претворившись въ Божественное; то и предлагаемое теперь выслушаемъ, какъ умершіе тѣломъ, а неувлекаемые сказаннымъ къ плотскому смыслу; потому что омертвѣвшій для страстей и похотей значенія реченій будетъ относить къ тому, что чисто и не растлѣнно, мудрствуя горняя, *идиже есть Христосъ одесную Бога сядя* (Кол. 3, 1.), въ которомъ нѣтъ страсти, понятія же низкія и по землѣ пресмыкающіяся предавая забвенію. Посему выслушаемъ Божественныя реченія, которыми Слово изображаетъ красоту непорочной невѣсты, выслушаемъ же, какъ бы ставъ внѣ плоти и крови, претворившись въ естество духовное.

Что́ добръста сосца твоя сестро Моя невѣсто? Что́ добръста сосца твоя наче вина, и воля ризъ твоихъ наче всѣхъ ароматъ? Что всякій, кто творить волю Божию, братъ Господу, и сестра, и мати есть (Матѣ. 12, 49.), и что невинная дѣва, сочетававшаяся съ Нимъ, чтобы имѣть часть въ нескверномъ брачномъ чертогѣ, въ собственномъ смыслѣ называется невѣстою, явно это всякому, не незнающему богодухновенныхъ словесъ. Но, изслѣдывая смыслъ сихъ Божественныхъ реченій, въ такомъ воззваніи усматриваю не простую похвалу, восписуемую Словомъ невѣстѣ, а утверждаю, что Женихъ объясняетъ причины приращенія красоты у невѣсты, такъ что не удобрѣла бы она при источникахъ добрыхъ ученій, которыя Слово въ переносномъ значеніи называетъ *сосцями*, если бы прежде добрыми дѣлами не сдѣлала Себя сестрою Господу, и рожденіемъ свыше обновленная въ дѣвство, несодѣлалась обручницею и невѣстою сочетавшагося съ нею. Посему наименовавшій ее сестрою и невѣстою своею сказываетъ причину измѣненія въ нѣчто лучшее и совершеннѣйшее сосцовъ ея, не млеко уже изливающихъ въ пищу младенцамъ, но на веселіе совершеннымъ источающихъ чистое вино, доброты котораго не испортила вода корчемниковъ. Въ сихъ же словахъ Жениховыхъ, какъ при взаимномъ благодушій супруговъ, когда

оба вознаграждаютъ другъ друга за нѣжное расположеніе, соблюдается нѣкоторымъ образомъ исполненная любви привязанность. Женихъ привѣтствуетъ Церковь въ выраженіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какими она предварительно въ самомъ началѣ возвеличила красоту Его. Ибо прямо въ первыхъ же словахъ, когда изъясняла желаніе, чтобы Слово изъ Божественныхъ устъ перешло въ ея уста, выразивъ сіе загадочнымъ словомъ *любзанія*, сказала и причину своего вождельнія, а именно, что *блага сосца* Его, щедро подаемымъ препобѣждающія естество вина и превосходящія всякое благоуханіе мвра и ароматовъ, буквально выразивъ сіе такъ: *блага сосца Твоя паче вина, и воня мвра Твоего паче всѣхъ ароматъ* (Пѣсн. пѣсн. 1, 1. 2.). Итакъ, поелику и изъ всѣхъ иныхъ мѣстъ Писанія дознаемъ сіе ученіе Божественнаго любомудрія, что Божество всегда бываетъ къ намъ таково, каковыми сами себя по произволенію оказываемъ предъ Богомъ (что благъ Онъ для добрыхъ, свидѣтельствуется въ пророчествѣ (Пса. 72, 1.) Давидъ, а для уподобившихся по жизни звѣрямъ другой нѣкто изъ Пророковъ называетъ Его медвѣдицею и рысью (Осі. 13, 7. 8.), загадочными сими названіями предъизображая евангельское ученіе, по которому усматриваютъ въ словахъ Царя инаковое свойство стоящія одесную, и инаковое стоящія ошуюю; для однихъ слова сіи

исполнены благи и усладительны, а для других страшны и суровы, сообразно съ расположеніемъ подсудимыхъ): то и теперь дѣлается Словомъ приличное воздаяніе невѣстѣ: въ какихъ выраженіяхъ прославляла она красоту Владыки, въ подобныхъ тому и ей описана похвала Господемъ. И Онъ похваляетъ совершившееся къ лучшему измѣненіе въ дѣятельности сосцевъ ея, а именно, что, переставъ доставлять млеко, изливаютъ не млеко, но вино, отъ котораго въ сердцахъ болѣе совершенныхъ происходитъ веселіе, потому что неволнуются уже по младенчеству, но способны наполнять уста и извлекать доброе изъ чаши премудрости.

Такъ, похваливъ сосцы за обильное изліяніе вина, Слово присовокупляетъ похвалу невѣстѣ за благоуханіе, сказавъ: *воня ризъ твоихъ паче всѣхъ ароматъ*. Разумѣть же таковую похвалу надлежитъ, изъ святаго Писанія научившись свойству того, что именуется въ немъ ароматами. Всякій благоуханный ароматъ доставляетъ удовольствіе чувству обонянія. Посему разумѣемъ, что Слово называетъ ароматами все, что, по сказанію Писанія, благоуханно. Такъ Ной приноситъ жертву Богу, и *обоня Господь воню благоуханія* (Быт. 8, 21.). Слѣдовательно жертва бываетъ ароматомъ для Бога. И послѣ сего по закону приносятся Богу многія жертвы умилостивительныя, благодарствен-

ныя, спасительныя, очистительныя, и о грѣхѣхъ. Все сіе полагай въ число ароматовъ, а также всеплодія, всесоженія, части отдѣляемыя на жертвоприношеніе, грудь жертвы, перепонку печени, тукъ съ почекъ, сверхъ сего ливанъ, пшеничную муку, смѣшанную съ елеемъ, ѿниміамъ сложенія и все прочее, что посредствомъ огня приносимо было Богу, внеси въ списокъ ароматовъ. Посему, когда услышимъ, что миро невѣсты предъ всѣми ароматами удостоивается большаго одобренія, познаемъ изъ сего слова, что таинство истины, совершаемое евангельскимъ ученіемъ, одно благоуханно предъ Богомъ, предпочтительно всѣмъ подзаконнымъ ароматамъ; какъ не прикрытое уже какимъ либо прообразомъ и сѣнію, но дѣлающееся благоуханнымъ въ явленіи истины. Ибо, если какой и изъ прежнихъ ароматовъ *обоня Господь*, какъ *вою благоуханія*, то каждый изъ нихъ удостоивался одобренія не по тому, что съ перваго взгляда и всщественно было въ немъ видимо, но по тому, что симъ изображалось. И это ясно изъ сего высокаго изреченія у пророка, въ которомъ сказано: *не прииму отъ дому твоего тельцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ. Еда бо ямъ мяса юнча? или кровь козловъ пію* (Пса. 49, 9. 13.)? Хотя много животныхъ нерѣдко приносилось въ жертву однакоже, если и дѣлалось это, иное нѣчто загадочное узаконено тебѣ въ этомъ,

именно, что долженъ ты закалатъ въ себѣ страсти. Ибо сказано: *жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пса. 50, 19.). Посему жертва хвалы нашей прославляетъ Обновяющаго такую воню. Итакъ поелику, превзошедши всѣ прообразовательные ароматы закона, духовно благоухающая душа, какъ у Павла, который былъ *благоуханіемъ* Христовымъ (2 Коринѣ. 2, 15.), и сама по жизни содѣлалась благоухающею, и какъ миро священства. и ѳиміамъ сложенія, прекрасно благоухая разнообразнымъ собраніемъ и смѣшеніемъ добродѣтелей, оказалась достойною Женихову обонянію послужить въ воню благоуханія: то Божественное чувство, какъ именуетъ его Соломонъ (Прит. 22, 13.), къ вещественнымъ ароматамъ закона присовокупляетъ оное невещественное и чистое изъ добродѣтелей муроваримое благоуханіе, говоря: *воня мира твоего паче всѣхъ ароматъ* (П. п. 1, 2.).

Продолженіе рѣчи возводитъ къ похвалѣ бо-
лѣе высокой, свидѣтельству въ словѣ объ изобилии у невѣсты духовныхъ дарованій, приобрѣтенныхъ размышленіемъ и внимательностію. Ибо приточное слово желаетъ, чтобы ученикъ премудрости (по ученикамъ же, конечно, поймешь, кто ихъ учительница) шелъ къ пчелѣ, такъ говоря любителямъ мудрости: *иди ко пчелѣ, и увѣждь колы дѣлательница*

есть, дѣланіе же колю честное творитъ: ея же трудовъ царіе и простиі во здравіе употребляютъ (Притч. 6, 8.), и присовокупляетъ къ сему, что пчела всѣми любима и славна, хотя немощна силами, но почтенна за мудрость. А потому и представлена въ образецъ жизни добродѣтельнымъ; *премудростію*, какъ сказано, *почтена произведется*. Сказаннымъ же подается совѣтъ, не уклоняться ни отъ одного изъ добрыхъ уроковъ, но летая по лугу богодухновенныхъ словесъ, и съ каждаго цвѣтка собирая что либо для пріобрѣтенія мудрости, составлять свои медовые соты, какъ въ ульѣ какомъ, слагая у себя въ сердцѣ этотъ трудъ внутри сдѣланныхъ въ памяти, подобно восковымъ чашечкамъ, не слитныхъ между собою вмѣстилищъ для разныхъ уроковъ; а такимъ образомъ, въ подражаніе мудрой оной пчелѣ, у которой сотъ сладокъ и жало неязвительно, непрестанно творить честное это дѣланіе добродѣтелей. Ибо дѣйствительно творить, здѣшними трудами вымѣнивая вѣчныя блага, и собственные свои труды удѣляя въ душевное здравіе царямъ и простолюдинамъ, такъ что таковая душа дѣлается любимой Жениху и славною среди Ангеловъ, въ немощи совершая силу по причинѣ чести, какая воздается премудрости. Итакъ, поелику повѣствуемое о премудрой оной пчелѣ служить образцемъ учености и трудолюбія, и раздѣленія духовныхъ

дарованій бываютъ различны по мѣрѣ тщательности въ потрудившихся; то Женихъ и говорить потому невѣстѣ: поелику сердце твое стало полно сотами всякаго рода учености, изъ благаго сокровища сердца износишь ты медоточныя капли словесъ, такъ что Слово у тебя есть медъ, смѣшанный съ млекомъ.—Ибо сказано: *сотѣ искупаютъ устны твои, невѣсто, медъ и млеко подѣ языкомъ твоимъ*. Готово у тебя слово, не одного рода пользу оказывающее слушателямъ, но приспособленное къ силамъ пріемлющихъ, такъ что пригодно оно и болѣе совершеннымъ и младенчествующимъ, для совершенныхъ служа медомъ, а для младенчествующихъ—млекомъ. Таковъ былъ Павелъ; онъ болѣе нѣжными словами питаетъ новорожденныхъ, а совершеннымъ глаголетъ премудрость въ тайнѣ сокровенную отъ вѣковъ, и которой не вмѣщаютъ вѣкъ сей и князи его (1 Кор. 2, 6. 7.). Итакъ Женихъ скажетъ, что такое уготовление меда и млека лежитъ *подѣ языкомъ* у невѣсты, указывая таковымъ изреченіемъ на сокровенное и благовременное употребленіе словесъ. Ибо кто знаетъ, какъ должно отвѣчать каждому, тотъ, имѣя подѣ языкомъ эту многоразличную силу слова, каждому изъ слушающихъ, сообразно съ временемъ, предлагаетъ благопотребное.

Восписавъ же такую похвалу устамъ и языку невѣсты, Женихъ переходитъ къ высшимъ еще

похваляемъ, говоря: *благовоніе ризъ твоихъ, яко благоуханіе ливана*. Слово сіе есть нѣкое любомудріе, указующее людямъ, къ чему стремится добродѣтельная жизнь. Ибо конецъ доблестной жизни—уподобленіе Божеству, а поэтому доблестные со всею тщательностію стараются преуспѣвать чистотою души, устраненіемъ себя отъ всякаго страстнаго расположенія, чтобы при улучшенной жизни и въ нихъ образовались нѣкоторыя черты превысшаго естества. Итакъ, поелику добродѣтельная жизнь неоднородна и неоднобразна, но какъ при уготовленіи тканей ткацкое искусство дѣлаетъ одежду изъ многихъ нитей, то натягиваемыхъ прямо, то пересѣкаемыхъ поперегъ, такъ и въ доблестной жизни должно стекаться многое, изъ чего составляется ткань улучшенной жизни, какъ божественный Апостолъ изчисляетъ таковыя нити, изъ которыхъ состоитъ ткань чистыхъ дѣлъ, именую: *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать*, и все сему подобное (Гал 5, 22.). чѣмъ украшается изъ жизни тлѣнной и земной облакающійся въ небесное нетлѣніе. Посему-то Женихъ одобряетъ замѣчаемое въ одеждѣ невѣсты убранство, какъ уподобляющееся благовоніемъ ливану. Хотя прежде сказалъ, что благоуханіе мѹра ея превосходитъ всѣ ароматы, такъ что, по видимому, уничтожаются симъ прежнія похвалы, если предпочтенная всякому аромату теперь срав-

нительно уподобляется одному только аромату, потому что Женихъ сказалъ такъ: благоуханію ливана подобно благовоніе ризъ твоихъ; но, поелику по нѣкоей причинѣ ѳиміамъ ливана установлено было воскурять исключительно въ честь Божеству, то посему самому предпочтенная всѣмъ ароматамъ удостоивается уподобленія одному аромату, который посвященъ Богу, такъ что смыслъ загадки сей таковъ: риза добродѣтелей твоихъ, невѣста, подобна Божественному блаженству, уподобляясь неприступному естеству чистотою и безстрастіемъ. Ибо таково благовоніе божественныхъ ризъ, что имѣетъ сходство съ ливаномъ, посвященнымъ въ честь Богу.

Изъ послѣдующихъ за симъ похвалъ дознаемъ опять, какъ можетъ иный содѣлаться сестрою и супругою Господа, именно изъ сказаннаго Женихомъ: *вертоградъ заключенъ сестра Моя невѣста*. Посему, если кто до того измѣняется, чтобы стать и невѣстою, потому что прилѣпляется ко Господу, и сестрою, потому что творить волю Его, какъ говорить евангеліе (Матѳ. 12, 49.); то да будетъ Онъ благоцвѣтущимъ вертоградомъ, заключающимъ въ себѣ красоту всякаго растенія, и сладкую смоковницу и плодоносную маслину, и высокоцвѣтвистую пальму, и обильную плодами виноградную лозу, и не какое либо колючее или придорожное растеніе, но вмѣсто нихъ кипарисъ

и мирту. Ибо такъ подобный вертоградъ умѣли украсить великій Давидъ и возвышенный Исаія. Одинъ говоря: *праведникъ, яко финикъ процвѣтетъ* (Пса. 91, 13.), и: *азъ же, яко маслина плодовита* (Пса. 51, 10.); и: *жена твоя яко лоза плодовита* (Пса. 127, 3.); а у другаго нѣкоего пророка ублажается почивающій подъ смоковницею своею (Мих. 4, 4.); Исаія же возвѣщаетъ, что *вмѣсто драчія взыдетъ кипарисъ, и вмѣсто кропивы мирсина* (Иса. 55, 13.). Излагать въ точности загадочное значеніе каждаго изъ сихъ деревъ, указанныхъ намъ въ пророчествѣ, было бы дѣломъ излишнимъ, такъ какъ для всякаго ясно, что значить сладкій плодъ смоковницы, со временемъ созрѣвающій изъ самого кислаго, въ началѣ горькій и негодный въ пищу; а въ послѣдствіи *плодъ миренъ* (Евр. 12, 11.), улаждающій чувствилища души? Да и что приносить намъ въ даръ плодовитость маслины въ этомъ самомъ кисломъ и горькомъ сокѣ, питаемомъ въ плодѣ сначала, который потомъ, по надлежащемъ уходѣ и созрѣніи, превращается въ ней въ естество елея, служащаго пищею для свѣта, облегченіемъ въ утомленіи, упокоеніемъ послѣ трудовъ, уясненіемъ головѣ, содѣйствіемъ къ подвигамъ подвизающихся законно? Почему финикъ дѣлаетъ плодъ свой недоступнымъ для татей, сберегая его вверху, а не опуская къ землѣ? Откуда пріятность у винограда, благо-

уханіе у кипариса, и сладость у мирсины? Когда все сіе въ переносномъ значеніи берется примѣнительно къ добродѣтели, тогда для всякаго разумнаго слушателя очевидно, что и къ чему именно относится. Посему вертоградъ изъ такихъ деревъ цвѣтущъ, полонъ растеній, отъсюду обезопасенъ оградой заповѣдей, такъ что не даетъ въ себя никакого входа татю и дикимъ звѣрямъ; потому что, вкругъ обнесенный оплотомъ заповѣдей, не доступенъ *уединенному дивлю* и не озобаега его *вепрь отъ дубравы* (Пса. 79, 14.). Поэтому, если кто—вертоградъ, и приведенъ въ безопасность, то дѣлается сестрою и невѣстою сказавшаго таковой душѣ: *вертоградъ заключенъ сестра Моя невѣста*.

Но для такого вертограда потребенъ источникъ, чтобы насажденія, утучняемыя водою, пребывали всегда цвѣтущими. Посему Женихъ въ похвалахъ вертограду присовокупилъ источникъ, говоря: *вертоградъ заключенъ, источникъ запечатльнъ*. Какъ поступать съ источникомъ, загадочно учить насъ тому книга притчей, когда говоритъ: *источникъ воды да будетъ тебѣ твой* (е), и да будетъ *тебѣ единоду*, и да никтоже *чуждѣ* причастится тебѣ (Притч. 5, 17. 18.). Ибо Писаніе, какъ тамъ запре-

(е) По рукописи читается: *ѣди*

щаетъ воду источника тратить на чужихъ, такъ и здѣсь о томъ, что источникъ изливается не для чужихъ, свидѣтельствуетъ, сказавъ, что онъ *запечатлѣнъ*; а сіе значитъ тоже, что и сказать: онъ охраненъ. Смыслъ же сего есть слѣдующій: источникомъ въ собственномъ смыслѣ, по моему разсужденію, называется мыслительная сила нашей души, изливающая и источающая въ насъ всякаго рода помыслы. Но движеніе мысли дѣлается тогда нашимъ, когда направлено къ полезному для насъ, доставляя намъ всякое содѣйствіе къ пріобрѣтенію благъ. Когда же дѣятельность помысловъ обратитъ кто на примышленіе порочнаго дѣла, тогда потокъ расточается на чуждое, такъ что исполненная терній жизнь, наповаемая содѣйствіемъ лукавыхъ помысловъ, питается хорошо, но сохнетъ и вянетъ лучшее насажденіе, потому что корня его не питаетъ никакая влага добрыхъ помысловъ. Посему такъ какъ печатъ доставляетъ неприкосновенность ею охраняемому, устрашая тѣя своимъ клеймомъ, а все некрадомое остается цѣлымъ у владѣющаго; то похвала свидѣтельствуетъ здѣсь о самой высокой добродѣтели у невѣсты, именно, что разумъ ея, сохраняемый въ чистотѣ и безстрастіи, остается недоступнымъ для враговъ. Для своего Господа сей источникъ запечатлѣваетъ чистота, никакимъ иломъ мыслей не возмущая прозрачность и воздухообразную

тонкость сердца. А чтобы мысль сію привести кому въ большую ясность, то она такова: поелику изъ того, что въ насъ, иное дѣйствительно наше, именно все собственно принадлежащее душѣ, а иное присвоаемъ себѣ, какъ наше (разумѣю тѣло и внѣшнія вещи); по нѣкому погрѣшительному предубѣжденію чужое признавая собственнымъ (ибо у невещественнаго естества души что общаго съ вещественною дебелинностію?); то приточное слово совѣтуетъ посему источникъ нашего разумѣнія не истощать на чуждое намъ, то есть на тѣло и внѣшнія вещи, но обращать на собственный вертоградъ, напоевая изъ него Божіе насажденіе. Дознали же мы, что сіе Божіе насажденіе составляютъ добродѣтели; и если ими занята мыслительная сила нашей души, и не развлекается ничѣмъ внѣшнимъ, то она запечатлѣна печатію истины, нося на себѣ образъ расположенія своего къ добру.

Но разсмотримъ силу и слѣдующихъ за симъ похвалъ. Сказано: *мѣтораси твоя садъ шиповъ съ плодомъ яблочнымъ, кипри съ нардами: нарды и шафранъ, тростъ и киннамонъ, со всѣми древами ливанскими, смирна и алой со всѣми первыми мѣрами. Источникъ вертограда, и кладязь воды живы и истекающія отъ Ливана.* При первомъ чтеніи сказаннаго видно, что въ словахъ сихъ заключается нѣкая высокая и

необыкновенная мысль, по которой красота невѣсты, возвеличенной Богомъ, и въ много-различномъ избыткѣ превозносимой похвалами, дѣлается чудомъ. А какая истинная мысль, означаемая сими реченіями, можетъ знать сіе ясно, по словамъ святаго Павла, только вѣдущій *духомъ глаголати* божественныя тайны (1 Кор. 14, 2.). Почему произращаемое невѣстою есть садъ шипковъ? Почему шипками приносится плодъ яблочный? Почему этотъ яблочный плодъ дѣлается собраніемъ муръ и ароматовъ? Ибо въ числѣ яблочныхъ плодовъ есть и кипръ, и нардъ, и шафранъ, и трость, и киннамонъ, и всякое ливанское дерево, такъ что въ исчисленномъ нѣтъ недостатка ни въ одномъ видѣ различныхъ ливанскихъ ароматовъ, къ которымъ причисляются смирна, и алой, и всѣ первыя муръ. И выше восписующимъ похвалы поименованный вертоградъ называется теперь источникомъ вертоградовъ и *кладеземъ воды живы и истекающіа отъ Ливана*. Но уразумѣть истинный смыслъ сего, какъ сказали мы выше, могутъ способные испытывать *глубины богатства и премудрости, и разума Божія* (Рим. 11, 33.). Мы же, чтобы не остаться намъ во все невкусившими предлагаемыхъ въ семъ мѣстѣ благъ, и ненасладившимися оныхъ, — въ немногихъ словахъ коснемся сего слова, вождемъ въ нашемъ тѣнѣи содѣлавъ Самаго Бога Слова. Весь списокъ

похвалъ изложенный прежде сего, и все, что теперь предлагаетъ намъ Слово о невѣстѣ, имѣеть, кажется, въ виду не простую какую-то похвалу, но сказуемымъ влагаетъ въ насъ силу къ восхожденію сердца на большую и значительнѣйшую высоту. Напримѣръ именуется сестрою и невѣстою Слова, а каждое изъ сихъ наименованій сочетаваетъ душу съ Женихомъ; такъ какъ имя невѣсты по выраженію Павлову, дѣлаетъ ее *стѣлесницею* нетлѣннаго Жениха (Ефес. 3, 6.), а тщательность въ исполненіи воли, по евангельскому слову, приводитъ въ тѣсную связь братства. Потомъ восхваляется свойство сосцевъ, вмѣсто млека, источающихъ вино, и явно, что похвала становится самымъ дѣломъ; потому что не хвалить того, что не осуществляется на дѣлѣ. Сверхъ сего муро ея признается превосходящимъ всѣ ароматы, о чемъ не было бы произнесено такого суда, если бы на самомъ дѣлѣ преспѣяніемъ въ лучшемъ не возшла она на оную высоту. Послѣ сего изъясняется удивленіе сотамъ слова, каплющимъ изъ устъ ея, и смѣшанному уготовленію мудрости подъ языкомъ. — млеку, срастворенному съ медомъ. И это — сила, а не слова; потому что руководимая Словомъ къ высшему восхожденію до того возрасла, что уста ея содѣлались источникомъ меда, а языкъ — хранилищемъ смѣшанной мудрости; въ Немъ видна земля обѣтованія, текущая медомъ и млекою.

Столько возвысивъ ее восхожденіями, Слово ведетъ еще выше, говоря, что риза ея издаетъ благовоніе, подобное благоуханію ливана, чѣмъ свидѣтельствуеть, что облеклась она во Христа; потому что концемъ всякаго доблестнаго житія дѣлается приобщеніе Бога, а ливаномъ указывается Божество. И на этомъ не останавливается душа, руководимая Словомъ всегда къ высшему; напротивъ того, уподобившись благовонію ливана, дѣлается вертоградомъ на подобіе рая, но не такимъ вертоградомъ, какій былъ у первыхъ людей. не для всѣхъ доступнымъ и неохраняемымъ, но отъсюду огражденнымъ памятованіемъ заповѣди.

Видишь ли, сколько новыхъ силъ для горняго шествія приобрѣла невѣста? Посмотри же на ея восхожденіе еще и выше этого. Ибо не только стала она вертоградомъ заключеннымъ, плодоносящимъ пищу свою (ж), но дѣлается и удобопіемою для жаждущихъ, преложившись въ естество источника, и притомъ источника запечатлѣннаго, не остановилась даже и на семъ, но въ возрастаніи въ большую мѣру простерлась до того, что изъ устъ ея выросъ садъ. Ибо съ большею точностію вникшій въ силу еврейскаго выраженія, вмѣ-

(ж) Такъ читается въ рукописи.

сто того, чтобъ сказать: *лѣторасли твоя*, говоритъ: изъ устъ твоихъ *садъ шипковъ*; а это значить: слово, исходящее изъ устъ твоихъ, есть садъ шипковъ. Шипки же даютъ изъ себя обиліе плодовъ всякаго рода, а плоды суть кипръ съ нардомъ и шафранъ, трость и кинамонъ, всякой родъ ливана, и смирна, и алой, и первыя мѣры. Итакъ поелику невѣста, по изображенному во псалмѣ ублаженію, по причинѣ заступленія, находимаго ею у Бога, прекрасныя восхожденія сїи *въ сердцѣ* своемъ положила, восходя всегда *отъ силы въ силу* (Пса. 83, 6. 8.); то при усовершеніи ея состоянія лѣторасли устъ ея прекрасно называются садомъ шипковъ; удачно же съ подразумѣваемымъ понятіемъ соображено реченіе: *лѣторасли* (*σποδοί*); потому что посылаемое отъ посылающаго переходитъ въ пріемлющее. И сіе можно дознать изъ обычнаго словоупотребленія, какъ и евангеліе сказуетъ, что учениковъ, посылаемыхъ на проповѣдь истины, само Слово *нарече апостолы* (Лук. 6, 13.). Что же посылають уста Невѣсты? Явно, что слово вѣры, которое въ пріемлющихъ дѣлается садомъ, посредствомъ слуха насаждаемымъ въ сердцахъ. Ибо роща, насажденная деревьями и тѣнистая, по обычаю называется садомъ. Посему, чтобы знать намъ и родъ растеній, какія насаждаются Словомъ въ душахъ вѣрующихъ, шипками именуеть деревья, которыя

возвращаетъ посылаемое изъ устъ невѣсты Слово. А шипокъ неподрученъ татю, пуская отъ себя колючія иглы, подъ какимъ-то жесткимъ и горькимъ на вкусъ покровомъ содержа и воспитывая плодъ, который въ свое время, когда онъ созрѣетъ, и оболочка распадется, оказывается внутри пріятнымъ и красивымъ на видъ, а также подобнымъ меду, непротивнымъ для вкуса, даже услаждаетъ чувствилище вкуса похожимъ на вино сокомъ.

Посему, кажется мнѣ, что слово, посылаемое изъ устъ невѣсты, въ душахъ слушающихъ производитъ сады (з) шипковъ, чтобы мы изъ сказаннаго научились, не избѣживать себя въ настоящей жизни какою либо вольностию и роскошью, но избирать жизнь, изможденную воздержаніемъ. Ибо въ такомъ случаѣ недоступенъ будетъ татямъ плодъ добродѣтели, будучи огражденъ твердою (и) корою воздержанія, честнымъ и угрюмымъ состояніемъ, какъ бы какими иглами терній, язвя приближающихся съ худою цѣлю. Но когда время дозволить насладиться плодами, шипокъ дѣлается обиліемъ услаждающихъ всякаго рода яблоковъ, потому что вкушаются не терновники, или желуди, или что либо сему подоб-

(з) По рукописи читается: *παραδείσους*.

(и) Въ рукописи *καὶ* не читается.

ное, открываются же въ яблокахъ различнаго и разнообразнаго качества ароматы. Ибо прекрасно сочетаніе кипра съ нардомъ, горячительнаго съ благовоннымъ. Не похвально горячительное само по себѣ, когда горячность бываетъ зловоннымъ воспаленіемъ, но надобно, чтобы въ разгоряченномъ засвидѣтельствована была чистота благовоніемъ, и очистившійся отъ непріятной горячности сталъ *горящъ духоу* (Рим. 12. 11.). Въ сихъ яблокахъ можно находить и другіе ароматы, какъ сказано, нардъ и шафранъ.

Но благовоніе нарда дознали мы въ сказанномъ выше; остается изобразить въ словѣ загадочное значеніе шафрана. Наблюдавшіе надъ силою этого цвѣта говорятъ, что онъ занимаетъ средину между холодностію и горячностію, и избѣгаетъ неумѣренности въ томъ и другомъ, такъ что симъ, можетъ быть, загадочно преподается намълюбомудрое ученіе о добродѣтели; потому что всякая добродѣтель есть середина между двухъ золъ,—недостатка и чрезмѣрности въ добрѣ. Напримѣръ о мужествѣ и о свободѣ говорятъ, что одно усматривается въ срединѣ между трусостію и дерзостію, а другая—между связанностію мѣлочами и самовольствомъ. И утверждаютъ, что къ числу пороковъ принадлежатъ трусость и связанность мѣлочами по недостатку въ надлежащемъ, а самовольство и дерзость по излиш-

ку и преступленію мѣры; средину же между чрезмѣрностію въ томъ и другомъ называютъ добродѣтелию. Посему, если слово о шафранѣ имѣетъ какое либо отношеніе къ добродѣтели, то, сообразно съ мѣрностію силы, объясняй себѣ этимъ неимѣющее недостатка и излишества добродѣтельное состояніе. А я разсуждаю, хотя сказанное мною будетъ и не такъ учено, что загадочное значеніе шафрана можетъ быть понято гораздо ближе къ ученію вѣры. Ибо цвѣтокъ воспитывается въ тройной чашечкѣ, да и самая чашечка есть цвѣтокъ воздушнаго цвѣта. Когда же развернется оболочка чашечекъ, непременно оказываются три, сокрытые въ чашечкахъ, благоуханные и имѣющіе цѣлебную силу, цвѣтка, которые величиною, красотою, благоуханіемъ и свойствомъ силы одинъ другому равны, и всѣ три показываютъ одно во всемъ, и въ доброцвѣтности, какъ сказано, и въ благоуханіи, и въ качествѣ силы. Вмѣстѣ съ ними появляются другіе три цвѣтка на видъ желтые, но не имѣющіе качества служить сколько нибудь къ восстановленію здравія. Ими вводятся въ ошибку неопытные, по доброцвѣтности вмѣсто дѣйствительнаго срывая негодное. Тоже дѣлаютъ и нынѣ погрѣшающіе въ вѣрѣ. вмѣсто здравыхъ догматовъ избирая ухищренныя лжеученія. Да избежитъ же сужденіе слушателя изъ того и другаго объясненія, что ему угодно, или одно

изъ двухъ, или то и другое. Ибо нѣкоторымъ образомъ одно есть и то и другое; то есть стяжаніе и совершенной добродѣтели и Божества; такъ какъ добродѣтель не внѣ Божества.

Но перейдемъ къ обозрѣнію прочихъ ароматовъ, по порядку упомянутыхъ въ словѣ. Сказано: *тросъ*, и *киннамонъ* и яблоки. Яблоки—тотъ плодъ, какой приносится шипками сада у невѣсты, напротивъ того *тросъ*, какъ говорятъ, все прочее превосходитъ благоуханіемъ, почему берется по закону и въ священный ѳиміамъ (Исх. 30, 23.). А *киннамонъ* по естественной нѣкоей силѣ общаетъ много разнаго вида дѣйствій, изъ которыхъ многія, по видимому, выше и вѣроятія. Ибо говорятъ, когда кипитъ въ котлѣ вода, если коснется ея только сей ароматъ, вода тотчасъ остываетъ; если внесенъ онъ въ жарко еатопленную баню, жаръ (і) въ воздухъ претворяетъ въ прохладу, и имѣетъ свойство уничтожать заражающихся отъ гнилости животныхъ. Рассказываютъ о немъ и иное сему подобное, что, кажется, превышаетъ вѣру слышащихъ. Ибо утверждаютъ, что, если положенъ въ ротъ сонному, ничто не препятствуетъ человѣку и во время сна отвѣчать на предлагаемые вопросы; напротивъ того спрашиваемый пребы-

(і) По рукописи читается: *αὐτὸν φλογιῶν*.

ваетъ во снѣ и даетъ на предлагаемые вопросы бодрствующему приличные и раздѣльно произносимые отвѣты. Утверждать, что сіе дѣйствительно такъ, не дознавъ опытомъ истины рассказываемаго о растеніи, было бы опрометчиво и неосмотрительно. По крайней мѣрѣ, поелику на какомъ-то таинственномъ основаніи ароматъ сей включенъ въ списокъ яблоковъ, не потому что на самомъ дѣлѣ произрастаютъ они изъ шипковъ (ибо не въ такой мѣрѣ чувственные сады производятъ изъ себя уста невѣсты), но чтобы служить ему знакомъ одного изъ понятій, входящихъ въ похвалу невѣсты; то не почитаю справедливымъ пройти молчаніемъ тѣхъ баснословныхъ сказаній о киннамонѣ, которыя теперь изложены въ словѣ. а также, если и иное что послѣ сего вздумается сообщить повѣствующимъ о семъ ароматѣ. Только бы сказуемымъ при-совокушалось нѣчто къ похвалѣ добродѣтели, потому что каждая часть повѣствованія значительно служитъ къ показанію совершенства жизни добродѣтельной.

Ибо въ душѣ обученныхъ и разсудительныхъ можно находить сей *киннамонъ*, когда кто, или пламенѣя похотѣніемъ, или будучи одержимъ гнѣвомъ, угашаетъ страсти сіи разсудкомъ. Или кто во время житейскаго сна имѣетъ въ устахъ этотъ трезвенный *киннамонъ* помысла, и, подобно неусыпнымъ и бодр-

ственнымъ Ангеламъ, обнаруживаетъ въ себѣ непогрѣшительное и невозмутимое пониманіе сказуемаго, а въ истинѣ ученія подражаетъ неусыпающему естеству Ангеловъ, которыхъ никакая необходимость какого либо представленія не отвлекаетъ отъ истины; о томъ можно сказать, что изъ устъ его исходитъ *киннамонъ*, при которомъ угашаются и воспламенение похоти и воскипѣніе въ сердцѣ гнѣва, и разумъ бываетъ чистъ отъ всякаго въ жизни сей соннаго мечтанія и смѣшенія понятій. И никто, имѣя въ виду невѣроятность разсказываемаго о *киннамонѣ*, да не осуждаетъ слова за то, что не отъ истины заимствуетъ похвалу невѣстѣ. Ибо святому Писанію нерѣдко обычно и нѣкоторыя басни заимствовать у вѣншихъ въ содѣйствіе своей цѣли, и безъ стыда изъ баснословнаго сказанія упомянуть нѣкоторыя имена къ яснѣйшему указанію предлагаемой мысли. Такъ Писаніе, выражая удивленіе къ красотѣ дочерей Іова, чрезмѣрность удивленія къ оной показало самими именами, говоря, что одну *нарекѣ Іовъ день*, другую—*Кассію*, третью же,—*Амалееву роу* (Іов. 42, 14.). Всякому же извѣстно, что еллинское баснословіе изобрѣло разсказъ объ Амалейѣ,—этой козѣ, которая, по баснословію, сдѣлалась кормилицею онаго Критянина (к), и

(к) Зевеса.

у которой, когда отпалъ одинъ рогъ, изъ пустоты его, какъ сложило баснословіе, изливалось все въ обилии. Посему ужели святое Писаніе вѣрило баснѣ, рассказываемой объ Амалей?—Сіе не возможно. Напротивъ того, свѣдѣтельствуя объ изобилии Іовлевой дочери благами добродѣтели, оно даетъ о томъ знать симъ именемъ, такъ чтобы разсудительно слушающій Писаніе по имени уразумѣлъ только цѣль похвалы, безъ вниманія оставивъ въ сторонѣ баснословные рассказы, какъ и слыша о *кассіи* и о *днѣ*, изъ сихъ именъ не ароматное какое вещество, и не теченіе солнца надъ землею дознали мы, но утверждаемъ, что въ именахъ содержится указаніе на добродѣтельную жизнь такъ наименованныхъ, и *кассія* означаетъ чистоту и благоуханіе, а день—благообразіе предначинаній, какъ говоритъ Апостолъ, что живущіе въ чистотѣ именуются *чадами свѣта* (Ефес. 5, 8.) и *сынами дня* (1 Сол. 5, 5.).

Посему и здѣсь также не безъ пользы, какъ служащее въ похвалу невѣстѣ, включено въ содержаніе похвалъ рассказываемое о *киннамонѣ*; только въ переносномъ значеніи. Но кто таковымъ уже содѣлался и до сей высоты похвалъ достигъ жизни, тотъ во всемъ показываетъ въ себѣ черты божественнаго образа. Сіе даетъ видѣть сказавшіи: со всѣхъ деревъ ливанскихъ. Ибо наблюдатели подобныхъ ве-

щей говорятъ, что ливанское дерево, изъ котораго сочитя ладонъ, не одного рода, но есть въ деревьяхъ сихъ нѣкоторая разность, съ наружностію дерева измѣняющая и видъ аромата. Посему, кто всѣми предначинаніями жизни выражаетъ въ себѣ богоподобіе, тотъ показываетъ въ себѣ красоту всѣхъ деревъ ливанскихъ, которыми означаются отличительныя черты божественнаго образа. Но никто не дѣлается причастникомъ славы Божіей, не ставъ прежде сообразнымъ *подобію смерти* (Рим. 6, 5.). Почему похвала въ списокъ ароматовъ говоритъ и то что яблоки шипковъ суть и прочіе ароматы, перечисленные въ словѣ, и между ними *спирна, алой и первыя лира*. Ибо ими, смурною и алоемъ, указывается на участіе во гробѣ, какъ говоритъ высокое евангеліе, потому что съ ними совершенно погребеніе Вкусившаго за насъ смерть (Іоан. 19, 39.). А *первыя лиры* указываетъ Слово на чистоту и отсутствіе всякаго корчемническаго подлога, какъ и Амосъ къ услаждающимся этимъ обращается съ подобною рѣчью, говоря: *пьющій процѣженное вино, и первыя вонями мажущіися* (Амос. 6, 6.); тогда какъ прежде сего сказалъ: *ядущій козлища отъ пастей, и тельцы млеколю питаеми отъ среды стадъ; плещущій ко класу нищихъ* (4, 5.), такъ что ни вина не возмutilи подонки, ни въ мурѣ не испортила чистоты благоуханія какая либо

примѣсь. Но тамъ, конечно, надлежитъ полагать, что пророчество укоряетъ Израильтянъ, которые, упиваясь чистымъ ученіемъ Писанія, процѣженнымъ отъ всякихъ подонковъ, и имѣя у себя неподдѣльное благоуханіе мвръ, и всячески наслаждаясь духовнымъ пиршествомъ, ни мало не воспользовались таковыми сладостями, потому что злое произволеніе ихъ, и прозрачность вина претворило въ мутную бродящую жидкость, и чистоту первыхъ мвръ повредило примѣсью лукавыхъ понятій. А здѣсь слово плодоношеніемъ *первыхъ мвръ* свидѣтельствуешь невѣстѣ о неповрежденности и чистотѣ ея догматовъ.

И на семъ не остановились, и невѣста, простирающаяся къ высшему, и Слово, ей содѣйствующее къ восхожденію. Ибо та, изъ устъ у которой исходятъ *льоторасли шипковъ* и *сады* ароматовъ, сама дѣлается теперь источникомъ, орошающихъ произросшіе изъ нея сады, и не какъ знаемъ о Павлѣ и Аполлосѣ, что одинъ насадилъ, а другой напоилъ (1 Кор. 3, 6.), напротивъ того одна совершаетъ два дѣла вмѣстѣ, насаждая и напоевая сады. Или, можетъ быть, похвала сія содержитъ въ себѣ и высшую нѣкую мысль. Ибо Слово говорить, что она—источникъ не какой либо изливающейся влаги, но вертоградовъ, источаетъ и изливаетъ не какіе либо потоки водъ, но самыя вертограды. Такъ божественный Апо-

столъ источилъ одушевленные вергограды тѣмъ.
у кого былъ, ученіемъ насаждая садъ Церкви.

Потомъ Слово на самыи верхъ возводитъ
невѣсту похвалами, назвавъ ее кладяземъ *воды
живы и истекающіа отъ Ливана*. Ибо сіе изъ
святаго Писанія дознали мы объ Естествѣ жи-
вотворящемъ; то пророчество говоритъ отъ
лица Божія: *Мене оставиша источника воды
живы* (Іерем. 2, 13.); то Господь сказалъ Са-
марянкѣ: *аще бы выдали еси даръ Божій, и
Кто есть глаголюй ти: даяждь ми воду пити:
ты бы просила у Него, и далъ бы ти воду живу*
(Іоан. 4, 10.); и: *аще кто жаждетъ, да приидетъ
ко Мнѣ, и пьетъ. Впруяй въ Мя, якоже рече
Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды
живы. Сіе же рече о Душѣ, Еюже хотяху
пріимати впрующіи въ Него* (Іоан. 7, 37—39.).
Итакъ подъ водою живою вездѣ разумѣется
естество Божеское, а здѣсь не лживое свидѣ-
тельство Слова подтверждаетъ, что невѣста—
кладязь воды, которая течетъ отъ Ливана.
Сіе-то всего удивительнѣе; потому что всѣ
кладязи имѣютъ постоянно собранную въ нихъ
воду, одна невѣста имѣетъ въ себѣ воду изли-
вающуюся, такъ что въ ней и глубина кладязи
и непрестанная подвижность рѣки Ибо кто,
какъ должно, изобразить показуемыя чудеса,
какъ бы въ слѣдствіе совершившагося теперь
въ ней унодобленія? Можетъ быть ей не чѣмъ
превзойти себя, во всемъ унодобившись пер-

вообразной красотѣ. Ибо въ точности, какъ источникъ, стала подобна Источнику, какъ жизнь—Жизни, какъ вода—Водѣ. Живое Слово Божіе, жива и душа, пріившая Слово. Та Вода течетъ отъ Бога, какъ говоритъ Источникъ: *отъ Богъ изыдохъ, и приидохъ* (Іоан. 8, 42.). А она содержитъ въ себѣ вливающееся въ кладязь души, и чрезъ это дѣлается сокровищницею оной живой воды, льющейся, или лучше сказать, какъ выразилось Слово, истекающей (л) отъ Ливана, причастниками которой да будемъ и мы, пріобрѣти оный кладязь, чтобы по заповѣди, данной премудростію, пить намъ свою, а не чужую воду (Прит. 5. 15. 9, 18.) о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Б Е С Ъ Д А 10.

(4, 16) *Востани съвере, и яряди юже, и повѣи въ вертоградъ моея, и да потекутъ ароматы моя. (5, 1) Да снидетъ братъ мой въ вертоградъ свой, и да ястъ плодъ оwoцѣй. Видохъ въ вертоградъ мой сестро Моя невесто: обѣихахъ сливну мою со ароматами моими, ядохъ хлѣбъ мой съ медомъ моимъ, пихъ вино мое съ млекою мою: ядите близніи мои, и*

(л) Точнѣе: истекающей съ шумомъ.

пійте, и унійтесея братія. (2) Азъ сплю, а сердце мое бдитъ.

Поелику предстоящее намъ теперь обозрѣніе Божественныхъ реченій, слѣдующихъ по порядку въ Пѣсни пѣсней, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя понятія, трудно постигаемыя и по неясности покрытыя тайною; то настоятъ для насъ потребность въ большей внимательности, лучше же сказать, въ большемъ содѣйствіи молитвъ, и путеводительствѣ Святаго Духа, чтобы намъ въ изумленіи отъ сихъ высокихъ чудесъ не потерять того же, что обыкновенно бываетъ съ нами, когда смотримъ на звѣзды; потому что, и ихъ красотѣ дивясь издали, не можемъ придумать никакого способа къ познанію ихъ сотворенія, напротивъ того, по причинѣ красоты ихъ, наслажденіемъ служить для насъ пребывать въ удивленіи видимому. Ибо подлинно нѣкими звѣздами представляются и эти лучи и осіянія Божественныхъ сихъ словесъ, блистательнѣйшія и превосходнѣйшія душевныхъ очей, *по высотъ небесный отъ земли*, какъ говоритъ Пророкъ (Пса. 102, 11.). А если и съ нашею душою произойдетъ тоже, что слышимъ объ Иліи, и мысль наша, восхищенная на огненной колесницѣ, ставъ превыспреннею, преложится къ небеснымъ красотамъ (Святымъ же Духомъ будемъ представлять себѣ тотъ огонь, котораго Господь приходилъ *воерещи на землю*

(Лук. 12, 49.), удѣляемый ученикамъ въ видѣ языковъ); то и для насъ небезнадежнымъ сдѣлается приблизиться къ симъ звѣздамъ, разумѣю божественныя понятія, которыя посредствомъ небесныхъ и духовныхъ словесъ осіяваютъ наши души. Ибо воззри душевнымъ окомъ, тебѣ говорю, слушатель, бывшимъ отъ Господа патріарху словомъ, *воззри на небо сіе* (Быт. 15, 5.), и разсмотри звѣзды, если можешь измѣрить высоту самыхъ понятій. Обрати вниманіе на власть царицы, изъ повелѣній ея уразумѣвъ ея владычество: какое самодержавное полномочіе открывается въ томъ, что говоритъ; не моленіемъ успѣваетъ въ томъ, чего хочетъ, но по неложному слову Обѣтовавшаго, Который говоритъ, что *вѣрный и мудрый строитель* дѣлается господиномъ надъ *всѣмъ* имѣніемъ у Владыки (Лук. 12, 42—44.). Пріавъ сію власть, невѣста царски въ угодность себѣ располагаетъ двумя вѣтрами, повелительно удаляя отъ себя вѣтеръ сѣверный, и благосклонно призывая южный, и побуждая скорѣе придти къ ней. Буквально же читается такъ: *возстани сѣвере, и гряди юже.*

Сродное нѣчто съ сказаннымъ найдется, можетъ быть, въ словахъ сотника, которымъ подивился Самъ Богъ Слово, какъ повѣствуетъ Евангелистъ, говоря: *слышавъ же Иисусъ, удивися* (Матѣ. 8, 10.), и слова сотника предпочелъ вѣрѣ Израиля. Ибо кажется мнѣ, что

Господь въ отношеніи къ вѣрѣ дѣлаетъ сравненіе сотника не съ народомъ Израильскимъ, но съ тѣмъ самымъ Израилемъ, который въ борьбѣ съ сопротивникомъ, и при вспоможеніи Божіемъ едва избѣжалъ паденія, оставшись несовершенно невредимымъ отъ противоборца, потому что получилъ болѣзнь стегна (Быт. 32, 24.). А этотъ сотникъ, о которомъ теперь рѣчь, съ царственнымъ нѣкимъ могуществомъ властно отсылая, что ему чуждо, приближаетъ къ себѣ, что ему угодно. И по моему мнѣнію, мужъ сей заслужилъ удивленіе преимущественно тѣмъ, что говоритъ о себѣ, какъ изъ подчиненныхъ ему воиновъ, съ полною властію отсылаетъ отъ себя, кого хочетъ, и призываетъ къ себѣ, кого угодно, и назначаетъ рабу надлежащее ему служеніе. И при этомъ видно нѣкое любомудріе въ словахъ сотника: отосланнаго однажды не возвращаетъ уже онъ къ себѣ, но, какъ скоро уходитъ отосланный, вмѣсто него приближаетъ къ себѣ другаго. Ибо, сказавъ это: *иди, и идетъ* (9), продолжаетъ, что призываетъ другаго, а не отосланнаго; и симъ, думаю, Слово учитъ такому положенію, что взаимно противоположнымъ между собою не естественно въ одномъ и томъ же обращаться другъ съ другомъ; потому что никакого нѣтъ общенія *свѣту ко тмѣ*, говоритъ Апостоль (2 Кор. 6, 14.); напротивъ того по всей необходимости,

по удаленіи тмы, видимъ вмѣсто нея свѣтъ, и по искорененіи порока на его мѣсто вводится добродѣтель; а по преуспѣяніи въ этомъ, мудрованіе плоти не остается уже противъ духа, и не можетъ востать, потому что умерщвлена его сила противиться, но дѣлается готовымъ ко всякому надлежащему служенію, пребывая благопокорнымъ и послушнымъ владычеству духа. Ибо когда прогнанъ воитель — защитникъ порока, а на мѣсто его вошелъ ратоборецъ добродѣтели, облекшійся въ броню правды, и вооруженный мечемъ духовнымъ, оградившійся защитительнымъ вооруженіемъ — щеломомъ спасенія, щитомъ вѣры, имѣющій на себѣ всякое духовное вооруженіе (Ефес. 6, 14—17.); тогда рабъ—тѣло боится своего господина, и съ готовностію принимаетъ повелѣнія преобладающаго, по которымъ при служеніи тѣла преслѣвается добродѣтель. Ибо на сіе указываетъ слово сотника: *глаголю рабу моему: сотвори сіе, и сотворитъ* (Матѳ. 8, 9.).

Но послушаемъ царицу, почему гонить отъ себя сѣверный вѣтръ, дуновеніе его обращая назадъ. Ибо не успокоится ему приказываетъ, какъ Господь при волненіи моря велѣлъ бурѣ быть въ безмолвіи и волнамъ молчать (Марк. 4, 39.), но, чтобы безпрепятственно могъ дуть вѣтръ южный, когда никакое противное дуновеніе не задержитъ его стремленія, повелѣваетъ сѣверному вѣтру удалиться и бѣжать

говоря: *востани*. Какая же причина удаленія сего вѣтра? *Сѣверъ жестокъ вѣтръ*. говорить на это приточное слово, *иже не имъ же пріятенъ* (*ἐπιδίξιος*) нарицается (Прит. 27, 16.). Но сѣверъ ни для кого не съ правой стороны, развѣ у кого востокъ сзади, и кому путь на западъ. Безъ сомнѣнія же разумѣнь загадочный смыслъ сказуемаго, что отступившій отъ востока (а востокомъ въ пророчествѣ именуется Христосъ), и идущій на запады свѣта, гдѣ владычество тмы, съ правой у себя руки имѣеть сѣверный вѣтръ, снабжающій его дурными напутствіями, съ которыми совершается путь въ тму. Такъ распутный справа у себя находитъ сѣверный вѣтръ, дующій вмѣстѣ съ страстью безчестія. Такъ у любостяжателя правымъ бываетъ этотъ вѣтръ лукавства, когда, подобно какому-то песку или праху, собираетъ ему питающее любостяжательность. Такъ, оказывая свое содѣйствіе каждому прегрѣшенію, онъ *пріятенъ* бываетъ, кому можетъ стать пріятнымъ, будучи *жестокъ* по природѣ, но жестокость свою прикрывая удовольствіями. Посему гонитъ сѣверный вѣтръ изъ подъ своего начальства та, которая, облекшись властію надъ страстями, говоритъ: *востани сѣвере*. А что этимъ именемъ означается сопротивная сила, это ясно будетъ для всякаго уразумѣвшаго естество видимаго. Ибо кто не знаетъ о движеніи солнца, что оно, совершая теченіе

съ востока по югу, склоняется къ западу? А поелику поверхность земли шарообразна, какъ говорятъ уразумѣвшіе подобное сему; то, будучи освѣщена солнцемъ въ одной части, по всей необходимости покрывается тмою въ части противоположной. затѣняемая преградою того, что въ серединѣ. И такъ, поелику оное мѣсто всегда пребываетъ неосвѣщеннымъ и холоднымъ, не будучи ни осіяваемо, ни согрѣваемо солнечными лучами: то посему князя власти темныя, который нѣжное естество души, подобно водѣ приводя въ оцѣпенѣніе, окаменяетъ и дѣлаетъ жестокимъ. Слово называется и сѣвернымъ вѣтромъ и жестокимъ, дѣлательмъ угрюмой зимы, разумѣю ту зиму, въ которую евангеліе называетъ невозможнымъ бѣгство отъ опасностей (Матѣ. 24, 20.): потому что во время ея увядаетъ красота цвѣтущихъ добродѣтелию.

Посему прекрасно это, что слово царицы со властію гонить сей вѣтръ, призываетъ же полуденный, теплый и всегда свѣтлый, который называется *юго.пѣ*, отъ котораго течетъ потокъ наслажденія, говоря: *и гряди юже, и повѣй въ вертоградъ мое.пѣ, и да потекутъ ароматы моя*, чтобы сильнымъ дыханіемъ, какъ слышали мы, было это съ учениками въ горнищѣ, повѣявъ на одушевленные насажденія, подвигнуть насажденіе Божіе къ изліянію ароматовъ, и заставить изъ устъ истечь бла-

говонное пророчество и спасительные догматы вѣры, во всякомъ видѣ языковъ безпрепятственно разливающіе благоуханіе ученій. Такъ сто двадцать учениковъ, насажденных въ дому Божіемъ, дыханіемъ такового юга произрастали цвѣтъ—ученіе на разныхъ языкахъ. Посему-то такому югу говоритъ невѣста: *повнѣ въ вертоградъ моемъ*. Поелику сдѣлалась она матерью вертоградовъ, по гласу Жениха, содѣлавшаго ее источникомъ вертоградовъ, какъ содержитъ въ себѣ слово (м), то поэтому желательно ей, чтобы провѣяпъ былъ вертоградъ ея, т. е. Церковь, изобилующая одушевленными древами, и потекли отъ нихъ ароматы. Пророкъ говоритъ: *дхнѣтъ духъ Ею, и потекутъ воды* (Псал. 147, 7.), а невѣста, величаясь царскимъ богатствомъ, съ великолѣпіемъ измѣняетъ потоки, обращая ихъ въ рѣки ароматовъ, истекающія изъ деревъ вертограда по сильному дуновенію вѣтра, такъ что и изъ этого можно дознать разность заѣтовъ ветхаго и новаго, и именно, что пророческая рѣка наполнена водами, а евангельская—ароматами. Таковою рѣкою ароматовъ, при содѣйствіи Духа текущею изъ вертограда Церкви, былъ великій Павелъ, токи котораго благоухали Христомъ. Другою таковою рѣкою

(м) Переведено по рукописи.

былъ Іоаннъ, Лука, Матѣей, Маркъ; и всѣ прочіе, какъ благородныя насажденія вертограда невѣсты, провѣваемые свѣтлымъ онымъ полуденнымъ югомъ, сдѣлались источниками ароматовъ, изливающими благоуханіе евангелій.

Да снидетъ, говоритъ невѣста, братъ мой въ вертоградъ свой, и да ястъ плодъ овощей своихъ. Какой дерзновенный гласъ! Какая щедрая и великодаровитая душа, превышающая всякій избытокъ великодушія! Кого угощать пиршествомъ изъ собственныхъ его плодовъ? Кому угождаетъ вечерю изъ собственныхъ его благъ? Кого приглашаетъ вкусить имъ же приготовленнаго? Тому, отъ Кого все, и Кѣмъ все, и въ Комъ все, Кто всѣмъ даетъ *пищу во благосрежденіи*, отверзаетъ *руку Свою*, и исполняетъ *всяко животно благоволенія* (Пса. 144, 15. 16.), есть *хлѣбъ, сходяй съ небесе* и *данъ животъ міру* (Іоан. 6, 33.), изъ собственнаго Своего источника источаетъ жизнь всѣмъ существамъ,—Ему-то невѣста предлагаетъ трапезу. А трапеза есть вертоградъ, насажденный одушевленными древами. Древа же сіи мы, если только и мы въ пищу Ему предлагаемъ спасеніе душъ нашихъ; потому что жизнь нашу вмѣняющій себѣ въ пиръ сказалъ такъ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Отца Моего* (Іоан. 4, 34.). Очевидна же цѣль божественной воли Того, *Иже всѣмъ хощетъ спастися и*

въ разумѣ истины пріити (1 Тим. 2, 4.). Посему вотъ уготованное Ему брашно—спасеніе наше. А плодомъ дѣлается наше произволеніе, собою, какъ бы какою вѣтвію, влагающее душу въ руки пожинающему насъ Богу. Надлежитъ же изъ сего видѣть, что сперва невѣста услаждается плодомъ яблонн, говоря: *и плодъ ея сладокъ въ устахъ моихъ* (Пѣсн. 2, 3.), а тогда плодъ и самъ дѣлается зрѣлымъ и усладительнымъ, и дѣлателью предлагается на веселіе. А выраженіе: *да снидетъ* имѣетъ значеніе прошенія, будучи произносимо подобно словамъ: *да святится имя Твое, и: да будетъ воля Твоя*. Ибо, какъ тамъ оныя реченія, по своему виду, заключаютъ въ себѣ молитвенное значеніе, такъ и здѣсь выраженіе: *да снидетъ* есть молитва невѣсты, показывающей Богу обильное плодоносіе добродѣтели. А снисхожденіе означаетъ дѣло человеколюбія. Ибо, такъ какъ невозможно вознестись иначе къ Всевышнему, какъ развѣ къ пресмыкающемуся по землѣ поклонится *Пріемляй кроткія Господь* (Пса. 146, 6.); то посему восходящая горѣ душа, призывая въ помощь руководство Вышняго, умоляетъ Сего снисзойти изъ Своего величія, чтобы содѣлаться доступнымъ для дольнихъ.

А изрекшій устами Пророка: *еще малолющу ти тамъ, се пріидохъ* (Пса. 58, 9.), прежде, нежели молитва вышла изъ устъ у невѣсты,

и слышалъ, въ чемъ имѣла она нужду, и внялъ готовности ея сердца, и былъ уже въ вертоградѣ, обвѣваемомъ южнымъ вѣтромъ, и собиралъ плоды ароматовъ, и насытился овощами добродѣтели, и пересказываетъ о пиршествѣ, говоря невѣстѣ такъ: *сидохъ въ вертоградѣ сестро Моя невѣсто: обвилахъ смирную со ароматами моими, ядохъ хлѣбъ мой съ недоли моими, пихъ вино мое съ млекоми моими: ядите ближніи мои, и пйте, и упойтеся братія мои.* Видишь ли, какъ щедростію превышаетъ прошеніе? Невѣста просила, чтобы источниками ароматовъ содѣлались ея насажденія въ вертоградѣ, обвѣянные съ полудня вѣющимъ югомъ, и чтобы овощными плодами угощенъ былъ дѣлатель. Всякому же извѣстно, что благоуханіе, какое бы то нибыло, доставляетъ удовольствіе чувству обонянія, а овощи, какъ снѣдь, менѣе хлѣба имѣютъ силы къ поддержанію здравія питаемыхъ. Но Снисшедшій въ вертоградъ Свой, естество плодовъ преложивъ въ нѣчто болѣе важное и дорогое, собираетъ въ вертоградѣ смирну, нашедши ее съ своими ароматами; потому что Его все, *еще что добро*, въ чемъ бы ни нашлось это, какъ воспѣваетъ пророческое слово (Зах. 9. 17.); Онъ дѣлаетъ, что деревья вмѣсто плодовъ изобилюютъ хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ медомъ Его. И съ этимъ согласно да изречется тоже пророческое слово, что Его медъ, какъ и прочія

блага, и изъ тогоже почерпается вино, сра-
творенное съ млекоу Его: пбо изъ *Тогоу*, и
Тьмѣ, и въ *Нелѣ* всяческая (Римл. 11, 36.).

О, какъ блаженны оныя вертограды, въ ко-
рыхъ насажденія, какъ засвидѣствовано,
изобилуютъ такими плодами, что преобра-
зуются во всякій родъ пищи по вождельнѣю
наслажденія! Ибо для улаждающагося благо-
воніемъ дѣлаются смириною, умерщвленіемъ
земныхъ членовъ уготовляя муро чистой и
благоуханной жизни, сваренное изъ многихъ
и различныхъ ароматовъ добродѣтели. А для
ищущаго совершеннѣйшей пищи дѣлаются
хлѣбомъ, который не съ горькимъ зеліемъ снѣ-
дается, какъ повелѣваетъ законъ (Исх. 12, 8.),
потому что для настоящаго времени пригодно
горькое зеліе; но приправою своею будеть
имѣть медъ, когда плодъ добродѣтели во время
свое уладить чувствилища души, доказатель-
ствомъ чему служить по воскресеніи Господа
явленный ученикамъ хлѣбъ, улаждаемый со-
томъ меда (Лук. 24, 42.). Для жаждущаго же
дѣлается чашею, полною вина и млека, а не
губкою, омоченною въ желчь и оцетъ, какую
іудей, въ знакъ благожеланія, на трости по-
даютъ Благодѣтелю. И конечно, не неизвѣ-
стенъ намъ загадочный смыслъ сказаннаго:
а именню, какъ приносящимъ смириу древомъ
былъ Павелъ, по вся дни умирающій (1 Кор.
15, 31.), самъ себѣ произносящій *осужденіе*

смерти (2 Кор. 1, 9.), благоухающій чистою и безстрастіемъ, и дѣлающійся *воней животною для спасаемыхъ* (2, 16.); какъ одушевленные насажденія вертограда приносятъ хлѣбъ Владыкѣ вертограда, о чемъ свидѣтельствуесть Сѣдящій на престолѣ: *взлѣкахся и дасте Мнѣ ясти* (Матѳ. 25, 35.); потому что благотворительность есть хлѣбъ веселія, услаждаемый медомъ заповѣди; какъ еще тѣ плодоносныя насажденія вертограда, которымъ говоритъ Онъ: *возжадалхся, и напоите Мѣ*, изливаютъ Жениху вино, срастворивъ его съ молокомъ, а не съ водою, по обычаю корчемниковъ. Но молоко есть первая пища естества человѣческаго, и чистая и простая, въ подлинномъ смыслѣ младенческая и не хитрая, очищенная отъ всякой лукавой вины.

Сказавъ это невѣстѣ, Слово предлагаетъ ближнимъ евангельскія таинства, говоря: *идите ближніи Мои, и пійте, и упійтеся братія Мои*; ибо для знающаго таинственные изреченія евангелія не окажется никакого различія между сказаннымъ здѣсь, и тайноводствомъ учениковъ, какое совершено тамъ; потому что Слово и здѣсь и тамъ одинаково говоритъ: *идите и пійте*. Но въ этомъ совѣтѣ приходитъ въ упоеніе, какій здѣсь даетъ Слово братіямъ, какъ можетъ показаться многимъ, заключается нѣчто большее противъ евангелія. Впрочемъ, если кто изслѣдуетъ въ точности, то и сіе

окажется согласнымъ съ евангельскими предписаніями. Ибо, что здѣсь повелѣвалось друзьямъ на словахъ, то тамъ совершило Слово на самомъ дѣлѣ, потому что всякое упоеніе производитъ обыкновенно изступленіе ума, преобладаемаго виномъ. Посему, въ чемъ здѣсь подается совѣтъ, то и тогда производилось божественною 'оною снѣдію и божественнымъ питіемъ, и всегда производится, такъ какъ вмѣстѣ съ снѣдію и питіемъ пріемлется внутрь преложеніе отъ худшаго къ лучшему и изступленіе. Такъ упоеваются, по сказанному пророчествомъ, піющіе отъ *тука доли Божіа* и напоеваемые *потокомъ сладости* (Пса. 35. 3.), какъ унылся однажды и великій Давидъ, когда, вышедши изъ себя самого, и бывъ въ изступленіи видѣлъ незримую красоту, и возгласилъ это пресловутое слово: *всякъ человекъ ложь* (Пса. 115, 2.), слову вѣрѣя истолкованіе несказанныхъ сокровищъ. Такъ былъ въ упоеніи и юнѣйшій Веніаминъ — Павелъ, когда пришелъ въ изступленіе, говоря: *аще бо изумихомся, Божови* 'потому что для Бога было наше изступленіе); *аще ли цѣломудрствуемъ, вамъ* (2 Кор. 5, 13.), какъ и показалъ о себѣ въ словахъ къ Фисту, что *онъ не блъскуется, но цѣломудрія и правды глаголы въщаетъ* (Дѣян. 26, 25.). Знаю, что и блаженный Петръ въ гаковомъ видѣ упоенія былъ вмѣстѣ *призаченъ и упоенъ*; ибо, прежде нежели принесена тѣ-

лесная пища, когда *бысть приименъ и хоташе вкусити*, домашнимъ же, *приготавливающимъ* ему трапезу, приходитъ на него божественное и трезвенное упоеніе. отъ котораго выходитъ самъ изъ себя, видитъ евангельскую *плащаницу*, спускаемую сверху за четыре края, заключающую въ себѣ людей всякаго рода въ тмочисленныхъ видахъ, и птицъ, и четвероногихъ, и гадовъ, и звѣрей, имѣющихъ на себѣ образъ по различію ихъ чтилищъ, и что въ нихъ было звѣринаго и безсловеснаго вида, то повелѣваетъ Слово Петру заколотъ, чтобы, по очищеніи ихъ, остальное сдѣлалось удобоснѣднымъ, когда преподается имъ чистое Слово благочестія, и неоднократно изрекъ Божественный гласъ: не скверно то, *яже очистилъ есть Богъ* (Дѣян. 10, 10—15.). но трекратно повторено сіе провозглашеніе, чтобы дознали мы по единому гласу, что очищающій Богъ есть Отецъ, и по другому такъ же, что очищающій Богъ есть единородный Сынъ, и подобно сему еще по иному, что очищающій все нечистое Богъ есть Духъ Святый. И такъ, поелику таково бываетъ упоеніе отъ вина, предлагаемаго Господомъ сопиршественникамъ, отъ котораго происходитъ душевное изступленіе въ Божественное; то прекрасно Господь сдѣлавшимся ближними по добродѣтелямъ, а не отстоящимъ далеко, повелѣваетъ: *ядите близніи Мои и пійте, и упійтеся. Ибо ядый*

и пїяй недостойнѣ судѣ себѣ ястѣ и пїетѣ (1 Кор. 11, 29.). Прекрасно такъ же достойныхъ снѣди нарекъ братїями; *иже бо сотворитѣ волю Ею, сей братѣ и сестра и мати* именуется Словомъ (Марк. 3, 35.).

За упоенїемъ по порядку слѣдуетъ сонъ. чтобы пищеваренїемъ возвращена была вечеравшимъ сила во здравїе тѣлу. Поэтому послѣ онаго пиршества невѣста погружается въ сонъ. Но сонъ этотъ какой-то странный и неслѣдующій естественному обычаю: потому что въ обыкновенномъ снѣ и спящїй не бодрствуетъ, и бодрствующїй не спитъ, но то и другое одно другимъ прекращается, и сонъ и бодрствованїе попеременно другъ другу уступаютъ мѣсто. А здѣсь усматривается у невѣсты какое-то новое и необычайное стеченїе и соединенїе противоположностей. Она говоритъ: *азъ сплю, а сердце мое бдитѣ*. Въ какомъ же смыслѣ надобно принять это? Сонъ есть подобїе смерти; потому что во снѣ прекращается всякая чувственная дѣятельность тѣлѣ; ни зрѣнїе, ни слухъ ни обонянїе, ни вкусъ, ни осязанїе во время сна не дѣйствуютъ, какъ свойственно имъ. Напротивъ того сонъ ослабляетъ тѣлесныя силы, производитъ даже забвенїе о заботахъ, какія бываютъ у чело-вѣка, усыпляетъ страхъ, укрощаетъ раздраженїе, отнимаетъ силу у огорчительнаго. и приводитъ въ безчувствїе всѣхъ бѣдствїй, пока

владѣтъ тѣломъ. Посему изъ сказаннаго до-
знаемъ, что выше себя самой стала та, кото-
рая велнчается симъ и говорить: *азѣ силу, а
сердце мое бдитъ*. Ибо дѣйствительно, когда
умъ живетъ одинъ самъ собою, не смущаемый
ни однимъ изъ чувствилищъ, тогда природа
тѣла бываетъ приведена въ бездѣйствіе, какъ
бы во снѣ какомъ и въ гробу и, и справед-
ливо можно сказать, что засыпаетъ отъ без-
дѣйствія зрѣніе, потому что презираются зрѣ-
лища, которыя обыкновенно изумляютъ дѣт-
скіе взоры, разумѣю не эти только зрѣлища
земнаго вещества, напимѣръ: золото, серебро,
всякіе камни, какою-то доброцвѣтностію воз-
буждающіе въ глазахъ жадность, но и чудеса,
видимыя на небѣ, блистанія звѣздъ, солнеч-
ный кругъ и многообразный видъ луны, и
если иное что доставляетъ удовольствіе гла-
замъ, такъ какъ ничто не пребываетъ вѣчно,
но все съ теченіемъ времени движется и вра-
щается. Когда, при взглядѣ на истинныя бла-
га, все сему подобное бываетъ презрѣно,
тогда въ недѣятельности остается тѣлесное
око, потому что душа, ставъ совершеннѣе,
не привлекается тѣмъ, что оно показываетъ,
взирая умомъ на одно то, что выше видимаго.
Такъ и слухъ дѣлается какимъ-то мертвымъ

(н) По рукописи читается: *какъ мракъ*

и недѣлательнымъ, потому что душа бываетъ занята тѣмъ, что выше разума.

О чувствахъ же болѣе скотскихъ не стоить и говорить: потому что, подобно какому-то зловонію отъ мертвечины, далеко отвергаются душею и отыскивающее запаха обоняніе, и предавшій себя на служеніе чреву вкусъ, а съ ними и осязаніе, это рабское и слѣпое чувство, которое, можетъ быть, для слѣпыхъ только и произведено природою. Когда все это, по причинѣ бездѣйствія, одержимо какъ бы сномъ какимъ, тогда дѣятельность сердца чиста, помыслъ обращаетъ взоръ горѣ, не оглушаемый и невозмущаемый чувственнымъ движеніемъ. Такъ какъ въ естествѣ человѣческомъ удовольствіе двояко, одно производится въ душѣ безстрастіемъ, а другое въ тѣлѣ страстію: которое изъ двухъ избрано будетъ произволеніемъ, то и возобладаетъ надъ другимъ. Напримѣръ, если кто обращаетъ вниманіе на чувство, привлекаемый удовольствіемъ, какое чувствомъ производится въ тѣлѣ, то проведетъ онъ жизнь не вкусивъ Божественнаго веселія, по привычкѣ лучшее какъ бы помрачать худшимъ. А у кого вожделѣніе устремлено къ Божественному, для тѣхъ благо пребываетъ неомрачаемымъ, и все обворажающее чувство почитается достойнымъ того, чтобы избѣгать сего. Посему душа, когда услаждается однимъ созерцаніемъ сущаго, не

бываетъ бодрственна ни для чего такого, что приводитъ въ удовольствіе посредствомъ чувства; но усыпивъ всякое глѣсное движеніе, ничѣмъ неприкровенною и чистою мыслию въ Божественномъ бодрствованіи приѣмлетъ богоявленіе, котораго да сподобимся и мы, при помощи сказаннаго сна, преуспѣвъ въ душевномъ бодрствованіи, о Христѣ Іисусѣ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСѢДА II.

(5, 2.). *Гласъ брата моего ударяетъ въ двери: отвори ми сестро моя, близняя моя, голубице моя, совершенная моя: яко глава моя наполнися росы, и власы мои капель пощныхъ: (3). Сobleкохся ризы моея, како облечуся въ ню? Гмыхъ пощъ мои, како оскверню ихъ? (4) Братъ мой послѣ руку свою сквозь скважню, и чрево мое востренети отъ него.*

Вотъ одна изъ великихъ заповѣдей Господнихъ, по которымъ разумъ обучаемыхъ словомъ, какъ бы персть какую, оттрясни съ себя все въ естествѣ вещественное, возносится къ вождѣлѣнію высшаго; то есть, имѣющимъ въ виду жизнь горнюю должно быть выше сна, и всегда бодрствовать разумомъ, какъ бы обольстительницу какую душу и навѣтницу истины, отгоняя отъ очей дремоту. разумію ту дремоту и тогъ сонъ, которыми

въ погружающихся въ житейское обольщеніе образуются эти мечтательныя представленія: начальство, богатство, господство, кичливость, очаровательность удовольствій, славолюбіе, пристрастіе къ наслажденіямъ, честолюбіе и все, что въ этой жизни для неосмотрительныхъ, по какому то пустому представленію, вождельбно, протекаеть вмѣстѣ съ преходящимъ естествомъ времени, имѣетъ бытіе только во мнѣніи, не будучи тѣмъ, за что признается, и даже во мнѣніи нашемъ не оставаясь постоянно тѣмъ же, но представляясь вмѣстѣ и приходящимъ въ бытіе и гибнущимъ, подобно волнамъ, воздымающимся надъ водами, и на время надмѣваемымъ движеніемъ вѣтровъ, но неостающимъ на долго въ этомъ надмѣніи; потому что воздвигнутыя стремительною вѣтра, вскорѣ опавъ вмѣстѣ съ вѣтромъ, опять показываютъ гладкую поверхность моря. Посему, чтобы мысль наша стала свободна отъ таковыхъ призраковъ, Слово повелѣваетъ тяжелый этотъ сонъ отрясти съ душевныхъ очей, чтобы по рачительности о несостоятельномъ не утратить намъ состоятельнаго и дѣйствительно существующаго. Посему и внушаетъ намъ мысль о бодрствованіи, говоря: *да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣтильницы юрящія въ рукахъ вашихъ* (Лук. 12, 35.); потому что показывающійся глазамъ свѣтъ гонить отъ очей сонъ, и чресла. стянутыя поя-

сомъ, дѣлають тѣло неспособнымъ къ сну, ощущение трудовъ недопускаетъ упокоенія во снѣ. Конечно же, ясно,—что выражается загадочною рѣчью; препоясанный цѣломудріемъ живетъ во свѣтѣ чистой совѣсти, потому что свѣтильникъ дерзновенія озаряетъ жизнь, въ которой душа отъ явленія истины пребываетъ неусыпною и неподдающеюся обману, не приводимою въ безуміе ни одною изъ этихъ ничего незначащихъ грезъ. Если же преуспѣемъ и въ этомъ подѣ руководствомъ Слова, то послѣдуетъ съ нами Ангельская нѣкая жизнь, потому что Божія заповѣдь уподобляетъ насъ тѣмъ, о которыхъ говоритъ: *и вы подобни челоѣкоу чинящиму Господа своего, когда возвратится отъ брака, да пришедшу и толкнувши, абие отверзутъ ему* (36.). Ибо и они ожидаютъ Господня возвращенія съ брака, и съ бодрственнымъ окомъ сидятъ при небесныхъ вратахъ, чтобы Царь Славы, когда возвратится съ брака, вошелъ опять ими въ пренебесное оное блаженство. Откуда, *яко женихъ*, по словамъ псалмопѣнія, *исходяй отъ чертога* (Пса. 18, 6.), обручилъ Онъ Себѣ насъ въ дѣву, это естество, соблаудившее съ идолами, таинственнымъ возрожденіемъ претворилъ въ дѣвственное нерастлѣніе. Итакъ, по совершеніи уже брака, по увѣщеніи Церкви Словомъ, какъ говоритъ Іоаннъ: *и нѣтъ невѣсту, женихъ есть* (Іоан. 3. 29.), по принятіи ея въ чертогъ

тайнствъ, Ангелы ожидали возвращенія Царя, по введеніи Церкви въ естественное блаженство. Посему имъ-то, изрекло Слово, должна уподобляться наша жизнь, чтобы какъ они, ведя жизнь далекую отъ порока и обмана, готовы къ принятію Владычняго пришествія, такъ и мы, бодрствуя у преддверія нашихъ временныхъ жилищъ, содѣлали себя готовыми къ послушанію, когда пришедши толкнетъ Онъ въ дверь. Ибо *блажени, сказано, рабѣ тѣи, иже приидѣ Господь ихъ обрящетъ творящими такъ* (Лук. 12, 37.).

Посему, такъ какъ блаженное дѣло быть послушнымъ толкущему въ двери: то по сей причинѣ душа, которая неусыпно хранитъ свои сокровища, непрестанно помышляя о блаженствѣ, ощущаетъ стоящаго при дверяхъ, и говоритъ: *маѣ брата моего ударяетъ въ двери*. Какъ изъ словъ сихъ можно иному достойнымъ образомъ уразумѣть восхожденіе невесты къ Божественному? Та, которая съ такою властію и увѣренностію отогнала отъ себя жестокий оный сѣверъ, привлекла къ себѣ свѣтлый вѣтръ, производитъ въ устахъ сады шишковъ, плоды которыхъ ароматы; та, которая Владыкѣ твари предложила вертоградъ свой въ трапезу, на которой ничто изъ предложеннаго не оказалось такимъ, чтобы могло быть отринутымъ, а напротивъ того все было прекрасно, что засвидѣтельствовано сминою,

ароматомъ, хлѣбомъ съ медомъ, и виномъ съ молокомъ; та, совершенство которой подтвердило Слово, сказавъ: *вся добра еси, и порока нѣтъ въ тебѣ* (Пѣсн. 4, 7.); та самая расположена теперь, какъ въ первый разъ готовящаяся принять пришествіе Божіе, и какъ еще не пріившая и не вселившая у себя стоящее нынѣ предъ дверьми Слово, силу голоса вмѣняетъ въ чудо. Посему сказывается, что голосъ жениховъ касается не ея, но двери ея; ибо говоритъ: *гласъ брата моего ударяетъ въ двери*.

Видишь ли, какъ безпредѣльно шествіе для восходящихъ къ Богу, какъ пройденное дѣлается всегда началомъ тому, что лежитъ выше? По сказанному невѣстѣ надѣялись мы нѣкоторой остановки въ продолженіи шествія вверхъ. Ибо по засвидѣтельствованіи о совершенствѣ чего большаго сталъ бы нный искать? Что же видимъ? Невѣста еще дома, не выходила и изъ дверей, не насладились лицеизрѣніемъ пришедшаго, но слухомъ только путешествія къ причастію благъ. Посему изъ сказаннаго дознаемъ слѣдующее ученіе: къ преуспѣвающимъ въ важнѣйшемъ всегда удобно-приложимо апостольское слово, въ которомъ сказано: *еще кто мнитъ видѣти что, не у что разумѣ, якоже подобаетъ разумѣти* (1 Кор. 8, 2.). Ибо въ предшествовавшемъ душа познала Жениха, сколько постигла. Но какъ не

постигнутое еще въ безконечное число кратъ больше постигнутого; то посему, хотя Женихъ многократно являлся душѣ, однакоже гласомъ возвѣщаетъ о себѣ невѣстѣ, что явится ей, какъ не представавшій еще ея очамъ. А что-бы мысль сія содѣлалась для насъ болѣе ясною, присовокуплю къ рѣчи для примѣра нѣкоторое подобіе: какъ, если бы кто находился близъ того источника, о которомъ Писаніе сказало, что въ началѣ *истощае изъ земли* въ такомъ обиліи, что *напаяше все лице земли* (Быт. 2. 6.); то приблизившійся къ источнику будетъ дивиться несмѣтному сему множеству *безпредѣльной* воды, непрестанно его наполняющей и имъ изливаемой, но не скажетъ, что видѣлъ всю эту воду (ибо возможно ли ему видѣть сокрывающееся въ нѣдрахъ земли?), посему, если и долго простоятъ у люющагося источника, всегда будетъ только въ началѣ этого зрѣлища; потому что вода все еще не прекращаетъ своего теченія, и все еще начинаетъ только изливаться: такъ и тотъ, у кого предъ очами она божественная и неопредѣлимая красота, поелику обрѣтаемое вновь непрестанно представляется непремѣнно болѣе новымъ и необычайнымъ въ сравненіи съ постигнутымъ уже (о), хотя и дивится

(о) По рукописи читается: *παρά το ἕδρῃ καταληγμένον.*

всегда предъ нимъ появляющемуся, но никогда не останавливается въ вождельніи еще видѣть, потому что ожидаемое велельпнѣе и божественнѣе всего видимаго. Посему и здѣсь невѣста, всегда дивясь познаваемому, и изумлявая предъ этимъ, никогда неудовлетворяется познаннымъ въ желаніи продолжать обозрѣніе. По этой причинѣ и теперь, такъ какъ ощущаетъ еще, что Слово ударяетъ въ двери, съ послушаніемъ возстаетъ, и говоритъ: *гласъ брата моего ударяетъ въ двери.*

Потомъ, давъ успокоеніе слуху, слушаетъ гласъ вѣщающаго Слова: *отверзи ли сестро моя, ближняя моя, голубице моя, совершенная моя: яко глава моя наполнися росы, и власы мои капель ночныхъ.* Смыслъ же сего постигнетъ, кто составитъ себѣ такой взглядъ. Великому Моисею богоявленіе началось свѣтомъ; потомъ Богъ бесѣдуетъ съ нимъ въ облакъ; послѣ же сего Моисей, ставъ выше и совершеннѣе, видитъ Бога во мракѣ. А изъ сего познаемъ подобное слѣдующему: первое удаленіе отъ ложныхъ и погрѣшительныхъ предположеній о Богѣ есть переходъ изъ тмы въ свѣтъ. Болѣе же внимательное наблюденіе сокровеннаго, видимымъ путеводящее душу къ естеству невидимому, дѣлается какъ бы нѣкимъ облакомъ, которое, затѣняя собою все видимое, руководитъ и приобучаетъ душу къ тому, чтобы обращала взоръ на скрытое.

Душа же, простирающаяся чрезъ это къ горнему, сколько доступно сіе естеству человѣческому, оставляя дальнее, входитъ въ святилище боговѣдѣнія, отъсюду будучи объята божественнымъ мракомъ, въ которомъ, поелику все видимое и постигаемое оставлено внѣ, обозрѣнію души остается только невидимое и непостижимое, и въ семъ-то мракѣ — Богъ, какъ говоритъ Слово о законодателѣ: *Моисей же видѣ во мракѣ, идѣже бже Богъ* (Исх. 20, 21.).

По такомъ обозрѣніи сего должно разсмотрѣть, какое сродство между сказаннымъ и предлагаемымъ нашему вниманію. Черна была нѣкогда невѣста, омраченная несвѣтлыми ученіями, когда облиставшее ее солнце пожгло, по причинѣ искушеній, неукоренившееся на камняхъ сѣмя. Побѣжденная нѣкогда сварившимися съ ней, не сохранила она винограда своего; потому что, не познавъ себя самой, вмѣсто овецъ пасла стада козловъ. Но какъ скоро, оставивъ союзъ свой съ зломъ, возжелала въ таинственномъ ономъ лобзаніи сблизить уста съ источникомъ свѣта, дѣлается тогда прекрасною, озаренная свѣтомъ истины и омытая водою отъ черноты невѣдѣнія. Потомъ по скорости теченія унодобляется она конямъ, а по быстротѣ разумѣнія—голубицѣ. Подобно конямъ обѣжавъ и подобно голубицѣ облетѣвъ все постигаемое и видимое, она сперва съ вожелѣніемъ упокоевается подѣ

тѣнію яблони, называя яблонію отѣняющее
ее вмѣсто облака; и теперь она объемлется
уже божественною пощію, во время которой
Женихъ, хотя и приходитъ, но не показы-
вается. Ибо какъ ночью показалось бы неви-
димое? Но хотя даетъ Онъ душѣ нѣкое ощу-
щеніе Своего присутствія, однакоже избѣгаетъ
яснаго уразумѣнія, сокрываясь по невидимо-
сти естества. Посему какое же тайноводство
совершается въ эту ночь надъ душою? Слово
прикасается къ дверямъ. Подъ именемъ же
дверей разумѣтъ гадательный смыслъ таин-
ственного, которымъ вводится въ насъ иско-
мое. Посему истина, стоя внѣ нашего есте-
ства, вѣдѣніемъ *отъ части* (1 Кор. 13, 12.),
какъ говоритъ Апостолъ, предположеніями и
гаданіями ударяетъ въ двери разумѣнія. гово-
ря: *отверзи*; и къ убѣжденію присовокупляетъ
способъ, какъ надлежитъ отверзаты двери.
прекрасныя оныя именованія подавая какъ бы
нѣкіе ключи, которыми отверзается запертое.
Ибо значенія именованій сихъ: *сестро, близ-
няя, голубица, совершенная*, въ прямомъ смыслѣ
суть ключи, отверзающіе сокровенное. Если
желательно тебѣ, говоритъ Женихъ, чтобы
двери отверзлись, и *взаты* были врата души
твоей, и вошелъ *Царь славы* (Пса. 20, 7.); то
надлежитъ тебѣ сдѣлаться моею сестрою, при-
нявъ отъ души волю мою, какъ сказано въ
евангеліи, что тотъ дѣлается Ему братомъ и

сестрою, кто живетъ по волѣ Его (Матѣ. 12, 49.). Надлежитъ же тебѣ приступить и къ истинѣ, содѣлаться *ближнею*, чтобы не застѣняла тебя никакая среда, и твое совершенство состояло въ свойствѣ голубицы; а сіе значить — безъ недостатка исполниться всякаго незлобія и всякой чистоты. Какъ бы нѣкіе ключи пріявъ сіи именования, отверзи ими. душа, входъ истинѣ, дѣлаясь сестрою, ближнею, голубицею, совершенною. Прибыткомъ же отъ того, что примешь и введешь Меня къ себѣ въ домъ, будетъ для тебя съ Моей головы роса, которой Я полонъ, и съ волосъ Моихъ текуція ночныя капли. А изъ нихъ роса подастъ исцѣленіе, какъ ясно дознали мы сіе отъ пророка, который говоритъ: *роса бо, яже отъ Тебе, исцѣленіе имѣ есть* (Иса. 26, 19.). А *ночныя капли* состоятъ въ связи съ обозрѣннымъ выше, ибо кто былъ во святилищѣ, вблизи необозримаго (п), тому невозможно домогаться какого либо дождя или потока вѣдѣнія; напротивъ того для него вожделѣнно, если истина окропитъ его вѣдѣніе тонкими и неуясненными мыслями, при содѣйствіи разумной капли, истекающей отъ святыхъ и богоносныхъ мужей. Ибо *власа* на Главѣ всяческихъ, по моему мнѣнію, въ пе-

(п) По рукописи: *αθεώρητων*.

реносномъ смыслѣ, называются пророки, евангелисты и апостолы. изъ которыхъ каждый, сколько вмѣщалъ, почерпая сіи во мракѣ таящіяся, сокровенныя и невидимыя сокровища, дѣлается для насъ рѣкою, но въ самой дѣйствительности это капли только росы, хотя и преисполнены обиліемъ и величіемъ ученія. Какою рѣкою былъ Павелъ, волнами мыслей возносимый выше неба, даже *до третіяго небесе*, даже *до рая*, туда, гдѣ слышалъ неизреченныя и непроизносимыя глаголы (2 Кор. 12, 3. 4.)! И подобно морю, всю такую высоту рѣчи, разливая въ словѣ, показываетъ онъ также, что слово сіе въ сравненіи съ подлиннымъ Словомъ есть нѣкая капля росы, когда говоритъ: *отъ части разумѣваемъ, и отъ части пророчествуемъ* (1 Кор. 13, 9.); и: *еще ли кто мнитъ видѣти что, не у чѣмъ разумъ, якоже подобаетъ разумѣти* (8, 2.); и: *азъ себе не у помыслию достигши* (Филип. 3, 13.)! Посему если влагаю росы и каплями на волосахъ почитаются въ сравненіи съ нашими силами признаваемые рѣками, морями и волнами: то чѣмъ надлежитъ заключить о семъ Источникѣ, изрекшемъ: *еще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и піетъ* (Іоан. 7, 37.)? Каждый изъ слушающихъ по мѣрѣ сказаннаго составить себѣ понятіе о чудѣ. Ибо если достаточно капли, чтобы произошли рѣки, то чѣмъ должно заключать по сей каплѣ о самой рѣкѣ Божіей?

Но посмотримъ , какъ невѣста послушна Слову, какъ отверзаетъ входъ Жениху. *Совлекхся ризы моея*, говоритъ она, *како облечуся въ ню? Умыхъ нозѣ мои, како оскверню ихъ?* Прекрасно послушала она Повелѣвшаго ей содѣлаться сестрою, ближнею, голубицею и совершенною, чтобы въ слѣдствіе сего вселилась въ душѣ истина. Ибо сдѣлала то, что слышала, совлекшись кожаной одежды , въ которую облеклась послѣ грѣха, и смывъ съ ногъ земную нечистоту, которою была покрыта, когда, изъ райскаго житія возвратившись на землю, услышала: *яко земля еси, и въ землю отидеши* (Быт. 3. 19.). Посему отверзла Слову входъ къ душѣ, открывъ завѣсу сердца, то есть плоть, а говоря о плоти, разумѣю ветхаго человѣка, котораго совлечь и сложить съ себя божественный Апостолъ повелѣваетъ готовящимся въ купѣли слова омыть нечистоту душевныхъ стопъ. Итакъ, совлекшись ветхаго человѣка, и отъявъ покрывало сердца, душа отверзла входъ Слову, и когда Оно вошло, дѣлаетъ Его своею одеждою, по руководству Апостола, который повелѣваетъ совлекшему съ себя плотское одѣянія ветхаго человѣка облечься въ ризу, созданную *по Богу въ преподобіи и въ правдѣ* (Ефес. 4. 24.). Одеждою же называетъ Іисуса. А признаніе невѣсты, что невозложить уже опять на себя свергнутую ризу, но по данному уче-

никамъ закону будетъ довольствоваться одною ризою, въ которую облеклась, обновившись рожденіемъ свыше, подтверждаетъ Господнее слово, повелѣвающее однажды украсившимся божественною одеждою необлекаться уже болѣе въ ризу грѣха, и имѣть не двѣ одежды, а только одну, чтобы двѣ ризы на одномъ и томъ же небыли одна съ другою несходящимися; потому что какое общеніе одежды потемненной съ свѣтовидною и невещественною? Законъ же повелѣваетъ не только не имѣть двухъ ризъ, но и новаго *плата* непришивать *къ ризѣ ветхѣ* (Марк. 2, 21.), чтобы не произошло большаго неблагообразія; если кто надѣнетъ такую одежду, и пришитое не останется цѣлымъ, и на старомъ сдѣлается большая и неисправимая дыра. Ибо сказано: *отторгнетъ приставленіе новое отъ ветхаго, и юрши дыра будетъ* (Марк. 2, 21.); такъ что и неблагообразное отъ того обнаружится.

Посему говорить невѣста: *сogleкохся ризы моея, како облекуся въ ню?* Ибо кто, видя на себѣ солнцезрачную ризу Господню, возложенную на него за чистоту и нерастлѣніе, на примѣръ какую показалъ Господь на горѣ во время преображенія, согласится потомъ, чтобы возложили на него одежду бѣдную и раздранную, въ какую, какъ говоритъ притча, облекается *пѣяница и блудникъ* (Притч. 23, 21.)? Да и омывъ ноги, не соглашается сквер-

нить ихъ снова, ступая по землѣ. Ибо говоритъ: *улыхѣ позы Мои, како оскверню ихъ?* Ибо и о Моисеѣ повѣствуется, что по божественному повелѣнію освободивъ ноги отъ мертвой кожаной обуви, не надѣлъ опять на ноги сапоговъ, когда вступалъ на святую и освященную землю; а также, когда, по образу, показанному на горѣ, устроилъ священническую одежду, въ одной ткани соединилъ блескъ золота, багряницы, виссона, синеты и червляницы, чтобы сіяла красота, срастворенная изъ всего, никакого же украшенія не ухитрился сдѣлать для ногъ; напротивъ того нарядомъ для священнической ноги служило—быть обнаженною и свободною отъ всякаго покрова, потому что священнику непремѣнно надлежало ступать по святой землѣ, на которую не позволительно было входить съ мертвыми кожами. Посему и Господь запрещаетъ ученикамъ имѣть сапоги, когда повелѣваетъ имъ *на путь языкѣ* не ходить, но идти путемъ святымъ (Матѣ. 10, 5. 10.). Конечно же, не не знаешь этотъ святой путь, которымъ повелѣвается идти ученикамъ, дознавъ сіе отъ Рекшаго: *Азѣ есмь путь* (Іоан. 14, 6.)—путь, котораго не возможно и коснуться не совлекшему съ себя одежды чловѣка мертваго. Посему такъ какъ на семъ пути была невѣста, на которомъ Господь шествующимъ по оному омываетъ ноги водою, и отираетъ лентіемъ, которымъ

препоясанъ; а препоясаніе Господне есть сила, очищающая отъ грѣховъ; ибо сказано: *облечися Господь въ силу и препоясася* (Пса. 92, 1.); то невѣста, очистивъ ноги, хранить себя на пути царскомъ, *не совращаясь ни на десно, ни на лѣво* (Втор. 5, 39.), чтобы, перенеся слѣдъ на ту или другую сторону пути, не замарать ноги грязью. Конечно же разумѣешь, что означаетъ сказаннымъ, а именно, что душа, однажды отрѣшивъ сапоги крещеніемъ (ибо собственное дѣло крещающаго отрѣшить ремни сапоговъ, какъ засвидѣтельствовалъ Іоаннъ (Іоан. 1, 22.), что не можетъ сдѣлать сего надъ однимъ только Господомъ: ибо какъ разрѣшить у Того, Кто вовсе небылъ связанъ ремнемъ грѣха?), сама омыла ноги, вмѣстѣ съ сапогами отринувъ всю земную нечистоту. А посему стопы свои на пути гладкомъ хранить неоскверненными, какъ поступалъ и Давидъ, когда, омывъ ноги свои отъ брѣнія тины, поставилъ на камнѣ, выражая сіе словомъ такъ: *воздвигъ мя отъ рова страстей, и отъ брѣнія тины, и постави на камени нозъ мои, и исправи стопы моя* (Пса. 39, 3.). Подъ именемъ же камня разумѣемъ Господа, Который есть свѣтъ, и истина, и нетлѣніе, и правда — то, чѣмъ уравнивается духовный путь. Кто не совратился съ него ни въ ту, ни въ другую сторону, тотъ хранить слѣды свои нисколько не оскверненными брѣніемъ сластолюбія. Вотъ

то самое, чѣмъ невѣста, по моему разумѣнію, отверзаетъ дверь Слову. Ибо исповѣданіе, что неприметь болѣе на себя отринутой тины, и на жизненномъ пути не коснется земной скверны, дѣлается входомъ святыни въ уготованную такъ душу; святыня же—Господь. Такова заключительная мысль сказаннаго.

Послѣ сего душа снова приступаетъ къ восхожденію въ высшее, потому что не гласъ только ударяетъ въ двери сердца, но сама божественная рука проникаетъ во внутренность, *сквозь скважню*. *Братъ мой*, говоритъ невѣста, *посла руку Свою сквозь скважню, и чрево мое вострепета отъ Него*. Безъ сомнѣнія же для разумно слушающаго явно, сколько предъ сказаннымъ прежде избыточествуетъ высотой сказанное теперь. Слово, говоря невѣстѣ: *отверзи*, божественными наименованіями даетъ ей силу отверзть. Невѣста послушна Слову: потому что дѣлается тѣмъ, что выслушала, сестрою, ближнею, голубицею и совершенною; совлекаетъ съ себя оную кожаную ризу, смываетъ съ ногъ нечистоту, не налагаетъ на себя опять этой гнусной и раздранной одежды, неутверждаетъ болѣе стопы своей на землѣ. Услышала голосъ жениха, и повинувается повелѣнію; отверзаетъ дверь, снявъ покровъ съ сердца; раздвигаетъ завѣсу двери, то есть плоти, отверзаетъ всѣ врата души, чтобы вошелъ Царь славы. Но широкія врата

оказались какою-то малою, узкою и тѣсною скважиною, въ которую не могъ войти Самъ Женихъ, и едва вмѣстилась рука его, такъ что ею только проникъ внутрь и прикоснулся возжелавшей увидѣть Жениха, и отсего ту только выгоду приобрѣла невѣста, что въ коснувшейся рукѣ узнала руку Возлюбленнаго.

Какія же указуются намъ ученія любомудріемъ, заключающимся въ сказанномъ, познаемъ, если не на долго остановимся на семъ словѣ. Душа человѣческая на предѣлахъ двухъ естествъ, изъ которыхъ одно безплотно, духовно и чисто, а другое — тѣлесно, вещественно и неразумно. Какъ же скоро, освободившись отъ привязанности къ жизни грубой и земной, по причинѣ добродѣтели обратить взоръ къ сродному ей и божественному; то не останавливается въ изслѣдываніи и изысканіи начала существъ — то есть на томъ, какой источникъ красоты ихъ, откуда изливается сила, что источаетъ изъ себя премудрость, обнаруживающуюся въ сущности; приводя же въ движеніе всѣ силы разсудка и всю мысленную способность изслѣдованія, съ пытливостію домогается постигнуть искомое, предѣломъ постиженія поставляя для себя только дѣйственность Божію, даже до насъ простирающуюся, которую ощущаемъ въ жизни своей. И какъ воздухъ, передаваемый землею

водѣ, неостанавливается на днѣ озера, но образовавшійся пузырекъ стремится на верхъ къ сродному себѣ, и тогда прекращаетъ движеніе къ верху, когда выйдетъ на самую поверхность воды и смѣшается съ окружающимъ воздухомъ: такъ подобное нѣчто бываетъ и съ душою, которая изслѣдываетъ божественное; когда отъ дольняго простирается къ вѣдѣнію превысшаго, и постигнувъ чудеса Его дѣятельности, не можетъ идти пока (р) далѣе въ любозначительности своей, но дивится и благоговѣть предъ Тѣмъ. Чье бытіе познается только потому, что дѣйствуетъ. Видитъ она несбесную красоту, блистаніе свѣтилъ, быстрое круговращеніе полюса, чинное и стройное теченіе звѣздъ, къ своему началу возвращающійся кругъ четырехъ годовыхъ временъ, землю сообразующуюся съ окружающимъ ее, и собственныя свои дѣйствія измѣняющую по различію движенія въ томъ, что выше надъ нею, многоразличныя породы животныхъ, живущихъ въ водахъ и получившихъ себѣ въ удѣлъ движеніе по воздуху, и живущихъ на сушѣ; всякаго рода виды растений, разныя травы, отличающіяся одна отъ другой качествомъ, силою, наружностію, свойства плодовъ и соковъ; взирая и на все другое, въ чемъ

(р) Въ рукописи читается: *тѣмъ*.

обнаруживается Божія дѣйственность, душа по чудесамъ видимаго заключаетъ разумомъ, что есть уразумѣваемый по симъ дѣламъ. Въ будущій же вѣкъ, когда преидетъ все видимое, по слову Господа, Который сказалъ: *небо и земля ми поидетъ, словеса же Моя не ми поидутъ* (Матѳ. 24, 35.), и мы перейдемъ въ ту жизнь, которая выше и зрѣнія, и слуха, и мысли, тогда можетъ быть, не отъ части уже, не изъ дѣлъ только познаемъ естество Благаго, какъ теперь, и не изъ дѣйственности видимаго уразумѣется нами превысшее, но, безъ сомнѣнія, иначе будетъ постигнуть родъ неизглаголаннаго блаженства, и откроется иной способъ наслажденія, которому нынѣ несвойственно взойдти и на сердце человѣку. А пока нынѣ предѣломъ въ вѣдѣніи неизглаголаннаго душѣ служить проявляющаяся въ существахъ дѣйственность, которая, по нашему разумѣнію, иносказательно называется *рукою*. Итакъ вотъ то ученіе, которое любомудренно преподается намъ въ сихъ божественныхъ реченіяхъ; по онымъ чистая душа, проходящая уже не земную и вещественную жизнь, чтобы не осквернить слѣда своего, опираясь стопами на долѣнее, ожидавшая, что приметъ Самаго Жениха, всецѣлю вошедшаго въ домъ, возлюбила пока увидѣть только въ скважницѣ руку, подъ именемъ которой разумѣется дѣйственная сила Его. *Братъ мой*, говоритъ она, *посла руку*

Свою *сквозь скважню*, потому что сила человѣческая не имѣетъ такой вмѣстимости, чтобы принять въ себя естество неопредѣлимое и непостижимое.

И *чрево логъ вострепета* отъ Него, продолжаетъ невѣста. Словомъ: трепеть означаетъ какое-то изумленіе и удивленіе явившемуся чуду: потому что вся сила разумнiя приведена въ ней въ движеніе чудесностію совершаемаго рукою Божіею, постиженіе чего, превосходя силы ея, выражаетъ собою непостижимость и невмѣстимость естества дѣйствующаго; потому что все сотвореніе существъ есть дѣло этой руки, явленной намъ *сквозь скважню*, какъ взываетъ Іоаннъ, и согласно съ евангеліемъ говоритъ Пророкъ. Ибо одинъ говоритъ: *вся тѣлѣ быша* (Іоан. 1, 2.); а Пророкъ рукою называетъ творящую существа силу, сказавъ: *вся сія сотвори рука Моя* (Иса. 66, 2.). Посему, если и все прочее, и красоты небесныя — произведеніе оной дѣятельности, не постигъ же человѣческій умъ доискивающийся, что такое по сущности человѣкъ, или солнце, или что либо другое изъ видимыхъ въ твари чудесъ: то по сему самому трепещетъ сердце предъ Божіею дѣйственностію, разсуждая, что, если этого не въ состояніи постигнуть, то какъ постигнуть естество сего превысшее? Но иный, и иначе понявъ загадочный смыслъ сказаннаго, во взглядѣ своемъ,

можетъ быть, неногрѣшить противъ требуемаго истиною.

Ибо думаю, что подъ домомъ невѣсты разумѣется вся человѣческая жизнь, а сія творящая существа рука, посѣтивъ кратко временность и бренность человѣческой жизни, сокращаетъ сама себя приобщеніемъ естества нашего *по всячески и по подобію, развѣ грѣха* (Евр. 4, 15.). Пришедши же къ намъ, производитъ въ душахъ трепетъ и удивленіе, какъ Богъ является во плоти? Какъ Слово дѣлается плотію? Какъ дѣва раждаетъ? Какъ съ тмою смѣшивается свѣтъ, и съ смертію срастворяется жизнь? Какъ малая скважина жизни приѣмлетъ въ себя всѣ существа содержащую руку, которою измѣряется все небо, объемлется вся земля и вся вода? Посему вѣроятно, что подъ загадочнымъ именованіемъ руки у невѣсты пророчески означается намъ евангельская благодать. Ибо когда Господь на земли явился и среди людей жилъ, тогда чистую и невещественную лѣпоту жениха, Божество Слова, сіяніе истиннаго свѣта познали мы по дѣйственной рукѣ. Ибо подъ именемъ руки разумѣемъ чудодѣйственную Его силу, которою оживотворялись мертвые, возстановлялось зрѣніе слѣпымъ, изгонялся недугъ проказы, и по одному повелѣнію оставляла тѣла всякаго рода неисцѣлимая и тяжелая болѣзнь.

Поелику предложено намъ двойное сіе воз-

зрѣніе на слово: *рука*, и одно предполагаетъ, что божественное Естество, какъ совершенно непостижимое и ни съ чѣмъ несравнимое, познается по одной только дѣйственности, а другое утверждаетъ, что словами невѣсты предвозвѣщается евангельская благодать;—то предоставляемъ слушателю предпочтительно предъ другимъ избрать болѣе сродное и наипаче сообразное съ предложенными словами. Но крайней мѣрѣ, какое изъ нихъ ни будетъ признано болѣе душеполезнымъ, да послужить намъ достаточнымъ путеуказаніемъ ко благу тѣмъ и другимъ изъ сказаннаго. Зная, что *разумное Божіе*, по слову Павлову, *отъ созданія міра помышляемо видимо есть* (Рим. 1, 19. 20.), воздержимся отъ пытливаго изслѣдованія о непостижимомъ, чтобы разсужденія объ естествѣ недоступномъ и неизобразимомъ не послужили поводомъ къ уклоненію отъ истины. Если же, имѣя въ виду евангеліе, составимъ и гадательное понятіе о рукѣ, то и въ такомъ случаѣ вѣра въ таинственныя ученія содѣлается въ насъ болѣе твердою, въ предвари-тельномъ провозглашеніи догматовъ, заимствовавъ для себя вѣщую несомнѣнность о Христѣ Исусѣ. Ему слава во вѣки! Аминь.

Б Е С Ъ Д А 12.

(5, 5.) *Востахъ азъ отверзсти брату моему: руцѣ мои ископаша смирну, персты моя смирны полны на рукахъ заключенія. (6) Отверзохъ азъ брату моему: братъ мой преиде. Душа моя изыде въ слово Ею: взыскахъ Ею, и необрътохъ Ею: звахъ Ею, и непослуша мене. (7) Обрътоша мя стражѣе обходящїи во градъ: биша мя, извиша мя: взяша верхнюю ризу отъ мене стражѣе стѣпнїи.*

Снаряжающіеся къ странствованію по морямъ въ надеждѣ богатства, когда тронуть корабль съ пристани, и сядящїй при кормилѣ оборотитъ корму рулемъ къ морю, въ начатокъ мореходства совершаютъ молитву, прося Бога содѣлаться вождемъ въ добромъ плаванїи. А главное у нихъ въ молитвѣ, чтобы въ вѣтрила дулъ вѣтеръ, благопрїятный съ цѣлію стоящаго на кормѣ кормчаго, при желанномъ для нихъ вѣяніи котораго и море дѣлается улаждающимъ взоры, едва рябѣя при тихомъ колебанїи волнъ, и не наводитъ печали морская широта, потому что корабль съ легкостью летитъ и скользитъ по водамъ; да и богатство, какого надѣются отъ торговли, уже передъ глазами, такъ какъ и прежде испытанія знаютъ добрый исходъ плаванія. Для слушателей болѣе догадливыхъ, безъ сомнѣнія,

понятно это, предложенное въ видѣ вступленія. Слову предлежитъ великое море обозрѣнія божественныхъ изреченій, и на многое богатство вѣдѣнія есть надежда отъ сего плаванія. Одушевленный этотъ корабль — Церковь во всей своей полнотѣ съ нетерпѣливымъ вниманіемъ устремляетъ взоръ на богатство истолкованія. Но кормчій-слово некасается прежде кормила, пока не принесена будетъ полнотою корабля общая молитва, чтобы повѣяла на насъ сила Святаго Духа, воздвигла волны мыслей, и ими повела слово прямо къ цѣли плаванія, чтобы такимъ образомъ, пустившись въ море обозрѣнія, пріобрѣсти намъ богатство вѣдѣнія, если по молитвамъ вашимъ Духъ Святой снидетъ на слово, и наполнить вѣтрила.

Началомъ же слова да будетъ приведеніе на память богодухновенныхъ реченій, которыя буквально читаются такъ: *востахъ азъ отверзати двери брату моему: руцѣ мои ископаша смирну, персты мои смирны полны.* Что живому Слову, разумѣю чистаго и безплотнаго (с) Жениха, Который безсмертіемъ и святостію сочетаваетъ Себѣ душу, возможно быть въ насъ не иначе, какъ развѣ кто, умертвивъ *уды*, *яже на земли* (Кол. 3, 5.), сниметъ съ себя покрывало плоти, и такимъ образомъ отверзетъ Сло-

(с) Такъ читается по рукописи.

ву дверь, которою вселяется Оно въ душу:— это явно не только изъ божественныхъ ученій Апостола, но и изъ сказаннаго теперь невѣстою. Ибо говоритъ: *востахъ отверзети брату моему*, сдѣлавъ для сего руки мои источниками смиренны, изливающими изъ себя аромать, и показавъ, что смирна наполняетъ персты мои; такъ самый способъ, которымъ отверзается дверь Жениху, объясняетъ въ сказанномъ, то есть *востахъ*, спогребшися *Ему крещеніемъ во смерть* (Рим. 6, 4.). Невоздѣйствовало бы воскресеніе, еслибы не предшествовала добровольная мертвость. Добровольность же показываютъ изъ рукъ ея текущія капли смиренны, и наполненные симъ ароматомъ персты ея. Ибо, по словамъ ея, не изъ инаго чего въ руку входитъ смирна. Иначе этимъ подавалась бы та мысль, что означаемое смиренною есть нѣчто зависящее отъ обстоятельствъ и произвольное. Напротивъ того невѣста говоритъ, что руки (а руками означаетъ дѣятельныя движенія души) сами источаютъ изъ себя смирну,—эту произвольно производимую въ себѣ мертвость тѣлеснаго, выражая сіе тѣмъ, что исполняется во всѣхъ перстахъ. Сказываетъ же, о чемъ заботится ради добродѣтели въ каждомъ ея видѣ отдѣльно, объясняя сіе имепованіемъ перстовъ, такъ что весь смыслъ сказаннаго есть слѣдующій: умерщвленіемъ моихъ удовъ, *яже на земли*,

пріобрѣтена сила воскресенія; потому что умерщвленіе таковыхъ удовъ произведено добровольно, не другимъ вложена въ руки смирна, но по моему истекаетъ произволению, такъ что и во всѣхъ добродѣтельныхъ предначинаніяхъ, наименованныхъ перстами, таковое расположение усматривается неизмѣющимъ недостатка. Ибо на неусердныхъ послѣдователяхъ (т) добродѣтели можно видѣть, что для одной какой либо страсти они мертвы, а для другихъ живы; какъ усматриваемъ, что иные умерщвляютъ въ себѣ, если такъ случится, воздержаніе, но со тщаніемъ питаютъ кичливость или другую какую страсть, наносящую вредъ душѣ; на примѣръ: любостыжательность, гнѣвливость, славолубіе, или иное сему подобное; а пока живетъ, къ несчастію, это въ душѣ, невозможно показать персты полными смиры: потому что не во всѣхъ предначинаніяхъ видимо умерщвленіе и отчужденіе худаго. Но какъ скоро таковыя персты всѣ наполнены разумѣмою нами смирой, душа, и востаетъ, и отверзаетъ Жениху входъ. Посему-то, можетъ быть, и великій Павелъ, хорошо выразумѣвъ Владычнее Слово, говорить (у), что невозможно вырасти колосу, если зерно небудетъ

(т) По рукописи: τὼν ἀτελῶς τῇ ἀρετῇ μετέχουσιν

(у) По рукописи: ἢ πρὸς φιρίαν не читается.

прежде разложено смертію (1 Кор. 15, 36.), когда проповѣдуетъ (Ф) Церкви то ученіе, что смерти надлежитъ предупредить жизнь, такъ что жизни невозможно и явиться въ человѣкѣ иначе, если не откростъ себѣ входа смертію. Поелику естество въ насъ двояко, одно тонко, духовно и легко, а другое дебело, вещественно и тяжело; то по всей необходимости въ каждомъ изъ нихъ есть стремленіе съ другимъ несогласимое и особенное; потому что духовное и легкое имѣетъ свое пареніе къ горнему, а тяжелое и вещественное всегда клонится и несется къ дольному. Посему, такъ какъ движенія ихъ естественно противоположны, невозможно преодолевать одному изъ нихъ, пока не изнемогло другое въ естественномъ своемъ стремленіи. Занимающія же средину между ними, свободная наша сила и произволеніе, отъ себя сообщаютъ и крѣпость естеству слабѣющему, и разслабленіе усиливающемуся. Ибо на которой сторонѣ будутъ, той и доставятъ побѣду надъ другою стороною. Такъ въ Евангеліи похваляется *вѣрный строитель и мудрый* (Лук. 12, 42.); ибо это, по моему разсужденію, есть произволеніе, хорошо распоряжающееся тѣмъ, что въ насъ; оно похваляется за то, что кормитъ владычную при-

(Ф) По рукописи: *κρίσιν*.

слугу умерщвленіемъ сопротивныхъ; потому что гибель послѣднихъ—пища и благоденствіе для благорасположенныхъ. Осуждается же *той злый рабъ* (Матѳ. 24, 48.), который проводитъ время съ упивающимися, наноситъ удары и раны Божіимъ служителямъ; потому что благоденствіе порока—дѣйствительный ударъ для добродѣтелей. Посему хорошо будетъ, возревновавъ о пророческомъ словѣ, дѣлать для себя утро тѣмъ, чтобы избивать *вся грѣшныя земли, еяже потребити отъ града* (а градъ—душа) Господня *вся помыслы, дѣлающія беззаконіе* (Пса. 100, 8.), которыхъ гибель дѣлается жизнію для лучшихъ. Такъ смертію живемъ мы, когда изъ того, что въ насъ, какъ говоритъ Пророкъ, одно (х) убиваетъ, а другое животворитъ Слово, изрекшее: *Азъ убью, и жизни сотворю* (Втор. 32, 35.). Какъ и Павелъ, умирая, былъ живъ; изнемогая, крѣпился силами; связанный совершалъ теченіе; будучи нищъ, обогащалъ; и вся содержалъ, *ничтоже имѣя* (2 Кор. 6, 10.), *всегда мертвостъ Іисуса во тѣлѣ нося* (4, 10.).

Но возвратимся къ предложенному, а именно, что душа смертію возставляется отъ смерти. Ибо если (ц) не умираетъ, то навсегда остается

(х) Переведено по рукописи.

(ц) По рукописи читается: *ἐὰν ὑάρ*.

мертвою и неспособною къ жизни. Въ слѣдствіе же того, что умерла, отложивъ всю мертвость, приходитъ въ жизнь. И ученіе сіе подтверждается предложеннымъ намъ изреченіемъ; потому что такъ говоритъ невѣста: *востахъ азъ отверзсти брату моему: руцѣ мои искапаша смиру, персты мои смиры полны.* А что смирна есть знаменіе смерти, не усумнится никто изъ занимавшихся божественными Писаніями. Посему, какъ смерть возставляетъ насъ отъ смерти, ученіе о семъ, какъ полагаю, иные потребуютъ изложить съ большею ясностію. Посему скажемъ о семъ, сколько возможно, придавъ рѣчи нѣкоторый послѣдовательный порядокъ. *Вся елика сотвори Богъ, добра злы* (Быт. 1, 31.), о семъ свидѣтельствуєтъ слово міробытія. А въ числѣ *добраго злы* былъ и человѣкъ, лучше же сказать, болѣе всего украшался онъ добротою. Ибо что иное было бы такъ добро, какъ уподобленіе пречистой добротѣ? Если же *вся добра злы*, а въ числѣ всего, или предпочтительно предъ всѣмъ, добръ былъ и человѣкъ; то. безъ сомнѣнія, въ человѣкѣ небыло смерти. Ибо человѣкъ не былъ бы какимъ либо добромъ, еслибы имѣлъ у себя печальную черту смертной унылости. Напротивъ того, какъ образъ и подобіе вѣчной жизни, былъ онъ дѣйствительно и добръ *злы*, украшаясь свѣтлою чертою жизни. Ему и божественный рай плодоносіемъ

дерево источалъ жизнь, и Божія заповѣдь служила закономъ жизни, общающимъ,) что не умреть. Но какъ посреди райскаго насажденія было дерево, источающее жизнь, что и надлежить разумѣть о томъ деревѣ, котораго плодъ—жизнь; такъ и смертоносное дерево, о плодѣ котораго говорится, что онъ вмѣстѣ и добро и зло, и оно было посреди рая. Между тѣмъ невозможно, чтобы деревьямъ симъ было мѣсто въ самой серединѣ. Ибо если допустимъ, что которое либо изъ двухъ деревъ занимало середину, то другое дерево по всей необходимости исключается, конечно, изъ средняго мѣста; потому что точное положеніе середины берется относительно къ окружности, когда на равныя растоянія удалено отъ каждой точки крайняго предѣла. Посему, такъ какъ у круга середина въ точности одна; то, пока кругъ остается тотъ же, не могутъ въ серединѣ его имѣть мѣста два средоточія. Если будетъ присовокуплено другое средоточіе къ предвзятому прежде него; то съ перемѣщеніемъ круга по необходимости внѣ его середины сдѣлается прежняя середина окружности круга, описаннаго изъ другаго средоточія. Но сказано, что посреди рая оба дерева, одно другому противоположныя по силѣ, разумѣю дерево жизни, и то, котораго плодомъ была смерть, и которое Павелъ наименовалъ грѣхомъ, сказавъ: плодъ *грѣха*, *смерть* (Рим. 6, 23.).

Изъ сказаннаго надлежитъ уразумѣть слѣдующее ученіе любомудрія: самая середина Божія насажденія есть жизнь; а смерть и не насаждена, и не укоренена, нигдѣ не имѣя собственнаго своего мѣста, насаждается же лишениемъ жизни, когда въ живыхъ прекращается причастіе лучшаго. Итакъ, поелику жизнь среди Божіихъ насажденій, отпаденіемъ же отъ нея (ч) вносится естество смерти; то о древѣ смертоносномъ, загадочно изложившій любомудренное сіе ученіе, говоритъ, что оно посреди рая, и о плодѣ его выразился, что имѣетъ силу смѣшанную изъ противоположностей. Ибо одно и тоже назвалъ и добрымъ и злымъ, давая симъ разумѣть, какъ думаю, свойство грѣха. Поелику всякому грѣховному дѣйствию непременно предшествуетъ какое либо удовольствіе, и отъ раздраженія ли, отъ вождельнія ли, бываютъ страсти, невозможно найти грѣха, съ которымъ бы небыло сопряжено удовольствіе; то по сей причинѣ и плодъ, при погрѣшительномъ сужденіи о добрѣ, именуется добрымъ, представляясь таковымъ для поставляющихъ добро въ удовольствіи, въ послѣдствіи же оказывается худымъ по горькой отрыжкѣ сѣди, согласно съ словомъ притчи, которая говоритъ: *медъ каплетъ отъ устенъ*

(ч) Въ рукописи читается: *ταύτης*.

порока, *уже на время наслаждается юрчань,*
*последи же юрчае желчи обрѣтается*¹ на зло
себѣ усладившимся (Прит. 5, 3. 4.). Посему,
когда человѣкъ, оставивъ всеплодіе благъ, по
преслушанію насытился тлетворнымъ плодомъ,
имя же плоду сему смертоносный грѣхъ, тогда
немедленно умеръ для лучшей жизни, жизнь
божественную обмѣнивъ на неразумную и
скотскую. И послѣку единожды примѣсилась
къ естеству смерть; то мертвость вошла и въ
раждающихся по преемству. Отъ сего и насъ
пріяла въ себя мертвенная жизнь, такъ какъ
самая жизнь наша нѣкоторымъ образомъ умер-
ла. Ибо въ прямомъ смыслѣ мертва жизнь
наша, лишенная безсмертія. Посему между
двумя сими жизнями занимаетъ среду, кто
познается среди двухъ жизней, чтобы истреб-
леніемъ худшей доставить побѣду непотер-
пѣвшей измѣненія. И человѣкъ, какъ тѣмъ,
что умеръ истинной жизни, впалъ въ эту мер-
твую жизнь, такъ, когда умираетъ этой мер-
твой и скотской жизни, представляется въ
жизнь всегда живую, и по этому несомнѣнно,
что невозможно придти въ блаженную жизнь,
не ставъ мертвымъ грѣху. По сей-то причинѣ
излагается въ словѣ любомудренное ученіе,
что то и другое дерево въ одномъ и томъ
же мѣстѣ *посреди*, такъ что одно дѣйствительно
тамъ по естеству, а другое приходитъ къ
дѣйствительному въ слѣдствіе лишенія. Ибо

въ слѣдствіе пріобщенія и лишенія изъ того-же и въ томъ же бываетъ превращеніе и жизни и смерти; потому что омертвѣвшій для блага живетъ злу, а содѣлавшійся мертвымъ для порока ожилъ для добродѣтели. Посему прекрасно дѣлаетъ невѣста, что руки свои показываетъ полными смиренны, мертвостію во всякомъ порокѣ вставая отверзсть входъ въ себя Слову. Слово же, вселяемое ею въ себя, есть жизнь. Но до такой высоты разсмотрѣннымъ нами восхищена будучи душа, обращающая взоръ къ Богу, какъ говоритъ Павелъ, не познала еще, какъ должно было познать (1 Кор. 13, 12.), и не у помышляетъ себе достигшею, но поспѣшаетъ къ тому, что еще выше, въ предняя простираяся (Филип. 3, 13.).

И связь послѣдующихъ словъ даетъ поводъ сіе разумѣть о невѣстѣ; сказавъ: *на рукахъ заключенія отверзохъ азъ брату моему*, она присовокупила: *Братъ мой преjde, душа моя изыде въ слово Его*. Ибо симъ поучаетъ насъ, что въ разсужденіи силы, превышающей всякой умъ, одинъ есть способъ постиженія, ни на чемъ постигнутомъ не останавливаться, но, ища всегда большаго (ш), нежели что постигнуто, ничѣмъ не удовлетворяться. Ибо содѣлавшаяся полною смиренны, всѣми предначинаніями жизни (кото-

(ш) Въ рукописи вмѣсто: *τῷ πληονι* читается: *τὸ πληον*.

рыя въ переносномъ смыслѣ именуется пер-
 стами) давая видѣть свое омертвѣніе для зла,
 и добровольное раченіе о добродѣтели пока-
 завшая тѣмъ, что *руцѣ* сами изъ себя *иска-*
паша смириху, говорить, что руки ея косну-
 лись ключа, то есть извѣщаетъ, что дѣла ея
 близки къ тому узкому и тѣсному входу, ключъ
 отъ котораго Слово вручаетъ подобнымъ
 Петру. Посему тѣмъ и другимъ отверзаетъ
 себѣ дверь царствія, и руками, которыми
 означаются дѣла, и ключемъ вѣры. Ибо при
 посредствѣ того и другаго, разумѣю дѣла и
 вѣру, уготовляется намъ Словомъ ключъ цар-
 ствія. Посему, когда надѣялась, подобно Мов-
 сею, что лице Царя откроется ей явственно,
 тогда Желанный превзошелъ ея постиженіе.
 Ибо говорить: *Братъ мой преиде*, не оставляя
 послѣдующую за Нимъ душу, но привлекая ее
 къ Себѣ. Ибо *душа моя изыде въ слово Ею*.
 Блаженно это исшествіе, которымъ исходитъ
 душа, послѣдующая Слову! *Господь сохранитъ*
исхожденіе твое и вхожденіе твое, говоритъ
 Пророкъ (Иса. 120, 8.). Ибо вотъ дѣйстви-
 тельно исхожденіе и вхожденіе, сохраняемое
 Богомъ для достойныхъ! Исхожденіе изъ того,
 въ чемъ пребываемъ, дѣлается вхожденіемъ въ
 превышія блага. Симъ-то исхожденіемъ *изыде*
душа, пріявъ вождемъ Слово, изрекшее: *Азъ*
есмь дверь и путь, и: Мною аще кто внидетъ,
и внидетъ и изыдетъ, никогда не прекращая

вхожденія, и не переставая исходить, но непрестанно (ш) преслѣваніемъ входя въ превысшее, и всегда позади себя оставляя постигнутое. Такъ и мимо Моисея прошло тогда оное желанное лице Господа; такъ душа законодателя, послѣдуя за предшествующимъ Словомъ, всегда оказывалась внѣ того, въ чемъ была дотолѣ.

Ибо кто не знаетъ оныхъ восхожденій, какими восходилъ Моисей, всегда дѣлавшійся великимъ, и никогда не останавливавшійся въ возрастаніи въ большее? Возрасталъ онъ въ началѣ, когда выше египетскаго царства поставилъ *поношеніе Христова*, избравъ *паче* злострадать *съ людьми Божіими*, *нежели имѣти временную грѣха сладость* (Евр. 11, 25. 26.). Возрасталъ еще, когда видя, что Египтянинъ притѣсняетъ Еврея, и подвизаясь за Израильянина, предастъ смерти иноплеменника. Конечно же уразумѣешь въ этомъ способъ возрастанія, подведя исторію подъ иносказательный взглядъ. И еще Моисей сталъ выше себя самаго, *любомудріемъ въ пустынь* долгое время сохраняя жизнь неоглашенною. Потомъ просвѣщается огнемъ въ купинѣ. Прежде сего обнажаетъ стопы свои отъ мертвой обуви, истребляетъ жезломъ египетскихъ змѣевъ,

(ш) По рукописи вмѣсто *послѣдствіи* читается: *послѣдствіи*.

избавляетъ соплеменниковъ отъ Фараонова мучительства; путеводится облакомъ : раздѣляетъ море; потопляетъ мучительство; улаживаетъ Мерру; утучняетъ камень; насыщается ангельскою пищею; слышитъ гласъ трубъ; отваживается идти на горящую гору: достигаетъ вершины; входитъ въ облако; проникаетъ во мракъ, въ которомъ былъ Богъ; пріемлетъ завѣтъ; дѣлается неприступнымъ солнцемъ для приближающихся, осіявая свѣтомъ лица. И какъ изобразить кто словомъ всѣ его восхожденія и многообразныя ему богоявленія? Однако же при столь великихъ и многихъ дарованіяхъ, послѣ столькихъ опытовъ, на столько возвысившись къ Богу, имѣетъ еще ненасытимое вождельніе большаго, и умоляетъ Бога дозволить увидѣть Его лицомъ къ лицу. И хотя засвидѣтельствовало уже Слово, что сподобился личнаго собесѣдованія съ Богомъ; однакожь и то, что говорить съ Нимъ какъ съ другомъ, и бывшая у Моисея *усты ко устамъ* (Числ. 12, 8.) бесѣда съ Богомъ, не останавливаютъ въ немъ пожеланія еще высшихъ даровъ. Напротивъ того говорятъ: *аще обрѣтохъ благодать у Тебе, покажи мнѣ Себя въдомо: и Обѣщавшій даровать просимую благодать, Сказавшій: вѣмъ ты паче всѣхъ* (Исх. 33, 16. 17.), проходитъ мимо его, покрытаго Божественною рукою на божественномъ мѣстѣ въ камнѣ, чтобы по прошествіи

Бога увидѣлъ только *задняя* (23). А симъ, какъ думаю, научаетъ слово, что вождѣвлюющій видѣть Бога, всегда послѣдуя Ему, видитъ желаемое, и зрѣніе лица Божія есть непрестанное шествіе къ Богу, успѣшно совершаемое хожденіемъ въ слѣдъ Слова. Посему такъ и теперь, когда душа востала смертію, когда стала полна смирны, когда дѣлами подвигла руки къ ключу, и надѣялась уже желаннаго ввести къ себѣ въ домъ, тогда желанный проходитъ мимо, душа же исходитъ, неоставаясь болѣе, гдѣ была, но послѣдуя (ъ) Слову, ведущему впередъ.

Послѣдующая же рѣчь еще болѣе подтверждаетъ усмотрѣнный нами смыслъ, а именно, что величіе естества Божія познается не изъ того, что о немъ постигается, но изъ того, что оно превосходитъ всякое представленіе и всю силу постиженія. Ибо душа, выступая уже изъ естества, чтобы ни въ чемъ обычномъ не встрѣчать препятствія къ вѣдѣнію невидимаго, не останавливается, ища необрѣтаемое, и не умолкаетъ, призывая неизразимое. Она говоритъ: *взыскахъ Ею, и необрѣтохъ Ею*. Да и какъ можетъ быть обрѣтено, что непоказываетъ въ себѣ ничего познаваемаго: ни вида, ни цвѣта, ни очертанія, ни количества, ни

(ъ) По рукописи: *εφετομὲν*.

мѣста, ни наружности, ни повода къ догадкѣ, ни подобія, ни сходства, но, обрѣтаясь всегда внѣ всякаго пути къ постиженію, всячески избѣгаетъ уловленія ищущихъ? Посему невѣста говоритъ: *взыскахъ Его* избрѣтательными силами души, въ умозаключеніяхъ и понятіяхъ; и непремѣнно оказывался внѣ ихъ, убѣгая отъ приближенія мысли. Но кто оказывается всегда неимѣющимъ такой отличительной черты, по которой можетъ быть познанъ, тотъ можетъ ли быть заключенъ въ какое-либо именовательное означеніе? Посему-то невѣста примышляетъ всевозможной силы имена къ означенію неизреченнаго блага; но препобѣждается всякая выразительная сила слова, и оказывается малою предъ истиною. Посему продолжаетъ: призывала я, сколько могла, примышляя реченія, указывающія на неизреченное блаженство; но Онъ всегда былъ выше того, на что указывалось означаемымъ. Такъ напримѣръ поступаетъ и великій Давидъ, многократно тысячами именъ призывая Божество, и признавая себя препобѣжденнымъ истиною. Ибо говоритъ: *щедрѣ Ты, Боже, и милостивѣ, долготерпливѣ и многомилостивѣ* (Пса. 102, 8.) и истиненъ, *крѣпосте моя, утвержденіе, приближище и сила, помощникъ, защититель, рогъ спасенія* (Пса. 17, 2. 3.), и подобное сему. И потомъ исповѣдуетъ не то, что имя Его по всей земли познается, но что

всѣ Ему удивляются. Ибо говорить: *яко чудно
имя Твое по всей земли* (Пса. 8, 2.). Такъ и
Маною Ангелъ, предрекшій о сынѣ его, когда
былъ спрошенъ объ имени, отвѣчалъ: *тб есть
чудно* (Суд. 13, 18.) и выше того, что можетъ
вмѣститься въ человѣческомъ слухѣ. Посему и
душа зоветъ Слово, сколько можетъ; но мо-
жетъ не столько, какъ ей желательно; ибо же-
лалось бы ей бѣльшаго, нежели сколько воз-
можно. Впрочемъ и пожелаетъ сего не столько,
сколько оно вожделѣнно, но сколько у произ-
воленія силъ пожелать. Посему, такъ какъ
призываемый не достигимъ стремленію зову-
щаго, то по этой причинѣ говорить: *звѣхъ
Ею, и не послуша мене.*

А что невѣста присовокупляетъ къ сказан-
ному, то, хотя съ перваго взгляда имѣетъ
мрачный видъ, однакоже, кажется мнѣ, кло-
нится къ той же цѣли, и касается восхожденія
въ высшее. Ибо невѣста говорить: *обрѣтоша
мя стражіе обходящии во градъ: биша мя,
язвиша мя: взяша верхнюю ризу отъ мене стра-
жіе стѣннии.* Инымъ покажется, можетъ быть,
что сѣтующей больше, нежели веселящейся,
приличны сіи реченія: *биша, язвиша, взяша
верхнюю ризу*; но для того, кто съ точностію
вникъ въ смыслъ произнесеннаго, это — слова
величающейся превосходствами. Въ такомъ
случаѣ рѣчь сія сдѣлается для насъ ясною.
Не задолго предъ симъ въ сказанномъ Писаніе

свидѣтельствуеть о невѣстѣ, что она чиста отъ всякаго прикровенія, когда говоритъ отъ лица невѣсты: *созлекохся ризы моея, како облекуся въ ню?* А здѣсь сказыываетъ еще, что сняли съ нея верхнюю ризу, которая съ головою прикрываетъ и лице, какъ исторія говорить и о Ревеккѣ (Быт. 24, 65.). Посему, какъ же обнаженная отъ всякой одежды имѣеть еще верхнюю ризу, которую берутъ теперь у ней стражи? Не ясно ли видно изъ сказаннаго, какъ успѣшно съ того времени возшла еще на большую высоту? Ибо совлекая съ себя ветхую ризу, и сложившая все одѣяніе, въ такой мѣрѣ дѣлается чище себя самой, что по сравненію съ недавнею ея чистотою, по видимому, и не солекала одежды, но опять находить на себѣ нѣчто такое, что можно сложить и послѣ онаго обнаженія. Такъ восхождение къ Божеству показываетъ, что имѣеть на себѣ болѣе дебелаго (ы) въ сравненіи съ тѣмъ, что находимо было непрестанно. Посему описанное выше обнаженіе отъ оной ризы сравнительно съ настоящею чистотою, какъ покровъ, снова снимается съ невѣсты обрѣтающими ее. А это суть *стражіе обходящии во градъ*; градъ же—душа; съ нея при побояхъ и нанесеніи язвъ снимають верхнюю ризу тѣ,

(ы) По рукописи читается: *пихѣтѣров*.

дѣломъ которыхъ—стеречь городскія стѣны. Посему, что это снятіе верхней ризы есть нѣчто доброе, чтобы око, освобожденное отъ покрывала, безпрепятственно устремлялось на желанную красоту, въ этомъ никто не усумнится, взирая на Апостола, который отъятіе покрывала приписываетъ силѣ Духа, говоря: *всегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало. Господь же Духъ есть* (2 Кор. 3, 16. 17.). А что приготавливающее къ благу, конечно, само есть благо, не усумнится также никто изъ умѣющихъ имѣть въ виду послѣдствіе. Посему, если отъятіе покрывала есть благо; то благомъ, безъ сомнѣнія, будутъ и ударъ и язва, служащія къ успѣшному отъятію. Но поелику по ближайшему понятію реченіями сими выражается нѣкоторая непріятность; слова: *биша мя, язвиша мя* показываютъ болѣзненное чувство; то хорошо будетъ замѣтить сперва употребленіе сихъ реченій святымъ Писаніемъ, не встрѣчается ли гдѣ упоминаніе ихъ къ лучшему, и потомъ уже разсмотрѣть силу сказаннаго здѣсь.

Какъ премудрость спасаетъ душу юнаго отъ смерти? Чтò совѣтуетъ дѣлать, чтобы не умеръ юный, выслушаемъ у самой Премудрости. *Аще жезломъ биеши его, говоритъ она, не умретъ. Ты бо побиеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти* (Прит. 23, 10. 11.). Посему реченіе: *биша* прилично истолковать словомъ:

бессмертіе, какъ говоритъ Слово: *еще жезломъ бѣиши, не упретъ*; и невозможно иначе спастись душѣ его отъ смерти, если не будетъ побить жезломъ. Такъ прекрасное дѣло—быть битымъ; доказывается это сказаннымъ намъ; потому что дѣйствительно прекрасное дѣло—спастись душѣ отъ смерти. Такъ, по словамъ Пророка, дѣлаетъ и Богъ, оживляя тѣмъ, что убиваетъ, и исцѣляя тѣмъ, что поражаетъ. Ибо говоритъ: *Азъ убью, и жизни сотворю: поражу, и Азъ исцѣлю* (Второз. 32, 38.). Поэтому и великій Давидъ утверждалъ, что отъ такого жезла бываетъ не ударъ, но утѣшеніе, говоря: *жезлъ Твой и палица Твоя, та мя утѣшиста* (Пса. 22, 4.). Ими совершается и уготованіе Божественной трапезы и все, что по порядку содержитъ въ себѣ сіе псалмѣніе: елей на главу, вино въ чашѣ, которымъ производится трезвенное упоеніе, и милость прекрасно преслѣдующая Пророка, и долгота *дній* въ дому Божіемъ. Посему, если это доставляетъ сладостный онъ ударъ, и по приточному ученію и по слову Пророка; то благо терпѣть удары отъ жезла, отъ котораго обиліе такихъ благъ.

Но изслѣдуемъ лучше оставленное нами прежде сказаннаго теперь. Слово *прейде*, и для невѣсты, желающей объять Его. дѣлается недостижимо; но *прейде* не для того, чтобы и оставить ту, мимо которой прошло, а чтобы паче привлечь ее къ Себѣ. Ибо невѣста гово-

рить: *душа моя изыде въ слово Ею*. Посему сперва (л) исходитъ изъ того, въ чемъ душа была, и потомъ обрѣтается стрегущими городъ. Ибо говоритъ: *обрѣтоша мя стражѣ обходящѣи во градъ*. Итакъ, если обрѣли ее адскія бѣды, если сказываетъ о себѣ, что обрѣтена разбойниками, то тяжело стать обрѣтеніемъ подобнаго сему. Ибо *татъ не приходитъ, развѣ да украдетъ и убіетъ и поубиетъ* (Іоан. 10, 10.). Если же обрѣтаютъ ее *стражѣ обходящѣи во градъ*, то она, безъ сомнѣнія, весьма блаженна, по причинѣ такового обрѣтенія. Ибо кто обрѣтенъ стражемъ, тотъ не можетъ быть украденъ разбойниками. Посему, какіе же это *стражѣ*? Другіе ли какіе, или, безъ сомнѣнія, служители Того, Кто есть *храняй* (ѡ) *Израиля* (Пса. 120, 4.),—Того, Кто *храненіемъ покрываетъ* (э) *десную руку* (5),—Того, Кому *ввѣрено отъ всякаго зла сохранить душу* (7)? Этотъ стражъ *вхожденія и исхожденія* (8) есть стражъ града, о которомъ сказано: *еще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрѣй* (Пса. 126, 1.). Посему *служебнии души, въ служеніе посылаеми за хотящихъ насльдovati спасеніе* (Евр. 1 14.) указуются въ словѣ подѣ

(л) Дополнено по рукописи.

(ѡ) По рукописи: *τοῦ φυλάσσοντος*.

(э) По рукописи: *οὐκ ἐκπίπτουτος*.

именемъ *стражей*, обходящихъ градъ. Душа же, какъ сказано, есть градъ (ю). Божіе жилище. Итакъ ими, говорится, обрѣтена душа, какъ нѣкогда обрѣтена добрымъ Пастыремъ та овца, о которой, по слову Господа, всѣ ангельскіе лики подвиглись къ веселію. Такъ обрѣтена нѣкогда со свѣтильникомъ и драхма, о которой радуются всѣ друзья и сосѣди. Такимъ обрѣтеніемъ дѣлается и Давидъ, рабъ Господень, какъ и псалмопѣніе говоритъ отъ лица Божія: *обрѣтохъ Давида раба Моего, елея не святымъ Моимъ помазахъ его* (Пса. 88, 21.). Послушаемъ, чего сподобляется онъ, когда сталъ достояніемъ Обрѣтшаго. *Рука Моя, говоритъ Богъ, заступитъ его, и лъница Моя укрѣпитъ его* (22). *Изъску отъ лица его враги ею, и ненавидящія его побѣжду* (24), и все, что еще содержитъ въ себѣ списокъ благословенія. Посему прекрасное дѣло—быть обрѣтеннымъ обходящими градъ—душу ангелами. А такъ разумѣть подаетъ мысль великій Давидъ, говоря: *ополчится ангелъ Господень окрестъ боящихся Ею, и избавитъ ихъ* (Пса. 33, 8.). Посему сказавшая: *стражіе моя быша*, хвалилась, что нѣкое приращеніе сдѣлано ею въ преспѣяніи шествія къ горнему. Если же сказываетъ, что понесла и язвы, то сними сло-

(ю) Въ рукописи вмѣсто: *о λόγος* читается: *δὲ πόλις*.

вами изображаетъ глубоко въ ней божественнымъ жезломъ отпечатлѣнный образъ; потому что дѣйствіе духовнаго жезла принимаетъ на себя не поверхностно, такъ чтобы не можно было узнать и мѣста, гдѣ наложенъ былъ жезлъ, но въ слѣдствіе язвы значительнымъ оказывается ударъ, которымъ хвалится невѣста. Сказанное же ею подобно слѣдующему: божественный оный жезлъ и утѣшительная палица, нанесеніемъ ударовъ производящая исцѣленіе, есть Духъ; плодъ Его, — какъ всѣ инныя блага исчисленныя Павломъ, такъ вмѣстѣ съ иными и наставникъ добродѣтельнаго житія—воздержаніе. Такъ и Павелъ, помѣченный таковыми ударами, восхищаясь сими язвами, сказалъ: язвы Христовы на тѣлѣ моемъ ношу (Гал. 6, 7.). Итакъ ясно стало изъ сказаннаго намъ, что прекрасное дѣло—и язва, съ которою отнята у невѣсты верхняя риза, такъ что красота души у нея открыта, и одѣяніе не помрачаетъ ее болѣе.

Но повторимъ снова, кратко изложивъ, содержаніе сказаннаго. Душа, возводящая взоръ къ Богу и воспріявшая въ себя добрую приверженность къ нетлѣнной красотѣ, имѣетъ въ себѣ обновляемое всегда вожделѣніе высшаго, никогда не ослабляя приверженности пресыщеніемъ. Посему не перестаетъ всякій разъ простираться *въ предняя*, оставлять то, что занимаетъ ее, проникать въ болѣе внутреннее,

гдѣ еще небыла, и всякій разъ кажущееся ей удивительнымъ и великимъ унижать предъ послѣдующимъ, потому-что непрестанно приобрѣтаемое непременно прекраснѣе приобрѣтеннаго прежде. Такъ и Павелъ умиралъ ежедневно (1 Кор. 15, 31.), потому что всякій разъ вступалъ въ новую нѣкую жизнь, дѣлаясь всегда мертвымъ для прошедшаго, и предавая забвенію сдѣланное. Потому и невѣста, поспѣшающая къ жениху, преспѣванію въ большемъ не находитъ никакой остановки; творитъ изъ устъ сады шипковъ источающіе ароматы; уготовляетъ пищу Владыкѣ твари, собственными своими угощая Его плодами. Источаетъ вертограды; дѣлается кладземъ *воды живы*. По свидѣтельству Слова оказывается *вся добра* и безъ порока. Опять, ставъ выше и сего, ощущаетъ велелѣніе отъ приближающагося Слова, у котораго глава исполнена росы, и ночныя капли составляютъ въ волосахъ. Умываетъ ноги, совлекаетъ съ себя ризу, изъ рукъ источаетъ капли смиренны. Простираетъ руки къ ключу, отверзаетъ входъ, ищетъ неуловимаго, глашаетъ недостижимаго. Обрѣтаютъ ее стражи; отъ нихъ принимаетъ на себя поражающій жезлъ, уподобляется камню, о которомъ говоритъ Пророкъ: *порази камень, и потекоша воды* (Пса. 17, 20.).

Смотри, на какую высоту вошла невѣста. Поэтому, какъ отъ Моисея утѣсь, терпѣть

удары, чтобы, подобно ему, и самой источать жаждущимъ слово, одождивъ его изъ язвы. Потомъ сверхъ этого обнажаетъ красоту лица, когда стражи взяли у нея верхнюю ризу. Вотъ что въ этомъ мѣстѣ могли мы понять. Но нисколько непозавидуемъ, если у кого при помощи Открывающаго сокровенныя тайны составится на предложенное болѣе душеполезный взглядъ. А, можетъ быть, скажетъ иной, что съ предлагаемыми изреченіями имѣетъ нѣчто общее и Исаіино видѣніе, разумѣю же то видѣніе, когда, по смерти прокаженного царя увидѣлъ, какъ говоритъ, Исаія Сѣдшаго велѣбно на высокому и превознесенному престолу, Котораго вида, величія и образа не могъ объять взоромъ. Ибо если бы объялъ, то, безъ сомнѣнія сказалъ бы, какъ и сдѣлалъ въ разсужденіи прочаго имъ видѣннаго, исчисливъ крила, описавъ стояніе и полетъ. Но Пророкъ говоритъ только, что слышалъ голосъ, когда отъ пѣснопѣнія Серафимовъ *взяся наддверіе и долъ наполнися дыма* (Иса. 6, 4.), и однимъ изъ Серафимовъ вложенъ въ уста Пророку горящій уголь, по совершеніи чего, не уста только, но и слухъ, очищаются къ принятію слова. Ибо какъ здѣсь невѣста говоритъ, что *биша и язвиша ее стражѣе*, и такимъ образомъ обнажили отъ покрова верхней ризы; такъ и тамъ вмѣсто верхней ризы возьмется наддверіе, чтобы Пророку безпрепятственнымъ

сдѣлалось обозрѣніе того, что во святилищѣ; а вмѣсто стражей именуются Серафимы, вмѣсто жезла уголь, а вмѣсто біенія жженіе.

Но и для невѣсты и для души Пророка одинъ общій конецъ—чистота. Посему, какъ Пророкъ не чувствуетъ боли отъ жженія углемъ, но просвѣщаясь имъ, славится; такъ и здѣсь невѣста не на боль отъ біенія жалуется, но хвалится приращеніемъ дерзновенія, отъятіемъ покрывала, которое въ словѣ наименовано верхнею ризою. Но можно въ предложенномъ находить и другой нѣкій смыслъ, не противорѣчущій разсмотрѣнному. Душа, изшедшая *изъ словъ Ею*, и ищущая необрѣтаемаго, призывающая Того, Кто недостижимъ для всей значительности именованій, узнаетъ отъ стражей, что любить она недостижимаго, вождельствуетъ необъятнаго. Они-то нѣкоторымъ образомъ бьютъ и язвятъ безнадежностію желаемаго душу, признавшую, что вождельствіе есть несовершенное и неуслаждающее добро (я). Но верхняя риза печали взимается дознаніемъ, что преслѣвать всегда въ исканіи и никакъ не прекращать восхожденія есть истинное наслажденіе желаннымъ, когда, непрестанно исполняемымъ вождельствіемъ поражается новое вождельствіе высшаго. Посему, какъ скоро возьмется

(я) По рукописи вмѣсто: τὸν ἄλλον читается: τὸν καλόν.

верхняя одежда безнадежности, и душа видитъ, что превосходящая чаяніе и неописанная красота Возлюбленнаго во всю вѣчность вѣковъ обрѣтается всегда совершеннѣйшею; тогда приходитъ въ сильнѣйшее желаніе, и чрезъ дочерей іерусалимскихъ открываетъ Возлюбленному расположеніе сердца, а именно, что, пріявъ въ себя избранную стрѣлу Божию, уязвлена въ сердце остріемъ вѣры, смертельно устрѣлена любовію. А по слову Іоаннову: *Богъ любви есть* (1 Іоан. 4. 8.). Ему подобаетъ слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСѢДА 13.

(5, 8). *Заключъ вы дочери іерусалимскія въ силахъ и въ крепостехъ сельныхъ: аще обряцете брата моего, что возвѣстите Ему? Яко уязвлена любовію азъ есмь.* (9) *Что братъ твой отъ брата, добрая въ женахъ? Яко тако заключала еси насъ?* (10) *Братъ мой блѣдъ и черменъ, избранъ отъ телъ.* (11) *Глава Его злато Кефазъ, власы Его кудрявы, черны яко вранъ.* (12) *Очи Его яко голубины на исполненіихъ водъ, измовени въ млечъ, спящія въ наполненіихъ водъ.*

Кто чрезъ Моисея постановилъ таинства закона, а на себѣ самомъ исполнилъ весь законъ и Пророковъ, какъ говоритъ въ Евангеліи: *не приидохъ разорити законъ, но исполнити* (Мѡ. 5, 17.), Кто воспрещеніемъ гнѣва изгла-

диль и мысль объ убійствѣ, истребленіемъ пожеланія изгналъ мерзость прелюбодѣянiя, Тотъ извергаетъ изъ жизни и проклятое клятвопреступленіе запрещеніемъ клятвы, приведя въ бездѣйствіе эту косу. Ибо невозможно совершиться нарушенію клятвы, когда нѣтъ клятвы. Почему говоритъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не во лжу кленешися, воздаши же Господевѣ клятвы твоя. Азъ же глаголю тебѣ, продолжаетъ, неклятися всяко: ни небомъ, яко престолъ есть Божій: ни Иерусалимомъ, яко градъ есть великаго Царя. Ниже главою твоею кленися, яко не можеша влася единаго бѣла или черна сотворити. Буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишии же сею, отъ непріязни есть* (Мѡ. 5, 33—38.). Но душа, по свидѣтельству Пѣсни пѣсней, достигшая совершенства, и сложившая съ себя душевное покрывало при совлеченіи ветхой ризы, сбросившая съ лица *верхнюю одежду*, подъ которою разумѣемъ всякую исполненную сомнѣнія и колеблющуюся мысль, такъ чтобы чисто и безъ сомнѣній взирать на истину, заклиняетъ дочерей іерусалимскихъ не престоломъ Божиимъ, который Писаніе называетъ небомъ, не царственнымъ Божиимъ градомъ, которому имя Иерусалимъ, и не тою досточтимую главою, которой волосы не могутъ сдѣлаться ни бѣлыми, ни черными, но переносить клятвы на село, заклиная отроковицъ силами сельными,

говоря: *закляхъ вы дщери іерусалимскія въ силахъ и крѣпостехъ сельныхъ* (ѳ). А та, о которой вполнѣ засвидѣтельствовано, что она добра и чиста отъ всякаго порока, не произносить ничего излишняго—такого что принадлежитъ къ части непріязненнаго, напротивъ же того изглашаетъ слово, которое отъ Бога, отъ Котораго, по слову Михея, *еще что́ благо, и еще что́ добро* (Зах. 9, 17.). и ничего кромѣ этого. Сіе явно всякому, кто по свидѣтельству Владычному изучилъ преимущества, какія имѣетъ невѣста; потому что она оставила всѣ запрещенные виды клятвы, и не заклинаетъ отроковицъ ни царственнымъ городомъ, ни престоломъ великаго царя (а изъ сего научаемся, сколько надлежитъ намъ удерживаться отъ дерзкаго употребленія имени Божія въ клятвахъ: потому что подается намъ совѣтъ не упоминать въ клятвахъ ни престола, ни города), сверхъ сего падить даже и честную главу, которую въ послѣдствіи описываетъ въ рѣчи золотою, и о волосахъ которой говорить, что они ни бѣлы, ни черны (ибо какъ золоту почернѣть или принять на себя бѣлый цвѣтъ?), безъ сомнѣнія, потому что предлагаетъ двѣмъ такую нѣкую клятву, которая и евангельскому закону не противорѣчитъ, и слу-

(ѳ) Такъ читается по рукописи.

жить поводомъ къ похвалѣ покаявшихся, по слову пророка, который говоритъ: *похвалятся всѣхъ кленыйся* *Илѣ* (Пса. 62, 12.). Посему смыслъ сказаннаго не выступаетъ изъ того двоякаго способа удостовѣрять въ истинѣ, какой угодно предлагать евангельскому закону, говоря: *буди слово ваше: ей, ей; и: ни, ни*. Посему, если употреблять въ числѣ клятвенныхъ выраженій запрещается именованіе царскаго престола, запрещается и названіе города, въ которомъ пребываетъ царь, а также и выраженіе: истинная глава воспрещается къ употребленію въ клятвѣ, дозволяются же только слова: *ей* и *ни*; такъ какъ при томъ и другомъ реченіи истина наравнѣ усматривается съ словомъ: *ей*: то сдѣлается явнымъ, что и теперь заклинаніе, налагаемое невѣстою на отрокицъ ограничивается тѣмъ значеніемъ слова: *ей*, въ которомъ оно употребляется, когда надобно имъ подтвердить соизволеніе души нашей.

Читается же сіе такъ: *закляхъ вы дщери іерусалимскія въ силахъ и крепостехъ сельныхъ: аще обрящете брата моего, что возвѣстите ему? Яко узвлена любовію азъ*. Хотя слова сіи разсмотрѣны уже прежде, какъ требовала того послѣдовательность мыслей: однакоже и теперь вкратцѣ сказано будетъ представляющееся намъ. Апостоль говоритъ, что клятва есть непреложная нѣкая вещь (Евр. 6, 18.),

утверждающая собою истину и, по его опредѣленію, она въ дознанномъ *всякому прекословію кончина во извѣщеніе есть* (16). Посему невѣста налагаетъ на дѣвъ заклинаніе, чтобы ненарушимо сохраняли, что говорится имъ. Но поелику кленется всякій *большимъ*, какъ говоритъ Апостолъ (16), ибо никто не станетъ клясться тѣмъ, что малоцѣннѣе его: то надлежитъ разсмотрѣть, что большее указывается невѣстою въ ея клятвѣ отроковицамъ: *закляхъ вы, говоритъ она, дочери іерусалимскія въ силахъ и крѣпостехъ сельныхъ*. Итакъ что же въ этомъ высшее насъ? Не сомнѣваемся, что подъ именемъ *села*, въ переносномъ значеніи разумѣется міръ; потому что Господь такъ и наименовалъ и протолковалъ міръ (Матѣ. 13, 38.). Посему какія же многія силы и крѣпости міра представлены въ клятвѣ такими, что надлежитъ признавать ихъ большими насъ, чтобы получила силу къ утвержденію истины клятва, въ которой клянутся большимъ? Поэтому къ уясненію предложеннаго необходимо будетъ присовокупить другой переводъ, иначе толкующій реченія, именно слѣдующій: «закляхъ вы дочери іерусалимскія сернами и оленями сельными». Такъ изъ этихъ наименованій, которыя въ клятвѣ берутся въ подтвержденіе истины, познаемъ, въ чемъ крѣпость, и въ чемъ сила міра сего. Два въ чловѣкѣ качества дѣлаютъ его своимъ Богу. Первое—не-

погрѣшительность въ опредѣленіи о дѣйстви-
тельно-сущемъ, чтобы обманчивыми предраз-
судками не вовлекаться въ языческія и ерети-
ческія мнѣнія о Божествѣ,—и это въ подлин-
номъ смыслѣ есть: *ей*; другое же—чистый по-
мыслъ, не дающій мѣста всякому страстному
расположенію въ душѣ,—и это также нечуждо
сему: *ей*. Посему при этомъ двоякомъ отно-
шеніи человѣка къ благамъ (изъ которыхъ
одно производитъ, что человѣкъ обращаетъ
взоръ на дѣйствительно-сущее, а другое от-
гоняетъ вредоносныя для души страсти), на-
поминаніе о сернахъ и оленяхъ въ образахъ
даетъ познавать силу. Ибо серна непогрѣши-
тельно видитъ, олень же имѣетъ способность
пожирать и истреблять гадовъ. Сіе-то: *ей*
произносить невѣста дѣвамъ, то есть, что
должно благочестно взирать на божественное
и протекать жизнь чисто — въ безстрастіи.
Если преуспѣваемъ въ этомъ, утверждается въ
насъ непреложная сія вещь: *ей*. Вотъ та клят-
ва, удостовѣряющая въ истинѣ, которою хва-
лится въ себѣ *всякъ кленыйся*, какъ говоритъ
Пророкъ. Ибо дѣйствительно, кто пріобрѣлъ
въ себѣ несомнѣнный успѣхъ въ разсужденіи
того и другаго, и слова вѣры, когда непогрѣ-
шительно взираетъ на истину, и образа жиз-
ни. когда дѣлается чистымъ отъ всякой сквер-
ны порока; тотъ клянется *Господеву*, что не-
выздетъ на одрѣ постели, не дастъ сна очима

своими, и въждома дрѣванія, дондеже обрящетъ въ себѣ мѣсто Господеви, сдѣлавшись селеніемъ Живущему въ немъ (Пса. 131, 2—5.). Итакъ, если и мы чада вышняго Іерусалима, то послушаемъ наставницы невѣсты, какъ можно увидѣть Желаннаго?

Посему, что же говорить она? Если наложимъ на себя это закланіе быть *въ силахъ* зоркихъ сернѣ, и въ *крѣпостехъ* истребителей порока оленей; то при этомъ возможно увидѣть чистаго Жениха, сего стрѣльца любви, и душа каждого скажетъ Ему: *уязвлена любовію азъ есмь*. А что язвы любви прекрасны, знаемъ сіе и изъ притчи, которая говоритъ: *вожелѣнны язвы друга, худы же лобзанія врага* (Прит. 27, 6.). Но кто другъ, чьи язвы предпочтительнѣе лобзаній врага,—сіе явно всякому и незнающему тайнъ спасенія. Истинный и прочный другъ тотъ, кто непереставалъ любить насъ, бывшихъ еще врагами. Невѣрный же и жестокій врагъ, кто ничѣмъ необидѣвшихъ доводитъ до смерти. Язвою казалось первозданнымъ запрещеніе зла, дѣлаемое заповѣдію; потому что язвою было признано отчужденіе отъ пріятнаго: а вызовъ на пріятное и видное на взглядъ почтенъ лобзаніемъ. Но опытъ показалъ, что мнимыя язвы друга были полезнѣе и вожелѣннѣе лобзаній врага. Итакъ поелику прекрасный Любитель нашихъ душъ *составляетъ* свою любовь, по кото-

рой (v) еще *гръшникикоу на нѣ сущицеу Христосъ упрѣ за ны* (Рим. 5, 8.); то посему и невѣста, взаимно возлюбившая Возлюбившаго, показываетъ въ себѣ глубоко лежащую стрѣлу любви, то есть общеніе съ Божествомъ Жениха. Ибо, какъ сказано, *Богъ любви есть* (1 Иоан. 4, 8.), жаломъ вѣры входящая въ сердце. А если надобно сказать и имя сей стрѣлы, то скажемъ, чему научились у Павла, а именно, что стрѣла сія есть *въра любовію споспѣшествуема* (Галат. 5, 6.).

Но это пусть принимаетъ каждый, какъ ему кажется. Разсмотримъ же и вопросъ, предложенный дѣвами наставницѣ: *что братъ твой отъ брата, добрая въ женахъ? Братъ твой отъ брата, яко тако заклала еси насъ?* По моему мнѣнію, изреченіе сіе, какъ можно догадываться по связи съ тѣмъ, что прежде изслѣдовано, заключаетъ въ себѣ такіи нѣкіи смыслъ. Поелику дѣвы видѣли прекрасное исшествіе души невѣсты, когда прилѣпилась къ Слову изрекшая: *душа моя изыде въ слово Его*, и узнали, что исшедшая искала Необрѣтаемаго по признакамъ, и призывала, взывая Певни-мавшему наименованіямъ; то посему говорятъ, какъ намъ узнать Его, необрѣтаемаго ни по одному отличительному признаку, когда Онъ

(v) По рукописи читается: *дѣ дѣ*.

призываемый невнемлеть, и взысканный не-
дается въ обладаніе? Посему и ты сними съ
очей нашихъ покрывала, какъ поступили съ
тобою городскіе стражи, чтобы и у насъ
было какое - либо путеуказаніе къ Иско-
мому? Скажи, кто братъ твой, сколько воз-
можно это въ отношеніи къ Его естеству. По
какимъ нибудь знакомымъ примѣтамъ дай намъ
напутствіе къ Его познанію ты, исполненная
добра и потому содѣлавшаяся доброю въ же-
нахъ. Ознакомь насъ съ искомымъ, и научи
насъ, по какимъ признакамъ отыскивается
Невидимый, чтобы извѣстить намъ Его о
стрѣлѣ любви, которою уязвлена Ты въ сре-
дину сердца, и сладостнымъ мученіемъ увели-
чиваешь въ себѣ страсть.

Лучше же изреченіе это повторить опять
буквально, чтобы соотвѣтствовала и мысль,
выраженная словами: *что братъ твой отъ бра-
та, добрая въ женахъ? Что братъ твой отъ
брата, яко тако заклала еси насъ?* Поэтому
послушаемъ той, съ которой вовсе снята
верхняя риза, и которая безъ покрывала ду-
шевымъ окомъ взираетъ на истину. Какъ
описываетъ имъ искомое? Какъ изображаетъ
словомъ черты желаннаго? Какъ взорамъ дѣвъ
представляетъ незнаемаго. Поелику во Христѣ
есть и созданное и несозданное: несоздан-
нымъ же въ Немъ называемъ присносущное,
предвѣчное и творящее все существа, а соз-

даннымъ по домостроительству о насъ сообразное съ тѣломъ смирения нашего (Фил. 3, 21.), лучше же сказать (понятіе объ этомъ приличіе изложить въ словѣ самими божественными реченіями), несозданнымъ называемъ сущее *въ началѣ Слово, Иже же вся быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 1. 3.), а созданнымъ — Слово, содѣлавшееся плотію и вселившееся *въ ны* (14), чья слава, обнаружившаяся и по воплощеніи Его, даетъ видѣть, что *Богъ явился во плоти* (1 Тим. 3, 16.), конечно Богъ *Единородный, сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18.); ибо такъ сказалъ Іоаннъ: *видѣхоль славу Его* (видимое было челоуѣкъ, но познаваемое въ видимомъ Апостолъ называетъ славою), *яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (14); — итакъ поелику несозданное во Христѣ предвѣчно, присносущно, для всякаго естества совершенно непостижимо и неизглаголанно; а явленное намъ во плоти можетъ нѣсколько входить въ наше познаніе: то посему наставница на это всегда обращаетъ вниманіе, и о всемъ томъ ведетъ рѣчь, что можетъ выѣстнымъ сдѣлаться для слушающихъ; разумѣю же *велию благодестіа тайну*, по которой *Богъ явился во плоти, Иже, во образъ Божіи сый* Фил. 2, 6.), и въ рабіемъ зракѣ плотию поживъ съ людьми, поелику единожды въ началѣ пріялъ на Себя смертное естество плоти, которое

займствовалъ чрезъ неразлѣнное дѣвство , всегда освящаетъ нетлѣніемъ общій составъ естества чрезъ вступающихъ съ Нимъ въ единеніе приобщеніемъ таинства, питая тѣло Свое Церковь, и приличнымъ образомъ счинѣвая съ общимъ тѣломъ члены, поражаемые вѣрою въ Него, все производитъ благолѣпно, какъ слѣдуетъ и какъ удобно, содѣлавъ вѣрующихъ очами, устами, руками и прочими членами. Ибо такъ говоритъ Павелъ: *тѣло едино есть, уды же имать многи* (1 Кор. 12, 12.), и не всѣ уды состоятъ въ томъ же чинѣ; но кто окомъ въ тѣлѣ, тотъ не пренебрегаетъ руки; и кто—глава, тотъ не отвергаетъ ногъ, а напротивъ того все тѣло изъ членовъ разнообразіемъ дѣйствій срастворяется само въ себѣ, такъ что члены не разногласятъ съ цѣлымъ. Предложивъ мысли сіи загадочно, Апостолъ приводитъ рѣчь въ большую ясность, сказавъ: *положи Богъ въ церкви Апостоловъ, Пророковъ, учителей и пастырей* (28) *къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова: дондеже достигнемъ вси въ соединеніе въры и познанія Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 12. 13.). И еще продолжаетъ: *всѣми мѣрами возрастетъ въ Него, Иже есть глава Христосъ: изъ Негоже все тѣло составляемо и счинляемо приличіемъ, всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части,*

возраженіе тѣла творитъ въ созданіе самаго себе любовію (15. 16.). Посему, кто имѣетъ въ виду Церковь, тотъ имѣетъ въ виду самаго Христа, Который приумноженіемъ спасаемыхъ созидаетъ и возвращаетъ Себя Самаго. Поэтому сложившая покрывало съ очей чистымъ окомъ взираетъ на неизреченную красоту Жениха, и въ слѣдствіе сего уязвлена нетѣлсною и разжженною стрѣлою пламенной любви; потому что усиленная любовь называется пламенною (*ἔρως*), такою любовію, какой никто нестыдится, когда стрѣляніе ея бываетъ не плотское, а напротивъ того всякій хвалится паче язвою, когда въ глубинѣ сердца пріемлетъ остріе невещественнаго пожеланія. Сіе-то и сдѣлала неvěста, говоря отроковицамъ: *уязвлена любовію азъ есмь.*

Посему пришедшая въ такую мѣру совершенства, поелику должна была и дѣламъ показать красоту жениха, говоритъ не то, что было въ началѣ (слово не имѣло и возможности открыть неизреченное), но руководить дѣвъ къ совершившемуся для насъ богоявленію во плоти. Такъ поступилъ и великій Іоаннъ, умолчавъ о томъ, *еже бы исперва*, но тщательно повѣдавъ о томъ, *еже видѣхомъ и слышахомъ, и руки наша осязаша, о Словеси истины* (1 Іоан. 1, 1.). Посему неvěста говоритъ имъ: *Братъ мой блѣгъ и черченъ, избранъ отъ тѣлъ. Глава Его злато Кефазъ, власи Его*

кудрявы, черны яко вранъ. Очи Ею яко голубицы на исполненіихъ водъ, изловени съ млець, съдѣющія въ наполненіихъ водъ: (13) ланиты Ею аки фіалы ароматъ, прозябающія благовоніе: устны Ею кринны, каплющія скверну помы. (14) Руцѣ Ею обточены златы, наполнены Тарсиса: чрево Ею сосудъ слононый на камени сапфировъ. (15) Лыста Ею столпы мраморовы, основани на степенехъ златыхъ, видъ Ею яко Ливанъ, избранъ яко кедрове. (16) Гортанъ Ею сладость, и Весь желаніе: сей братъ мой, и сей ближній мой, дщери іерусалимъ. Все это, изъ чего составлено изображеніе красоты, показываетъ не невидимое и непостижимое въ Божествѣ, но то, что открылось по домостроительству. когда видимъ былъ на землѣ, жилъ съ людьми, облекшись въ естество человѣческое, отчего, по апостольскому слову, и невидимая Ею творенны помышляема видима суть (Рим. 1, 20.), открываясь въ устроеніи церковнаго міра. Ибо тоже мірозданіе—и устроеніе церкви, въ которой, по слову пророка, творится небо ново (Иса. 65, 17.), то есть, какъ учить Павелъ, утвержденіе (а) вѣры во Христа (Кол. 2, 5.), и уготовляется земля нова, піющая сходящій на нее дождь. и создается иный человѣкъ, рожденіемъ свѣше обновляемый по образу Соз-

(а) Точнѣе: *твердѣ* (σφαιρικῶς)

давашиа его (Кол. 3, 10.): происходит другое естество свѣтилъ, о которыхъ сказано: *вы есте свѣтъ міра* (Мѳ. 5, 14.), и: *въ низше является якоже свѣтила въ міръ* (Филип. 2, 15.); и много звѣздъ возсіяваетъ на тверди вѣры. И не то достойно удивленія, что въ этомъ новомъ мірѣ перечисляется и поименовывается Богомъ множество звѣздъ, которыхъ имена, сказуетъ Творецъ таковыхъ звѣздъ, написаны на небесахъ. Ибо слышу, что Зиждитель сей новой твари такъ говоритъ собственнымъ Своимъ свѣтиламъ: *имена ваша написана суть на небесахъ* (Лук. 10, 20.). Посему не это одно составляетъ необычайность новой твари, что въ ней множество звѣздъ зиждется Словомъ, но что творятся и многія солнца, озаряющія вселенную лучами добрыхъ дѣлъ; ибо такъ говоритъ Творецъ таковыхъ солнцевъ: *да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуки* (Мѳ. 5, 16.), и: *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце* (Мѳ. 13, 43.). Поэтому, какъ тотъ, кто, взирая на чувственный міръ, и уразумѣвъ премудрость, проявляющуюся въ красотѣ существъ, изъ видимаго заключаетъ о красотѣ невидимой, объ источникѣ премудрости, изліяніемъ котораго составилось естество существъ: такъ и тотъ, кто обращаетъ взоръ на этотъ новый міръ церковнаго созиданія, вмѣстимымъ и постижимымъ для нашей вѣры руководясь въ вѣдѣніи къ невмѣстимому,

усматриваетъ Того, Кто есть и содѣлывается *всяческая во всѣхъ*. Посему-то, такъ какъ къ душѣ, восходящей къ совершенству души, дѣвы обращаются съ этою просьбою содѣлать для нихъ знаемымъ вожелѣннаго; она описываетъ дѣвамъ признаки Искомаго, открытые намъ въ дѣлѣ спасенія, всю Церковь содѣлавъ единымъ тѣломъ Жениха, въ описаніи красоты каждому изъ членовъ указываетъ особое нѣкое значеніе; изъ всего же этого, обзрѣваемаго по частямъ, составляется красота тѣла.

Посему началомъ ученія полагаетъ близкое и доступное намъ; ибо оглашеніе начинается тѣломъ, какъ поступилъ и Матѳей; съ Авраама и Давида начавъ родословіе таинства по плоти, соблюлъ онъ великому Іоанну, чтобы тѣмъ, которые уже обучены симъ начаткамъ, благовѣствовалъ онъ и о началѣ умпредставляемомъ отъ вѣчности, и о Словѣ уразумѣваемомъ въ этомъ началѣ. Сими же понятіями невѣста тайноводствуетъ отроковицѣ, по тому что разумѣніе наше не прежде возводится къ непостижимому и неопредѣлимому, какъ объявъ вѣрою явленное открыто. А это явленное есть естество плоти. Ибо, сказавъ: *братъ мой близъ и черменъ*, невѣста смѣшеніемъ сихъ двухъ цвѣтовъ изображаетъ въ словѣ отличительное свойство плоти. Это же сдѣлала она и прежде, когда наименовала Жениха яблокомъ, у котораго наружный цвѣтъ усматривается смѣшан-

нымъ изъ того и другаго; потому что яблоко и бѣло, и красновато, и его краснота, какъ думаю, гадательно указываетъ на естество крови. Но поелику всякая плоть образуется одинаковымъ способомъ, и вступающимъ въ жизнь сію посредствомъ рожденія пролагается путь къ зачатію непременно бракомъ,—то, чтобы кто, и въ тайнѣ благочестія допустивъ плотское рожденіе, не поползнулся мыслию на дѣла и страданія естественныя, рожденіе и оной плоти представивъ мысленно однороднымъ со всякимъ другимъ;—по сему самому о Пріобщившемся плоти и крови хотя исповѣдала неvěста, что онъ и *бѣлъ* и *черненъ*, двумя цвѣтами давая разумѣть естество тѣла, однако сказуетъ, что зачатіе Его произошло неподобнымъ обыкновенному рожденію способомъ, напротивъ того изъ всѣхъ темъ людей, и бывшихъ съ того времени, какъ стали они происходить на свѣтъ, и будущихъ, доколѣ продолжится потокъ естества зачатіемъ приходящихъ вновь. Онъ одинъ вступилъ въ эту жизнь новымъ способомъ зачатія. Чтобы придти въ бытіе, естество Ему не содѣйствовало, а служило. Посему говоритъ неvěста, что *бѣлъ* и *черненъ* Тотъ, Кто, при посредствѣ плоти и крови посѣтивъ эту жизнь, отъ всѣхъ темъ избранъ одинъ изъ дѣвической чистоты. Его осѣменѣніе не отъ четы, зачатіе не скверно, рожденіе безъ болѣзней рожденія; для Него брачнымъ

ложемъ — сила Вышняго, подобно нѣкому облаку осѣняющая дѣвство; брачнымъ свѣтильникомъ — облитіе Духомъ Святѣмъ, ложемъ — безстрастіе, бракомъ — нерастлѣніе. Посему такъ происходящій прекрасно наименованъ избраннымъ (*ἐκλεκτοχούμενος*) отъ всѣхъ темъ, чѣмъ означается, что Онъ не отъ брачнаго союза (*λέχους*). Ибо Его только рожденіе безъ плотскаго зачатія, какъ и начало бытія безъ брака. Ибо о нерастлѣнной и неискусобрачной невозможно въ собственномъ смыслѣ употребить слово: зачатіе, потому что именованія: дѣвство и плотское зачатіе не соединимы въ одной и той же. Но какъ Сынъ данъ намъ безъ отца, такъ и отроча рождается безъ плотскаго зачатія. Дѣва, какъ не познала, какимъ образомъ въ тѣлѣ ея составилось богопріемное тѣло; такъ не ощутила рожденія; потому что, по свидѣтельству пророчества, безъ болѣзней рожденія было у ней рожденіе. Исаія говоритъ: *прежде неже прійти труду, чрево-больнїя избѣжсе, и породи мужескѣ полѣ* (Иса. 66, 7.). Посему-то, будучи избранъ, не подлежа естественному порядку въ томъ и другомъ, какъ не по сластолюбію пріявшій начало бытія, и какъ не съ трудомъ происшедшій на свѣтъ (и это совершается въ порядкѣ, не выходя изъ обычнаго чина; ибо какъ вводящая грѣхомъ въ естество смерть осуждена рождать въ печаляхъ и трудахъ; такъ Матери

жизни, безъ сомнѣнія, должно было и чревоношеніе начать съ радостію, и рожденіе совершить въ радости, потому что Архангелъ говоритъ ей: *радуйся благодатная* (Лук. 1. 28.), изреченіемъ симъ устраняя ту печаль, какая первоначально подъ грѣхомъ дана въ удѣлъ рожденію), Онъ одинъ изъ всѣхъ темъ содѣлывается таковымъ по новости и особенности рожденія, прекрасно по плоти и крови именуется *блѣз и черменъ*, и по нетлѣнному и безстрастному качеству рожденія въ отличіе отъ прочихъ *избранъ отъ телъ*. Или, можетъ быть, невѣста приложила къ Нему реченіе сіе и по причинѣ прочихъ видовъ рожденія, совершающихся безъ (б) чревоношенія. Конечно же не незнаешь, сколько разъ рожденъ *перворожденъ вся твари* (Кол. 1, 15.), *первородный во многихъ братіяхъ* (Рим. 8, 29.), *перворожденъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18.); первый разрѣшившій болѣзни смертныя, и воскресеніемъ проложившій всѣмъ путь къ рожденію изъ мертвыхъ. Ибо для всего этого былъ Онъ рожденъ, но не чревоношеніемъ пришелъ въ бытіе. Не допускаетъ болѣзней чреворожденія и рожденіе отъ воды, и пакибытіе изъ мертвыхъ, и первородство божественной сей твари, напротивъ того во всемъ этомъ рожденіе

(б) По рукописи вмѣсто: *δὲ* читается: *διχα*.

изъято отъ чревоношенія. Посему невѣста говоритъ: *избранъ отъ тѣлѣзъ*.

Но время уразумѣть изъ сказаннаго, какая красота описывается въ каждомъ изъ членовъ Его. Глава *Ею* *злато* Кефазъ. Если же еврейское реченіе переведено будетъ на нашъ языкъ; то словомъ симъ означается чистое золото, неподдѣльное, чуждое всякой примѣси. А перелагавшіе еврейскія слова на еллинскія реченіе: *Кефазъ* оставили непереверденнымъ, мнѣ кажется, потому, что между еллинскими реченіями не нашли ни одного слова, которое бы выражало силу, усматриваемую въ еврейскомъ словѣ. Мы же, дознавъ это, а именно, что реченіемъ симъ означается золото совершенно чистое, несмѣшанное и несмѣшивающееся ни съ какимъ оскверненнымъ веществомъ, приводимся къ слѣдующему разумнію предложеннаго реченія: Глава *тѣла*—Церкви есть Христосъ. О Христѣ же теперь говоримъ, относя имя сіе не къ вѣчности Божества, но къ богопріемному человѣку, явившемуся на землѣ, пожившему съ человѣками, сему прозябенію дѣвства, въ Комъ *живетъ* *всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Кол. 2, 9.), сему началку общаго смѣшенія, посредствомъ Котораго Слово облеклось въ наше естество, содѣлавъ его чистымъ и избавленнымъ отъ всѣхъ прирожденныхъ ему немощей. Ибо такъ говоритъ о Немъ Пророкъ: грѣха не-

сотвори, ни обрътесе лествъ во устьхъ Ею (Иса. 53, 9.); искушена по всяческимъ по подобію нашего естества, развѣ ирѣха (Евр. 4, 15.). Посему Глава тѣла - Церкви, начатокъ всего естества нашего есть чистое, несмѣшанное и несмѣшивающееся ни съ однимъ недостаткомъ золото.

Власы же, нѣкогда темные и черные, по виду уподоблявшіеся вранамъ, тѣхъ разумѣю врановъ, дѣломъ которыхъ, по слову притчи, исторгать глаза, и лишенныхъ ими сихъ зрительныхъ чувствилищъ уготовлять въ пищу птенцамъ орлимъ (Прит. 30, 17.),—сіи кудрявые власы, содѣлавшись высокими и къ небу возносящимся древами, своимъ стремленіемъ отъ земли къ небесной высотѣ на Божественной главѣ Жениха служатъ приращеніемъ Его красоты. Конечно же всякій знаетъ, въ чемъ состоитъ дѣло сихъ волосовъ, изъ собственныхъ словъ Жениховыхъ, сказанныхъ выше: *власи Мои* наполнились *капель* водныхъ. Итакъ власы Его, у Пророковъ называемые облаками, источають капли; изъ нихъ бываетъ дождь ученія, напоевающій одушевленные (в) нивы къ плодоносію воздѣланнаго Богомъ. Думаю также, что власами въ словѣ Божіемъ въ переносномъ смыслѣ означаются Апостолы,

(в) По рукописи: *τὰς ἐμψυχὰς*.

изъ которыхъ нѣкіе, по житейскимъ занятіямъ, были прежде темны, кто разбойникомъ, кто мытаремъ, кто гонителемъ, и инымъ изъ таковыхъ, подобно черному и плотоядному истребителю очей ворону; разумѣю же начальника *власти темныя* (Колос. 1, 13.), какъ говоритъ изъ ворона содѣлавшійся кудрявымъ, и потому названный власами Божественной Главы, а именно, что онъ, *бывшій прежде*, пока былъ враномъ, *хульникъ, гонитель и досадитель*, (1 Тим. 1, 13.), приуготовленъ къ сей благодати, дѣлаясь власами, увлажненными небесною росой, всему тѣлу-Церкви источилъ ученіе о сокровенныхъ и непроницаемыхъ тайнахъ. Ихъ-то, по нашему разумѣнію, невѣста называется власами; держась на златой Главѣ, придаютъ они не малое приращеніе красотѣ, колеблемые вѣяніемъ Духа, и служатъ прекрасными вѣнцами пречистой Главѣ, украшая ее своею окружностію. О нихъ, кажется мнѣ, говоритъ пророчество: *положилъ еси на главъ Ею вѣнцы отъ камене честна* (Иса. 20, 4.); такъ что разумѣются они подъ тѣмъ и другимъ представленіемъ, и какъ благолѣпные власы, и какъ драгоценные камни, украшающіе собою главу.

По порядку слѣдовало бы разсмотрѣть въ словѣ и сказанное объ очахъ. Буквально же читается сіе такъ: *очи Ею яко голубицы на исполненіихъ водъ, изловени въ млець, спящія*

въ наполненіихъ водъ. Но смыслъ словъ сихъ выше нашего постиженія; ибо какое понятіе ни составимъ о нихъ, будетъ оно, какъ думаемъ, ниже истины. По тщательномъ же разсмотрѣніи кажется намъ, что смыслъ сего подобенъ слѣдующему. Божественный Апостолъ въ одномъ мѣстѣ своихъ Писаній говоритъ: *не можетъ око рещи руцѣ: не требъ ли еси* (1 Кор. 12, 21.), излагая въ семъ то ученіе, что тѣлу Церкви надлежитъ хорошо дѣйствовать тѣмъ и другимъ, способность разсматривать истину срастворя съ силою дѣятельною; потому что ни созерцаніе не совершаетъ душу само по себѣ, если нѣтъ дѣлъ, показывающихъ прѣспѣваніе въ нравственной жизни; ни дѣятельное любомудріе не заключаетъ въ себѣ достаточной пользы, если не управляетъ дѣлами истинное благочестіе. Посему, если необходимо сочетаніе очей и рукъ; то сказаннымъ приводимся, можетъ быть, сперва выразумѣть, какія это *очи*, а потомъ уже принять въ разсмотрѣніе воспсанную имъ похвалу. А слово о рукахъ побережемъ до принадлежащаго ему мѣста. Очамъ свойственное по природѣ дѣло смотрѣть. Посему и по мѣстному положенію поставлены выше всѣхъ чувствилищъ, какъ самою природою назначенныя въ путеводство всему тѣлу. Посему, когда слышимъ, что въ божественномъ Писаніи такъ называются руководители къ истинѣ, и одинъ изъ нихъ име-

новался *прозорливцемъ* (1 Цар. 9, 11.), другой—*видящимъ* (Ам. 7, 12.), а иный *стражемъ*, будучи такъ отъ Бога наименованъ по причинѣ пророчества (Иезек. 3 17.): то симъ приводимся къ той мысли, что здѣсь называются *очами* поставленные предусматривать, наблюдать и надзирать.

А что въ очахъ совершается чудо въ какомъ-то сравнительномъ сходствѣ, познаемъ сіе изъ сличенія съ лучшимъ, изображающаго ихъ красоту. Ибо невѣста говоритъ: *очи яко ю.убицы*. Подлинно прекрасная похвала для таковыхъ очей—непорочность, въ какой преуспѣваютъ неоскверненные еще плотскою жизнію, но живущіе и ходящіе духомъ (Гал. 5, 25.). Ибо духовная и невещественная жизнь отличается голубинымъ видомъ, потому что и самъ Духъ Святый въ такомъ видѣ сходящимъ съ небеси на воду явился Іоанну. Посему, кто вмѣсто очей поставленъ Богомъ въ тѣлѣ Церкви, тому, если намѣренъ надзирать и наблюдать чисто, надлежитъ всякую нечистоту порока омыть водою. Но не одна есть вода, омывающая очи: напротивъ того невѣста говоритъ, что многія *исполненія* таковыхъ водъ. Ибо сколько добродѣтелей, столько же надлежитъ представлять себѣ и источниковъ очистительныхъ водъ, отъ которыхъ очи непрестанно дѣлаются самихъ себя чище: напริมѣръ цѣломудріе есть источникъ очистительной

воды; другой такой же источникъ смиренно-мудріе, истина, правда, мужество, возделѣніе добра, отчужденіе отъ зла. Сін и подобныя симъ воды, хотя изъ одного источника, но собираются различными потоками въ одно исполненіе, и ими производится очищеніе очей отъ всякой страстной нечистоты.

Но хотя на исполненіихъ водъ тѣ очи, которые по своей невинности и непорочности уподобляются голубицамъ; однако же купѣлію для нихъ невѣста назначаетъ млеко, ибо такъ выражается Писаніе: *изловени въ млець*. Приличная похвала подобнымъ очамъ—сказать о нихъ, что такая голубица, омываясь молокомъ, дѣлается прекраснѣе. Ибо дѣйствительно примѣчается въ молокѣ, что эта одна жидкость (г) имѣетъ такое свойство—непоказывать въ себѣ изображенія и подобія чего бы то нибыло. Все, что по естеству жидко, подобно зеркаламъ, дѣлаетъ, что по причинѣ гладкой поверхности появляются подобія смотрящихся въ эту жидкость. Но въ одномъ молокѣ такое кумиротвореніе не имѣетъ мѣста. По сей причинѣ для очей Церкви весьма совершенна такая похвала—неизображать въ себѣ, вопреки дѣйствительности вещей, по оболъщенію ничего неосуществившагося, погрѣшительнаго и

(г) По рукописи читается: *μῆτος γὰρ δὲ γάλας τοῦτο*

суетнаго, но имѣть въ виду дѣйствительно существующее, и недопускать до себя блуждающихъ взглядовъ на эту жизнь и мечтательныхъ представленій. Посему-то для чистоты очей совершенною душею признано надежнымъ омовеніе молокомъ.

Послѣдующее же слово служить для слушателей закономъ, о чемъ надлежитъ прилагать раченіе очамъ. Сказано: *судящія въ наполненіихъ водъ*. Таковая рѣчь тѣмъ самымъ, что ставить въ похвалу чистымъ очамъ, требуетъ постояннаго со вниманіемъ занятія божественными уроками, научая и насъ, какъ можемъ, присѣдая всегда *при наполненіихъ водъ*, приобрѣсть свойственную очамъ красоту; такъ какъ многіе изъ поставленныхъ быть очами, оставивъ сѣдѣніе при таковыхъ *наполненіихъ*, преселяются сидѣть на рѣкахъ вавилонскихъ, приводя въ исполненіе то, въ чемъ отъ лица Божія обвинены таковыя: *Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержать* (Іер. 2, 13.). Итакъ вотъ урокъ: око, чтобы сдѣлаться ему добрымъ, благоприличнымъ и сообразнымъ златой главѣ, должно быть непорочно, подобно голубю, непогрѣшительно и необольстимо, подобно естеству молока, недовѣрять никакому обману вещей неосуществленныхъ, но съ твердостію и неотступностію сидѣть при *наполненіихъ* Божествен-

ныхъ *водъ*, подобно древу, насажденному при *исходищихъ водъ* (Пса. 1, 3.), и не пересажаемому на другое мѣсто. Ибо въ такомъ случаѣ плодъ принесенъ будетъ въ свое время, и вѣтвь сохранится всегда свѣжею, одѣтая доброцѣтностію листьевъ. Нынѣ же многіе изъ духовныхъ очей, непоспѣшая къ симъ водамъ, и мало заботясь о внимательномъ изученіи слова, или искапываютъ себѣ кладенецъ любостыжательности, или въ камнѣ истесываютъ прибѣжище тщеславію, или роютъ кладезь гордости, или со тщаніемъ искапываютъ какіе либо другіе кладенцы обольщенія, которые не имѣютъ свойства навсегда удерживать воздѣлываемую ими воду; потому что честь, владычество, слава, о которыхъ у многихъ здѣсь столько раченія, вмѣстѣ и составляютъ и утекаютъ, и не оставляютъ обольщеннымъ никакого слѣда суетной ихъ рачительности.

Слову угодно, чтобы таковы были наблюдающіе и надзирающіе, которымъ надлежитъ и ограждаться, какъ бы оплотомъ какимъ бровей, безопасною твердынею божественныхъ ученій, и какъ бы покровомъ какимъ вѣждей, прикрыть смренномудріемъ чистоту и свѣтлость житія, чтобы сучекъ самоиѣнія, понавѣ въ чистую зеницу, не содѣлался пренятствіемъ зрѣнію. Какая же, послѣ очей, восписуется похвала членамъ жениховымъ, если дастъ Богъ,

сообщимъ въ послѣдующихъ бесѣдахъ, по благодати Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

БЕСѢДА 14.

(5, 13) *Ланиты Его, аки фіалы аролатъ, прозябающія благовоніе: устны Его крины, каплющія смирну полную.* (14) *Руцѣ Его обточены златы, наполнены ѳарсиса: чрево Его сосудъ слоноый на камекы сапфировъ.* (15) *Лыста Его столпы мраморовы, основаны на степенехъ златыхъ.* Видѣ Его яко Ливанъ, избранъ яко кедрове. (16) *Гортанъ Его сладость, и весь желаніе: сей братъ мой, и сей ближній мой, дочери іерусалимъ.*

Питающій неслышнѣя млекоу младагчествующихъ еше духовнымъ возростомъ, ставъ питателемъ новорожденныхъ въ Церкви, какъ говоритъ самъ Апостолъ (1 Петр. 2, 2.), хлѣбъ премудрости сберегаетъ совершеннымъ по внутреннему челоуѣку, сказавъ: *премудростъ же младоуе въ совершенныхъ* (1 Кор. 2, 6.), которые, упражненіемъ въ добрыхъ ученіяхъ имѣя *чувствія души обучена* (Евр. 5, 14.), дѣлаются способными принимать хлѣбъ премудрости, при питаніи требуя содѣйствія ланиты, измелчающей пишу зубами разсудка (д). По-

(д) Въ рукописи читается: *τῆς λεπτοποιήσεως ἐν τοῖς ὀδοῖσι τῶν λογισμῶν σιγῆτος εἰς τροφήν προσδεόμενοι.*

сему въ тѣлѣ Христовомъ надлежитъ быть и ланитамъ для тѣлъ, которые не прилѣплены болѣе къ сосцамъ слова, но вожделѣваютъ уже пищи болѣе твердой; о которыхъ неvěста ведетъ теперь рѣчь, говоря такъ: *ланиты Ею аки фіалы ароматъ, прозябающія благовоніе*. По разсмотрѣніи того, что касается очей, связь рѣчи требуетъ слова о ланитахъ; ясно это всякому, слушающему съ разумѣніемъ. Ибо для того оку, неотступно пребывая при полнотѣ духовныхъ водъ, надлежитъ омываться неизмѣнчивымъ и нелестнымъ млекомъ, уподобляясь незлобивой голубицѣ, чтобы общниками собственныхъ своихъ благъ содѣлать всѣхъ, составляющихъ тѣло Церкви. Посему-то и великій Исаія восшедшему житіемъ на высокую гору, повелѣваетъ возопить громкимъ голосомъ, чтобы слышащіе познали отъ него Господа, Который идетъ *съ крѣпостію*, со властію держитъ существа въ мышцѣ, пасетъ паству Свою, собираетъ агнцевъ, прекрасно благими надеждами утѣшаетъ *и мучія во утробѣ*, объялъ небо пядію, и всю землю сжалъ горстію. Что и еще кромѣ этого говорить пророчество, все должно быть проповѣдано восшедшимъ на самую вершину (Иса. 40, 9—12.). Посему, если при этомъ сила, сообщаемая водами и молокомъ, служитъ очамъ къ познанію истины; то, согласно съ порядкомъ, вмѣстѣ съ очами восхваляются и ланиты,

обязанность которыхъ — разжевывать пищу, служащую къ соблюденію естества и силы въ тѣлѣ.

Итакъ посмотримъ, въ чемъ заключается похвала ланитамъ, послушаемъ, что говорить о нихъ сама невѣста: *ланиты Ею*, говоритъ она, *аки фіалы аролатъ, прозябающія благовоніе*. Если именемъ фіала означаетъ въ словѣ расширяющійся въ бокахъ сосудъ, въ которомъ по устройству утаевается пустота, потому что сосудъ по виду неслишкомъ углубленъ; и расширяется не по прямой чертѣ, отчего бока представляются не въ точности выпальными и не плоскими; итакъ если невѣста словомъ: *фіаль* указываетъ на сосудъ такого рода; то похвала ланитамъ будетъ имѣть для себя основаніе въ семъ видѣ фіала. Ибо можетъ иной сказать, что слово *сдѣлаю* упоминаніе о *фіалѣ* съ намѣреніемъ похвалить простоту, многообъемлемость и нельстивость ученія, въ которомъ запрещенная пророкомъ глубина не можетъ найти себѣ мѣста, такъ какъ сказалъ онъ: *да избавлюся отъ ненавидящихъ мя, и отъ глубокихъ водъ* (Пс. 68, 15.). Посему утверждаемъ, что истина, являющаяся въ простотѣ, безъ обманчивой какой либо вмѣстимости, означаетъ именемъ *фіала*, вещество котораго есть *ароматъ*, а назначеніе — *прозябеніе благовонія*. *Ланиты Ею аки фіалы аролатъ*, сдѣланные не изъ серебра, или зо-

лота, или стекла, или другаго какого подобнаго вещества, но изъ самаго аромата, прозябая изъ себя то, изъ чего уготовляются мура. Конечно же, изъ сказаннаго ясно виденъ смыслъ, усматриваемый въ сихъ изреченіяхъ, а именно, что чистымъ очамъ Церкви свойственно размягчающею силою ланить приуготовлять тѣлу такую пищу, чтобы въ сказанномъ не усматривалось ничего глубоко скрытаго и неяснаго, но все было видно насквозь, свободно, далеко отъ всякой обманчивой скрытности и глубокости, явственно и для младенцевъ, какъ говоритъ Пророкъ: *свидѣтельство Господне впрію, умудряющее младенцы. Заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (Пса. 18, 8. 9.). Если таковы будутъ фіалы слова; то явно, окажутся составленными не изъ земнаго вещества. но естество ихъ будетъ изъ аромата, изъ того, разумѣю, аромата, о которомъ невѣста въ началѣ пѣсни говоритъ, что онъ *наче всѣхъ ароматѣ*. Такимъ фіаломъ былъ Павелъ, *не въ лукавствіи лстя* (е) *словесе, но въ явленіи истины представляя себе* (2 Кор. 4, 2.); въ немъ вещество отложило то, что было въ немъ отъ земли, послѣ того, какъ крещеніемъ свергъ онъ чешую съ плотскихъ очей (Дѣян. 9, 18.), и уготованъ

вновь изъ благоухающаго аромата, ставъ чадомъ Святаго Духа. Поелику съ такимъ искусствомъ устроенъ онъ въ сосудъ избранный, то, ставъ фіаломъ для вліянія въ него вина словеснаго, уже не имѣлъ потребности въ челоуѣкѣ, который бы вліялъ въ него вѣдѣніе тайнъ. Посему-то *не приложился плоти и крови* (Гал. 1, 16.), но самъ производилъ въ себѣ и источалъ божественное питіе, благоуханіемъ Христовымъ изъ разнообразныхъ цвѣтовъ добродѣтелей уготовляя муро слушающимъ, такъ что по различію и особенностямъ приѣмлющихъ слово, сообразно съ потребностію ищущаго, обрѣтался у него аромать и для Іудеевъ и Еллиновъ, для женъ и мужей, для властелиновъ, и рабовъ, для родителей и дѣтей, для неимѣющихъ закона и живущихъ подъ закономъ. Подлинно многовидна была у него благодать ученія, растворенная всякою добродѣтелию; потому что фіалъ этотъ въ приѣмлющихъ слово уготовлялъ муро изъ многоразличныхъ ученій, сообразно съ потребностію каждаго. Таковыя-то ланиты хвалить невѣста, живописующая въ словѣ красоту тѣла Женихова! И что его красоту имѣетъ въ виду похвала ланить, о семъ свидѣтельствуется непосредственно слѣдующая за симъ рѣчь.

Ибо послѣ ланить похваляются уста, изъ которыхъ исходитъ ароматное слово. Похвала же выражается такъ: *устни Ея крини, каплю-*

цѣи смирну полу. О двухъ вмѣстѣ добродѣтеляхъ Слова свидѣтельствуеъ невѣста двойнымъ уподобленіемъ; одна изъ нихъ—истина, блестящею и свѣтовидною усматриваемая въ изрекаемомъ; ибо таковъ видъ крина, бѣлизна котораго загадочно означаетъ чистоту и истину возвѣщаемаго; другая же состоитъ въ томъ, что ученіемъ устъ указывается одна духовная и невещественная жизнь, по умерщвленіи духовнымъ возрѣніемъ жизни дольней, въ которой дѣйствуетъ плоть и кровь. Ибо смирна, истекающая изъ устъ, и наполняющая собою душу приѣмлющаго, ясно выражаетъ умерщвление тѣла. Подобное сему по словоупотребленію многократно наблюдается въ богодухновенныхъ Писаніяхъ, и слово: *смирна* означаетъ смерть. Посему совершенное и чистое око, дѣлающее ланиту фіаломъ, прозябающимъ и источающимъ изъ себя благовопія, дѣлаетъ и то, что крины словесные цвѣтутъ въ устахъ, украшенныхъ божественною бѣлизною. Такъ слово именуетъ чистыхъ и благоухающихъ добродѣтелію, отъ которыхъ капля смиренъ дѣлается безъ недостатка наполняющею мысль приѣмлющихъ. И это есть презрѣніе вещественной жизни, когда все желательное въ настоящей жизни становится недѣйствительнымъ и мертвымъ, по причинѣ вожелѣнія высшихъ благъ. Таковую смирну, смѣшанную съ чистымъ криномъ цѣломудрія, излилъ нѣкогда изъ устъ

Павелъ въ слухъ святой дѣвы. А дѣва сія была Оекла, которая, прекрасно пріявъ въ себя душею истекающія капли, смерти передаетъ вѣшняго человѣка, угасивъ въ себѣ всякую плотскую мысль и похоть. По принятіи добраго ученія мертва у ней юность, мертва видимая красота, мертвы всѣ тѣлесныя чувства; живо же въ ней одно ученіе, по которому и ей умираетъ цѣлый міръ, и дѣва умираетъ міру. Такъ и у Корнилія нѣкогда великій Петръ, изглашая свѣтлыя кринны слова, полными смиренны содѣлалъ души слушателей, которые, пріявъ немедленно слово, спогреблись Христу крещеніемъ, ставъ мертвыми для сей жизни. И кромѣ сихъ можно найдти тысячи примѣровъ, какъ святые, содѣлавшись устами общаго тѣла Церкви, и слушателей дѣлали полными смиренны, мертвящей страсти, процвѣтающая криннами слова, которыми великіе поборники вѣры во времена мученичества въ подвигахъ за благочестіе стали преизбыточествовать смирною за доброе исповѣданіе. И нужно ли большимъ числомъ примѣровъ распространять о семъ рѣчь, когда изъ сказаннаго оказывается для нашего разумѣнія явнымъ, почему уста Церкви дѣлаются криномъ, почему съ крина каплетъ смирна, и почему таковою каплею наполняется душа пріемлющихъ?

Но перейдемъ уже къ слѣдующему за симъ слову. Невѣста говоритъ: *руцѣ Ею обточены*

златы, наполнены еарсиса. Что даръ ока, несопряженный съ служеніемъ рукъ, несовершенъ для тѣла Церкви, сіе ясно дознали мы отъ великаго Павла, который говоритъ: *не можетъ око рещи руцѣ: не требъ ли еси* (1 Кор. 12, 21.). Тогда наипаче видна дѣятельность очей, когда объ остротѣ зрѣнія очей свидѣлствуютъ дѣла, рачительностію о прекрасномъ означая доброе руководство. Поелику, предложивъ похвалу рукамъ божественнаго тѣла, надлежитъ сказаннымъ руководствоваться въ томъ, чтобы образовать, какъ слѣдуетъ, тѣхъ, которые вмѣсто рукъ служатъ въ Церкви; то, предложивъ это божественное изреченіе, попытаемся, если дастъ Богъ, сколько можно, разсмотрѣть заключающуюся въ немъ мысль. *Руцѣ Его*, говоритъ невѣста, *обточены златы, наполнены еарсиса.* Пока изъ сказаннаго явствуется эта только мысль: какими чертами похваляется видъ главы, тѣ же самыя служатъ къ похвалѣ и рукъ. Но главою разумѣемъ Христа, въ Которомъ *Богъ бы міръ примиряя Себѣ* (2 Кор. 5, 19.), по слову Павлову, и Который во плоти открылъ Себя силами и чудесами. Посему, если сама, разумѣемая нами, Глава наименована въ словѣ самымъ чистымъ златомъ, потому что далека отъ всякаго грѣха (сказано: *грѣха не сотвори, ни обрътѣся лествѣ во устъхъ Его* (1 Пет. 2, 22.)); а о рукахъ говоритъ невѣста, что онѣ зо-

лотыя; то явно, что подъ симъ разумѣется, а именно, что слово заповѣдуетъ рукѣ чистоту въ полномъ значеніи сего слова, безгрѣшность, устраненіе и недопущеніе до себя всякаго порока. Руку же разумѣемъ ту, конечно, которая распоряжается достояніемъ Церкви по требованію заповѣдей; для нея похвала уподобляться естеству главы въ чистотѣ и безгрѣшности. Рука же тогда дѣлается чистою, когда вырѣзываніемъ обсѣкается все, препятствующее красотѣ. Ибо, какъ обдѣлывающіе мраморъ въ видѣ какого нибудь животнаго посредствомъ рѣзбы обсѣкаютъ на камнѣ и обтачиваютъ то, по отнятіи чего подобіе принимаетъ сходный съ образцемъ видъ: такъ и для красоты рукъ тѣла Церкви надлежитъ многое обсѣчь обрѣзаніемъ помысловъ, чтобы рука сдѣлалась подлинно золотою и чистою. Конечно же всякому очевидно, что вредитъ красотѣ руки, небудучи отъ нея отнято, на примѣръ: челоуѣкоугодіе, славолубіе, любостыжательность, вниманіе къ одному внѣшнему, вмѣненіе себѣ въ какую-то знаменитость того, что есть въ рукахъ, обращеніе собраннаго исполненіемъ заповѣдей въ забаву и собственное свое наслажденіе. Надобно все это, и подобное сему, отсѣкши орудіями помысловъ, оставить одно чистое и неподдѣльное золото произволенія, уподобляющееся пречистой главѣ. Но яснѣе будетъ для насъ сказанное, по

слову Апостола, который, наименовавъ Бога *вѣрный* (1 Кор. 1, 9.), не иного чего желаетъ искать въ строителяхъ, а только, да окажется *вѣрнымъ*, написавъ буквально такъ: *а еже прочее ищется въ строителяхъ, да вѣренъ кто обращается* (1 Кор. 4, 2.). Посему вѣрный и благоразумный строитель, вмѣсто руки служащій Церкви, подражая въ жизни премудрому своему Владыкѣ, показываетъ, что рука тѣла подобно главѣ золотая. Не былъ такою рукою въ тѣлѣ Апостоловъ этотъ Іуда, жалкій и бѣдный, лучше же сказать, ненавистный и проклятый, которому ввѣрено было домостроительство бѣдныхъ; но онъ не отсѣкъ проказу любостяжательности и, будучи хранителемъ ковчежца отъ татей, сталъ татемъ себя самаго, собственными своими руками похищая то, что имѣлъ у себя въ рукахъ, обращая вниманіе не на заповѣдь, но на деньги, наслажденіе которыми содѣлалось для него какою-то (ж) добровольною удавкою, отчужденіемъ отъ жизни, конечною гибелью души, худымъ памятникомъ, сохраняющимся на все по немъ время. Посему обточенными и обрѣзанными надлежитъ быть рукамъ, чтобы, по отнятіи всего, что прирасло худаго, остальное было золото, соотвѣтствовало по виду красотѣ главы.

А реченіе. *варсисъ*, по употребленію въ Пи-

сани, многозначительно, не всегда встрѣчается въ одномъ и томъ же смыслѣ; напротивъ того значеніе его нерѣдко берется въ осужденіе, и нерѣдко—въ признаніе божественности и ублаженія. Когда Пророкъ Іона бѣжитъ отъ лица Божія, ищетъ *корабль, идущъ въ Фарсисъ* (Іон. 1, 3.). И великій Давидъ говоритъ, что корабли фарсійскіе сокрушаются духомъ бурнымъ (Пса. 47, 8.). А бурнымъ, думаю, называется Духъ, явившійся ученикамъ, собраннымъ въ горницѣ, который сперва познанъ по слуху, *яко носилу дыханію бурну*, а потомъ явился и очамъ, представившись въ образѣ языковъ, и уподобляясь озаряющему естеству огня (Дѣян. 2, 2. 3.), и которымъ сокрушается во многихъ видахъ вторгающійся въ естество человѣческое порокъ, у Пророка названный кораблями фарсійскими. Вотъ мѣста, въ которыхъ означается симъ именемъ худшее. Но великій Іезекіиль, описывая видѣніе бывшаго ему богоявленія, видъ одного изъ божественныхъ созерцаній выражаетъ словомъ, говоря слѣдующее: *видѣ его, яко видѣніе фарсиса* (Іезек. 1, 16.). Въ точности изслѣдовавшіе выразительность еврейскихъ реченій говорятъ, что реченіемъ: *фарсисъ* означается въ пророчествѣ нѣчто безцвѣтное, духовное и безплотное. Посему при двоякомъ значеніи (з) реченія, посліку явно, что озна-

(з) По рукописи: *δαλός*.

чаемое здѣсь симъ словомъ взято въ лучшемъ смыслѣ (укоризненнаго никто не принялъ бы въ похвалу), слѣдуетъ о похваляемыхъ рукахъ разумѣть слово сіе такъ, что, дочиста обточивъ на себѣ все излишнее и тѣлесное, переходятъ онѣ въ нѣчто божественное и духовное, отряси всякое вещественное и тяжелое отношеніе къ житейскому. Такъ напримѣръ по разсказамъ гранильщики камней поступаютъ съ кускомъ изумруда; все темное и земленистое стирая и уничтожая точильнымъ камнемъ, оставляютъ неуничтоженнымъ только то, въ чемъ есть чистый нѣкій зеленоватый и вмѣстѣ оливковый блескъ. Сіе-то, кажется мнѣ, яснѣе истолковывая, божественный Апостолъ, въ одномъ изъ своихъ посланій, даетъ совѣтъ, что надлежитъ прерывать сношеніе съ видимымъ и устремляться пожеланіями къ невидимому: *не смотряющимъ на нѣ, говоритъ онъ, видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо, временна: невидимая же, вѣчна* (2 Кор. 4, 18.). Итакъ въ похвалѣ рукамъ примѣтили мы это, какъ, обточенные отъ пристрастія къ вещественному, дѣлаются онѣ чистыми, произволеніемъ измѣняемыя въ нѣчто неведественное и духовное. Ибо *руцѣ Его*, говоритъ невѣста, *обточены златы, наполены еарсиса.*

Порядокъ же требуетъ разсмотрѣть и слѣдующую за симъ рѣчь, въ которой идетъ слово о чревѣ. Буквально сіе читается такъ:

чрево Ею сосудъ (πυξίον) слоновый на каменнѣ сифировъ. Когда законодатель естества даетъ Моусею законъ, начертанный на каменныхъ доскахъ, доски сін, на которыхъ изображены были божественныя начертанія, наименовалъ скрижалями (πυξίαι) каменными. И Вѣщавшій о нихъ Моусею сказалъ такъ: *взыди ко Мнѣ на гору, и стани тамо: и дамъ ти скрижали каменныя, законъ и заповѣди* (Исх. 24, 12.). Но послѣ того, когда евангельскою ясностію стерто съ закона тѣлесное и землянистое, уже не каменная скрижаль приѣмлетъ на себя письмена, но нѣчто изъ блестящей только что выглаженной слоновой кости. Ибо приѣмлющее заповѣди и законы, что наименовано *чрево.нъ*, невѣста называетъ *сосудомъ слоновымъ на каменнѣ сифировъ.* Сперва нужнымъ почитаю объяснить въ словѣ чувственный образецъ, а потомъ уже приступить къ обозрѣнію сказаннаго. Буксъ (πύξις), изъ котораго, кому нужно писать, выдѣлываютъ себѣ дощечки, есть дерево плотное и бѣловатое. Посему такая дощечка, приготовленная для начертанія на ней буквъ, хотя бы по случаю сдѣлана была и изъ другаго вещества, не въ точномъ употребленіи слова называется *πυξίον*. Итакъ, слыша слово *πυξίον*, разумѣмъ нѣкій гладкій снарядъ, годный для помѣщенія на немъ писменъ. Поеліку слово: *πυξίον* есть родовое имя такихъ дощечекъ: то здѣсь Пи-

саніе присовокупляетъ и видъ вещества, употребленнаго въ образцѣ, сказывая, что устройство снаряда не изъ дерева, а изъ слоновой кости. Слоновая же кость, какъ говорятъ, по великой плотности и твердости, весьма долго остается негниющею, и никакой порчи не терпитъ отъ времени. А сапфиръ лазоревымъ видомъ цвѣта доставляетъ отдохновеніе утомленнымъ глазамъ съ усиленнымъ вниманіемъ читавшихъ исписанныя скрижали, такъ какъ лучи такого цвѣта естественно успокоиваютъ собою зрѣніе. Посему таковъ образецъ, которому сравнительно уподобляется восхваляемое чрево Церкви. А я, слыша пророчество, отъ лица Божія повелѣвающее: *впиши видѣніе яв на дскѣ* (Авв. 2, 2.), составляю себѣ понятіе о томъ, что въ похваляемомъ тѣлѣ Господа надлежитъ разумѣть подъ именемъ чрева. Ибо, если слово повелѣваетъ явственно написать на дскѣ божественное видѣніе: то, можетъ быть, именемъ чрева означаетъ чистоту сердца, въ которой памятію пишемъ Божественныя видѣнія. Какъ Отверзшій уста великому Іезекилю и вложившій въ нихъ *свитокъ книжный* (Іезек. 2, 9.), полный писменъ съ обѣихъ сторонъ, и совнѣ и внутри, говоритъ ему: *уста твоя съидятъ, и чрево твое насытится* (3, 3.), нарекиши чревомъ мысленную силу души, въ которую вложены Божественныя уроки; такъ подобно сему и великій Іеремія, какъ знаемъ,

чревомъ именуеть сердце, мучимое печальными оными мыслями, почему говоритъ: *чрево мое болитъ мнѣ, и чувства сердца моего смущаются* (Іер. 4, 19.). Если же надобно представить изъ божественнаго Писанія что либо прямѣе ведущее насъ къ сему разумѣнію; то скажемъ, что и Господь изрекъ увѣровавшимъ, говоря, что рѣки воды живой текутъ изъ чрева увѣровавшихъ въ Него. Буквально же читается сіе такъ: *вѣруй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. 7, 38.). Такъ все сказанное приводитъ насъ къ тому, чтобы подъ именемъ чрева разумѣть чистое сердце, которое дѣлается нѣкою скрижалію Божественнаго закона въ тѣхъ, иже, какъ говоритъ Апостолъ, *являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ* (Рим. 2, 15.), не черниломъ, но *Духомъ Бога жива*, при чемъ таковыя писмена начертаны въ душѣ не на *скрижаляхъ каменныхъ*, но, по слову Апостола, на чистой, гладкой и блестящей *скрижаляхъ сердца* (2 Кор. 3, 3.). Ибо таковымъ надлежитъ быть владычественному въ душѣ, чтобы отпечатлѣвалось въ немъ ясное и неслитное памятованіе Божественныхъ словесъ, какъ бы раздѣльно начертанное явственными какими писменами. Прекрасно же въ похвалу чрева съ таковою скрижалію берется и сапфиръ; потому что сіяніе сапфира небеснаго вида. И такое гадательное указаніе слу-

жить совѣтомъ (и) для нашего сердца горняя мудрствовать и въ горняя устремляться, и тамъ успокоивать взоры, гдѣ отложено наше сокровище, чтобы неустомляться внимательностію къ Божественнымъ наставленіямъ; потому что небесная надежда даетъ уснокоеніе зрительной силѣ душевныхъ очей.

Потомъ за похвалою чреву слѣдуетъ похвала лыстамъ. Невѣста говоритъ: *лыста Его столпи мраморовы, основани на степенехъ златыхъ.* Много столповъ въ домѣ премудрости, какой создала она себѣ. Многіе также столпы, украшенные разными веществами, подпирали скинію свидѣнія; верхи ихъ и стояла были золотые, а середина столповъ украшена серебряною обкладкою. О столпахъ же Церкви (и Церковь есть домъ, по слову Апостола: *како подобаетъ въ долу Божіи жити* (1 Тим. 3, 15.)) невѣста говоритъ, что они мраморные, утвержденные на золотыхъ стоялахъ. Посему, что невѣста въ описаніи красоты согласна съ премудрымъ Веселенломъ, подобно ему и верхъ и стояла украсивъ золотомъ, это явно всякому, кто занимался сказаннымъ о скиини. Ибо какъ Веселенлъ, каждому столпу принаровивъ верхъ, ставитъ его на золотомъ стоялѣ: такъ здѣсь невѣста, чистымъ окомъ взиралъ на красоту Жениха, говоритъ, что глава Его чистое не-

(и) Такъ читается по рукописи.

порченное золото (сіе значитъ слово: Кефазъ), и о *лыстахъ* утверждаетъ, что основаны на золотыхъ стоялахъ. Какое же гадательное значеніе надлежитъ прилагать именованію: столпы, въ этомъ не удалимся отъ истиннаго понятія, научаемые святымъ Павломъ, который наименовалъ столпами преимушествовавшихъ въ числѣ Апостоловъ, Петра, Іакова и Іоанна. А поелику слѣдуетъ дознать и то, какъ можно содѣлаться столпомъ, чтобы и намъ стать достойными такого названія, то и сіе опять слышимъ отъ премудрости Павла, который говоритъ, что *столпъ* есть и *утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15.). Посему, хотя истина, служащая основаніемъ *лыстамъ*, и украшающая собою руки и главу, есть золото; однакоже не погрѣшить, кто *утвержденіе* ея превратитъ въ естество мрамора: такъ что смыслъ сказаннаго будетъ слѣдующій: *лыста тѣла столпи мраморы*, то есть, свѣтлою жизнію и здравымъ ученіемъ поддерживающіе и подпирающіе общее тѣло Церкви; чрезъ нихъ и стопы вѣры пріобрѣтаютъ крѣпость, и совершается теченіе добродѣтели, и восторженіемъ Божественныхъ упованій все тѣло дѣлается превыспреннимъ. Успѣхъ въ этомъ достигается сими двумя — истиною и утвержденіемъ. Золото примѣняется къ истинѣ, которая, по слову Павла, служитъ и называется основаніемъ Божественнаго устроенія. Ибо такъ онъ гово-

рять: *основанія* *ниго* *никтоже* *можетъ* *поло-*
житьъ *на* *не* *лежащаго,* *еже* *есть* *Иисусъ* *Христосъ*
(1 Кор. 3, 11.). А Христосъ есть истина, на
которой утверждаются *мыста,* столпы Церкви.
Подъ мраморомъ разумѣмъ свѣтлость жизни,
непоколебимое и непреложное расположеніе
къ добру.

Но какъ много было столповъ въ скиинѣ
свидѣнія, многіе столпы поддерживали собою
и домъ премудрости; нынѣ же достаточно
двухъ, чтобы держать на себѣ все тѣло: то,
можетъ быть, цѣль этой загадки надлежитъ
возвести къ иному какому смыслу. Ибо, ду-
маю, симъ подготавливается такая мысль: много
разныхъ путеказаній закона къ добродѣтели,
много заповѣдей премудрости, клонящихся къ
одной и той же цѣли; но сокращенное еван-
гельское слово все совершенство жизни добро-
дѣтельной сводить въ нѣчто удобоисчисляемое
и немногосложное, по слову Господа, такъ
изрекшаго: *въ сію обою заповѣдію весь законъ*
и пророцы висятъ (Мат. 22, 40.). Безъ сомнѣ-
нія же равная потребна сила нести тяжесть,
или повѣшенную, или наложенную; ибо въ
обоихъ случаяхъ усматривается одно напря-
женіе силы у несущаго бремя тѣмъ и другимъ
способомъ: потому что одинаково несетъ на
себѣ, виситъ ли на немъ тяжесть, или ладонью
подпираетъ несомое. Итакъ, поелику Господь
говорить, что *въ сію обою заповѣдію весь за-*

конѣ и пророцы висятъ, а неvěста говоритъ теперь, что тѣло несутъ на себѣ два столпа, утвержденные на золотыхъ стоялахъ: то хорошо будетъ съ обозрѣніемъ загадки о *мыстахъ* принять въ разсмотрѣніе двѣ оныя заповѣди, изъ которыхъ одну Господь именуетъ первою, а другую — подобною первой, говоря, что любить Бога отъ всего сердца всею душою и силою, есть первая заповѣдь; а любить ближняго, какъ самаго себя, равносильная первой. Да и Павелъ, какъ бы въ нѣкій домъ къ принятію Бога уготовляя (i) великаго Тимоѳея, ставитъ въ немъ два сѣи столпа, одному придавая имя вѣры, а другому — совѣсти (1 Тим. 1, 5.), вѣрою означая любовь къ Богу отъ всего сердца, всею душою и силою, а благою совѣстію — исполненное любви расположеніе къ ближнему. Можетъ быть, найденный теперь смыслъ не противорѣчитъ прежнему понятію; потому что тѣмъ и другимъ способомъ можно содѣлаться столпами, подобными Петру, Іакову и Іоанну, и если кто иной, подобно имъ, содѣлался или содѣлается достойнымъ такого имени. Ибо кто совершенъ въ сихъ двухъ заповѣдяхъ, тотъ устрояетъ себя, по слову Апостола, *въ столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15:); потому что сими двумя преспѣянiями цѣлое тѣло истины

(i) По рукописи: *ἐν δυνάμει*.

подпирается, какъ бы какими *лыстами*, и золотое основаніе стояла вѣры даетъ помысламъ неуклонность, неизмѣнность и твердость во всякомъ добрѣ.

Послѣ сихъ похвалъ, какъ бы въ сокращеніи представляя всю красоту Женихову, невѣста говоритъ: *видѣ Ею яко Ливанъ, избранъ яко кедрове. Гортанъ Ею сладость, и весь желаніе: сей братъ мой, и сей ближній мой, дщери іерусалимъ.* Смыъ, думаю, яснѣе обозначаетъ невѣста, что похвала относится къ красотѣ Жениховой въ видимомъ; видимымъ же называю то, чтó Апостолъ изъ отдѣльныхъ членовъ, составляющихъ собою Церковь, представляетъ въ видѣ тѣла. Одинъ видъ у Него, говоритъ невѣста, — тмы кедровъ, которыми повсюду покрытъ Ливанъ, давая знать сказаннымъ, что ничто низкое и пресмыкающееся по землѣ не служитъ къ благообразію тѣла, если не возысится, подобно кедру, и не поспѣшитъ достигнуть вершины. Лучше же выразумѣмъ сперва сравниваемое въ словахъ сихъ. *Видѣ Ею*, говоритъ, *яко Ливанъ избранъ.* Избраніе же всякой вещи бываетъ въ слѣдствіе сравненія съ противоположнымъ. Посему, такъ какъ доброе одноименно, дѣйствительно ли оно таково, или и нетаково, но признается таковымъ по обольщенію, и представляется тѣмъ, чѣмъ оно не есть: то непогрѣшающій въ сужденіи о хорошемъ избранное дѣйствительное добро

предпочитаетъ (к) обманчивому. Поелику здѣсь видѣ Жениха невѣста уподобила избранному Ливану; то въ слѣдствіе сего предполагается словомъ, что должно разумѣть два Ливана,— одинъ лукавый и отверженный, по пророчеству, сокрушаемый, подобно тельцу, вмѣстѣ съ кедрами ливанскими (Пса. 28, 5. 6.), а другой избранный и досточестный, котораго красота боголѣпна и богоподобна. Разумѣемое же въ сказанномъ таково: въ смыслѣ собственномъ, истинномъ и первоначальномъ одинъ есть Царь. Царь всякаго созданія; однакоже и міродержитель тмы величаетъ себя царскимъ именемъ. Легіоны ангеловъ у истиннаго Царя, и легіоны демоновъ у князя власти темныя. Начала, власти и силы у Царя царствующихъ и Господа господствующихъ; но и тотъ, по слову Апостола, имѣетъ у себя начала и власти и силы, которыя будутъ приведены въ бездѣйствіе, когда зло обратится въ ничто, какъ бы несуществующее; *егда*, сказано у Апостола, *испразднитъ всяко начальство и власть и силу* (1 Кор. 15, 24.). *На престолъ высоцѣ и превознесеннѣ* видитъ Пророкъ *сѣдяща* Царя славы (Иса. 6, 1.); и тотъ возвѣщаетъ, что выше звѣздъ поставитъ престолъ свой, и будетъ *подобенъ* Вышнему (Иса. 14. 13.). Сосуды избранные *въ величїи* дому Своемъ имѣетъ

Владыка вселенной; и у того есть *сосуды гнѣва*, совершены въ погибель (Рим. 9, 22.). Еще жизнь и миръ чрезъ ангеловъ подаетъ достойнымъ Владыка ангеловъ; и тотъ *ярость и скорбь и гнѣвъ посылаетъ ангелы мучили* (Пса. 77, 49.). И нужно ли подробно говорить о всемъ, чѣмъ противникъ превозносится предъ Естествомъ добра?

Итакъ, поелику гора Ливанъ, повсюду заросшая и покрытая высокими кедами, — для чувствъ замѣчательное зрѣлище; то по сему самому гора сія очевидными примѣрами дѣлится въ Писаніи по противоположнымъ понятіямъ, будучи взята для особой цѣли въ томъ или другомъ значеніи. Такъ у однихъ и тѣхъ же пророковъ можно видѣть одно и тоже имя съ разными значеніями употребляемымъ въ похвалу и въ оужденіе. *Господь то сокрушаетъ кедръ ливанскіе*, и весь Ливанъ съ кедами на немъ *истниваетъ* (Пса. 28, 5. 6.), подобно слитому въ пустынь тельцу (и симъ пророчество научаетъ, что самый порокъ и всякая поражаемая имъ высота, превозносящаяся надъ боговѣдѣніемъ, обратится въ ничто); то приѣмлетъ слово сіе въ лучшемъ его значеніи, говоря: *праведникъ яко финиксъ процвѣтетъ, яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится* (Пса. 91, 13.). Ибо истинно праведный (а праведный есть Господь), насъ ради происшедшій отъ земли, сей высококовѣтвистый *финиксъ*, возросшій въ

лѣсу естества нашего, дѣлается горою, на которой *умножаются* кедры, укореняющіеся на ней вѣрою; они-то, какъ скоро *насаждены* будутъ *въ дому* Божіемъ, *процвѣтутъ во дворѣхъ Бога нашего* (14). Подъ домомъ же, въ которомъ происходитъ насажденіе кедровъ Божіихъ, по руководству Апостола, уразумѣли мы Церковь; а подъ дворами—вѣчныя скиніи, въ которыхъ будетъ цвѣтеніе, а въ надлежащія времена и явленіе, благихъ надеждъ. Итакъ, поелику тѣло Христово составляется изъ отдѣльныхъ членовъ, и многіе члены дѣлаются единымъ тѣломъ, какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 12, 12.); то по сему самому всецѣлую красоту Жениха наименовала невѣста *избраннымъ Ливаномъ*, опредѣляя симъ разность Ливана избраннаго съ отверженнымъ. Этотъ Ливанъ, по слову Исаіи, падетъ вмѣстѣ съ высотами, когда *цвѣтъ отъ корене Иессеова взыдетъ*, и произрастетъ жезлъ власти (Иса. 11, 1.), который естество льва, рыси и аспидовъ превратитъ въ ручное и кроткое, такъ что *съ тельцею левъ купъ пастися будутъ*, и *съ козлищею рысь пощетъ* (6.), а управлять ими станетъ то *отроча* мало, которое *родися намъ* (Иса. 9, 6.), котораго рука бываетъ въ пещерѣ аспидовъ, прикасается къ исчадіямъ аспидскимъ, и въ бездѣйствіе приводитъ ядъ ихъ. Когда совершится это, говоритъ Пророкъ, *Ливанъ съ высокими падетъ* (Иса. 10, 34.). На чтó указываетъ пророчество сими

загадочными выраженіями. излишне было бы излагать въ точности, такъ какъ для всякаго это явно. Ибо кто незнаетъ родившееся намъ Отроча, касающееся рукою аспидовъ, власть Котораго губительныхъ звѣрей дѣлаетъ приходящими въ забвеніе о природной своей лютости, способными жить вмѣстѣ съ животными кроткими. Итакъ, поелику чрезъ это падаетъ Ливанъ,—эта злоба, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и начало зла,—эти возношенія на истину; то и невѣста красоту Господа уподобляетъ Ливану избранному, выражая сіе словами такъ: *видѣ Ею яко Ливанъ избранъ, яко кедрове.*

Но невѣста присовокупляетъ сообразную похвалу и гортани, именуя ее сладостію и желаніемъ. Буквально же читается это такъ: *гортанъ Ею сладость, и весь желаніе.* А наше о семъ разумѣніе таково: часть, лежащую ниже подбородка, обыкновенно называемъ гортанью. Въ ней, говорятъ, зараждается звукъ, приводимый въ движеніе прираженіемъ воздуха изъ дыхательной жилы. Поелику прекрасныя слова суть сотъ медовый, а орудіе слова есть голосъ, зарожденіе котораго въ гортани; то не погрѣшитель, можетъ быть, кто разумѣетъ такъ, что симъ именемъ означаются тѣ служители и истолкователи слова, въ которыхъ глаголетъ Христосъ. Ибо и великій Іоаннъ на вопросъ: кто онъ? назвалъ себя *гласомъ* (Іоан. 1, 23.), потому что былъ предтечею Слова. И блажен-

ный Павелъ представилъ опытъ *многолющаго* въ немъ Христа (2 Кор. 13, 3.); у Него заимствовавъ себѣ гласъ, былъ сладостію, когда говорилъ Имъ. И всѣ пророки, орудія своего голоса предоставивъ Духу, издававшему ими звуки, содѣлались *сладостію*, изъ своей гортани источая Божественный медъ, которымъ и цари и простолюдины пользуются во здравіе; и наслажденіе имъ не пресѣкаетъ пожеланія сытостію, но приобщеніемъ вождѣлѣваемаго еще болѣе питаетъ желаніе. Посему-то невѣста всего Его и называетъ желаніемъ, симъ словомъ, какъ бы опредѣленіемъ какимъ, описывая красоту Искомага: *весь Онъ желаніе*, говоритъ она. Какъ блаженны тѣ члены, ради которыхъ цѣлое дѣлается *желаніемъ*, по причинѣ совершенства во всякомъ добрѣ, и которые производятъ своею совокупностію сліянную достолюбезную красоту, такъ что цѣлое вождѣлѣнно не по очамъ только, и рукамъ, или кудрямъ, но и по ногамъ, и рукамъ, и лысамъ, а подобно и по гортани, и ни одинъ изъ членовъ не уступаетъ другимъ въ избыткѣ красоты.

Сей, говоритъ невѣста, *братъ мой, и сей*, продолжаетъ она, *ближній мой, дочери іерусалима*. Въ словесномъ этомъ изображеніи представивъ взорамъ ихъ всѣ признаки, по которымъ возможно было открытіе искомага, наконецъ выражается указательно, говоря: вотъ

искомый, Тотъ, Который, содѣлавшись братомъ, возсіялъ намъ отъ Іуды, сталъ ближнимъ *впадшему въ разбойники*, исцѣлилъ раны елеемъ, виномъ и обвязаніями, всадилъ на своего скота, успокоилъ въ гостинницѣ, далъ два динарія, заботясь объ его жизни, и общалъ при возвращеніи отдать, что будетъ прибавлено на это заповѣданное дѣло (Лук. 10, 30. 34. 35.). Безъ сомнѣнія же явно, къ чему клонится каждое изъ сихъ дѣйствій. Ибо законнику, которому хотѣлось показать, что онъ выше другихъ, и который по гордости пренебрегалъ имѣть равную съ другими честь, когда искушалъ онъ Господа вопросомъ: *и кто есть ближній мой* (Лук. 10, 29.)? тогда въ видѣ разсказа Слово изложило все человѣколюбивое домостроительство, представляя нисхождение челоѣка съ горней страны, козни разбойниковъ, совлеченіе нетлѣнной ризы, грѣховныя язвы, возобладаніе смерти надъ половиною естества, потому что безсмертною остается только душа; и бесполезное прохождение закона, такъ какъ ни священникъ, ни левитъ не уврачевали ранъ впаднаго въ разбойники: *невозможно бо крови юнчей и козлей отпущати грѣхи* (Евр. 10, 4.). А Кто возложилъ на Себя все челоѣческое естество въ началѣ смѣшенія, въ которомъ была часть каждаго народа, Іудея, и Самарянина, и Еллина, и рѣшительно всѣхъ людей, Тотъ съ тѣломъ, то есть

съ подъяремникомъ, пришедши (л) на мѣсто
человѣческаго злостраданія, уврачевалъ язвы,
упоконлъ, всадивъ его на свой скоть, и гос-
тинницу содѣлалъ для него мѣстомъ человѣко-
любиваго смотрѣнія, гдѣ упокоиваются всѣ
труждающіеся и обремененные. А кто въ
Немъ, тотъ, безъ сомнѣнія, принимаетъ въ
себя Того, въ Комъ пребываетъ; ибо такъ
изрекло Слово: *во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ
немъ* (Іоан. 6, 56.). Посему пріившій Его въ
собственномъ своемъ помѣщеніи дастъ въ себѣ
пристанище Невмѣстному, приметъ отъ
Него два сребрянника, изъ которыхъ одинъ—
любовь къ Богу отъ всего сердца, а другій—
любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ,
какъ отвѣчалъ и законникъ. И какъ *не слы-
шателиа закона праведни предъ Богомъ, но твор-
цы закона оправдятся* (Римл 2, 13.): то не
принять только надлежитъ сіи два сребрянника,
разумѣю вѣру въ Бога и добрую совѣсть къ
единоплеменникамъ, но должно и самому при-
внести нѣчто дѣлами къ исполненію сихъ за-
повѣдей. Потому Господь и говоритъ гостин-
нику, что все, сдѣланное имъ въ услугу зло-
страдающему, во второе Свое пришествіе
приметъ по достоинству раченія. Итакъ, Кто
по таковому человѣколюбію сталъ нашимъ

(л) По рукописи *plisanti*

ближнимъ, какъ возсіявшій намъ отъ Іуды, содѣлался братомъ,—Того отроковицамъ указываетъ слово невѣсты, Того чистая невѣста объявляетъ дочерямъ іерусалимскимъ, когда говоритъ: *сей братъ мой, и сей ближній мой, дочери іерусалимъ.*

По симъ объявленнымъ признакамъ да найдемъ и да примемъ Его и мы ко спасенію душъ нашихъ, по руководству Святаго Духа. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

БЕСѢДА 15

(5, 17.). *Како отъиде братъ твой. добрая въ женахъ? Како уклонися братъ твой? И възмелезъ Ею съ тобою.* (6, 1.) *Братъ мой сниде въ вертоградъ свой, въ фіалы ароматъ, пахнвити въ вертоградѣхъ, и собирати кринь.* (2) *Азъ брату моему, и братъ мой мнѣ, насыи въ криньхъ.* (3) *Добра еси ближняя моя, яко благоволеніе, красна яко іерусалимъ, ужасъ яко воинства вчиненны.* (4) *Отврати очи твои отъ мене, яко ти възкрилиши мя. Власи твои, яко стада козъ, яже въздоша отъ Галаады.* (5) *Зубы твои, яко стада остриженыхъ, яже въздоша отъ купльи, вси близіята родящїи, и безчадныи въ нихъ: яко вервь червѣна устни твои, и бесѣда твоя красна:* (6) *Яко обращеніе шипка ланиты твоя, кроль заповчанїя твоего.* (7) *Шесть-*

десять суть царицъ, и осьмдесятъ наложницъ, и юнотъ, имже нѣсть числа. (8) Едина есть юмубица моя, совершенная моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю.

Объ Апостолѣ Филиппѣ засвидѣтельствовано, что онъ былъ изъ города Андреева и Петрова. Ибо, кажется мнѣ, въ похвалу Филиппу служить то, что былъ онъ согражданиномъ братьевъ, которые повѣствуемымъ о нихъ въ евангеліи первые возбудили удивленіе. Ибо Андрей, по указаніи Крестителемъ, кто есть Агнецъ, взяющій грѣхъ міра, и самъ уразумѣлъ таинство, послѣдовавъ по стопамъ указаннаго, и дознавъ, гдѣ Онъ пребывалъ и брату своему благовѣствуетъ, что пришелъ предъуказанный пророчествомъ. А братъ, едва не предваривъ слухъ вѣрою, всею душою предается сему Агнцу, и съ измѣненіемъ имени претворяется Господомъ въ нѣчто божественнѣйшее, вмѣсто Симона наименованъ и содѣланъ Петромъ. Аврааму и Саррѣ по прошествіи многихъ лѣтъ, послѣ многихъ богоявленій, преподаетъ Господь благословеніе въ именахъ, претвореніемъ именъ Авраама поставивъ отцемъ, а Сарру—начальницею. Также и Іаковъ послѣ всенощной борьбы удостоивается проименованія Израилемъ и силы. А великій Петръ, не постепенно возрастая, достигъ сей благодати, но вмѣстѣ и услышалъ брата, ли повѣрилъ Агнцу, и усовершился вѣрою, и, прицѣ-

пившись къ камцю, сталъ Петромъ. Итакъ сей Филиппъ, достойный согражданинъ столькихъ и столь великихъ Апостоловъ, когда, ставъ обрѣтеніемъ Господнимъ, какъ говоритъ евангеліе: *обрѣте Иисусъ Филиппа*, содѣлался (м) послѣдователемъ Слова, изрекшаго: *ижди по Милъ* (Іоан. 1, 43.): тогда, приблизившись къ истинному свѣту, подобно свѣтильнику, привлекая отъ Него и себѣ общеніе свѣта, и озаряетъ Наѳанаила, возгнѣтъ предъ нимъ тайну благочестія сказаннымъ: *Его же писа Моисей, и пророцы, обрѣтохомъ Иисуса, изже отъ Назарета Галилейскаго* (45). Наѳанаиль же разумно принявъ сіе благовѣстіе, потому что онъ во всей точности наученъ былъ пророчествомъ тайнѣ о Господѣ, и зналъ, что первое богоявленіе во плоти будетъ изъ Виѳлеема, и что, по мѣсту жительства у назареевъ, Господь наречется Назореемъ. А посему обращаетъ вниманіе на то и другое, и разсуждаетъ, что въ Виѳлеемѣ Давидовомъ, по домостроительству рожденія во плоти, необходимо должно было совершиться тайнѣ вертепа, пеленъ и яслей, а Галилея (мѣсто жительства язычниковъ) получить нѣкогда сіе наименованіе отъ добровольнаго пребыванія Слова у язычниковъ. Поэтому и соглашается съ показавшимъ ему

(м) Такъ читается по рукописи.

свѣтъ вѣдѣнія, и говоритъ: *отъ Назарета можеть ли что добро быти* (Іоан. 1, 46.)? Тогда-то Филиппъ дѣлается путеводителемъ къ благодати, говоря: *прииди и виждь*. Въ слѣдствіе сего Наѡанаилъ, оставивъ смоковницу закона, тѣнь которой препятствовала причастію свѣта, приѣмлетъ Того, Кто за безплодіе добра изсушаетъ листья смоковницы. Почему и свидѣтельствуемъ о немъ Слово, что онъ искренній, а не притворный Израильтянинъ, нелъстивымъ произволеніемъ показывающій въ себѣ чистыя черты патріарха. Ибо говоритъ Господь: *се воистинну Израильтянинъ, въ немъже лъсти нсть* (47.).

А что касается до того, къ чему клонится сіе повѣствованіе въ началѣ бесѣды, сіе, безъ сомнѣнія, для слушателей болѣе понятливыхъ явно изъ предложеннаго намъ по порядку чтенія изъ Пѣсни пѣсней. Какъ Андрей гласомъ Іоанна путеводится къ Агнцу, а Наѡанаилъ, просвѣщаемый Филиппомъ, исшедши изъ обѣмлющей его тѣни закона, вступаетъ въ свѣтъ истинный; такъ и отроковицы къ приобрѣтенію указаннаго имъ блага употребляютъ въ руководство душу совершенную по красотѣ, говоря ей: *камо отъиде братъ твой, добрая въ женахъ? Камо уклонися братъ твой? И взыщемъ Ею съ тобою*. Не безъ основанія же душидѣвы предлагаютъ вопросъ наставницѣ. Ибо сперва вели онѣ рѣчь о томъ, что такое братъ

невѣсты, въ вопросѣ, предшествующемъ сему изреченію, говоря: *что братъ твой, добрая въ женахъ?* И наученные тому сказанными признаками, а именно, что Онъ *былъ и черменъ*, и имѣеть прочія черты, какими невѣста изображаетъ видъ Желаннаго, спрашиваютъ о мѣсто-пробываніи. Посему говорятъ: *како отъиде братъ твой, или како уклонися?* Чтобы, безъ сомнѣнія, дознавъ, гдѣ Онъ, поклониться на мѣстѣ, гдѣ стояли ноги Его, и извѣстясь, куда уклонился, самимъ стать въ такомъ положеніи, въ которомъ была бы видима ими слава Его, чье явленіе дѣлается спасеніемъ для взирающихъ, какъ говорятъ Пророкъ: *прослѣти лице Твое, и спаселся* (Пса. 79, 4.).

И наставница, подобно Филиппу, сказавшему: *прииди и виждь*, ведетъ всѣхъ уловить Искомаго. и вмѣсто того, чтобы сказать: *виждь*, указываетъ мѣсто, гдѣ Искомый, и куда готовъ идти; ибо говорить: *братъ мой сииде въ вертоградъ Свой, въ лѣстѣ ароматъ*. Въ сихъ словахъ Писаніемъ означается только мѣсто, гдѣ Женихъ. А съ сихъ словъ наставница показываетъ въ рѣчи своей, что имѣеть Онъ въ виду. и куда устремляетъ взоръ, говоря: *паствити въ вертоградѣхъ, и собирати крини*. Вотъ чувственное (н) путеуказаніе Слова отро-

(н) Въ рукописи вмѣсто: *сѣмантикѣ* читается: *сѣмантикѣ*.

ковицамъ, по которому дознають, гдѣ Женихъ, и куда устремляетъ взоръ. Безъ сомнѣнія же, при помощи духовнаго обозрѣнія, надлежитъ познать, что полезнаго въ этомъ богодухновенномъ Писаніи.

Посему, когда услышимъ, что *братъ спиде въ вертоградъ свой*, дознаемъ изъ сказаннаго евангельское таинство, потому что каждое именование уясняетъ намъ таинственное сіе учение. Во плоти явившійся Богъ, потому что возсіялъ отъ Іуды, озарилъ же язычниковъ, сѣдящихъ во тмѣ и сѣни смертной, прекрасно и прилично приѣмлетъ имя брата отъ уневѣщенной Ему въ вѣчное сочетаніе сестры народа іудейскаго. Слово же: *спиде* даетъ разумѣть, что снисшелъ ради нисходившаго изъ Іерусалима въ Іерихонъ и впадшаго въ разбойники; потому и Самъ нисходитъ путемъ нисхожденія ставшаго добычею враговъ, а симъ означаетъ отъ неизреченнаго величія до смиренія естества нашего совершившееся нисхождение. А изъ загадочнаго значенія слова: *вертоградъ* дознаемъ то, что истинный Дѣлатель дѣланіе Свое — насъ человѣковъ насаждаетъ вновь; ибо мы, по слову Павлову, *Ею тяжаніе* (1 Кор. 3, 6.). Итакъ, поелику Онъ и въ началѣ въ раю воздѣлалъ естество человѣческое, которое насадилъ Отецъ небесный; то, когда *удиненный дивій пояде* вертоградъ нашъ, и *озоба* Божественную ниву (Пса. 79,

14.), снизшелъ Онъ пустыню снова сдѣлать вертоградомъ , украшающимся насажденіемъ добродѣтелей, при тщательномъ уходѣ за таковыми растеніями открывъ въ словѣ свободное теченіе чистому и божественному источнику ученія. А *мѣста* (о) *ароматъ* въ описаніи красоты взяты въ похвалу ланитамъ, при содѣйствіи которыхъ раздробляется духовная пища въ питающихся; слово же показываетъ, что здѣсь мѣстопробываніе жениха, такъ какъ дознаемъ, что женихъ водворяется, не въ запустѣвшей добродѣтелями душѣ, но развѣ въ томъ, кто, по изложенному выше ученію, содѣлается фіаломъ аромата, источающимъ благовоныя масти; таковой , ставъ чашею премудрости, пріемлетъ въ себя божественное и чистое вино, отъ котораго въ пріившемъ бываетъ веселіе. А слѣдующее за симъ слово научаетъ насъ , на какихъ пажитяхъ тучнѣютъ стада добраго пастыря. Ибо не въ пустынный какія либо и терніемъ поросшія мѣста выгоняетъ овецъ, щипать тамъ травянистую зелень, но предлагаются имъ въ пищу ароматы изъ вертоградовъ, а вмѣсто травы служитъ кринь, который, говоритъ невѣста, собирается пастыремъ въ кормъ овцамъ. Сіе-то любомудрое ученіе предлагаетъ намъ въ этомъ слово, а

(о) Точнѣе: фіалы ароматъ.

именно, что объемлющее собою существа естество и могущество, все содержа въ себѣ, мѣстомъ для себя и вмѣстилищемъ дѣлаетъ чистоту приѣмлющихъ, въ которыхъ разнообразно воздѣлываемый добродѣтелями вертоградъ украшается цвѣтами криновъ, и орошаетъ плодоносіемъ ароматовъ. Ибо крины загадочно означаютъ ясность и чистоту разумѣнія, а благоуханіе ароматовъ—отвращеніе отъ всякаго грѣховнаго зловонія. Такъ подобнымъ сему, по словамъ невѣсты, занимается приставникъ словеснаго стада, пася въ вертоградахъ, и для корма овцамъ срывая и собирая крины, какіе и предлагаетъ овцамъ чрезъ великаго Павла, который изъ божественнаго хранилища выдаетъ намъ эту изъ криновъ пищу, то есть, *елика истинна, елика честна, елика праведна, елика прелюбезна, елика пречиста, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала* (Фил. 4, 8.). Вотъ, по моему разсужденію, тѣ крины, которыми питается стадо у добраго пастыря и учителя.

Слѣдующее за симъ слово, которое произносить чистая и нескверная невѣста, говоря: *азъ брату моему, и братъ мой лишь*, есть правило и опредѣленіе совершенства въ добродѣтели. Ибо дознаемъ изъ сего, что душѣ, достигшей чистоты, должно не имѣть въ себѣ ничего, кромѣ Бога, и ни на чтó иное необращать вниманія; но только быть чистою отъ

всякаго вещественнаго дѣла и понятія, чтобы, всей и всецѣло претворившись въ мысленное и невещественное, содѣлать себя самымъ явственнымъ изображеніемъ красоты перво-образа. И какъ тотъ, кто видитъ на картинѣ списокъ, точно снятый съ подлинника (п), утверждаетъ, что одинъ образъ и въ списокѣ и въ подлинникѣ, говоря, что въ изображеніи сохранена красота подлинника, и онъ явственно видѣнъ въ подражаніи; подобно сему говорящая: *изъ брату моему, и братъ мой мнѣ*, утверждаетъ о себѣ, что она сообразна стала Христу, воспріявъ собственную свою красоту, первобытное блаженство естества нашего, украсившись по образу и подобію первой истинной и единственной красоты. И что, на примѣръ, бываетъ съ зеркаломъ; когда оно устроено искусно и сообразно съ потребностію, тогда на чистой своей поверхности въ точности показываетъ черты видимаго въ немъ лица: тоже произошло и съ душою; уготовавъ себя сообразно съ потребностію, и отринувъ отъ себя всякую вещественную скверну, отразила она въ себѣ чистый образъ ничѣмъ неповрежденной красоты. Посему слѣдующую рѣчь произносить это произволеніемъ одаренное и одушевленное

(п) Переведено по рукописи.

зеркало: «поелику въ цѣлой окружности вижу лице брата, то поэтому всецѣло видна во мнѣ красота Его образа». Симъ именно словамъ подражаетъ Павелъ, говоря, что живетъ онъ Богу, ставъ мертвымъ для міра, и что въ немъ живетъ одинъ Христосъ. Ибо, сказавъ: *мнѣ еже жити, Христосъ* (Фил. 1, 21.), громогласно чрезъ это взываетъ: не живетъ во мнѣ ни одна изъ человѣческихъ и вещественныхъ страстей, ни снотолубіе, ни скорбь, ни раздражительность, ни страхъ, ни робость, ни смятеніе, ни кичливость, ни дерзость, ни злопамятство, ни зависть, ни какое либо мстительное расположеніе, ни любостыжательность, ни другое что либо оскверняющее душу какою либо связію. Но во мнѣ живетъ Тотъ одинъ, въ Комъ нѣтъ ничего изъ перечисленнаго. Ибо, отрясши все, усматриваемое внѣ онаго естества, не имѣю въ себѣ ничего такого, чего нѣтъ въ Немъ. Поэтому *мнѣ еже жити, Христосъ*, или, какъ говоритъ невѣста: *азъ брату моему, и братъ мой мнѣ*. Онъ — освященіе, чистота, нетлѣніе, свѣтъ, истина, и все сему подобное, что доставляетъ пажить душѣ моеи не на какихъ либо луговыхъ травахъ, или между кустарниками, но во свѣтлостяхъ святыхъ; потому что естество криновъ, бѣлизною своей доброцвѣтности, наводитъ насъ на эту мысль. Итакъ *пасый въ криньхъ* для того и ведетъ стадо свое на луга криновъ,

чтобы на насъ была свѣтлость Господа Бога нашего (Пса. 89, 17.). Ибо съ родомъ пищи сообразуется, конечно, и питаемое. Скажу для примѣра; предположимъ, что будетъ пустой сосудъ, изъ стекла сдѣланный; въ немъ насквозь видно все влагаемое, что такое ни было бы положено, черное ли что, или нѣчто болѣе чистое и свѣтлое (р). Посему вложившій въ души бѣлизну криновъ посредствомъ ихъ бѣлыми дѣлаетъ и самыя души, потому что вложенное видно насквозь совнѣ. Но чтобы до большей ясности довести намъ мысль сію, скажемъ, что душа питается добродѣтелями, а добродѣтели загадочно названы кринами. Кто при добромъ поведеніи наполненъ ими, тотъ дѣлаетъ себя явнымъ по жизни, показывая въ нравахъ видъ каждой добродѣтели. Пусть будетъ въ тебѣ чистымъ криномъ цѣломудріе, справедливость, мужество, благоразуміе, и вся, елика, по слову Апостола, истинна, елика честна, елика прелюбезна, елика праведна, елика пречиста, елика добροхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала. Ибо все это, находясь въ душѣ, обнаруживаетъ себя чистою жизнію, и обладающаго симъ украшая, и само украшаясь пріившимъ это.

Итакъ въ непосредственно слѣдующемъ за

(р) Переводъ сдѣланъ по рукописи.

сказаннымъ доселѣ выслушаемъ, чего сподобляется возлюбившая упованіе на брата, и красоту возлюбленнаго пріившая въ собственный свой образъ, отъ прославляющаго прославляющихъ Его (с). Ибо Слово говорить невѣстѣ: *добра еси ближняя моя, яко благоволеніе, красна яко Іерусалимъ, ужасъ яко вчиненны*. Что небеснымъ воинствомъ во услышаніе пастырен возсылается *слава въ вышнихъ Богу* за благоволеніе *въ челоуцѣхъ*, когда увидѣли рожденный на земли миръ (Лук. 2, 14.), и что Владыка всей твари именуетъ Іерусалимъ градомъ *великаго Царя* (Матѣ. 5, 35.), это извѣстно всякому читавшему евангельскія книги, а поэтому не можетъ онъ не знать, о какой красотѣ невѣсты свидѣтельствуется Слово сравненіемъ ея съ Іерусалимомъ и благоволеніемъ. Ибо, какъ явно, Слово показываетъ симъ, что душа въ благоуспѣшномъ восхожденіи значительно возвысилась, и простирается уже до чудесъ Владычнихъ. Ибо, если въ вышнихъ Богъ, сый въ лонѣ Отчи, по *благоволенію въ челоуцѣхъ*, вступаетъ въ общеніе съ плотію и кровію, чтобы произошелъ на землѣ миръ; то явно, что сему благоволенію уподобившая красоту свою, съ преспѣваніемъ подражаетъ Христу, тѣмъ ставъ для другихъ, чѣмъ содѣ-

лался Христосъ для естества человѣческаго,
 какъ поступилъ подражатель Христовъ Павелъ,
 отлучая себя отъ жизни, чтобы собственнымъ
 своимъ страданіемъ искупить спасеніе Израилю,
 говоря: *полюбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ*
Христа по братіи моеи, сроднищѣхъ моихъ по
плоти (Рим. 9, 3.). Къ сему справедливо при-
 мѣняется сказанное невѣстѣ: *такова красота*
души твоей, каково было благоволеніе къ
намъ Владыки, Который Себе истощилъ зракъ
раба пріимъ (Фил. 2, 7.), отдалъ себя въ
 искупительную цѣну за жизнь міра, *насъ ради*
обнища богатъ сый, да мы смертію Его будемъ
живы, и нищею обогатимся (2 Кор. 8, 9.), и
 въ рабѣмъ зракъ Его воцаримся. А величіе
 невѣсты и красота Іерусалима равно указуютъ
 на *вышній іерусалимъ, свободный, и матеръ*
свободныхъ (Гал. 4, 20), который, какъ до-
 знали мы изъ словъ Владычныхъ, есть *градъ*
великаго царя. Ибо вмѣстившая въ себѣ Не-
 вмѣстимаго, такъ что въ ней и живетъ и хо-
 дить Богъ, украсившись красотою живущаго
 въ ней, дѣлается Іерусалимомъ небеснымъ,
 пріявъ на себя красоту его. Красота же и
 убранство царскаго города, безъ сомнѣнія,
 есть красота самаго царя. Ибо, по слову
 псалмопѣнія, *убранствомъ и красотою служить*
тотъ, кому говоритъ пророчество: красотою
твоею и добротою твоею: и наляцы и усльвай,
и царствуй истины ради и кротости и правды

(Пса. 44, 5.); ибо ими, то есть истинною, правдою и кротостію отличается Божество. Посему по такимъ красотамъ образовавшая себя душа дѣлается изукрашенною, какъ Іерусалимъ, красующійся царскимъ убранствомъ. Но въ этомъ очевидно заключается похвала красотѣ невѣсты, выраженная сравненіемъ съ благоволеніемъ и Іерусалимомъ.

Не сомнѣваемся также, что и продолженіе рѣчи служить въ похвалу же невѣстѣ. Но въ какомъ смыслѣ таковою похвалою величается удостоившаяся сей доброй о себѣ славы, сего невозможно дознать съ перваго взгляда. Ибо читается сіе такъ: *ужасъ яко силы очиненны*. Иный, слѣдуя разсмотрѣнному прежде, скажетъ, можетъ быть, что сравненіемъ съ премірнымъ естествомъ въ словѣ возвеличивается похвалами невѣста. Ибо тамъ *очиненныя силы*, гдѣ власти, которыя всегда господствуютъ, господства, которыя всѣмъ обладаютъ, престолы, которые неколеблемо возвышаются, начала, которыя пребываютъ нерабственными, силы, которыя неумолчно благословляютъ Бога, гдѣ пареніе Серафимовъ не останавливается и стояніе не преходитъ, гдѣ Херувимы неперстаютъ придерживаться высокому и превознесенному престолу, гдѣ не прекращаютъ служенія слуги, дѣлающіе дѣло и слушающіе слово (Пса. 102, 20. 21.). Итакъ, поелику власти сін установлены отъ Бога, и чинъ разум-

мыхъ и премірныхъ силъ навсегда пребываетъ неслитнымъ, такъ какъ никакой порокъ не извращаетъ благочинія, то посему и душа, въ подражаніе опытнымъ силамъ, все *по чину и благообразно* дѣлая, такое возбуждаетъ къ себѣ удивленіе, какое бываетъ къ онымъ вчиненнымъ силамъ. Ибо значеніе слова: *ужасъ* толкуется словомъ: поразительность, подъ словомъ же: поразительность разумѣя удивленіе, неогрѣшаемъ противъ истины.

Но вслѣдъ за симъ читаемое изреченіе дѣлаетъ сомнительнымъ, какимъ лицомъ оно произнесено, и кому сказано: *отврати очи твои отъ мене, яко ти възкрихъ мя*. По мнѣнію нѣкоторыхъ Владыкою сказано это чистой душѣ, а я предполагаю, что гораздо приличнѣе изреченіе сіе приложить къ невѣстѣ. Ибо ей соотвѣтственнымъ нахожу смыслъ выражаемаго словомъ. И какъ мнѣ представляется это, изложу кратко. Во многихъ мѣстахъ богодухновеннаго Писанія, слышу, говорится, что у Бога есть крылья, по словамъ пророчества: *въ кровь крилу Твоею покроеши мя* (Иса. 16, 8.); и еще: *подъ криль Ею надълешися* (Иса. 90, 4.); такъ Моисей еще въ великой пѣсни описываетъ сіе, когда говоритъ: *простеръ криль Свои, и пріятъ ихъ* (Второз. 32, 11.); таково и сказанное Господомъ Іерусалиму: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошъ птенцы своя подъ криль свои*

(Матѣ. 23, 37.). Все же сіе, какъ скажетъ иный, смотря на связь рѣчи, недалеко отъ предлагаемой здѣсь мысли. Посему, если на какомъ либо таинственномъ основаніи богодухновенное слово о Божественномъ ествѣ опредѣляетъ, что у Него крылья, а первое устройство человѣка свидѣтельствуешь, что естество наше сотворено по образу и подобию Божию; то конечно созданный по образу во всемъ былъ подобенъ первообразу. Но по священному Писанію первообразъ окриленъ. Посему и естество человѣческое уговорено было окриленнымъ такъ, что и въ крыльяхъ имѣло Божіе подобіе. Явно же, что именованіе крыль въ нѣкоемъ переносномъ образѣ воззрѣнія взято будетъ въ какомъ либо боголѣпномъ смыслѣ, такъ что названіемъ крыль означаются сила, блаженство, нетлѣніе и подобное сему. Итакъ, поелику было это и въ человѣкѣ, пока во всемъ уподоблялся Богу, но послѣ сего преклонность къ пороку лишила насъ таковыхъ крыль; ибо, ставъ внѣ крова крыль Божіихъ, утратили мы и собственныя свои крылья; то явилась посему Божія благодать, просвѣщающая насъ, чтобы, отложивъ нечестіе и мірскія похоти, снова окрилились мы преподобіемъ и правдою (Тит. 2, 12.). Посему, если не далеко это отъ истины, то прилично невѣстѣ признать благодать, явленную на ней очами Божіими. Ибо вмѣстѣ и Богъ

воззрѣтъ на насъ очами челоуѣколюбія, и мы окрились первобытною благодатию. Сіе-то, думаю, показываетъ слово въ сказанномъ, о чемъ молясь Давидъ въ шестнадцатомъ псалмѣ, говоритъ Господу: *очи Твои да видита правоты*, то есть мои. Ибо продолжаетъ: *искусилъ еси сердце мое, постигилъ еси ношю: искусилъ мя еси, и не обрѣтешя во мнѣ неправда* (Пса 16, 2. 3.). Посему сказать: *очи Твои да видита правоты*, значить тоже, что—очи Твои да не усматриваютъ противнаго. Ибо кто видитъ прямое, тотъ не видитъ криваго; и кто не видитъ криваго, тотъ, безъ сомнѣнія, видитъ прямое. Посему изъятіемъ противоположнаго Пророкъ показываетъ доброе въ божественныхъ очахъ, которыми снова окривляется душа, за преслушаніе первозданныхъ обезкривлявая. Итакъ сіе уразумѣли мы изъ сказаннаго: когда очи Твои взираютъ на меня, тогда отвращаются отъ противнаго, потому что не увидятъ во мнѣ ничего сопротивнаго мнѣ. Отъ сего происходитъ, что отъ очей Твоихъ снова окривляюсь, и за добродѣтели возвращаю себѣ крылья какъ бы голубицы (т), при которыхъ появляется у меня способность летать, такъ что могу и продолжить полетъ и упокоиться тѣмъ именно покоемъ, какимъ почилъ Богъ отъ дѣлъ Своихъ.

За сими словами слѣдуетъ опять описаніе невѣстиной красоты, при чемъ каждая черта, служащая къ полнотѣ красоты, величается въ словѣ какимъ либо приличнымъ уподобленіемъ. Ибо восхваляются—красота ея волосъ, положеніе зубовъ, цвѣтъ устъ, сладость голоса, румянецъ ланитъ. Притомъ похвала всего поименованнаго у невѣсты воспоминается какимъ либо приличнымъ сравненіемъ и сличеніемъ. Ибо волосы уподоблены стадамъ козъ, появившимся съ Галаада, а стада остриженныхъ, хвалящіяся двойнымъ приплодомъ, по уподобленію служатъ похвалою зубамъ; верви же червленой приравниваются уста, и обращеніемъ шипка украшаются ланиты. Буквально читается сіе такъ: *власи твои, яко стада козъ, яже взыдоша отъ Галаада. Зубы твои, яко стада остриженныхъ, яже взыдоша отъ купили, вси близнѣята родящїи, и безчадныя нѣсть въ нихъ: яко вервь червлена устъ твои, и беспѣда твоя красна: яко обращеніе шипка ланиты твоя, кроишь залочанїя твоего.* Поелику все сіе достаточно изслѣдовано въ сказанномъ доселѣ, то излишнимъ было бы дѣломъ рѣчь дѣлать скучною повтореніемъ тѣхъ же изгладовъ. Но если кто и теперь потребуеъ слова о томъ же, то ради неслышавшихъ прежнихъ объясненій на реченія сіи, кратко перескажемъ значеніе загадокъ. Волосы на тѣлѣ имѣютъ свое особое отъ прочаго тѣла естество. Когда

всему тѣлу служить сила чувствующая, безъ которой и естество жизни невозможно, потому что чувствованіе есть тѣлесная жизнь; видимъ, что одни волосы, составляя часть тѣла, не имѣютъ части въ чувствительности. Особенность же сія въ этой части тѣла доказывается тѣмъ, что волосы, ни при жженіи, ни при рѣзаніи, не чувствуютъ боли, подобно другимъ частямъ тѣла. Итакъ поеліку, по слову Павлову, слава женѣ — волосы (1 Кор. 11, 15.), украшающіе голову плетеніями; то похвалою волосъ у невѣсты научаемся, что власамъ, усматриваемымъ на главѣ невѣсты, которыми славится Церковь, надлежитъ быть совершеннѣйшими чувствъ, мудростію прикрывать чувство, какъ и притча говоритъ: *премудріи скрываютъ чувство* (Прит. 10, 14.). У нихъ не зрѣніе служить въ отличеніи хорошаго, не вкусомъ извѣдывается доброе, не обонянію, не осязанію, не другому какому-чувствовалищу вѣряется судъ о прекрасномъ напротивъ того, по умерщвленіи всякаго чувства. одною душою касаются и вожделѣваютъ они благъ, представляющихся мысленно, и такимъ образомъ прославляютъ жену—Церковь, ни почестями не надмѣваясь, ни отъ малодушія не теряя духа въ обстоятельствахъ скорбныхъ; но хотя бы стали рѣзать за вѣру во Христа, хотя бы повергли звѣрямъ или въ огонь, хотя бы заставили

терпѣть другое чтò скорбное, при испытаніи мученій показываютъ видъ безчувственности волосъ. Таковъ былъ Ілія, пришедшій изъ Галаада въ поросшемъ волосами и изсохшемъ тѣлѣ, покрытый козьею кожею, неустрашаемый никакими угрозами мучителя. Посему всѣ тѣ, которые, изъ подражанія великодушію сего Пророка, стоятъ выше всего міра, *лишени, скорбяще, озлоблени, въ юрахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ, ихже не достоинъ міръ* (Евр. 11, 37. 38.),— всѣ они, какъ бы въ видѣ стада, видимые окрестъ Главы всяческихъ, дѣлаются славою Церкви, вмѣстѣ съ обитателемъ Галаада восходя къ небесной благодати.

Животное же коза взято въ похвалу волосамъ, можетъ быть, или потому что по естественному свойству животное сіе устроено способнымъ къ произращенію волосовъ, такъ что, по природѣ обросши волосами, служить оно загадочнымъ знакомъ красоты въ волосахъ, или потому что коза не скользя ходить по скаламъ, носится по вершинамъ горъ, смѣло совершаетъ путь по непроходимымъ и обрывистымъ стезямъ, чтò весьма примѣнимо къ преуспѣвающимъ на негладкомъ пути добродѣтели. А съ большимъ правомъ, можетъ быть, иной скажетъ: козы служатъ въ похвалу главѣ, потому что животное сіе законодателемъ взято во многихъ случаяхъ на законное священно-

служеніе. А я знаю, что въ загадочныхъ сказаніяхъ притчи между четырьмя, *яже благоопытно ходятъ*, считается одно животное, *яже добръ проходитъ*, и это — *козелъ предводитель стаду* (Прит. 30, 29. 31.). Гадательно же разумѣемъ подъ симъ слѣдующее. Всякое промышленное занятіе, начинаемое однимъ, передается отъ него многимъ. Такъ Писаніе, назвавъ Овела изобрѣтателемъ искусства ковать, къ нему возводитъ знаніе всѣхъ, послѣ него усвоившихъ себѣ обработку желѣза. Такъ въ пастушествѣ первымъ былъ Авель, а въ земледѣліи Каинъ; Неврода Писаніе называетъ начальникомъ въ охотничьемъ дѣлѣ, а Ноя — въ воздѣлываніи винограда, объ Энѣсѣ говорить, что началъ уповать на Бога (Быт. 4, 26.). И много подобныхъ свѣдѣній можно почерпнуть въ святомъ Писаніи о томъ, кто одинъ полагалъ чему либо начало, и дѣло по подражанію входило въ жизнь. Такъ, поелику Илія по преимуществу былъ примѣромъ въ самой высокой степени божественной ревности, то и всѣ, которые послѣ него, подражая его ревности, шли по тѣмъ же слѣдамъ дерзновенія пророкова, содѣлались стадомъ предводительствовавшего въ такой жизни; и они-то составляютъ славу и похвалу Церкви, замѣнивъ собою красоту волосовъ, которымъ не свойственна и чужда жизнь чувствъ.

Подобными симъ качествами наполняетъ

Слово похвалу и зубамъ. Ими могутъ быть тѣ, которые питають собою тѣло Церкви; и ихъ-то желаетъ оно видѣть всегда чистыми, какъ бы только что вышедшими изъ купѣли, никогда неимѣющими излишества въ волосахъ, какъ послѣ недавняго остриженія, но по приплоду добродѣтелей двоеплодными, отцами сугубой чистоты, усматриваемой и въ душѣ и въ тѣлѣ, такъ что быть неродящими всего лучшаго есть нѣчто невозможное для сихъ зубовъ.

Верь же, положенная на устахъ, загадочно даетъ разумѣть мѣрное служеніе слову, что Пророкъ назвалъ храненіемъ и дверью огражденія (Пса. 140, 3.), когда уста во время отверзаются, и во время закрываются для слова. А что вервь—наименованіе мѣры, дознали мы сіе изъ пророчества Захаріи. *Глаголюй въ немъ Ангелъ имѣлъ въ рукахъ ѹже землемѣрно* (Зах. 2, 13.). Слово же тогда наипаче бываетъ въ мѣру, когда прикрашено стыдливымъ румянцемъ, что служитъ загадочнымъ знакомъ крови Искупившаго насъ. Если кто, подобно Павлу, имѣетъ *глаголющаго* въ себѣ Христа (2 Кор. 13, 3.), Своею кровію искупившаго насъ, то онъ имѣетъ *ѹже землемѣрно* на устахъ, украшенное тѣмъ, что оно кроваваго цвѣта.

Слѣдующее за симъ слово есть истолкованіе прежней загадки. Ибо *красною бесѣдою* име-

нуеть Слово червленую сєрвь, чѣмъ опять означаетъ благовременность (у) и соразмѣрность. Въ точности прекрасное и появляющееся именно въ свое время, не бываетъ ни преждевременнымъ, ни безвременнымъ. *Обращеніе* же *шинка* украшая яблоко ланиты, свидѣтельствуєтъ о нѣкоемъ великомъ усовершеніи невѣсты въ добрѣ; ибо даетъ знать, что не въ иномъ чемъ уготовано для нея сокровище, но что сама для себя служить сокровищемъ, и въ себѣ содержитъ приуготовленіе всякаго добра. Ибо какъ въ *обращеніи* заключается все, что въ *шинкѣ* есть снѣднаго, такъ видимою красотою жизни показывается, что внутри ея заключается сокровище. Оно-то и есть тайное сокровище надеждъ, этотъ собственный плодъ души, содержимый въ доблестной жизни, какъ въ *обращеніи* какомъ *шинка*. Сказанное же: *кроль замолчанія твоего*, по моему мнѣнію, такой имѣетъ смыслъ: похвала тебѣ не столько слагается изъ видимаго, изъ того, что указывается словомъ, но паче изъ того, что покрыто молчаніемъ, избѣгая указанія словомъ. Ибо какъ подъ молчаніемъ разумѣтся, что внѣ слова, такъ не погрѣшитъ, кто подъ словомъ разумѣетъ, что внѣ молчанія. Ибо умалчиваемъ то, чего не можемъ объявить словами. По-

(у) По рукописи читается: *тѣмъ и ѿдѣловъ*.

сему, если что внѣ слова, то разумѣется какъ молчаніе, непременно слѣдуетъ, что внѣ молчанія, то признавать словомъ. Слѣдовательно сказавшій: *кромя замолчанія твоего*, ясно выражаетъ словомъ слѣдующее: хотя прекрасно и велико и то, что можетъ быть изображено словомъ, что *кромя замолчанія твоего*; однакоже, что внѣ слова, покрывается молчаніемъ, неизреченно и неизразимо, то, безъ сомнѣнія, удивительнѣе высказываемаго.

Но выслушаемъ и продолженіе похвалъ; ихъ смыслъ подобенъ извѣстному въ бытописаніи кладязю, у котораго нѣкій камень, заграждая устье, для приходящихъ со стадами дѣвъ воспользоваться водою дѣластъ невозможнымъ; но Іаковъ, вставъ отваливаетъ камень отъ устья, и изъ чего поили скотъ, то, наполнивъ водою, даетъ овцамъ въ волю насладиться влагой. Посему что же уподобляемъ такому кладязю? *Шестидесятъ суть царицъ, и осмьдесятъ наложницъ, и юнотъ, илже нсть числа. Едина есть юзубица моя, совершенная моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю. Итакъ кто же отвалить намъ камень этой неясности? Кто почерпнетъ воду понятій, стоящую на такой глубинѣ, что она недоступна нашему разуму? Но всего лучше, кажется мнѣ, засвидѣтельствовать вашему слуху, что знать сіе возможно тѣмъ однимъ, которымъ говоритъ Апостолъ: во всемъ обогатитесь, во всякомъ*

словъ и всякомъ разумѣ (1 Кор. 1, 5.). А наша нищета не въ состояніи обнять предлагаемыхъ въ словѣ сокровищъ. Впрочемъ, чтобы не подпасть обвиненію въ недѣятельности, ради *Вмѣнившаго* намъ въ законъ испытывать Писанія (Іоан. 5, 39.), не полѣнмся и надъ симъ пролить хотя нѣсколько пота. *Посему* говоримъ, что заключающееся въ словахъ сихъ *любомудріе* въ похвалахъ невѣстѣ предлагаетъ намъ нѣкое тонкое ученіе. И ученіе сіе таково. Не въ той же послѣдовательности и не въ томъ же порядкѣ существа создаются и возсоздаются. Когда естество твари первоначально приводимо было въ бытіе Божіею силою, въ каждомъ существѣ неразрывно съ началомъ связуемъ былъ и конецъ, потому что все, пришедшее изъ небытія въ бытіе, совокупно съ началомъ получило и совершенство. Но и *человѣческое* естество есть одно изъ сотворенныхъ, и оно, по подобію другихъ тварей, не постепенно приходило къ совершенству, а съ самаго начала бытія имѣло въ себѣ совершенство, съ какимъ было создано; приведено же въ бытіе, какъ говоритъ Писаніе, *по образу и по подобію Божію* (Быт. 1, 26.); что показываетъ самое высшее и совершеннѣйшее изъ благъ. Ибо можно ли найти что выше уподобленія Богу? Такъ въ первой твари неразрывно съ началомъ виденъ сталъ и конецъ, и естество начало свое бытіе со-

вершенствомъ. Но тогда, по тѣсной связи съ порокомъ освоившись съ смертію, удалшлось оно отъ пребыванія въ добрѣ; тогда не вдругъ воспріемлетъ совершенство, подобно первому составу, но нѣкимъ путемъ доходить до вышшаго состоянія. съ какою-то послѣдовательностію и порядкомъ, по немногу истребляя въ себѣ пристрастіе къ противоположному. Ибо при первомъ устроеніи ничто не препятствовало совершенству естества сойтись съ вступленіемъ въ бытіе, потому что небыло грѣха. А при вторичномъ возсозданіи возвратное слѣдованіе къ первоначальному благу необходимо сопровождается продолжительнымъ переходомъ. Почему сердце наше, по причинѣ порока связанное вещественнымъ пристрастіемъ, какъ бы вырываясь отъ нѣкоторой лежащей на немъ коры, по немногу очищаясь болѣе исправнымъ поведеніемъ, отрѣшается отъ связи съ худшимъ. Посему-то научены мы, что у Отца *обители мнози зуть* (Іоан. 14, 2.), потому что всѣмъ уготовано воздаяніе, каждому по мѣрѣ наклонности его къ хорошему и удаленія отъ худаго. Ибо иной едва начинаетъ вкушать лучшую пищу, какъ бы изникнувъ только изъ нѣкоей глубины порочной жизни для приобщенія истины; а у другаго, по его рачительности, произошло уже нѣкое приращеніе лучшаго; другой возросъ наиболѣе возделѣніемъ благъ; а кто держится средняго

восхожденія на высоту; иной же перешелъ уже и за средину; нѣкоторые же и сихъ превысили собою, а иные опередили и послѣднихъ; другіе же и далѣе ихъ простираются въ теченіи къ горнему. И совершенно согласно съ многообразнымъ различіемъ произволеній прие-млетъ Богъ cadaго въ собственномъ его чинѣ, всѣмъ удѣляя, кто чего достоинъ, награды благами соединяя во едино для высшихъ, и соразмѣряя для нисшихъ. И по нашему разумѣнію сіе самое любомудренно излагаетъ Слово въ предложенныхъ изреченіяхъ, раздѣльно представляя намъ въ сказанномъ различіе душъ, взирающихъ на Жениха. Ибо однѣ называютъ *юнотами*, а именно тѣ, которыя множествомъ превзошли возможность выразить ихъ числомъ; объ иныхъ говоритъ, что онѣ *наложницы*, а объ иныхъ, что онѣ *царицы*. Число наложницъ опредѣливъ осмидесятью, и сказавъ, что число царицъ простирается до шестидесяти, выше всѣхъ ставить въ одиночествѣ усматриваемую совершенную голубицу, о которой выражается, что она *едина есть матери своей, избрана есть родившей ю*. Итакъ божественными сими изреченіями приводимся къ той мысли, что одни, едва освободившіеся изъ какой-то во глубинѣ сокрытой утробы прелести, будучи еще новорожденными и неспособными членораздѣльно произнести слово, не по разуму соглашаясь на принятіе вѣры, усматриваются

въ безчисленномъ множествѣ. Они увѣровали, что слово таинства спасительно, содержа въ себѣ истину, неутвержденную на какомъ либо знаніи и на несомнѣнности, почерпнутой въ Писаніи. Это—такъ названныя *юноты*, потому что проходятъ юный духовный возрастъ; рожденные словомъ вѣры, еще не сдѣлались онѣ по надлежащему возрастанію такими, чтобы придти въ зрѣлость для брака, достигнуть въ мужа совершенна, въ мѣру брачнаго возраста, и быть въ состояніи зачать во чревѣ страхъ Господень и породить духъ спасенія, напротивъ того по младенчеству и несовершенству еще разумѣнія живутъ какъ бы съ неразумнымъ расположеніемъ. Впрочемъ и онѣ въ числѣ спасаемыхъ, какъ говоритъ Пророкъ: *человѣки и скоты спасени Господи* (Пса. 35, 7.), скотами называя неразумную часть спасаемыхъ.

А въ тѣхъ, которые при надлежащемъ попеченіи возрасли разумѣніемъ, и оставили уже дѣтство, по указанію слова узнаемъ двойное различіе. Ибо сотѣлесниками Слову бываютъ тѣ и другія души; но однѣ прилѣпляются съ какимъ-то расположеніемъ пламенной любви, каковы были душа Давидова и душа Павлова, изъ которыхъ одна говоритъ: *лишь же прилѣплятися Божови благо есть* (Пса. 72, 28.), а другая: никто неразлучить насъ отъ любви Христовой, *ни животъ, ни смерть, ни настоя-*

щая, ни ирлдущая, ни что другое изъ существующаго (Рим. 8, 35. 38. 39.). Другія же души по страху наказанія избѣгаютъ прелюбодѣйныхъ искушеній. Ибо и онѣ пребываютъ въ нерастлѣннѣ и святынѣ, но наставляемыя болѣе страхомъ, нежели одною любовію, не допускаютъ до себя худаго. Посему тѣ, которыя при болѣе совершенномъ расположеніи, любовію къ нерастлѣнію вошли въ единеніе съ Божіею чистотою, по общенію въ царствѣ именуются *царицами*; а тѣхъ, которыя по страху угрозы трудятся въ добродѣтели, слово называетъ *наложницами*. Ибо ни одна изъ нихъ не въ состояніи сдѣлаться матерью царя и сообщницею въ санѣ. Ибо какъ бымо бы сіе возможно душѣ, которая не восприняла еще въ себя неподчиненности и самовластія доблестнаго образа мыслей, но рабскимъ страхомъ удерживается отъ общенія съ зломъ? А примѣромъ сказаннаго о царицахъ служить подобіе ихъ сподобившимся стоянія одесную, которымъ царь говоритъ: *приидите благословеннѣи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѣ. 25, 34.). Ко второму и нисшему чину принадлежатъ тѣ, которымъ Господь говоритъ: *убойтеся илущаго власть по убіеніи воевещи въ дѣбрь огненную* (Лук. 12, 5.). Такое различіе двухъ чиновъ, кажется мнѣ, загадочно даетъ видѣть и разность въ числахъ. Почему говорю это? Шесть заповѣ-

дей, за исполненіе которыхъ царствіе Божіе уготовляется деснымъ. Представимъ себѣ, что каждая изъ нихъ есть владычній талантъ, который доброму и вѣрному рабу надлежитъ удесятѣрить въ дѣланіи, чтобы такимъ образомъ, въ маломъ оказавшись вѣрнымъ, и будучи поставленнымъ надъ многими, войти въ радость Господа своего. Итакъ, если за сіи шесть заповѣдей бываетъ въ душѣ общеніе царства; совершенство же дѣланія каждой изъ заповѣдей состоитъ въ томъ, чтобы удесятѣрить ее, какъ сказалъ добрый оный рабъ: одинъ твой талантъ пріобрѣлъ десять талантовъ; то въ слѣдствіе сего находимъ, что до шестидесяти возрастаетъ одна царица, за десятикратно взятое исполненіе шести заповѣдей пріемлемая въ общеніе царства, такъ что одна, раздѣленная, по многообразному отличительному свойству заповѣдей, на части, и въ каждомъ преспѣяніи получившая свой особенный образъ, обращается во многія. Посему такъ на шестьдесятъ царицъ дѣлится одна, будучи раздѣляема по родамъ заповѣдей, и участницею царства Христова дѣлается невѣста, одна обратившаяся въ цѣлое племя царицъ, исчисленная по столь многимъ достоинствамъ относительно къ заповѣдямъ,

Если же не безъ основанія принята нами эта мысль, что шесть заповѣдей, до десятикратности воздѣланныя въ одной душѣ, зага-

дочно означаются шестидесятью царицами; то въ слѣдствіе сего скажемъ, что въ подобномъ загадочномъ смыслѣ осьмидесятью изображается тайна о *осьмилѣ* (Пса. 6, 11.), взирающая на которую, руководимые страхомъ удерживаются отъ общенія съ зломъ. Ибо такъ дознали мы въ псаломѣхъ, въ надписаніи которыхъ стоитъ слово: *осьмая*, гдѣ ясно слышны вопли наказуемыхъ, по страху ожидаемаго преклоняющіе слухъ Судіи на милость. Ибо обращающій взоръ къ *осьмилѣ* говоритъ страшному Судіи: *Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеша мене. Помилуй мя Господи, яко немогущъ есмь: исцѣли мя Господи, яко смятошася кости моя* (Пса. 6, 2. 3.),—и что въ слѣдъ за симъ продолжается въ прошеніи неподкупному Судіи, гдѣ молящійся сѣтуетъ, что въ смерти нѣтъ памятованія о Богѣ (6.). Ибо осужденнымъ на плачь и скрежетъ зубовъ возможно ли находить веселіе въ памятованіи о Богѣ? Между тѣмъ такъ говоритъ Пророкъ въ другомъ мѣстѣ: памятованіе о Богѣ производитъ веселіе (Пса. 76, 4.). Сіе-то и иное нѣчто подобное сему взывая Богу, убоявшійся осьмой приходитъ въ ощущение пріобщенія милости, говоря: *яко услыша гласъ плача моего* (Пса. 6, 9.). А какъ въ священномъ Писаніи много показано блаженныхъ страховъ; то, сходно съ сказаннымъ

о шести заповѣдяхъ, возможно будетъ и ихъ десятикратное приумноженіе, такъ что наученный псалмопѣніемъ, какъ преуспѣваетъ страхъ Господень, если уклониться *отъ зла* и сотворить *благо* (Иса. 33, 15.), какъ нѣкій мнась, или талантъ, удесятеритъ дѣланіемъ достоиніе страха Божія. И такимъ образомъ второе послѣ царицы мѣсто занимающая душа, которая дѣлаетъ добро по страху, а не по любви, возводится до числа осьмидесяти; каждый родъ преслѣяній, совершаемыхъ по страху, показываетъ она въ жизни своей неслитно и не скрытно; такъ что понятіе и о сей осмой расширяется возрастаніемъ до десятикратности, и душа, приступающая къ добру по рабскому страху, а не по невѣстиной любви, дѣлается вмѣсто царицы наложницею, страхомъ *ослыня*, до десятикратности увеличеннымъ преслѣянiями, пришедши въ число: *осьмидесяти*. Ей, послужившей на время (Ф) незаконному и неблагогородному рожденію, по сказанію исторіи, повелѣвается не до конца жить вмѣстѣ съ царицею, такъ какъ рабскому роду нѣтъ царскаго наслѣдія наравнѣ съ свободно рожденнымъ. Сказано: *изжени рабу, и сына ея: не имать бо наслѣдовати сынъ рабыни съ сыномъ свободныя* (Гал. 4, 30.). Если же кому взглядъ

(Ф) По рукописи читается: *πρὸς κείραν*.

сей на представляемое въ разсматриваемыхъ изреченіяхъ число кажется принужденнымъ, то пусть вспомнить, что въ началѣ засвидѣтельствовали мы о невозможности достигнуть въ этомъ истины, и о намѣреніи коснуться сего съ такою только цѣлю, чтобы иносказанія сіи небыли вовсе оставлены безъ приложенія къ нимъ нашего труда.

Впрочемъ, если по написанному: *совершенно любви вонз изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. 4. 18.); то пусть и страхъ претворившись сдѣлается любовію. Спасаемое оказывается тогда единицею по взаимномъ между собою соединеніи всѣхъ въ сродствѣ съ единымъ благомъ, въ слѣдствіе совершенства, какое есть въ голубицѣ. Ибо подобное нѣчто разумѣемъ въ слѣдующемъ словѣ, которое говоритъ: *едина есть голубица Моя, совершенная Моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю.* А это яснѣе истолковано въ евангеліи Господнимъ словомъ. Ибо, благословеніемъ вложивъ въ учениковъ Своихъ всякую силу, и иныя блага даруетъ святымъ произнесеніемъ словъ ко Отцу, присовокупляетъ же, какъ главизну благъ, — то, чтобы они, и при какомъ либо различіи произволеній, не дѣлились болѣе въ сужденіи о добромъ, но всѣ пребывали едино, соединенные единымъ и единственнымъ благомъ, такъ чтобы при единствѣ Святаго Духа,

какъ говоритъ Апостолъ, связуемые союзомъ мира, всѣ содѣлывались единымъ тѣломъ и единымъ духомъ, *въ единомъ упованіи, якоже званіи* (Ефес. 4, 3. 4.). Но лучше буквально предложить божественныя изреченія евангелія. *Да вси едино будутъ: яко же Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи едино будутъ* (Іоан. 17, 21.). А связующимъ въ единеніе сіе есть слава. И что славою называется Духъ Святой, сему не будетъ противорѣчить никто изъ людей разборчивыхъ, обративъ вниманіе на собственныя слова Господа. Ибо говоритъ: *славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ илѣ* (22.); потому что дѣйствительно далъ ученикамъ такую славу Сказавшій имъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 22.). Пріялъ же сію славу, которую всегда имѣлъ, *прежде міръ небысть* (Іоан. 17, 5.), облекшійся въ естество человѣческое, по прославленіи котораго Духомъ совершается всему сродственному раздаяніе славы Духа, начавшись съ учениковъ. Посему говоритъ Господь: *славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ илѣ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмы. Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ: да будутъ совершени во едино* (22. 23.). Посему, кто возрастаніемъ изъ младенца пришелъ въ мужа совершенна, и достигъ въ мѣру умственного возраста, изъ рабы и наложницы пріялъ на себя санъ царицы, по безстрастію и чистотѣ содѣлался достойнымъ причастію славы Духа, тотъ есть

совершенная голубица, на которую взираетъ Женихъ, говоря: *едина есть голубица Моя, совершенная Моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю.* Конечно же, узнавая дерево по плоду, не незнаемъ и мать голубицы. Какъ, увидѣвъ челоуѣка, не сомнѣваемся, что онъ отъ челоуѣка: такъ, и отъискивая мать избранной голубицы, уразумѣли мы не иную какую, какъ оную Голубицу. Ибо въ чадѣ безъ сомнѣнiя усматривается естество родившаго. Итакъ, поелику *рожденное отъ духа, духъ есть* (Іоан. 3, 7.), а чадо есть голубица; то конечно и мать чада — также голубица, слетѣвшая съ небесъ на Іордапѣ, какъ говорить и свидѣтельствуеть Іоаннъ. Ее ублажаютъ *юноты*, ее восхваляютъ *наложницы* и *царицы*; потому что всѣмъ душамъ всякаго чина предлежитъ общій путь къ таковому блаженству. Посему говорятъ: *видѣша ю дщери, и ублажиша ю, наложницы и царицы восхваляша.* А всякому естеству свойственно простираться пожеланiемъ къ блаженному и похвальному. Поэтому если дщери ублажаютъ голубицу; то, конечно, и сами вождѣлѣваютъ стать голубицами. И то, что восхваляется голубица наложницами, служить знакомъ, что и онѣ имѣютъ раченiе о восхваляемомъ, пока (такъ какъ всѣ содѣляются едино, будутъ имѣть въ виду одну и ту же цѣль пожеланiя, ни въ комъ не останется

никакого порока) nebudeтъ Богъ всяческая
во всѣхъ, взаимнымъ между собою едине-
ніемъ срастворенныхъ въ общеніи блага, о
Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава,
и держава, во вѣки вѣковъ! Аминь.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(часть III.)

страниц.

Точное изъясненіе Пѣсни пѣсней Соломона. . . . 1—408

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать:

СТРАН. СТРѢК.

35	4	сп. сподобились по благодати	сподобились испытывать
		испытывать	
—	6	— Духа, Котораго	Духа, по благодати Котораго
43	11	— Хотя когда кто	Хотя кто
62	2	св. <i>народъ</i>	<i>нардъ.</i>
68	5	— не безвѣстно	не безизвѣстно
92	8	сп. у него	у нея
96	6	— притокомъ	притокамъ
160	11	св. съ этого	съ этою
175	7	сп. и въ признаи	въ признаи
184	11	св. чуждое	чужное
197	13	— которую	которую
198	9	— румянцъ	румянцемъ
206	2	— ишность не только	не ишность только
216	13	— наслажденіемъ	наслажденіе
257	7	— поному что	потому что
268	4	сп. въ Божественное;	въ Божественномъ;
294	11	св. благопріятный—съ цѣлю	благопріятный, согласный съ цѣлю
321	9	— <i>твоя.</i>	<i>твоя,</i>
334	3	— къ совершенству души , дѣмъ	къ совершенству, души дѣмъ
387	8	св. <i>Твоею</i>	<i>Твоею</i>
398	14	— какъ бы вырванъ	какъ бы

1 0 ЯНВ 1925

452 19